

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

В ЧЕСТЬ А.А. ЗАВОЙКИНА

1 (63)

Январь – Февраль – Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2019

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),
член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),
д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2019
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2019
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

IN HONOR OF ALEKSEY ZAVOYKIN

1 (63)

January – February – March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2019

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Алексею Андреевичу Завойкину – 60 лет

15 января 2019 г. исполнилось 60 лет нашему коллеге, известному российскому антиковеду и замечательному археологу –Алексею Андреевичу Завойкину.

Он родился в г. Москве в семье служащих. Отец – Андрей Васильевич, участник Великой Отечественной войны, работал заместителем начальника отдела автоматизации Государственного проектного института легкой промышленности. Мать, Вера Дмитриевна, работала воспитателем детского сада.

Интерес к археологии и древней истории проявился у Алексея еще в школьные годы, когда он на протяжении нескольких лет (с 1970 г.) занимался в кружке античной археологии при Городском Дворце пионеров и школьников, которым тогда руководил сотрудник сектора античной археологии ИА АН СССР Б.Г. Петерс. С этим кружком и его руководителем связан и первый опыт участия в архео-

логических экспедициях (1975–1976 гг., Феодосия). Чувство благодарности и уважения к своему первому учителю и наставнику на поприще археологии Алексей Андреевич сохранил на долгие годы, вплоть до смерти Б.Г. Петерса в 2016 г.

В 1976–1979 гг. Алексей Андреевич проходил воинскую службу в Группе Советских войск в Германии, о чем всегда вспоминает с гордостью настоящего мужчины. Затем он поступает на вечернее отделение Исторического факультета МГУ, одновременно работая лаборантом на Физическом факультете МГУ, а летний отпуск проводит в Михайловской археологической экспедиции, причем уже скоро в должности начальника раскопа. Истфак МГУ Алексей Андреевич закончил с отличием в 1985 г., но еще осенью 1984 г. поступил на работу в Институт Археологии РАН СССР. Для начала рабочим хозяйственной части. Это была его первая ступень, первая должность на пути долгой и достойной карьеры учёного академического института. Потом, до конца 1990 г. он работал старшим лаборантом отдела охранных раскопок. Уже тогда, благодаря своей эрудиции, неподдельному интересу и выраженному чувству ответственности, обратил на себя внимание своих старших коллег, прежде всего, заведующего отделом античной археологии Г.А. Кошеленко, сумевшего разглядеть в нём будущего учёного. Именно по его протекции Алексей Андреевич был переведён на должность младшего научного сотрудника отдела, с которым впоследствии оказалась связанной вся его научная жизнь, вплоть до должности ведущего научного сотрудника. Итогом первого значительного этапа научной жизни стала защита в 1994 г. кандидатской диссертации на тему: «Керамическая тара из Фанагории VI–III вв. до н. э.» (науч. рук. Г.А. Кошеленко).

Для кого-то кандидатская диссертация становится максимальным достижением на научном поприще. Но только не для А.А. Завойкина. В последующие годы одна за другой в разных изданиях выходят его статьи, посвящённые проблемам истории и археологии Боспорского государства в эпоху Спартокидов. Всякий раз автор находит какие-то новые аспекты, казалось бы, в уже известных и разработанных темах. И каждый раз заставляет читателя задуматься, увлекая полётом мысли и убеждая логически выстроенной аргументацией. Именно эта глубина исследования, спокойный и уверенный тон изложения, обострённое чувство такта и научной этики снискали работам и выступлениям Алексея Андреевича заслуженный интерес и уважение у всех без исключения коллег по «антиковедческому цеху». Порядочность, интеллигентность, уважение к оппонентам, наряду с глубокой эрудицией и любовью к античности – вот то, что отличает Алексея Андреевича, что все мы – его друзья и коллеги – очень ценим и за что ему благодарны.

Очевидно, что всякий долгий, напряжённый и целеустремлённый труд должен иметь достойные результаты. Одним из них стала докторская диссертация «Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы», блестяще защищённая в 2009 г. Не будет преувеличением сказать, что без этой работы еще очень долгие годы нельзя будет полноценно изучать историю и археологию Боспора VI–III вв. до н.э.

Наш юбиляр – прекрасный полевой археолог. За его плечами в общей сложности 43 сезона работ в различных экспедициях Института археологии РАН. В Феодосийской, Михайловской и Херсонесской (И.Т. Кругликова) экспедициях он – уже начальник раскопа. В 1984–1991 гг. Алексей Андреевич возглавлял Ильичевский (с 1998 г. – Приазовский) отряд Таманской экспедиции (раскопки Ильичевского

городища и святилища «Береговой-4»). Однако главным памятником, которому он посвятил всего себя и который в полной мере раскрыл его раскопочный талант, стали работы в Фанагории. Впервые он оказался здесь в 1984 г. и проработал до 1991 г. в качестве начальника отряда, зам. начальника и начальника экспедиции. Новым и, пожалуй, самым значимым во всех отношениях научным, да и жизненным этапом нашего юбиляра стало его возвращение в Фанагорию в 2005 г. С этого момента и по настоящее время он активно работает в должности зам. начальника экспедиции, полностью отдает себя научной работе на огромном для крупного античного памятника раскопе – «Верхний город». Можно без преувеличения сказать, что без скрупулезности и тщательности в работе, глубокой любви к своей профессии, преданности Алексея Андреевича Фанагории, экспедиция, в том виде, в котором она существует, была бы просто невозможна.

Круг основных научных интересов Алексея Андреевича, как известно, обширен и лежит в области археологии и истории Боспора и Фанагории классического периода. Это и керамическая тара, и религиозно-культовые сюжеты, и общеисторические реконструкции. Он автор более 160 печатных работ, в том числе двух монографий: «Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»)» (2004 г.) и «Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов» (2013 г.). Алексей Андреевич один из основных авторов таких крупных академических изданий, как «Античное наследие Кубани» (2010 г.), «История Крыма» (2018 г.); многотомника «Фанагория. Результаты археологических исследований» (с 2013 г.). Он один из организаторов и бессменный редактор ежегодного сборника Отдела классической археологии «Древности Боспора» (с 1998 г.), член редколлегии ещё ряда изданий (КСИА ИА РАН, ПИФК), непременный участник всех основных научных конференций отечественных антиковедов. Кроме того, Алексей Андреевич член Учёного и Диссертационного Советов Института археологии РАН. Что уж говорить о конкретных поручениях Дирекции ИА и общественных нагрузках, чему «виной» редкая ответственность и порядочность нашего дорого друга!

Мы искренне желаем Алексею Андреевичу здоровья, удовольствия не только от работы, но и от жизни, приносить и дальше свой труд на алтарь Российской науки!

Друзья и коллеги,
Отдел классической археологии ИА РАН,
Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 8–24
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 8–24
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-8–24

АМФОРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ – СЕРЕДИНЫ VI в. до н.э. ИЗ РАСКОПОК БЕРЕЗАНИ

Д.Е. Чистов¹, С.Ю. Монахов², Е.В. Кузнецова²

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
d.chistov@gmail.com

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
monachsj@mail.ru; ev_kuznetsova@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается керамическая тара Клазомен, Теоса, Лесбоса, Самоса, Милета, «протофасоса», Хиоса и неустановленных центров конца VII – середины VI в. до н.э. из раскопок Березанского поселения и некрополя. Основу исследования составляют материалы экспедиций Государственного Эрмитажа из раскопок Северо-Западного участка Березанского поселения и его некрополя в 1960-х–1991 гг., а также раскопок последних полутора десятилетий, проводившихся совместно с ИА НАНУ в северо-восточной части острова (участок «О-западный»). Выбранный хронологический промежуток в контексте исторического развития Березанского поселения совпадает с первым строительным периодом, до возникновения архаической уличной сети в 540-х гг.

Все комплексы с амфорами первой половины VI в. до н.э. происходят из погребений некрополя, заполнения полуземлянок, хозяйственных ям или колодцев. Вместе с тем вы-

Данные об авторах: Чистов Дмитрий Ефимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа; Монахов Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; Кузнецова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

деляются т.н. «рубевные» комплексы второй четверти – середины VI в., стратиграфически предшествующие началу массового строительства каменно-сырцовых домов.

Особый интерес представляют несколько комплексов: колодец на квадрате 26 (1963–1964 гг.), яма № 234 (2016 г.), полуземлянка № 73 (2016 г.). Эти объекты дают яркие образцы сочетания тары нескольких производственных центров, позволяя уточнить их хронологию. Дополнить типологические ряды позволяют фрагментированные экземпляры из менее значительных комплексов, а также отдельные сосуды. Большая часть рассматриваемых амфор публиковалась ранее, но присутствуют и неопубликованные экземпляры.

Ключевые слова: Березанское поселение, амфоры, керамические комплексы, эпоха архаики, хронология

В последние десятилетия наметился существенный прогресс в изучении амфор архаического периода¹. Памятники Северного Причерноморья зачастую дают значительное количество фрагментированного материала первой половины VI в.², однако число известных (опубликованных) комплексов этого периода по-прежнему невелико³. Этому имеется очевидное объяснение – ранние культурные слои памятников изучены мало, т.к. в большинстве случаев сильно разрушены. Кроме того, зачастую они перекрыты многометровыми отложениями более поздних периодов. Счастливым исключением в этом отношении является Березань.

Архаические комплексы Березанского поселения (полуземлянки, ямы, склады и т.п.) имеют большой потенциал для уточнения хронологии керамической тары. Этому способствует как доступность для исследования ранних напластований, так и хорошая стратификация памятника. На основании многолетних археологических наблюдений выявлены четкие стратиграфические периоды и фазы, датирующиеся в пределах 25–50 лет⁴. Поэтому распределение находок в пределах этих фаз дает возможность проследить эволюцию определенных типов и серий сосудов во времени⁵.

Интересующее нас время в контексте исторического развития Березанского поселения совпадает с первым строительным периодом, который охватывает промежуток с конца VII по начало второй половины VI в.⁶ Культурные напластования этого времени практически не выделяются, а обнаруженные сооружения относятся к категории полуземлянок, котлованов или ям-хранилищ. За все время раскопок памятника было открыто около 240 землянок и сотни хозяйственных ям указанного периода⁷. Начало второго строительного периода и его первой фазы II-A, на протяжении которой возникает уличная сеть архаического урбанизированного Березанского поселения, относят примерно к 540-м гг.⁸

В результате исследований Березани накоплено значительное количество амфорного материала конца VII – первой половины VI в., однако его комплексное изучение сильно осложняется тем обстоятельством, что он происходит из раскопок

¹ Birzescu 2012; Sezgin 2012.

² Все даты здесь и далее даны до н.э.

³ Монахов 1999, 30, 31; Monachov, Kusnetsova 2017, 63–65.

⁴ Ильина, Чистов 2012, 20 сл.

⁵ Chistov 2018, 85, 86.

⁶ Чистов 2017, 127.

⁷ Чистов 2017, 127.

⁸ Чистов 2012, 41, 61, 120.

разных научных коллективов, проводившихся в разное время и по значительно отличавшейся методике, и находится в разных музеях Украины и России. В настоящей работе мы опираемся на коллекцию Государственного Эрмитажа, включающую находки из раскопок Северо-Западного участка Березанского поселения и его некрополя, проводившихся экспедицией музея в 1960-х – 1991 гг., а также на результаты исследований эрмитажной экспедиции последних полутора десятилетий, которые велись в рамках научного сотрудничества с ИА НАНУ в северо-восточной части острова (участок «О-западный»). Последний является продолжением участка «О» В.В. Лапина 1960–1970-х гг.; амфорной коллекции из его раскопок посвящена специальная статья А.В. Буйских⁹.

Часть амфор I-го строительного периода, находящихся в собрании Эрмитажа, была опубликована ранее П. Дюпоном без детального анализа¹⁰, кроме того, ряд амфор и комплексов издан в I-м и II-м томах «Материалов Березанской экспедиции Эрмитажа», суммирующих результаты исследований за 2003–2009 гг.

Ранние комплексы Березанского поселения обладают определенной спецификой, на которой следует коротко остановиться. Для этого времени на Березани неизвестны крупные амфорные склады, содержащие большое количество сосудов; все комплексы с амфорами представляют собой погребения некрополя, заполнение полуземлянок, хозяйственных ям или колодцев. В таких контекстах целые сосуды или их части чаще всего встречаются в единичном экземпляре, но есть и комплексы, дающие сочетания нескольких амфорных типов: на некоторых из них мы подробнее остановимся ниже. Взаимная хронология ранних комплексов в рамках конца VII – середины VI в. не во всех случаях может быть достоверно установлена, поскольку культурный слой этого времени очень слабо выражен: полуземлянки и связанные с ними хозяйственные ямы нередко врезаются в грунт непосредственно с уровня погребенной почвы. Вместе с тем выделяются т.н. «рубежные» комплексы второй четверти – середины VI в., стратиграфически предшествующие началу массового строительства каменно-сырцовых домов. Можно заметить, что значительная часть целых амфор происходит именно из них или из полуземлянок и ям, датировка которых в целом близка ко второй четверти VI в. Это наблюдение, по-видимому, отражает общую картину роста хозяйственной активности на территории поселения на протяжении первой половины столетия.

Ниже приводится описание нескольких серий сосудов, полученных в ходе раскопок разных лет, найденных в жилых и погребальных комплексах первого периода существования Борисфена.

Самый ранний образец *клазоменских* амфор (рис. 1, 1) происходит из комплекса колодца на квадрате 26 участка «Г», исследованного К.С. Горбуновой в 1963–1964 гг. Наиболее близкими по морфологическим и метрическим параметрам являются две амфоры первой трети VI в. из раскопок некрополя Вульчи¹¹. Первой четвертью столетия датируются схожие сосуды из некрополя Клазомен¹².

⁹ Буйских 2013.

¹⁰ Dupont 2005.

¹¹ Rizzo 1990, 104, 105, fig. 197, 198, 357.

¹² Sezgin 2012b6 62, Kla5.03, 5.07.

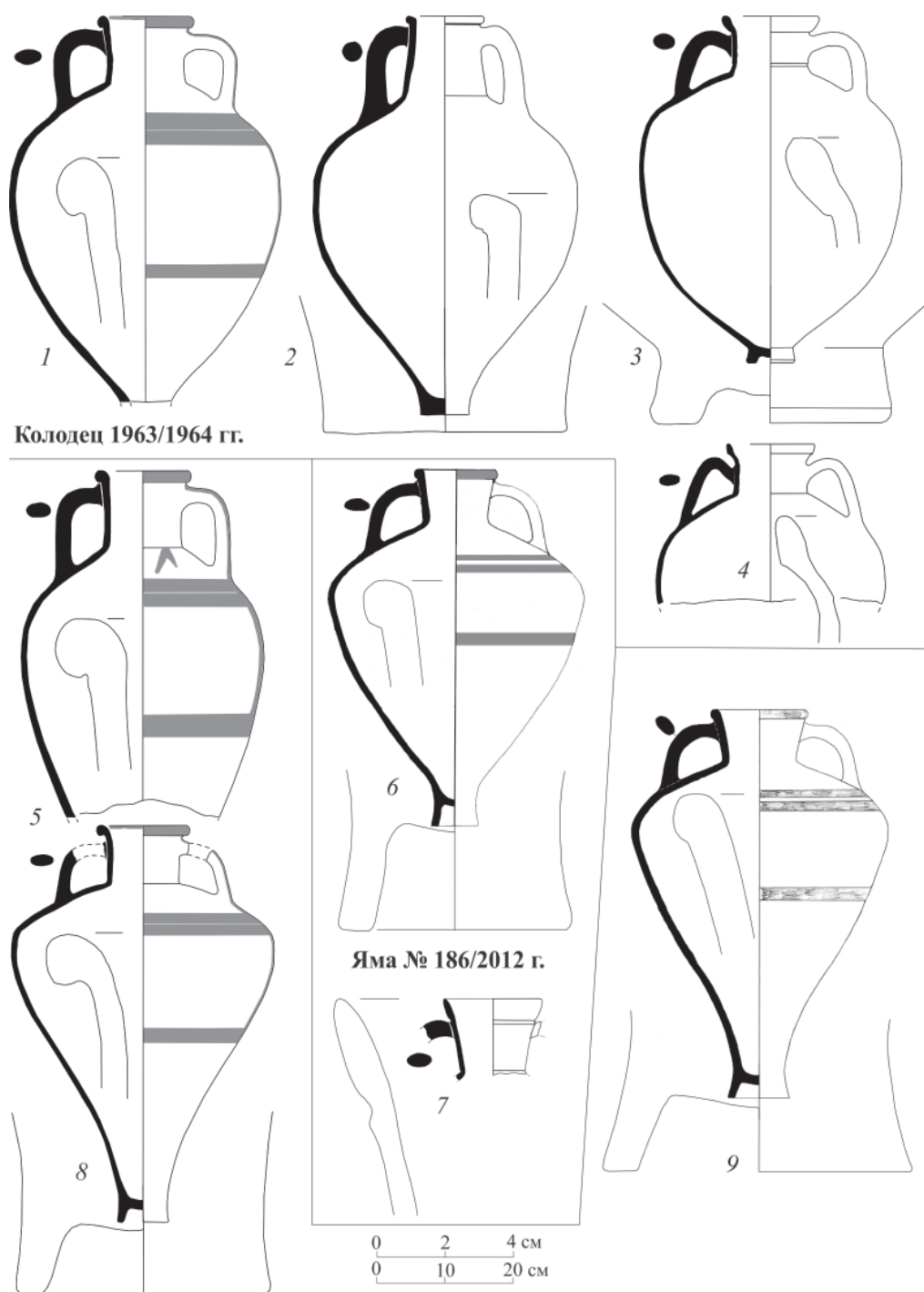

Рис. 1. Амфоры разных центров производства с Березани: 1 (Б.64-125), 5 (Б.73-351), 6 (БЭ 2012 47/241) – Клазомены; 2 (Б.63-298) – Лесбос СГ; 3 (Б.63-290), 4 (Б.63-385) – Самос; 7 (БЭ 2012 47/242) – Милет; 8 (Б.85-341), 9 (БЭ 2013 58/433) – Теос

В колодце были также обнаружены амфоры Лесбоса, Самоса (рис. 1, 2–4) и разнообразная расписная керамика¹³.

Еще одна фрагментированная клазоменская амфора в нашей выборке (рис. 1, 5) происходит из ямы № 5/1973 г. Нижнюю дату комплекса (рубеж VII–VI вв.) дает фрагмент коринфского амфориска¹⁴. Верхняя же граница (545–540-е гг.) определяется фрагментированным мелкофигурным аттическим киликом с изображением петуха и курицы¹⁵. Найденную в этом контексте клазоменскую амфору мы склонны датировать серединой – началом третьей четверти VI в.

Второй четвертью – серединой VI в. можно датировать клазоменский сосуд из ямы № 186, найденный вместе с горлом милетской амфоры (рис. 1, 6, 7)¹⁶. Очертания тулова и пропорции горла этой амфоры одновременно близки к некоторым вариантам 5-го типа керамической тары Клазомен¹⁷ и к амфорам с «луковицеобразным» туловом, в настоящее время предположительно относимым к продукции соседнего Теоса (см. ниже). Вопрос о месте изготовления амфоры из ямы № 186 пока остается открытым¹⁸.

В составе находок амфорной тары Клазомен на Березани нередко встречаются амфоры «*варианта 1*», известному по находке в могильнике Лебеде V¹⁹. Эти сосуды имеют короткое горло и своеобразную «луковицеобразную» («*bulbous body*» в англоязычной литературе) форму тулова – резкий переход от короткого горла к плечикам, широкая средняя часть и вытянутые пропорции в нижней части, ближе к ножке. Очевидна их морфологическая близость и к другой серии тары, отнесенной С.Ю. Монаховым к «*кругу Клазомен*» конца VII – первой половины VI в.²⁰ Такие сосуды атрибутируются исследователями по-разному: Ю. Бырзеску связывает их с типом 4 клазоменских амфор первой половины VI в.²¹, а Ю. Сезгин в недавней работе отнес их к производству Теоса²².

К продукции Теоса можно отнести амфору (рис. 1, 8) из землянки № 39/1985 г., заполнение которой датируется первой – началом второй четверти VI в.²³ Такая же амфора из землянки № 63/2013 г. относится к первой половине VI в. (рис. 1, 9)²⁴. В пределах второй четверти VI в. датируется заполнение ямы № 162/2010 г.²⁵, из которой происходит близкая по форме фрагментированная теосская амфора (рис. 2, 1). Меньшими пропорциями отличается сосуд из ямы 234/2016 г. середины VI в. (рис. 2, 3), в которой также присутствовали горло клазоменской амфоры, целая и фрагментированная «протофасосские» амфоры, тулово хиосской амфоры

¹³ Дата закрытия колодца определена в пределах середины – самого начала третьей четверти VI в. Подробный анализ комплекса см.: Monakhov et al. 2018.

¹⁴ Букина 2010, 64, 132, № 202.

¹⁵ Smith 2010, 189, 227, no. 56.

¹⁶ Chistov 2018, 89, fig. 4, 4.

¹⁷ Sezgin 2012, 76, Kla 5.03, 5.05

¹⁸ Следует отметить, что при написании данной работы наши мнения по этому вопросу разошлись.

¹⁹ Монахов 2003, 51, 52, табл. 32, 1.

²⁰ Монахов 2003, 54, 263, табл. 33, 5, 6.

²¹ Birzescu 2012, 98–100.

²² Sezgin 2017.

²³ Dupont 2005, 63, no. 23.

²⁴ Chistov 2018, 88, fig. 2.3.

²⁵ Chistov 2018, 88.

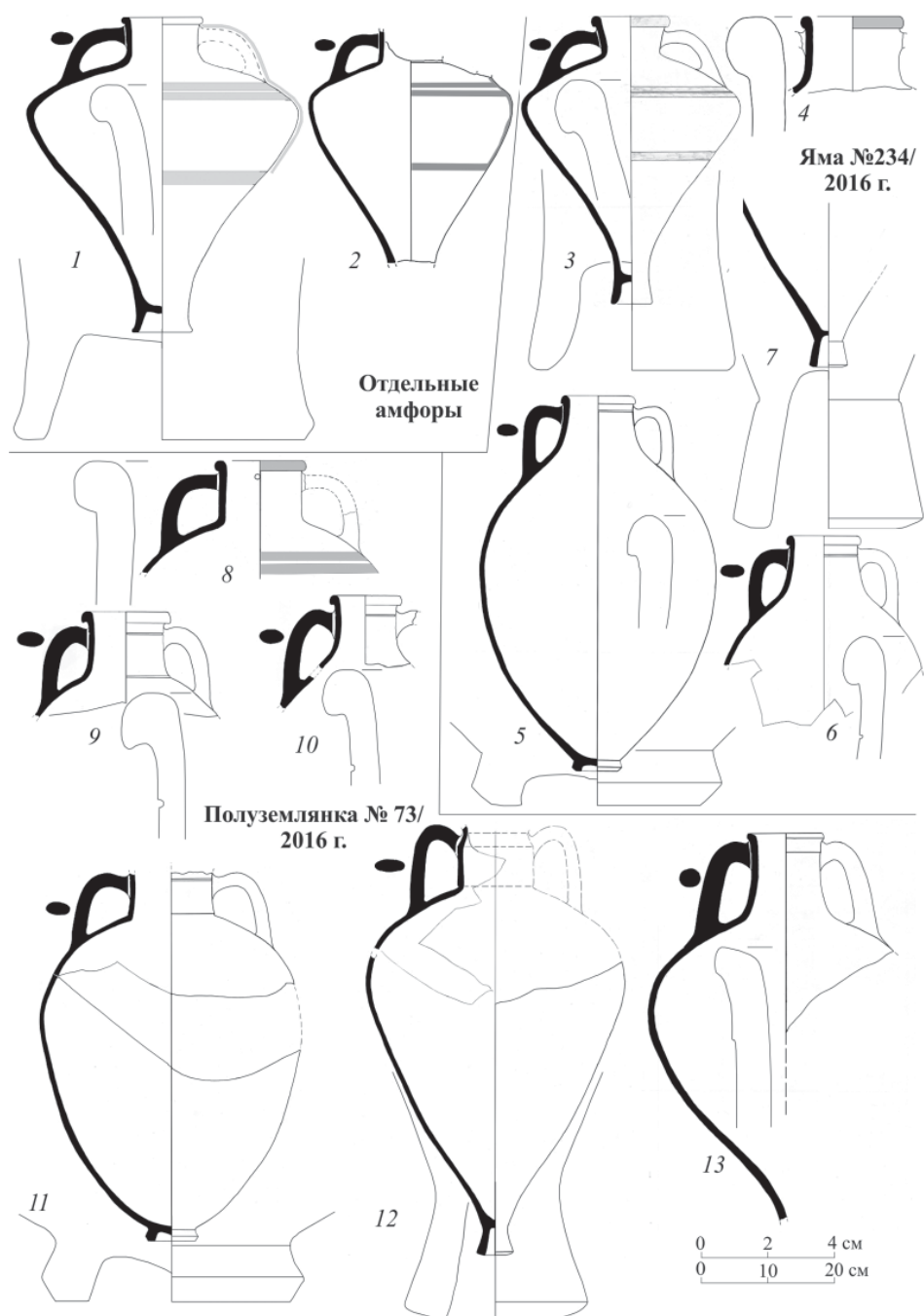

Рис. 2. Амфоры разных центров производства с Березани: 1 (БЭ 2010 50/537), 2 (Б.70-122), 3 (БЭ 2016 12/64) – Теос; 4 (БЭ 2016 12/61), 8 (БЭ 2016 58/329) – Клазомены; 5 (БЭ 2016 12/62), 6 (БЭ 2016 12/66), 9 (БЭ 2016 58/329), 10 (БЭ 2016 58/329), 11 (БЭ 2016 58/329) – «протофасос»; 7 (БЭ 2016 12/65), 12 (БЭ 2016 58/334) – тип «Созополь 477...»; 13 (БЭ 2016 58/326) – Лесбос СГ

«созопольского» варианта, а также нижняя часть сосуда типа «Созополь 477/ Пабуч Бурну / Истрия 1388» (рис. 2, 4–7)²⁶. Наконец, еще один фрагментированный теосский экземпляр (рис. 2, 2) происходит из северной части ямы № 65/65а 1970 г.²⁷, материал из которой датируется первой половиной VI в. Особо следует отметить тот факт, что в комплексах фазы II-A второй половины VI в. крупные фрагменты амфор с «луковицеобразным» туловом на Березани не встречаются, что является существенным аргументом в пользу их теосского происхождения²⁸.

В вышеупомянутой яме № 234 обнаружен один целый и один фрагментированный экземпляры очень ранних «протофасосских» амфор (рис. 2, 5, 6). Их производство связывают с неустановленными центрами Северной Эгеиды²⁹ или Восточной Греции³⁰. Близкие по форме сосуды были найдены в заполнении большой прямоугольной полуземлянки № 73 (рис. 2, 9–11), содержавшем представительный материал второй четверти – середины VI в.: фрагменты тары *Клазомен*, *Лесбоса* и типа «Созополь 477/ Пабуч Бурну / Истрия 1388» (рис. 2, 8, 12, 13)³¹. Среди исследователей нет единого мнения по вопросу датировки таких «протофасосских» амфор, отличающихся массивным валикообразным венцом; невысоким горлом, плавно переходящим в плечи; низкой и широкой ножкой. Сосуды подобной морфологии относят к широкому хронологическому диапазону: от середины – третьей четверти VI в.³² до 480-х гг.³³ Однако материалы березанских комплексов и наблюдения за стратиграфическим распределением находок фрагментов подобных амфор позволяют говорить о том, что недолгий период их изготовления не продолжался много позже середины VI в. – в слоях II строительного периода их фрагменты встречаются редко³⁴. По-видимому, именно с указанного типа начинается импорт тары этого пока не установленного центра в Северное Причерноморье, вскоре приобретающий массовый характер: уже в третьей четверти VI в. на Березани «протофасосские» сосуды составляют около 12,5 % от всего объема амфорного импорта³⁵.

Серия амфор *Лесбоса* представлена в березанских материалах несколькими экземплярами первой половины VI в.³⁶, имеющими практически идентичные морфологические и метрические параметры и отличающиеся лишь цветом глины³⁷. Сосуды имеют небольшой венец с горизонтальной площадкой, скошенной внутрь; расширяющееся книзу горло с четким переходом к плечам и очень широкое тулово (рис. 2, 13, 3, 2–4, 8). Еще два сосуда также можно датировать первой половиной VI в.³⁸, однако они относятся к другому типу амфор: венец валикообразный; горло высокое, цилиндрическое; тулово пифоидное, ножка, сохранившаяся

²⁶ Chistov 2018, 90, fig. 2, 5.

²⁷ Dupont 2005, 48, 63, no. 16.

²⁸ Монахов 2003, 55; Чистов 2018, 24.

²⁹ Dupont 1999, 153; Монахов 2003, 37.

³⁰ Birzesku 2012, 124; Sezgin 2012, 259–271, 325.

³¹ Chistov 2018, 91, fig. 1.3–4.

³² Монахов 2003, 39, табл. 23, 1, 2.

³³ Sezgin 2012, 270–272, 280–281, 3.01–3.05.

³⁴ Chistov 2018, 90.

³⁵ Чистов 2018, 22.

³⁶ Chistov 2018, 90, fig. 4.1–2; Monakhov et al. 2018, 100, fig. 2, 3.

³⁷ Полуземлянка № 73/2016 г., ямы № 254/2017 г., № 61/1989 г., № 151/2010 г., № 65/2004 г.

³⁸ Брашинский 1984, 176, табл. 2, № 3; Dupont 2005, no. 26; Sezgin 2012, GLes4.06.

яся у одной амфоры – широкая, с едва намеченной выемкой (рис. 3, 6, 7). Следует особо подчеркнуть, что эти два сосуда, имеющие очень близкие морфологические и метрические параметры, также отличаются и цветом глины – у целого сосуда она серая, а у фрагментированного – красная. При этом поверхность второго сосуда покрыта плотным черным ангобом – если бы амфора сохранилась целой, ее вполне можно было бы отнести к сероглиняной таре.

Следует сказать несколько слов о находках из ямы № 65/2004 г., давшей очень многочисленный и разнообразный материал, датирующийся в рамках первой половины, преимущественно – первой трети VI в.³⁹ Комплекс представляет особый интерес по нескольким причинам. Во-первых, он демонстрирует сочетание лесбосских амфор с расширяющимся и с цилиндрическим горлом (рис. 3, 8, 9), что еще раз доказывает их синхронность. Во-вторых, в нем присутствует горло *милетской* (?) амфоры⁴⁰ (рис. 3, 10), имеющей массивный отогнутый венеч и невысокое горло с плавным переходом к плечам. Фрагменты милетской тары первой половины столетия постоянно встречаются в материалах I-го периода Березанского поселения, их доля в общем объеме составляет не менее 30%⁴¹. Однако более или менее крупных фрагментов, а тем более целых сосудов первой половины VI столетия известно не так много, что объясняется хрупкостью милетской тары, имеющей, как известно, очень тонкие стенки.

Единственный археологически целый милетский сосуд происходит из погребения № 129/1985 г. Амфора имеет уплощенный отогнутый наружу венеч с вогнутой внутренней поверхностью и уступом под ним, короткое горло, имеющее в нижней части уступ; пифоидное тулово и сложнопрофилированную ножку с широкой трапцевидной выемкой (рис. 3, 11). Глина красная, тонкая, с большим количеством мелких белых включений, в ангобе редкая мелкая слюда. Сосуд неоднократно публиковался с разными датировками⁴². Вместе с ней обнаружены фрагменты ионийских киликов и хиосского кубка. Последний относят к 570–530-м гг.⁴³, что заставляет сомневаться в датировке амфоры первой четвертью VI в., предложенной П. Дюпоном⁴⁴. Аналогичные горла найдены в яме № 186/2012 г. (рис. 1, 7)⁴⁵ и яме № 193/2012 г. Обе ямы датируются второй четвертью – серединой VI в.

Две *самосские* амфоры были найдены в заполнении колодца на квадрате 26 в 1963 г.⁴⁶ У целого сосуда массивный валикообразный венеч отогнут наружу,

³⁹ Чистов 2006, 65–66.

⁴⁰ В первой публикации горло было отнесено к продукции Милета (Чистов 2006, рис. 13, 1). Вместе с тем некоторые морфологические особенности (массивный венеч, расширяющееся в нижней части горло) заставляют сомневаться в такой локализации. Скорее всего, сосуд был изготовлен в каком-то южноионийском центре. Амфоры схожей профилировки найдены в крепости Мигдол, существовавшей на восточной границе Нильской дельты приблизительно с конца VII в. до 525 г. (Oren 1984, 28, 20, fig. 23, 5, 29, fig. 37, 38; Sezgin 2012, 163, 171, Mil.3.01).

⁴¹ Буйских 2013, 97, рис. 9, 10, 1–6; Чистов 2018, 22.

⁴² Dupont 2005, 54, № 49 (вторая половина VI в.); 2007a, 626, 627, taf. 78, 3 (первая четверть VI в.); 2007b, 44, fig. 2b; Борисфен-Березань, 28, № 5; Sezgin 2012b, Mil.4.03.

⁴³ Ильина 2005: 94, № 93.

⁴⁴ Dupont 2007a, 626, 627, taf. 78, 3.

⁴⁵ Chistov 2018, 89.

⁴⁶ Cook, Dupont 1998, fig. 23, 6b; Dupont 1999, pl. 1, 3; Monachov 1999, 172, fig. 16, 2; Моначов 2003, 26, 244, табл. 14, 1; Борисфен-Березань, 27, № 3; Dupont 2005, 54, 66, № 50; Monachov et al. 2018, fig. 2, 1.

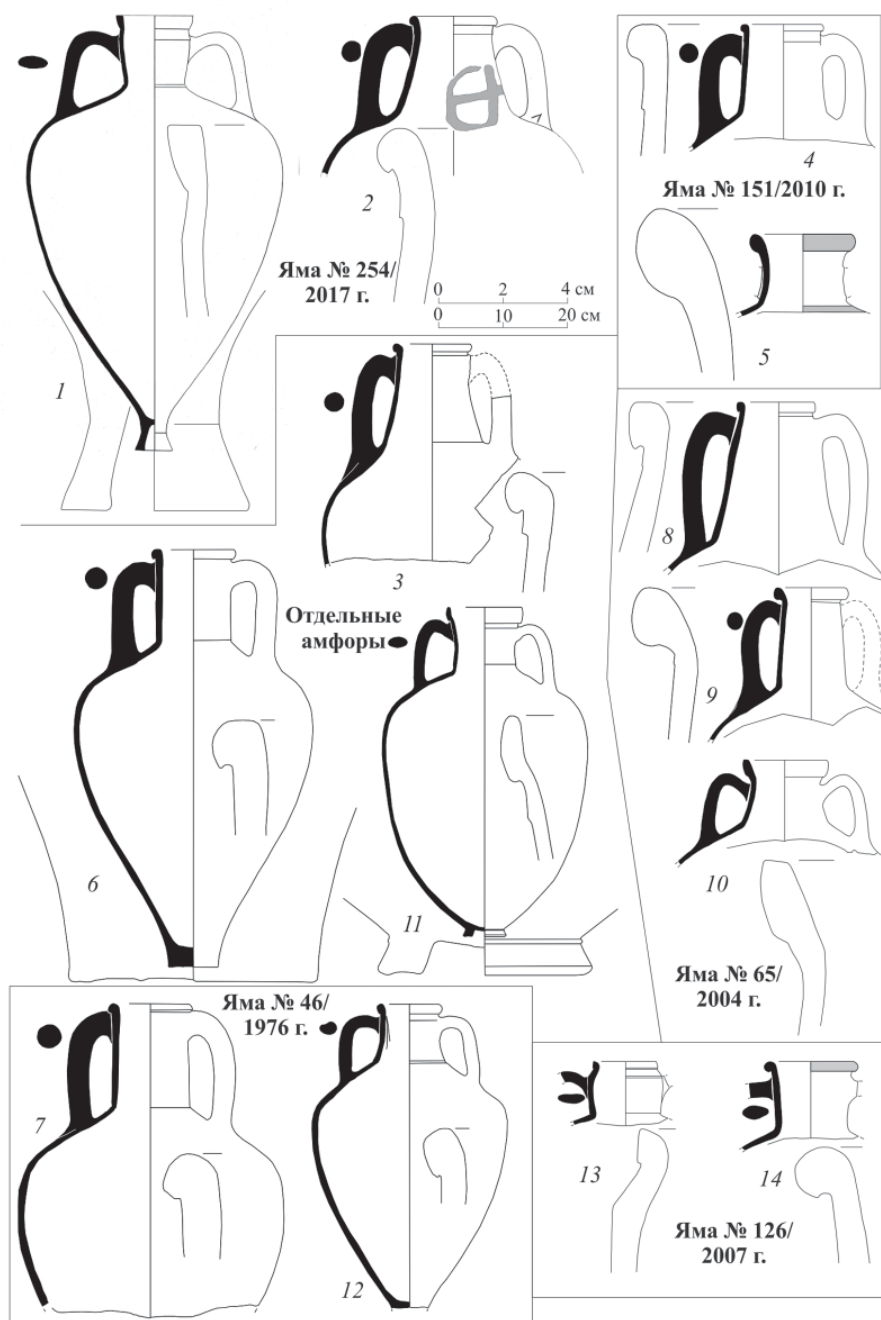

Рис. 3. Амфоры разных центров производства с Березани: 1 (БЭ 2017 47/378), 13 (БЭ 2007 45/577) – тип «Созополь 477...»; 2 (БЭ 2017 47/209), 3 (Б.89-370), 4 (БЭ 2010 37/293), 6 (Б.63-288), 8 (БЭ 2004 26/94), 9 (БЭ 2004 26/93) – Лесбос КГ; 7 (Б.76-423) – Лесбос СГ; 5 (БЭ 2010 37/293), 14 (БЭ 2007 45/557) – Клазомены; 10 (БЭ 2004 26/95), 11 (Б.85-346) – Милет; 12 (Б.76-424) – неустановленный центр производства

горло короткое, в нижней части желобок, тулово шаровидное. Ножка в виде неширокого поддона с трапецевидной выемкой (рис. 1, 3). Глина светло-коричневая, плотная, с большим количеством известняка и ракушки. Подобные амфоры были обнаружены в этрусском некрополе Вульчи, где по сопутствующей расписной керамике они датируются первой четвертью или третьей VI в.⁴⁷ Более вытянутыми пропорциями отличается экземпляр из некрополя Черветери⁴⁸. Близкие морфологические характеристики имеет и сосуд из кургана № 14 у с. Красногоровка⁴⁹. Последний, как правило, датируют концом VII в.⁵⁰, хотя иногда его дата определяется в более широких хронологических рамках конца VII – начала VI в.⁵¹ Таким образом, известные аналогии датируются в пределах конца VII – первой четверти или трети VI в.

Верхняя часть второго сосуда относится к самосскому производству на основании морфологических особенностей (рис. 1, 4), т.к. глина его совершенно непохожа на традиционную – она темно-серая, с зеленым отливом снаружи, внутри темно-коричневая, с включениями извести. Немногочисленные аналогии определяют время его изготовления в пределах первой половины VI в.⁵²

Амфоры *Хиоса* этого периода представлены на памятнике единичными фрагментированными экземплярами, два из которых использовались в качестве оссуариев в детских безинвентарных погребениях № 10/1977 г. и № 20/1984 г. (рис. 4, 2, 3). Тулово еще одной амфоры (рис. 4, 1) происходит из ямы № 234 второй – начала третьей четверти VI в.⁵³ Верхняя часть аналогичного сосуда была обнаружена в засыпи помещения № 1/2003 г.⁵⁴ Горла таких амфор периодически встречаются при исследованиях Березанского поселения (рис. 4, 4, 5). Все экземпляры принадлежат к т.н. «созопольскому» варианту хиосской тары⁵⁵, покрыты белым ангобом и имеют стандартную роспись красной краской: по горлу S-видный знак, горизонтальная полоса в средней части горла, окружность вокруг верхнего прилепа ручек, вертикальная полоса по ручкам и большей части тулова. Судя по иллюстрации в дневнике Г.Л. Скадовского, на березанском некрополе были найдены как минимум шесть подобных сосудов⁵⁶, к сожалению, не сохранившихся. Несмотря на то, что отдельные фрагменты амфор этого варианта встречаются в комплексах фазы II-A, сейчас можно уверенно говорить о том, что их производство прекратилось в середине VI в.⁵⁷

При раскопках березанского некрополя в 1900–1901 гг. Г.Л. Скадовским было открыто несколько (как минимум 10⁵⁸) детских захоронений в хиосских амфорах-пифосах. Два сосуда в настоящее время находятся в коллекции Государственного Эрмитажа (рис. 4, 6, 7). Морфология сосудов практически одинаковая:

⁴⁷ Rizzo 1990, 21, fig. 351–352; Монахов 2003, 26, табл. 14, 2, 3.

⁴⁸ Rizzo 1990, 22, fig. 353; Dupont 1999, 146, pl. 1, 4.

⁴⁹ Монахов 1999, 172, табл. 16-2; Монахов 2003, 26, табл. 14, 4.

⁵⁰ Dupont 1999, 147; Sezgin 2012, 190, Sam1.19.

⁵¹ Монахов 1999, 35–37, табл. 2, 1.

⁵² Sezgin 2012, Sam 2.05, 2.06.

⁵³ Chistov 2018, 90, fig. 4, 3.

⁵⁴ Доманский, Марченко 2006, 36, рис. 10, 1.

⁵⁵ Монахов 2003, 13–15, 232, табл. 2.

⁵⁶ Скадовский 1900–1901, л. 39–40, табл. XXIX.

⁵⁷ Буйских 2013, 94; Chistov 2018, 90.

⁵⁸ Скуднова 1960, 166.

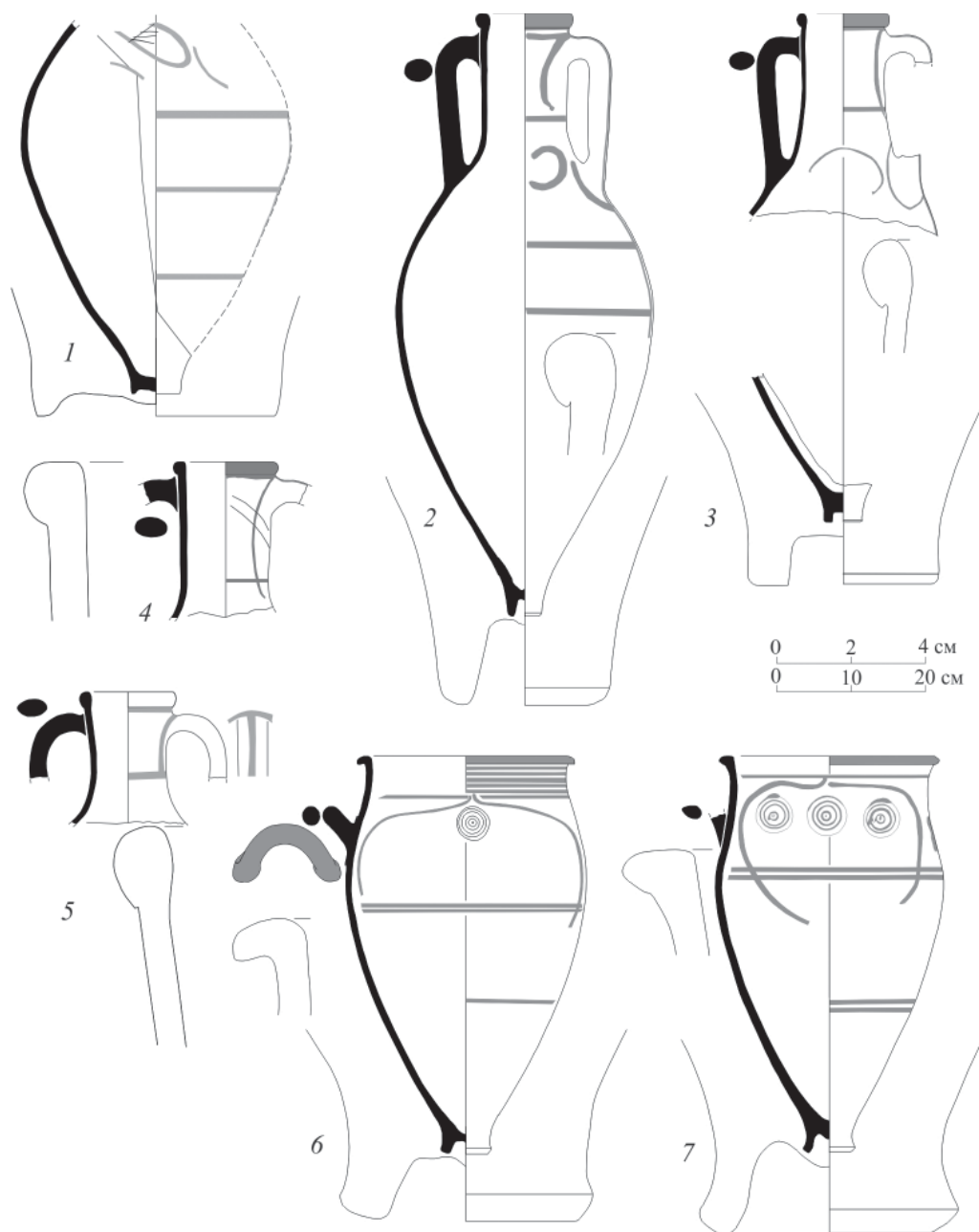

Рис. 4. Амфоры Хиоса: 1 – яма № 234 (БЭ 2016 12/63); 2 – погр. № 10/1977 г. (Б.77-219); 3 – погр. № 20/1984 г. (Б.84-406); 4 – яма № 171/2011 г. (БЭ 2011 25/351); 5 – яма № 128/2008 г. (БЭ 2008 14/133); 6 – погр. № 103 (Б-120); 7 – погр. № 394 (Б-454)

венец клювовидный, сильно отогнут и выделен подрезкой снизу, горло широкое, тулово овоидное. Ножка острореберная, с глубокой грибовидной выемкой, ручки петлевидные горизонтальные. Оба покрыты белым ангобом. Основные отличия – в орнаментации. У пифоса из погребения № 103 под окрашенным венцом шесть полос серо-коричневой краски, по центру пять концентрических кружков, обрамляют их две фигурные полосы той же краски. По центру тулова идут две горизонтальные полосы серо-коричневой краски, в средней части тулова – одна горизонтальная полоса той же краской. У второго пифоса, из погребения № 394, под окрашенным венцом только одна горизонтальная полоса красно-коричневой краски, а на уровне ручек в линию орнамент в виде концентрических кружков, в нижней части тулова две горизонтальные полосы. Д. Бордман относил подобные пифосы к концу VII в.⁵⁹

Отдельные профильные фрагменты аттических амфор типов «SOS» и «a la brosse» встречаются во всех архаических слоях⁶⁰, в основном – первых трех четвертей VI в. (I, II-A). Горло тарной амфоры (рис. 3, 5) «a la brosse» (Агора 1502) относится к типу, появляющемуся во второй трети VI в.⁶¹ В основном эти сосуды датируются уже второй половиной столетия⁶². Хозяйственная яма № 151, в заполнении которой оно было найдено, содержит смешанный материал первых трех четвертей VI в. (рис. 3, 4, 5)⁶³.

Помимо тары прославленных экспортеров, в материалах Березанского поселения имеется ряд амфор, место изготовления которых до настоящего времени не установлено.

В первую очередь речь идет о трех сосудах типа «Созополь 477/ Пабуч Бурну / Истрия 1388»⁶⁴, обнаруженных в узко датированных комплексах Березанского поселения второй четверти – середины VI в. (рис. 2, 7, 12; 3, 1)⁶⁵. Фрагменты подобных амфор постоянно встречаются в ранних материалах Березанского поселения⁶⁶. В яме № 126/2007 г. было обнаружено горло аналогичной морфологии, но с совершенно иным характером глины – пережженной до светлого оттенка, зернистой, с вкраплениями извести. В яме также было горло клазоменской амфоры второй четверти – середины VI в. (рис. 3, 13, 14)⁶⁷.

Еще одна амфора неустановленного центра производства была найдена в яме № 46 вместе с отмеченным выше лесбосским сосудом первой половины VI в. У нее валикообразный венец, выделенный глубокой подрезкой снизу, короткое, слегка расширяющееся книзу горло, овоидное тулово. Ножка отбита и заглажена в древности (рис. 3, 12). Глина светло-красная, тонкая, плотная, с редкими включениями известняка⁶⁸. Аналогии сосуду неизвестны, однако его общая морфология

⁵⁹ Boardman 1967, 137.

⁶⁰ Чистов 2012, 170, табл. 13.

⁶¹ Sparkes, Talcott 1970, 341, No. 1502.

⁶² Bîrzescu, 2012, 182–183, No. 1366, taf. 69, 80.

⁶³ Чистов 2018, 26.

⁶⁴ Bîrzescu 2012, 347, taf. 72, kat. 1388; Greene et al. 2008, 693–694, fig. 8–9; Dupont 2005, 44, 60, 69, no. 83.

⁶⁵ Chistov 2018, 89, 90.

⁶⁶ Ильина, Чистов 2012, табл. 2, 7.11; Буйских 2013, 99, рис. 10, 11–13;

⁶⁷ Ильина, Чистов 2012, 24, табл. 14.1; 3.3.

⁶⁸ Dupont 2005, 60, 69, № 84.

напоминает рассмотренные выше «протофасосские» амфоры (ср.: рис. 2, 5, 6, 9, 10). Не исключено, что экземпляр из ямы № 46/1976 г. также относится к данной серии.

Нельзя не упомянуть о левантийской амфоре типа basket-handle, найденной на некрополе. Она известна нам только по фотографии в дневнике Г.Л. Скадовского⁶⁹. Целый сосуд этого типа пока остается единственной такой находкой на Березани, однако отдельные обломки массивных ручек этих амфор хорошо известны в материалах раскопок поселения⁷⁰. Они встречаются как в комплексах первой половины VI в. (период I)⁷¹, так и третьей четверти того же столетия (фаза II-A).

Таким образом, материалы Березанского поселения и его некрополя позволяют значительно уточнить хронологию тары первой половины VI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Брашинский, И.Б. 1984: *Методы исследования античной торговли*. Л.
- Буйских, А.В. 2013: Амфоры конца VI – первой половины V в. до н.э. из Борисфена. *Археологія і давня історія України* 2 (11), 91–103.
- Буйских, А.В. 2017: Левантийский импорт в Борисфене. *АМА* 18, 193–205.
- Букина, А.Г. 2010: Коринфская художественная керамика. В кн.: *Борисфен–Березань*. II, 7–140.
- Доманский, Я.В., Марченко, К.К. 2006: Отчет о работе Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003 г. *МБ(Н)ААЭ*. I, 33–54.
- Дюпон, П., Назаров, В.В. 2003: Левантские амфоры в Причерноморье. В сб.: Е.А. Молев (ред.), *Из истории античного общества*. Нижний Новгород, 142–148.
- Ильина, Ю.И. 2005: Хиосская керамика из раскопок на острове Березань. В кн.: *Борисфен–Березань*. I, 70–173.
- Ильина, Ю.И., Чистов, Д.Е. 2012: Ранний период (конец VII – первая половина VI вв. до н.э.). Находки. *МБ(Н)ААЭ*. II, 20–40.
- Монахов, С.Ю. 1999: *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э.* Саратов.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. М.–Саратов.
- Скадовский, Г.Л. 1900–1901: Дневник Г.Л. Скадовского. (Научный архив Херсонского краеведческого музея. Ф. 123–2. Д. № 105).
- Скуднова, В.М. 1960: Родосская керамика с о. Березани. *СА* 2, 153–167.
- Чистов, Д.Е. 2006: Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. *МБ(Н)ААЭ*. I, 57–112.
- Чистов, Д.Е. 2012: Комплексы и напластования последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э. *МБ(Н)ААЭ*. II, 41–63.
- Чистов, Д.Е. 2017: Землянки архаической Березани. *Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького)*. Киев, 127–144.
- Чистов, Д.Е. 2018: Импорт товаров в амфорной таре на Березанское поселение в VI–V вв. до н.э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг. *БИ XVIII*, 19–36.
- Bîrzescu, I. 2012: *Die archaischen und frühklassischen transport amphoren*. (Histria. XV). București.

⁶⁹ Скадовский 1900–1901, л. 39–40, табл. XXIX.

⁷⁰ Дюпон, Назаров 2003; Ильина, Чистов 2012, 24, табл. 14, 3; Буйских 2017.

⁷¹ Чистов 2018, рис. 5, 6.

- Boardman, J. 1967: *Excavations in Chios 1952–1955. Greek Emporio*. Oxford.
- Chistov, D.E. 2018: Amphorae assemblages of the second quarter - mid. 6th century BC from the North-Eastern part of the Berezan island site. *Pontica* 51, 85–96.
- Cook, R.M., Dupont, P. 1998: *East Greek Pottery*. London–New York.
- Dupont, P. 1999: La circulation amphorique en mer Noire à l'époque archaïque. Specificités et problèmes. In: Y. Garlan (ed.), *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence, 143–161.
- Dupont, P. 2005: Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage Collection. В кн.: *Борисфен–Березань*. I, 41–70.
- Dupont, P. 2007a: Diffusion des amphores commerciales de type Milesien dans le Pont archaïque. *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion-Symposium*. Mainz–Rhein, 621–630.
- Dupont, P. 2007b: Amphores 'Samiennes' archaïques de Mer Noire (approche archéométrique). In: *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st centuries BC: Proceedings of the International Conference, October 2000, Taman, Russia*. Oxford, 41–50.
- Greene, E.S., Lawall, M.S., Polzer, M.E. Inconspicuous Consumption: The Sixth-Century B.C.E. Shipwreck at Pabuç Burnu, Turkey. *AJA* 112/4, 685–711.
- Monachov, S.J. 1999: Quelques séries d'amphores grecques des VIIe–Ve s. av. n. e. au Nord de la mer Noire. In: *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire*. Aix-en-Provence, 163–194.
- Monachov, S.J., Kusnetsova, E.V. 2017: Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. *The Northern Black Sea in Antiquity* 59–99, 294–298, 318–360.
- Monakhov, S., Kuznetsova, E., Chistov, D. 2018: An Assemblage of the mid-6th century BC well from the Berezan excavations of 1963/1964. *Pontica* 51/V, 97–113.
- Oren, E.D. 1984: Migdol: A New Fortress on the Edge of the Eastern Nile Delta. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 265, 7–44.
- Rizzo, M. 1990: *Complessi tombali dall 'Etruria Meridionale*. Roma.
- Sezgin, Y. 2012: *Arkaik Dönem İonia Üretimi Tigari Amphoralar*. Ege Yayınları.
- Sezgin, Y. 2017: Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler. *Anatolia* 43, 15–39.
- Smith, T. 2010: Notes on Attic Red-Figure Pottery from Berezan. В кн.: *Борисфен–Березань*. II, 171–290.
- Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970: *Black and Plain Pottery of VIth–Vth and IVth Centuries BC*. (The Athenian Agora XII).

REFERENCES

- Bîrzescu, I. 2012: *Die archaischen und frühklassischen transport amphoren*. (Histria. XV). Bucureşti.
- Boardman, J. 1967: *Excavations in Chios 1952–1955. Greek Emporio*. Oxford.
- Braschinskiy, I.B. 1984: *Metody issledovaniya antichnoy trgovli* [Research methods of Ancient Trade]. Leningrad.
- Bukina, A.G. 2010: Korinfskaya khudozhestvennaya keramika [Corinthian art pottery]. *Borisfen–Berezan. Arkheologicheskaya kolleksiya Ermitazha* [Boristhenes – Berezan. The Hermitage archaeological collection]. II. Saint Petersburg, 7–140.
- Buiskykh, A.V. 2013: Амфоры конца VI – первой половины V в. до н.э. из Борисфена [Amphorae of the end of the 7th – early 5th centuries BC from Borysthenes]. *Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrainy* [Archeology and Ancient History of Ukraine] 2 (11), 91–103.
- Buiskykh, A.V. 2017: Levantiyskiy import v Borisfene [Levantine Import in Borysthenes]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 18, 193–205.

- Chistov, D.E. 2006: Raboty na ostrove Berezan' arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2004 g. [Fieldworks of the State Hermitage Archaeological Mission on Berezan Island the in 2004]. In: *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Materials of the Berezan (Lower Bug Region) Archaeological Mission]. I. Saint Petersburg, 57–112.
- Chistov, D.E. 2012: Kompleksy i naplastovaniya posledney chetverti VI – pervoy chetverti V v. do n.e. [Assemblages and layers of the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th century BC]. In: *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Materials of the Berezan (Lower Bug Region) Archaeological Mission]. II. Saint Petersburg, 41–63.
- Chistov, D.E. 2017: Zemlyanki arkhaiskoy Berezani [Dugouts of the archaic Berezan settlement]. In: *Pivnichne Prichernomor'e za antichnoy dobi* [Northern Black Sea Region in Ancient Times]. Kiev, 127–144.
- Chistov, D.E. 2018: Import tovarov v amfornoy tare na Berezanskoe poselenie v VI–V vv. do n.e. (po materialam raskopok uchastka “O-Zapadnyi” v 2004–2016 gg. [Importation of goods in transport amphorae to Berezan Island Site in the 6th–5th centuries BC (based on excavations of the sector “O-Western” in 2004–2016)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan studies] XVIII, 19–36.
- Chistov, D.E. 2018: Amphorae assemblages of the second quarter – mid 6th century BC from the North-Eastern part of the Berezan Island Site. *Pontica* 51, 85–96.
- Cook, R.M., Dupont, P. 1998: *East Greek Pottery*. London–New York.
- Domanskiy, Ya.V., Marchenko, K.K. 2006: Otchet o rabote Berezanskoi (Nizhnebugskoi) antichnoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitaza v 2003 g. [Report on fieldworks of the Berezan (Lower Bug Region) Archaeological Mission of the State Hermitage in 2003]. In: *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Materials of the Berezan (Lower Bug Region) Archaeological Mission]. I. Saint Petersburg, 33–54.
- Dupont, P. 1999: La circulation amphorique en mer Noire à l'époque archaïque. Specificités et problèmes. *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence, 143–161.
- Dupont, P. 2005: Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage Collection. In: *Borisfen–Berezan. Arkheologicheskaya kollektsiya Ermitazha* [Boristhenes – Berezan. The Hermitage archaeological collection]. II. Saint-Petersburg, 41–70.
- Dupont, P. 2007a: Diffusion des amphores commerciales de type Milesien dans le Pont archaïque. *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme*. Panionion-Symposium (26. September – 1. October 1999, Güzelçamlı). Mainz, Rhein, 621–630.
- Dupont, P. 2007b: Amphores ‘Samiennes’ archaïques de Mer Noire (approche archéométrique). In: *Greeks and natives in the Cimmerian Bosporus, 7th–1st centuries BC: Proceedings of the International Conference*, October 2000, Taman, Russia. Oxford, 41–50.
- Dupont, P., Nazarov, V.V. 2003: Levantiiskie amfory v Prichernomor'e [Amphores levantines en mer Noire]. *Iz istorii antichnogo obschestva* [From the history of ancient society]. Nizhniy Novgorod, 142–148.
- Il'ina, Yu.I. 2005: Khiosskaya keramika iz raskopok na ostrove Berezan' [Chian pottery from the excavations on Berezan Island]. In: *Borisfen–Berezan. Arkheologicheskaya kollektsiya Ermitazha* [Boristhenes – Berezan. The Hermitage archaeological collection]. I. Saint-Petersburg, 70–173.
- Il'ina, Yu.I., Chistov, D.E. 2012: Ranniy period (konets VII – pervaya polovina VI vv. do n.h.). Nakhodki [Early period (the end of VII – first half of the VI century BC). Finds]. In: *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Materials of the Berezan (Lower Bug Region) Archaeological Mission]. II. Saint-Petersburg, 20–40.

- Greene, E.S., Lawall, M.S., Polzer, M.E. Inconspicuous Consumption: The Sixth-Century B.C.E. Shipwreck at Pabuç Burnu, Turkey. *AJA* 112/4, 685–711.
- Monachov, S.J. 1999: Quelques series d'amphores grecques des VIIe –Ve s. av. n. e. au Nord de la mer Noire. In: *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire*. Aix-en-Provence, 163–194.
- Monachov, S.J., Kusnetsova, E.V. 2017: Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. *The Northern Black Sea in Antiquity* 59–99, 294–298, 318–360.
- Monakhov, S.J. 1999: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* [Greek amphorae in the Black Sea Region. Assemblages of transport amphorae of the 7th – 2nd cc. BC]. Saratov.
- Monakhov, S.J. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiya amfor veduschsikh tzentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel'* [Greek amphorae in Black Sea Region: typology of amphorae of the leading Centers of exporters of goods in ceramic containers. Catalog-identifier]. Saratov.
- Monakhov, S., Kuznetsova, E., Chistov, D. 2018: An Assemblage of the mid-6th century BC well from the Berezan excavations of 1963/1964. *Pontica* 51/V, 97–113.
- Oren, E.D. 1984: Migdol: A New Fortress on the Edge of the Eastern Nile Delta. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 265, 7–44.
- Rizzo, M. 1990: *Complessi tombali dall'Etruria Meridionale*. Roma.
- Sezgin, Y. 2012: *Arkaik Dönem Ionia Uretim Tigari Amphoralar*. Ege Yayinlari.
- Sezgin, Y. 2017: Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler. *Anatolia* 43, 15–39.
- Skadovskiy, G.L. 1900–1901: *Dnevnik G.L. Skadovskogo. Nauchnyy arkhiv Khersonskogo kraevedcheskogo muzeya* [Diary of G.L. Skadovsky. Scientific archive of Kherson Museum of local lore]. Fund 123-2. Book 105.
- Skudnova, V.M. 1960: Rodoskaya keramika s o. Berezn [Rhodian pottery from the Berezan Island]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 2, 153–167.
- Smith, T. 2010: Notes on Attic Red-Figure Pottery from Berezan. In: *Borisfen–Berezan. Arkheologicheskaya kollektziya Ermitazha* [Boristhenes – Berezan. The Hermitage archaeological collection]. II. Saint Petersburg, 171–290.
- Sparkes, B.A., Tallcot, L. 1970: *Black and Plain Pottery of VIth–Vth and IVth Centuries BC*. (The Athenian Agora. XII).

AMPHORAE OF THE FIRST HALF AND MID 6th CENTURY BC FROM BEREZAN ISLAND

Dmitriy E. Chistov¹, Sergey Yu. Monakhov², Elena V. Kuznetsova²

¹ The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia
d.chistov@gmail.com

² Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia
monachs@mail.ru; ev_kuznetsova@list.ru

Abstract. The article deals with amphorae of various production centers of the late 7th – mid 6th century BC discovered during the archaeological research of the Berezan Settlement and its necropolis. The study is based on the collection of the State Hermitage Museum, which includes finds from the excavations of the North-Western sectors of the Berezan Settlement and its necropolis, conducted by the Museum mission in the 1960s to 1991, as well as investigations of

the Hermitage excavation team of the last fifteen years, which were conducted in the framework of scientific cooperation with the Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine in the Northeastern part of the island (the «O-Western» sector). The chosen chronological period in the context of the historical development of the Berezan settlement coincides with the first construction period, which covers the time before the emergence of the archaic urbanized colony in the 540s BC.

The deposits containing amphorae finds of the first half of the 6th century BC are represented by the burials of the necropolis as well as the filling of dugout dwellings, storage pits and wells. Among them the so-called «boundary» deposits of the second quarter – mid 6th century BC, stratigraphically preceding the beginning of mass construction of stone and mudbrick houses.

The article focuses on the amphorae of Clazomenae, Teos, Lesbos, Samos, Miletos, Chios, as well as «protoThasian» amphorae and vessels of the uncertain centers. Several deposits are of special interest: the filling of well excavated in 1963–1964, pit No. 234 (2016), dugout No. 73 (2016). These structures provide vivid examples of combinations of transport amphorae of several manufacturing centers, allowing to specify their chronology. Fragmented amphorae from the less important deposits together with separate finds gives the opportunity to clarify the typology. Most of the amphorae were published earlier, but the study is supplemented by some unpublished vessels.

Keywords: Berezan, amphorae, ceramic complexes, Archaic period, chronology

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-25–68

РИМСКИЕ СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ СЕРЕДИНЫ I – СЕРЕДИНЫ III вв. н.э. ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ, НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА¹

М.Ю. Трейстер

Германский археологический институт, Берлин, Германия
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. В статье рассматриваются римские стеклянные сосуды середины I – середины III вв. н.э. из сарматских погребений Волго-Донского междуречья, Нижнего Поволжья и Южного Урала. В целом можно отметить преобладание среди стеклянных сосудов форм для питья (кубки, стаканы, фиалы, рог). Значительно реже встречаются кувшины, а также закрытые сосуды, представленные фрагментами, которые могли относиться к амфоре или кувшину, а также к амфориску или бутылки. Преобладают сосуды, выполненные в технике свободного дутья, в том числе богато украшенные экземпляры: с росписью эмалевыми красками или с декором из накладных нитей.

Очевидно, что сосуды имели различное происхождение: это была как продукция мастерских Восточного Средиземноморья и Египта, так и Западных провинций. Изделия последних особенно характерны для сосудов из позднесарматских погребений.

Большая часть сосудов датируется в рамках конца II–III вв. н.э. Более ранние сосуды (датируемые до середины II в. н.э.) редки, а в двух случаях они были антикварными предметами на момент погребения, поскольку обнаружены в погребениях III в. н.э. За исключением одной находки в междуречье Волги и Дона находки стеклянных сосудов в Поволжье концентрируются на территории лесостепного Саратовского правобережья. Обращает на себя внимание тот факт, что, по сравнению с Поволжьем, значительно больше находок стеклянных сосудов происходит из Южного Урала, где они концентрируются в Южном Приуралье в бассейне р. Урал и Илек, при этом еще одна находка (самая дальняя,

Данные об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, научный сотрудник Германского археологического института.

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФФИ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Соответственно данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: Н.В. Хабаровой, А.В. Жадаевой (ВОКМ, Волгоград), О.А. Халяпиной (ОГИКМ, Оренбург), Л.А. Краевой, Д.В. Мещерякову (ОГПУ, Оренбург), Н.М. Шумейко (СОМК, Саратов), А.Д. Таирову (ЮУрГУ, Челябинск), Е.Н. Плахой (ЭКМ, Энгельс). Отдельная благодарность за возможность работы с кубком из кургана № 23/1979 могильника Лебедевка-V – М.Г. Мошковой (Москва), А.-Б. Фольманн-Шульц (Бонн) – за консультации по атрибуции сосудов из могильника Нагавский-II, Д.В. Журавлеву (Москва) – за датировку краснолаковой чашки из могильника «Горелый-I».

восточная) была найдена в Южном Зауралье. Таким образом, плотность импортов не была связана с близостью к причерноморским центрам.

Ключевые слова: римские стеклянные сосуды, Азиатская Сарматия, Нижнее Поволжье, Южный Урал, свободное дутье, роспись эмалевыми красками, декор фасетированный, шлифованный, из накладных нитей, мастерские Восточного Средиземноморья, Египта, западных провинций Римской империи

1. Введение

Римские стеклянные сосуды – не самая большая группа импортов в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, при этом значительная часть находок концентрируется в погребениях Нижнего Дона, в непосредственной близости от Танаиса. Данная статья посвящена римским стеклянным сосудам середины I – середины III веков н.э. из сарматских погребений Волго-Донского междуречья, Нижнего Поволжья и Южного Урала. Поскольку литые в формах скифосы первой половины I в. н.э., найденные на территории Волго-Донского междуречья, рассматриваются нами в отдельной работе², в данной статье пойдет речь о сосудах, изготовленных в технике свободного дутья, а также чашах со шлифованным декором – другие категории стеклянных сосудов (достаточно редкие, прежде всего, чаши и тарелки из глухого литого прессованного стекла) не рассматриваются. Немногочисленность этих предметов римского импорта отнюдь не снижает степень важности их совместной публикации, хотя отдельные находки уже подробно анализировались нами.

2. Сосуды, изготовленные в технике свободного дутья

2.1. Стеклянные сосуды из погребения № 1 кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I»

Комплекс находок из кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I» в Нижнем Поволжье заслуживает особого внимания. Наряду с многочисленными римскими импортными изделиями (стекло, красный лак, бронзовые сосуды) здесь была найдена целая серия предметов парфянского происхождения. Бронзовые сосуды из погребения представлены тазом типа Eggers 99/100³, кованым кувшином типа Стралджа⁴ и бронзовой амфорой⁵. Сочетание таза типа Eggers 99/100 и *Blechkanne* характерно для сарматских комплексов конца I – первой половины II в. н.э. Маленькая (дл. 2,5 см) сильнопрофилированная бронзовая фибула с бусинами на дужке⁶, судя по размерам и расположению бусин, относится ко второй серии и может датироваться в широких рамках II – первой половины III в. н.э., впрочем в комплексах конца II – первой половины III в. н.э. их находки редки⁷. Узкогор-

² Трейстер (в печати).

³ Балановский, Тихонов 2009, 14, № 2, рис. 4–5.

⁴ Балановский, Тихонов 2009, 14, № 3, рис. 6; Трейстер 2018, 219, 224–225, рис. 6–7.

⁵ Балановский, Тихонов 2009, 14, № 1, рис. 3.

⁶ Балановский, Тихонов 2009, 10–11, № 4, рис. 11, 8.

⁷ Кротов 2010, 229–232, ср. 241, № 318, рис. 65, 6.

Рис. 1. «Горелый-I». Кургan № 1/2003. Кубок стеклянный (№ 1).
Энгельс, ЭКМ, инв. № 15356. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

лая светлоглиняная амфора⁸ типа С (по классификации Д.Б. Шелова) или CIVC (по классификации С.Ю. Внукова) датируется, соответственно, концом последней трети I – первой половиной II в. н.э. или второй четвертью – концом II в. н.э.⁹ Краснолаковая чашка¹⁰ типа Журавлев 2010: форма 30, по мнению Д.В. Журавлева¹¹, относится к середине II в. н.э. Таким образом, рассматриваемое погребение датируется, скорее всего, серединой – третьей четвертью II в. н.э. Здесь же были найдены фрагменты как минимум четырех стеклянных сосудов.

2.1.1. Кубки со шлифованными фасетами Isings 21

Два кубка из кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I» (рис. 1–2; 4, 3–4)¹² относятся к самому распространенному типу сосудов римского фасетированного стекла эпохи Ранней Империи, конкретно к группе 2, по классификации Э. Оливера, для которой характерно наличие дискообразного выступа-валика ниже зоны фасетировки¹³. Многочисленные находки таких кубков показывают, что они датируются преимущественно второй половиной I в. н.э. и изготавливались в итальянских, и возможно, александрийских мастерских, при этом самые ранние находки относятся к эпохе правления Клавдия, а наиболее поздние были обнаружены в контекстах, относящихся уже к эпохе Адриана¹⁴.

Находки таких кубков известны повсеместно на территории Западной Европы: от Португалии до Англии, Скандинавии, Германии, Швейцарии, Австрии и Венгрии¹⁵. Впрочем, кубки рассматриваемого типа известны и по находкам в Восточном Средиземноморье (Кипр, Иордания)¹⁶, Сирии¹⁷, Египте¹⁸, в том числе на побережье Красного моря¹⁹, а также в Северо-Западном²⁰ и Северном Причерноморье²¹. Самыми восточными находками до недавнего времени считались кубки из сокровищницы в Беграме (ареал II, помещение 10), которые также датируются I в. н.э.²² Недавно опубликован фрагмент аналогичного кубка, найденный в Лоулане в Китае²³. Находки из Нижнего Поволжья – единственные кубки такого типа,

⁸ Балановский, Тихонов 2009, 14–15, № 4, рис. 7.

⁹ Внуков 2016, 41–43.

¹⁰ Балановский, Тихонов 2009, 10, № 1, рис. 8.

¹¹ Определение Д.В. Журавлева.

¹² Балановский, Тихонов 2009, 11, № 16–17, рис. 16–17.

¹³ Eggers 1951, 178, Beil. 84, Taf. 14, 185; Isings 1957, 37, form 21; Oliver 1984, 40–45, 48–52, nos. 19–52, группа II; Rütli 1991, AR 45.2, Bd. 2, 58–59, Taf. 51–52; Каровић 1995–1996, 81–82, табл. II, 7; von Saldern 2004, 360–362; Höpken 2010, 387–388; Rottloff 2015, 64–66; Grose 2017, 118–119.

¹⁴ Oliver 1984, 40–41, 44–46; von Saldern 2004, 361; Höpken 2010, 387–388. Ср. Whitehouse 1997, 221–222; 2012, 59: наиболее ранние находки датируются 60-ми гг.; они были в употреблении до середины II в. н.э., при этом большая часть комплексов с находками таких сосудов датируется 75–125 гг. н.э.

¹⁵ См. подробно: von Saldern 2004, 361; Grose 2017, 118–119.

¹⁶ См. подробно: von Saldern 2004, 361–362.

¹⁷ Gawlikowska 2015, 784–785, no. 9, fig. 4, 3.

¹⁸ Harden 1936, 137, 149–151, pl. XV; Boğan 2014, 161.

¹⁹ Meyer 1992, 21, nos. 76–86, pl. V; Borell 2010, 127.

²⁰ Chiriac 2017, 197–198, 200, no. 1, pl. IV, 1.

²¹ Sorokina 1969, Abb. 5; von Saldern 2004, 362.

²² Hamelin 1952–1954; Oliver 1984, 36, fig. 4; 37, 48–49, nos. 19–28; Delacour 1993; Whitehouse 1997, 221–222; 2001, 440; 2012, 59, fig. 9; Kat. Mannheim 2009, 395, Nr. 323; Kat. Bonn 2010, 244, no. 172.

²³ Yu Zhiyong 2010, 191, fig. 1; Hoppál 2016, 107, fig. 8; 114, no. III.1 (отнесен под вопросом к поздним кубкам IV в. н.э., при этом в качестве аналогии автор приводит кубок из Беграма).

Рис. 2. «Горелый-I». Курган № 1/2003. Кубок стеклянный (№ 2). Энгельс, ЭКМ, инв. № 15889–15890. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Рис. 3. «Горелый-I». Курган № 1/2003. Энгельс, ЭКМ. 1 – фрагмент амфориска или бутылки, инв. № 15891; 2 – фрагмент амфоры или кувшина, инв. № 15892. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

обнаруженные в погребениях кочевников Азиатской Сарматии (подобные сосуды не встречались в Прикубанье), а на территории Украины два фрагмента фасети-рованного кубка были найдены в погребении II в. н.э. № 1 кургана № 2 группы Богуслав-IV²⁴).

2.1.2. Фрагмент амфориска Isings 15 или бутылки Isings 70

Найденная в кургане могильника «Горелый-I» верхняя часть горла с сосуда с высоким почти вертикальным венчиком, загнутым внутрь снизу (рис. 3, 1)²⁵, скорее всего, судя по форме и размеру, является не горлом унгентария, а более крупного сосуда, типа амфориска формы Isings 15. Такие сосуды датируются в пределах второй четверти – второй половины I в. н.э. и изготовлялись, скорее всего, в мастерских, расположенных на территории современных Северной Италии и Словении²⁶. Сосуды такой формы известны и в Северном Причерноморье: очень близкие очертания венчика имеет амфориск из некрополя Пантикапея из стекла желтоватого цвета, датирующийся второй – третьей четвертью I в. н.э.²⁷ Фрагмент такого амфориска неизвестного происхождения хранится в Майкопе²⁸. Не исключено, впрочем, что фрагмент сосуда из могильника «Горелый-I» принадлежал бутылки со сферическим туловом и высоким цилиндрическим горлом Isings 70²⁹, типа сосудов второй половины I в. н.э., предположительно изготовленных в Восточном Средиземноморье и найденных в некрополе Пантикапея³⁰. Фрагмент сосуда из могильника «Горелый-I» нельзя отнести к арибаллам, у которых встречаются аналогичные венчики³¹, т.к. горло этих сосудов обычно очень короткое.

2.1.3. Фрагмент амфоры или кувшина

Значительно сложнее определить форму другого фрагментированного сосуда из Горелого. Это фрагмент венчика и горла литого сосуда из стекла зеленоватого-голубого цвета (рис. 3, 2). Учитывая особенности формы венчика, его плоскую горизонтальную верхнюю поверхность и валик, обрамляющий горло, а также довольно крупные размеры (дм. венчика по краю ок. 9,0 см) можно исключить не только унгентарии, но и арибаллы, у которых были массивные венчики с ровной

²⁴ Отнесенный А.В. Симоненко к короткому варианту типа II, по классификации Э. Оливера, кубок из ограбленного погребения в Богуславе, датируемого фрагментами амфор типов В и С, представлен двумя фрагментами стенок, но даже по его весьма гипотетической реконструкции, трудно определить к какому именно типу и варианту кубков он относится, ср. Simonenko 2003, 45–46, no. 2, fig. 3, 2 (здесь, как из погребения группы II в Богуславе); 2008, 25; 26, Abb. 16, 3, Taf. 36, 2; Симоненко 2011, 77–78, 81, рис. 51, 1; 180, № 30.1.

²⁵ Балановский, Тихонов 2009, 12, № 18, рис. 15.

²⁶ Isings 1957, 32, form 15; Buechner 1960, 110, no. 4, pl. 36; Rütli 1991, 56, 75, 145, AR 165, Taf. 146, 3726–3737.

²⁷ Кунина 1997, 205, илл. 177; 320 (илл.), 321, № 338.

²⁸ Раев, Яценко 2012, 145, № 2, рис. 1, 2.

²⁹ Vessberg 1952, 132, pl. 7, 10; 16, 2; Isings 1957, 90, form 70; Hayes 1975, 58, no. 146; Scatozza-Höricht 1986, 56–57, no. 125. Ср. также горло сосуда из Гамлы в Израиле: Jackson-Tal 2016, 23, no. 146; 25, fig. 8.22.

³⁰ Кунина 1997, 165, илл. 131–132; 296 (илл.), 297, № 214–217.

³¹ Isings 1957, 78–80, form 61; Rütli 1991, 37, Abb. 28; 54, 67, 69, 78, AR 151, Taf. 106–109; Kucharczyk 2004, 98, fig. 3, 7; 99; Jackson-Tal 2016, 23, nos. 143–144; 25, fig. 8.22. См., например, Кунина 1997, 171, илл. 139, 299, № 228; 300 (илл.); Grossmann 2002, 11, fig. 10 справа.

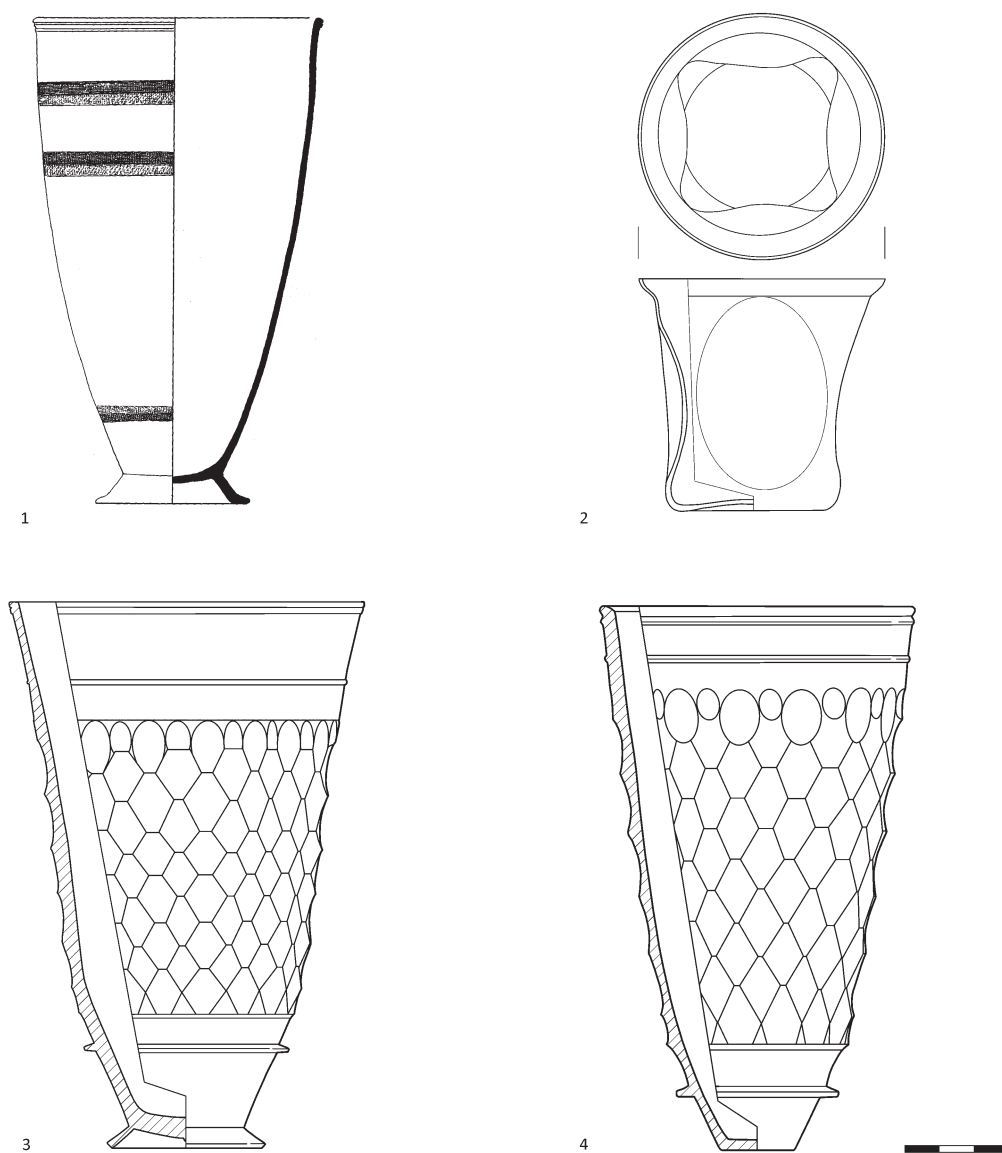

Рис. 4. Кубки и стакан стеклянные. 1 – Лебедевка-V. Кургan № 23/1978. Погребение № 1; 2 – Магнитный. Кургan № 21/2010. Челябинск, ЮУрГУ, Музей «Народы и технологии Урала», инв. № НТУ-ГИК 87; 3–4 – «Горелый-I». Кургan № 1/2003. Энгельс, ЭКМ; 3 – инв. № 15356; 4 – инв. № 15889–15890. Рисунки М.Г. Мошковой (1), Н.Е. Беспалой (2–4)

горизонтальной поверхностью, однако значительно более узкие горловины по отношению к венчику³². По аналогичной причине венчики урн формы Isings 67 с широким горлом имеют значительно больший диаметр³³. Таким образом, судя по размеру и форме, фрагмент сосуда из Горелого относится к амфоре³⁴ или, скорее, кувшину с цилиндрическим туловом восточносредиземноморского производства³⁵.

2.2. Стеклянные сосуды из погребения № 1 кургана № 11/1988 могильника Нагавский-II

Стеклянные сосуды из этого погребения³⁶, датированного издателями, в том числе по бронзовой фибуле³⁷, в рамках конца II – первой половины III в. н.э.³⁸, рассматривались в публикации погребения очень бегло³⁹.

2.2.1. Кувшин с цилиндрическим туловом Isings 126

Авторы публикации ссылаются на находки кувшинов такого типа в Северном Причерноморье, указывая на «осколки таких кувшинов в Танаисе»⁴⁰. В действительности речь идет о донце сосуда округлой формы, которое, как предположила Н.П. Сорокина, могло принадлежать «кувшинам с цилиндрическим туловом»⁴¹. Очевидно, что по этому донцу невозможно реконструировать ни форму сосуда, ни его пропорции, ни оформление ручки (ручек), а приведенные в статье хронологические соображения, восходящие к публикации стекла из Танаиса, касаются сосудов флаконов (бутылей) другого типа – с квадратным в сечении туловом⁴².

Высокий (28,2 см) кувшин с воронковидным горлом с валикообразным венчиком, цилиндрическим туловом, прямыми плечами, лентообразной ручкой с многочисленными параллельными валиками и слегка вогнутым дном, с узкими концентрическими канавками на тулове из кургана № 11/1988 могильника Нагавский-II (рис. 5; 7, 1) относится к форме Isings 126, появление которой исследовательница датировала концом III в. н.э.⁴³ При этом надо иметь в виду, что эта форма имела значительно более ранних предшественников (форму Isings 51b, возникшую еще в I в. н.э.⁴⁴), но путать их нельзя.

³² Ср., например, арибалл из некрополя Пантикапея: Кунина 1997, 299, № 328; 300 (илл.). Дм. венчика 5,0 см.

³³ Rütli 1991, 37, Abb. 26; 51, 67, 68, 77, 89, AR 117; Taf. 94, 2173–2184; 95, 2185–2188; Ср., например, Кунина 1997, 213, илл. 187; 328 (илл.), 329, № 387.

³⁴ Ср., например, амфору из некрополя Пантикапея: Кунина 1997, 168, илл. 136, 300 (илл.), 301, № 229 (дм. венчика 6,4 см) (Восточное Средиземноморье, вторая половина I в. н.э.).

³⁵ Типа получивших распространение в середине – второй половине I в. н.э.: Кунина 1997, 173, илл. 141–142; 300 (илл.), 301, № 230–233; Алексеева, Сорокина 2007, 73, КФ.1, табл. 48–50.

³⁶ Мыськов, Сергацков 1994, 179–190; Мордвинцева, Хабарова 2006, 115–115, № 140–141.

³⁷ Мыськов, Сергацков 1994, 182, рис. 1, 12; Кропотов 2010, 126, № 540.

³⁸ Мыськов, Сергацков 1994, 187.

³⁹ Мыськов, Сергацков 1994, 185. См. также Кривошеев 2005, 117–118, рис. 51, 5–6 с повторением основных выводов первой публикации.

⁴⁰ Мыськов, Сергацков 1994, 185.

⁴¹ Сорокина 1965, 225, рис. 10, 13.

⁴² Ср. Сорокина 1965, 228.

⁴³ Isings 1957, 156.

⁴⁴ Ср. Isings 1957, 68–69, form 51b; Beaudoin, Zoiropoulou 2008, 84–85, no. 76; Barbera 2011, 110–121.

Рис. 5. Нагавский-II. Курган № 11/1988. Погребение № 1. Кувшин стеклянный. Волгоград, ВОКМ, инв. № 26101/2. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Выдутые в форму (mold blown) кувшины формы Isings 126 получили распространение как в западных (Рейнская область, Паннония), так и восточных (Египет, Сирия) провинциях Римской империи и датируются в рамках конца II / начала III – начала V в. н.э., при этом отмечается их широкое распространение с конца III по вторую половину IV в. н.э., особенно в Рейнской области⁴⁵. Подобная бутылка была найдена в некрополе Крефельд-Геллеп в погребении с монетой 341 г. н.э.⁴⁶ В Шпаере кувшин такого типа происходит из погребения первой половины IV в. н.э.⁴⁷, в Брегенце – из погребения № 815, которое датируется, вероятно, серединой IV в. н.э.⁴⁸

Впрочем, они известны и в Северной Италии – бутылка высотой 22 см была найдена в погребении I некрополя Плеба, Кастеджио в Ломбардии, которое датируют второй половиной III в. н.э.⁴⁹ По своим пропорциям, форме ручки, тулова, почти горизонтальным плечикам бутылка из Ломбардии близка находке из Нагавского, отличаясь прямым горлом и оттянутым вниз двухъярусным венчиком.

Несколько меньший, по сравнению с рассматриваемой находкой, по размеру кувшин (в. 20 см) аналогичной формы с подобным воронковидным горлом с валикообразным краем, аналогичной ручкой, почти горизонтальными плечиками был найден в склепе II/1975 некрополя Горгиппии (в углу склепа за пределами саркофага II)⁵⁰. Е.М. Алексеева и Н.П. Сорокина сопоставляют горгиппийский кувшин со стеклянными сосудами из Паннонии второй половины III – первой половины IV в. н.э., отмечая, что у последних венчик имеет ступенчатый профиль⁵¹. Верхняя часть бутылки с воронкообразным горлом и двухъярусным венчиком была найдена в Колчестере в контексте, датирующемся в рамках 150–250 гг. н.э., при этом отмечается, что данный фрагмент является одной из наиболее ранних находок формы Isings 126⁵². Фрагменты верхней частей аналогичных кувшинов, также с двухъярусными венчиками, найдены на агоре в Афинах в слое, датируемом до 267 г. н.э., что, по мнению издателей, является свидетельством того, что они появились здесь только в 250–260-х гг.⁵³ Сопоставим с ними по контуру и форме венчика и фрагмент кувшина из слоя середины IV – начала V в. н.э. в Танаисе (верхняя часть, без ручки)⁵⁴. В Эшвайлере под Кельном бутылка рассматриваемого типа с простым венчиком была найдена в трупосожжении второй половины III в.

⁴⁵ См. обзоры: Harden 1936, 231–232, 245, nos. 732–734, class XI.B.3, pl. XIX, 732; Clairmont 1963, 118, no. 578, pl. XIII; Barkóczy 1988, 184–185; Form 168d; Taf. XLIII, 450–452; C, 450–452; Goethert-Polaschek 1977, 216–217, Nr. 1308–1315, Form 125; Follmann-Schutz 1988, 51–52, Nr. 147–148, Taf. 16 (в. 18,7 и 18,2 см с датировкой III–IV вв.) Rütli 1991, 56–57, AR 171, Bd. 2, 173, Taf. 155–156; Cool, Price 1995, 201–203; Rottloff 1996, Nr. 6541–6692, Form 166, Taf. 148–150; Whitehouse 1997, 187–188, no. 329; Lazar 2003, 153, 155–156, type 6.3.6; Bolla 2011b, 253–254; Fünfschilling 2015, 153–154, Abb. 208; Dussart 2015, 269–271, nos. 243–245 (в Зеугме не ранее конца III в. н.э.), pl. 16; Kurup 2015, 177, no. 84; Gottschalk 2015, 56; Dévai 2016, 276–277, Pa9; Foy et al. 2018, 230–232, IN 231.

⁴⁶ Pirling, Siepen 2006, 284, Taf. 19, 3–4.

⁴⁷ Bernhard 1978, 271, Abb. 7, 1.

⁴⁸ Konrad 1997, 100, Taf. 62, A2, Abb. 14, 4.

⁴⁹ Bolla 2011a, 40–41; 2011b, 253–254, tav. XXXIII, 1; fig. 117 col.

⁵⁰ Алексеева, Сорокина 2007, 74, табл. 52.

⁵¹ Barkóczy 1988, 184–185; Form 168d; Taf. XLIII, 450–452; C, 450–452.

⁵² Cool, Price 1995, 201–202, fig. 11.15, no. 2245;

⁵³ Weinberg, Stern 2009, 117, 133–134, nos. 300–301, pl. 26.

⁵⁴ Яценко 2007a, 481–482, 491, № 66; 499, табл. 3.

н.э.⁵⁵ – к этому же времени относятся и другие погребения с находками таких бутылей в районе Кельна⁵⁶.

Ввиду довольно широкой датировки рассматриваемых бутылей в римских провинциях, бутыл из Нагавского вряд ли может быть датирована точно. Тем не менее ее особенность – валикообразный (не двухъярусный край воронкообразного горла, характерный для находок из западных провинций), находящий близкую аналогию в сосуде из Горгиппии, дает определенные основания датировать не позднее первой трети III в. до н.э.

Находки стеклянных кувшинов в погребениях кочевников чрезвычайно редки. Помимо рассмотренной выше, известно, что фрагменты «стеклянного кувшинчика, форма которого известна среди боспорских находок, относимых ко времени второй половины II – первой половины III в. н.э.», были найдены в богатом воинском погребении середины–второй половины III в. н.э. № 1 кургана № 1/1978 могильника Лебедевка-VI⁵⁷, однако изображений их нет, а в Уральском музее обнаружить их нам не удалось. Сохранилось только описание фрагментов в отчете: «Стекло прозрачное с зеленоватым оттенком. Дно уплощенное. На стенках у дна орнамент. Вверху вертикальные полосы дл. 1,0 см, которые чередуются через 0,8–0,9 см. Ниже – две прямые горизонтальные тонкие линии. Фрагменты верхней части стенок сосуда также украшены вертикальными полосами (описание – по отчету). По определению Н.П. Сорокиной, кувшин боспорской работы»⁵⁸.

2.2.2. Рог для питья с орнаментом из накладных нитей Isings 113

Называть найденный в погребении рог ритонном, как это делают издатели, неверно⁵⁹, так как отверстия внизу у сосуда не было и пили из него через край. Авторы публикации осторожно предположили, что он мог быть изготовлен в восточных мастерских Римской империи, впрочем, отметив, что они некомпетентны решать такие вопросы, не будучи специалистами в области стеклоделия⁶⁰.

Рог для питья из кургана № 11/1988 могильника Нагавский-II, украшенный орнаментом из накладных нитей голубого стекла, образующих узкие длинные диагональные петли на всем тулове по диагонали и фриз в форме зигзага в верхней части раструба (рис. 6; 7, 2), по своей форме и декору относится к типичным изделиям рейнских мастерских⁶¹.

Из аналогичных сосудов, относящихся, по классификации В. Эвисон, к типу I, датированному III в. н.э.⁶², укажем на роги для питья из трупосожжений: вто-

⁵⁵ Gottschalk 2015, 323, Nr. 22.3.6; Taf. 72, 6.

⁵⁶ Gottschalk 2015, 56, Taf. 77, 3–5; 89, 3–5.

⁵⁷ Мошкова 1982, 82, 83; 2001, 241; 2010, 345.

⁵⁸ Мошкова и др. 1979, 46.

⁵⁹ Мысков, Сергацков 1994, 185.

⁶⁰ Мысков, Сергацков 1994, 185.

⁶¹ Eggers 1951, 181, Beil. 105, Taf. 16, 246; Isings 1957, 141, form 113; Goethert-Polaschek 1977, 260, Form 165; Lund Hansen 1987, 104–105; von Saldern 2004, 488–490; Gottschalk 2015, 79–80; Foy et al. 2018, 128–129, IN 127. А. фон Зальдерн не исключает и возможность изготовления таких сосудов также в Северной Галлии.

⁶² Evison 1955, 176–180, fig. 8, 1; 9; 1975, 76–77. См. карту распространения: Evison 1975, 83, fig. 21.

Рис. 6. Нагавский-II. Кургan № 11/1988. Погребение № 1. Рог для питья стеклянный. Волгоград, ВОКМ, инв. № 26101/1. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

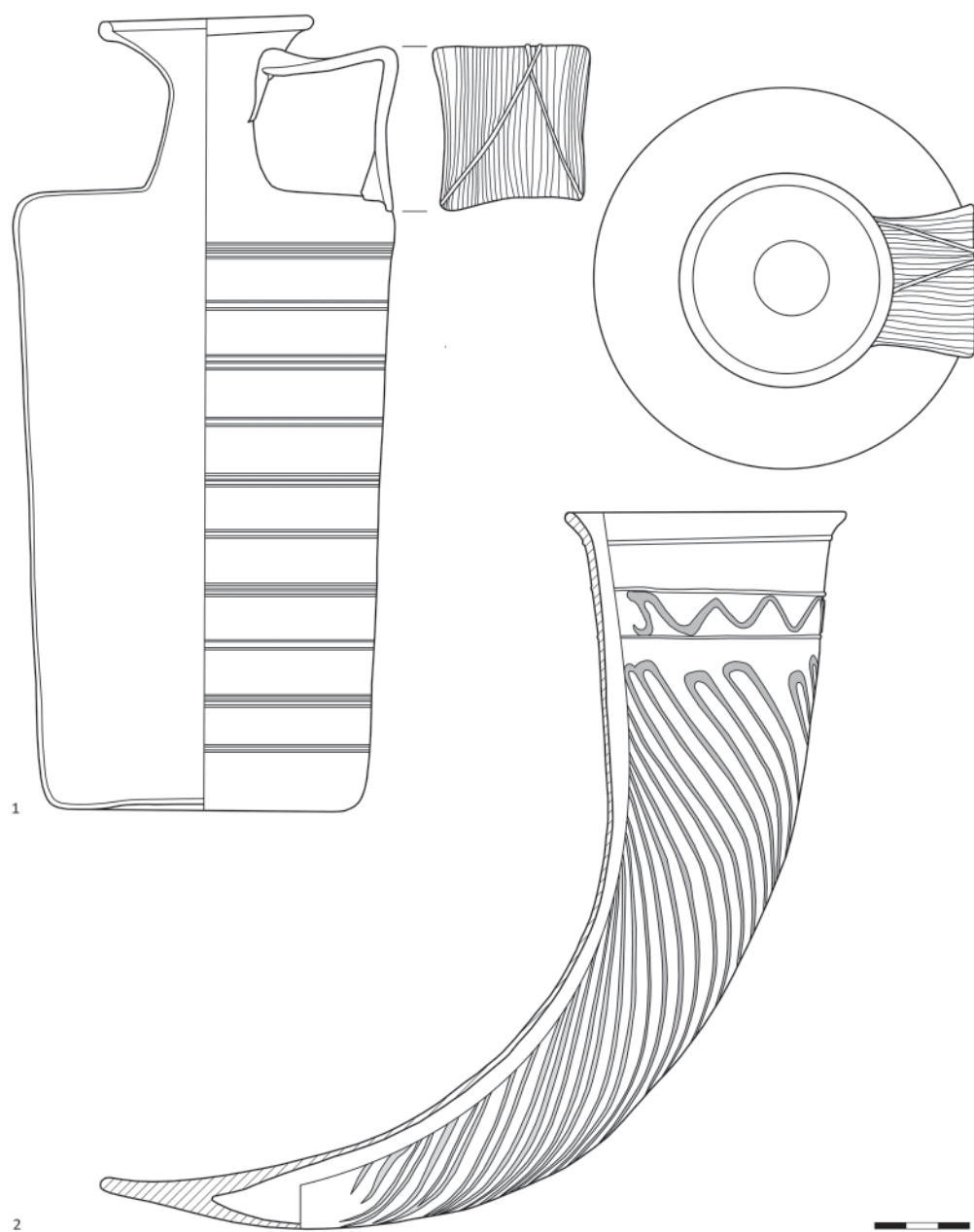

Рис. 7. Нагавский-П. Курган № 11/1988. Погребение № 1. Кувшин и рог для питья стеклянные. Волгоград, ВОКМ, инв. № 26101/1–2. Рисунки Н.Е. Беспалой

рой половины III в. н.э. в Берцдорфе в районе Брюля между Кельном и Бонном⁶³, конца III в. н.э. в Бонне⁶⁴, погребений первой половины IV в. н.э. некрополя Крефельд-Геллеп: № 71⁶⁵ и 1213⁶⁶ и погребения в саркофаге этого же времени в Трире⁶⁷. Отмечу также рог аналогичной формы из погребения конца III в. н.э. в Брюле (самые поздняя монета в погребении датируется 290/291 гг.), у которого только нижняя часть обвита нитью синего цвета, а весь раструб украшен накладными синими и коричневыми каплями⁶⁸. Близкую форму и декор имеют стеклянные роги из Скандинавии (см. ниже). Находки таких рогов известны и на Нижнем Дунае⁶⁹, и в Причерноморье: в датируемом концом IV–V вв. н.э. склепе № 7 могильника № 10 в Юго-Западном Крыму⁷⁰ и в погребениях Цебельдинского могильника в Абхазии⁷¹.

Техника украшения сосудов прозрачного стекла цветными нитями, образующими подчас очень сложный декор (в западной литературе его принято обозначать *Schlangenfadendekor* /*decor de serpents* /*snake-thread decoration*, в отечественной – «серпантинным»⁷²), получившая вначале распространение на Востоке не позднее второй половины II – начала III в. н.э., начинает использоваться и в мастерских западной части Империи, в том числе в Кельне⁷³. Стеклянные сосуды, выполненные в этой технике, характерны и для поздней античности⁷⁴. Декор указанных выше сосудов значительно более сложный, чем декор рогов для питья. Изображение змей, пусть подчас и стилизованное, тем не менее не вызывает сомнения в атрибуции прототипов, в отличие от схематизированного, декоративного декора рогов для питья, который можно рассматривать только в качестве развития орнамента сосудов кельнской и близкой им мастерских конца II – III в. н.э.

Что же касается общей структуры декора рога из Нагавского и его элементов, широких узких «серпантинных» петель и фриза зигзагообразного декора в верхней части раструба, то отметим следующее. Декор в виде фриза зигзага на раструбе находит аналогию на упомянутом выше сосуде из погребения № 71 некрополя Крефельд-Геллеп. А. фон Зальдерн датирует роги с таким декором ок. 300 г. н.э.⁷⁵,

⁶³ Jahresbericht 1959, 385, Abb. 28, 11; 386 (дл. 31 см); Fremersdorf 1959, 76–77, Taf. 122; Fremersdorf, Polónyi-Fremersdorf 1984, 118, Nr. 265; Evison 1975, 75, fig. 1; 84, no. 7; von Saldern 2004, 489; Gottschalk 2007, 238; 2015, 79, 282, Nr. 8.7, Taf. 9, 7.

⁶⁴ Haberey 1960, 298–299, Abb. 13, 2; Taf. 41, 1; Evison 1975, 75, fig. 3; 85, no. 13; Follman-Schulz 1988, 127, Nr. 493, Taf. 54.

⁶⁵ Evison 1975, 85, no. 11; Pirling, Siepen 2006, 303, Anm. 443 с лит.

⁶⁶ Evison 1975, 76, fig. 7, 85, no. 17; Pirling, Siepen 2006, 303, Anm. 444 с лит., Taf. 100, 3.

⁶⁷ Goethert-Polaschek 1977, 260, Nr. 1542, Taf. 17, 180m; 81, Form 165.

⁶⁸ Haberey 1962, 402–404, Taf. 34, 3; Evison 1975, 75, fig. 5, 76, 85, no. 15; Fremersdorf, Polónyi-Fremersdorf, 1984, 118, Nr. 266; Follmann-Schulz 1992, 60–61, Nr. 34; von Saldern 2004, 489; Gottschalk 2007, 229–230; 2015, 79, 293, Nr. 14.2.1, Taf. 19, 1.

⁶⁹ Cat. Rousse 2013, 32, no. 69 (контекст находки не известен).

⁷⁰ Сорокина 1979, 59, рис. 1, 32; 61; Стржелецкий и др. 2003–2004, 125, тип X; 239, табл. 35, 15; Шабанов 2015, 224–225, рис. 2, 6.

⁷¹ Сорокина 1979, 59, рис. 1, 61; 61.

⁷² Сорокина 1965, 224.

⁷³ von Saldern 2004, 331–337; Höpcken 2010, 384–387; Rotloff 2015, 69–71.

⁷⁴ Cabart 2008, 31–50.

⁷⁵ von Saldern 2004, 489. См., например, рог из бывш. собрания барона Й. фон Диргардта (Fremersdorf 1959, 81 (с датировкой IV в. н.э.), Taf. 136). Сопоставимые фризы зигзагообразного декора украшают и стеклянные сосуды других форм, например, датируемые также IV в. н.э. круглодонные

отмечая, что основная часть рогов для питья датируется концом III–IV вв. н.э., и упоминая при этом не только находки из Рейнской области, но и сосуды из могильников Скалистое III⁷⁶ и, что самое интересное для нас, рассматриваемый рог из Нагавского⁷⁷. Нити на основной части тулова образуют широкие петли – близкие параллели представлены на роге из Кельна (?) в собрании Земельного музея в Бонне⁷⁸, а также на сосудах, найденных в Дании⁷⁹ и в Ёстерхварфе в Швеции⁸⁰.

Ближайшими же параллелями рогу из Нагавского, учитывая и его форму, и декор, являются находки из Скандинавии. Следует отметить, что в отличие от рассматриваемого рога, сосуды, найденные в Финляндии и в Швеции, украшены нитями двух цветов:

1) рог, происходящий из Сукайнена в Финляндии, был найден в погребении, датирующемся IV в. н.э.⁸¹ Петли образованы нитями белого цвета, зигзагообразная горизонтальная нить на раструбе между двумя прямыми нитями белого цвета – голубого цвета⁸².

2) У аналогичного рога из Ёстерхварф (Ёстергётланд) в Швеции, найденного в погребении, датированном III в. н.э.⁸³, в верхней части раструба вместо зигзагообразного фриза имеется фриз растительного орнамента из нитей голубого и белого цвета, а *Schlangenfadendekor* образован чередующимися группами петель голубого и белого цвета⁸⁴.

Также нитями двух цветов (голубыми и красными) украшен рог рассматриваемой формы из Руссе; верхняя часть его раструба горизонтальным фризом не оформлена⁸⁵.

Еще один рог рассматриваемой формы с подобным декором на тулове и в верхней части раструба, но с нитями того же цвета, что и основа полупрозрачного, почти белого цвета, происходит из погребения двух девочек в Гестньяс в Илирии, на территории современной Албании⁸⁶. Погребение датируют III в. н.э., однако

чаши (Fremersdorf 1959, 79–80, Taf. 131–133) и конический кубок на низком кольцевом поддоне (Fremersdorf 1959, 80–81, Taf. 134–135) из Кельна.

⁷⁶ Богданова и др. 1976, 135, рис. 11; Шабанов 2015, 224, 225, рис. 2, 5.

⁷⁷ von Saldern 2004, 489, Anm. 71.

⁷⁸ Evison 1955, 172, no. 3, pl. LXV, d; 1975, 85, no. 19.

⁷⁹ Evison 1955, 174–175, nos. 27–28, pls. LXIV, d; LXV, b; 1975, 85, nos. 18, 20.

⁸⁰ Evison 1955, 175, no. 34, pl. LXIV, a.

⁸¹ Kivikoski 1954, 166.

⁸² Kivikoski 1954, 163–165, Abb. 13; 1973, 39, Abb. 191; Evison 1975, 75, fig. 2; 84, no. 9; Lund Hansen 1987, 104; 455. https://www.reddit.com/r/ArtefactPorn/comments/7wrkfa/roman_drinking_horn_found_in_finland_c_200400_ad/

⁸³ По поводу точной датировки этого погребения существуют различные точки зрения, см. Reallexicon der germanischen Altertumskunde XXI, 2002, 635. Так, У. Лунд Хансен относил погребение к фазе C1 (Lund Hansen 1987, 104), но, если опираться на хронологию находок в нем оружия, то погребение следует датировать ранней фазой периода C1b, который в целом относят к 210/220–250/260 гг., т. е. рубежом первой-второй четверти III в. н.э.

⁸⁴ Kivikoski 1954, 164–165, Abb. 14; Evison 1955, 175, no. 34, pl. LXIV, a; 1975, 75, 84, no. 6; Lund Hansen 1987, 104, 444; Reallexicon der germanischen Altertumskunde XXI, 2002, 635, Taf. 35, s.v. Östervarf; von Saldern 2004, 489. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/en/archive/2/2c/20070122205516%21Vendel-era_bronze_horn_fittings_and_glass_drinking_horn_%28Swedish_Museum_of_National_Antiquities%29.jpg

⁸⁵ Cat. Rousse 2013, 32, no. 69 (контекст находки не известен).

⁸⁶ Kat. Hildesheim 1988, 423, Nr. 337.

найденный в том же погребении стеклянный бальзамарий⁸⁷ нельзя датировать, как это делают авторы публикации II–III вв. н.э. – он относится к форме Isings 105 (*fusiform unguentaria*), характерной для периода не ранее конца III в., скорее, для первой половины IV в. н.э.⁸⁸

Если у рога из Скалистого, найденного в подбойном погребении Л28 вместе с фибулой «инкерманского типа»⁸⁹, которые получили наиболее широкое распространение во второй четверти–середине III в. н.э.⁹⁰, но употреблялись и после середины III в. н.э.⁹¹, в декоре имеются только «серпантинные нити», а фриз зигзагообразного орнамента на раструбе отсутствует, то оба этих орнаментальных мотива, выполненных нитями голубого стекла, имеются на верхней части фрагментированного кубка из Танаиса, который датирован Н.П. Сорокиной в широких рамках III в. н.э.⁹², при этом исследовательница отмечала редкость сосудов с серпантинным декором в Северном Причерноморье. Не совсем ясно, откуда именно происходит танаисский фрагмент. Он может происходить из слоя или помещения, погибшего при разрушении города в 40-х гг. III в. н.э., но среди опубликованных Н.П. Сорокиной материалов имеются и находки из слоев более позднего времени⁹³.

2.2.3. Выводы (Нагавский)

Таким образом, стеклянные сосуды, найденные в могильнике Нагавский-II, вероятнее всего изготовленные в рейнских мастерских и попавшие к кочевникам вместе, ставят под сомнение предложенную авторами публикации дату погребения в рамках конца II – первой половины III в. н.э. Если кувшин еще теоретически вписывается в завершающую часть этого хронологического диапазона и его можно было бы датировать еще второй четвертью III в. н.э., то рог трудно датировать ранее второй половины III в. н.э., учитывая приведенные выше наблюдения о датировке стеклянных рогов для питья такой формы с таким декором. Соответственно, либо следует признать возможность использования бронзовой фибулы, найденной в погребении, например, в третьей четверти III в. н.э., либо прийти к выводу о том, что рога для питья типа I с декором из накладных нитей появились еще в первой половине III в. н.э.: скорее, учитывая редкость таких сосудов, во второй четверти, ближе к середине. В таком случае и погребение в могильнике Нагавский-II следует датировать не в широких рамках конца II – первой половины III в. н.э., а 30–60-ми гг. III в. н.э.

⁸⁷ Kat. Hildesheim 1988, 424, Nr. 338.

⁸⁸ Isings 1957, 126, form 105; Goethert-Polaschek 1977, 142–145, Form 85, Taf. 57, 802–807. 810; Gottschalk 2015, 54, 324, Nr. 23.5, Taf. 74, 5.

⁸⁹ Кропотов 2010, 148, № 126.

⁹⁰ См. Шабанов 2015, 224.

⁹¹ См. Кропотов 2010, 129, 136.

⁹² Сорокина 1965, 224, рис. 2, 7; 4, 2.

⁹³ Сорокина 1965, 203.

Рис. 8. Лебедевка-V. Курган № 23/1978. Погребение № 1. Кубок стеклянный.
Фото, Ю.В. Демиденко, 2009

2.3. Стеклянный сосуд из погребения № 1 кургана № 23/1978 могильника Лебедевка-V

Комплекс находок в погребении № 1 кургана № 23 группы Лебедевка-V, который датируется временем около второй четверти – середины III в. н.э.⁹⁴

2.3.1 2.3.2. Кубок с росписью эмалевыми красками Eggers 186

Особого внимания заслуживает находка во впускном погребении № 1 кургана № 23/1978 курганного могильника Лебедевка-V в Западном Казахстане мужчи-

⁹⁴ Мошкова, Трейстер 2014, 108–111.

ны-воина стеклянного расписного кубка типа Eggers 186 с изображением гладиаторов. Кубок имеет коническую форму, плавно расширяющуюся вверх, и снабжен кольцевым поддоном. Декор сосуда образован двумя фризами: орнаментальным – сверху и сюжетным – ниже. Под венчиком расположен орнаментальный фриз, ограниченный сверху и снизу двумя полосами: желтого и красного цвета. Плохо сохранившийся орнамент образуют розетты, составленные из округлых лепестков желтого, голубого и зеленого цветов. Основной фриз образуют четыре фигуры гладиаторов. Композиционным центром его является изображение сражения двух из них (рис. 4, I; 8)⁹⁵.

М.Г. Мошкова, основываясь на исследовании М. Меннингера, относил кубок из Лебедевки к середине II – второй четверти III в. н.э.⁹⁶ Действительно, ближайшей параллелью кубку из Лебедевки и по форме, и по сюжету, и по дополнительным деталям декора (фриз розетт из точек вдоль края) является сильно фрагментированный кубок с изображением гладиаторов из сокровищницы в Беграме (Афганистан)⁹⁷. Сцены сражений гладиаторов в двух горизонтальных регистрах представлены и на кубке из погребения Туннехульт 2 в Любсове (Померания) на территории Польши, который до недавнего времени считался утраченным⁹⁸. Мелкие фрагменты его были недавно обнаружены в Народном музее Щецина⁹⁹. Проанализировав эти сосуды, М. Меннингер приходит к выводу о датировке кубка из Любсова временем около середины II в. н.э., а кубка из Беграма – второй половиной того же столетия¹⁰⁰. При этом, по мнению М. Меннингера, кубок с гладиаторами из Беграма относится к заключительному этапу стилистического развития беграмских стеклянных кубков, который может быть датирован временем вплоть до второй четверти III в. н.э.¹⁰¹

Еще один сосуд с изображением двух схваток четырех гладиаторов, представленный на одном фризе, происходит из погребения-кремации в Заборове в Польше. У. Лунд Хансен определила две фигуры, по одной в каждой группе: гопломах и ретиария¹⁰². С датировкой комплекса, который издателями был отнесен к фазе B2/C1, однако, не все ясно, т.к. он был найден в кремации, не содержащей никаких других предметов, и, по мнению Я. Шустера, его можно, скорее всего, отнести к фазе B2¹⁰³, т.е. не позднее 150 г. н.э. Недавно были опубликованы и другие находки кубков с росписью эмалевой краской с территории Польши и Шлезвиг-Гольштейна¹⁰⁴.

До сих пор специалисты не обращали внимания на еще один фрагмент расписного стеклянного сосуда, опубликованного сравнительно недавно. Он проис-

⁹⁵ См. подробный анализ композиции сцены и ее деталей: Мошкова, Трейстер 2014, 111–116.

⁹⁶ Мошкова 2010, 347.

⁹⁷ Hackin 1939, 39–40, no. 199 (52), pl. 14; Coarelli 1962, 333, fig. 16; 1963, 65–67, pl. XIII, 2; Oliver 1984, 38; Menninger 1996, 56–57, Taf. 19, 3–4; Rau 2017, 417–418, Abb. 5.

⁹⁸ Eggers 1951, 178, Beil. 84, Taf. 14, 186; 1953, 93–94, Taf. 6a-b; Coarelli 1963, 61–65, pls. 7, 1; 8–10, 1; Oliver 1984, 38, fig. 10; Menninger 1996, 59–60, Taf. 20, 2; von Saldern 2004, 442, Anm. 38 с лит.

⁹⁹ Schuster 2010, 58–60; Greiff 2010, 342–378, Taf. 33; 59, 1.

¹⁰⁰ Menninger 1996, 63–67.

¹⁰¹ Menninger 1996, 68–70.

¹⁰² Stawiarska 1999, 104, Nr. 16; 243; Słowińska et al. 2008, 125–159; Lund Hansen 2012, 227–233, figs. 2–4.

¹⁰³ Słowińska et al. 2008, 128; 136, Abb. 9; cp. Schuster 2010, 59, Anm. 306.

¹⁰⁴ Rau 2017, 418–421, Abb. 6; Fundliste 2.

ходит из Виндоланды у Вала Адриана и на нем представлено изображение схватки секутора и ретиария; фрагмент датируют II–III вв. н.э.¹⁰⁵

Еще одной важной параллелью кубку из Лебедевки является фрагментированный стеклянный кубок несколько меньших размеров, выполненный в аналогичной технике с подобным же декором в виде розетт, обрамляющих не сохранившуюся центральную сцену. Он происходит из засыпи ограбленной в древности гробницы аристократического некрополя Горгиппии¹⁰⁶. Данных для датировки этой гробницы нет; по поводу датировки погребений в соседних монументальных гробницах существуют различные точки зрения: от третьей четверти II до середины III в. н.э.¹⁰⁷

То, что тема поединка гладиаторов использовалась в декоре стеклянных сосудов, расписанных эмалевыми красками, и в период поздней античности, свидетельствует находка кувшина в Келлисе (совр. Исмант эль-Хараб) в Верхнем Египте¹⁰⁸. Впрочем, различные точки зрения существуют по-прежнему и на датировку комплекса из Любсова¹⁰⁹, и сокровищницы Беграма. Если с погребением из Любсова ситуация проясняется, особенно после его недавней фундаментальной публикации Я. Шустером с датировкой около середины II в. н.э.¹¹⁰, то конические кубки «группы Беграм» датируются разными исследователями в интервале от I – до первой половины III в. н.э.¹¹¹ Ситуация с датировкой контекста беграмской находки еще более неопределенная¹¹², хотя в последнее время вновь появляются мнения о необходимости датировки комплекса находок в пределах I – начала II в. н.э.¹¹³

Никаких веских оснований, которые бы базировались на дате контекста, для узкой датировки кубка с гладиаторами из Беграма, являющегося ближайшей, пусть и не абсолютной, параллелью кубку из Лебедевки, у нас нет. Еще меньше оснований для датировки нам дает сопоставление с другими изображениями близких сцен, например, на мозаике из Злитена. С ее датировкой не все так однозначно, и разные исследователи датируют ее в интервале от конца I до первой четверти III в. н.э.¹¹⁴, и поэтому невозможно говорить о каких-то стилистических параллелях, хотя, безусловно, существуют определенные параллели в композиции фриза на мозаике из Ливии и на кубке из Лебедевки. Они проявились, в частности, и в том, что справа от группы сражающихся гладиаторов и на мозаике, и на кубке

¹⁰⁵ Allason-Jones 2007, 149, fig. 140; Junkelmann 2008, 203, Abb. 343.

¹⁰⁶ Алексеева, Сорокина 2007, 53–54, табл. 35, 5, рис. 5.

¹⁰⁷ см. Treister 2003, 43–85.

¹⁰⁸ Hope, Whitehouse 2003, 291–310, pls. 5–7.

¹⁰⁹ Вторая половина I в. н.э. (von Saldern 2004, 442); 70–180 гг. н.э. (Menninger 1996, 59–60).

¹¹⁰ Schuster 2010, 215–223.

¹¹¹ I в. н.э. (Kurz 1954, 102–103; M.-D. Nenna, in Cat. Paris 1998, 155, no. 92); конец I – начало II в. н.э. (Whitehouse 1989a, 153; 1989b, 97; 1998, 640–641; 2001, 441, 444–445; Hope, Whitehouse 2003, 306; von Saldern 2004, 437); I – начало II в. н.э. (Whitehouse 2012, 57, 59); середина II – вторая четверть III н.э. (Coarelli 1962, 324; 1963, 71; Menninger 1996, 71). См. также полезный обзор, посвященный стеклянным сосудам из Беграма: <http://www.pressglas-korrespondenz.de/aktuelles/pdf/pk-2009-3w-sg-afghanistan-begram.pdf>

¹¹² Cambon 2010, 75.

¹¹³ Mairs 2012, 61–74.

¹¹⁴ Конец I – начало II в. н.э. (Ville 1965, 151–152); первая половина II в. н.э. (Kondoleon 1995, 73; Dunbabin 1999, 119, note 49); ок. 150 г. н.э. (Dunbabin 1978, 237); конец II – первые десятилетия III в. н.э. (Parrish 1985, 158; Kondoleon 1991, 108, 114, note 18). См. также обзор, посвященный мозаике и проблемам ее датировки: http://www.mediterranees.net/art_antique/oeuvres/zliten/datation.html

представлена *en face* фигура гопломаха с копьем в правой руке и круглым щитом в левой. Комплекс находок в погребении № 1 кургана № 23 группы Лебедевка-V, который датируется временем около второй четверти – середины III в. н.э., дает лишь *terminus ante quem* стеклянного сосуда и не может служить аргументом для отнесения таких сосудов к более раннему или более позднему времени в рамках конца I – первой половины III в. н.э. Вместе с тем, учитывая то, что в среде кочевников такое хрупкое изделие с очень небольшой вероятностью могло существовать столетиями и передаваться по наследству, его поздняя датировка в пределах обозначенного хронологического диапазона, а соответственно, и отнесения кубка из Беграма ко второй половине II в. н.э., представляются более вероятными.

Вопрос центров изготовления таких сосудов оставался до недавнего времени открытым, хотя предположение об их изготовлении в Египте кажется предпочтительной. Возможная локализация мастерской в Египте как будто бы подтверждается и находками стеклянных сосудов и их фрагментов, расписанных в такой технике, на территории Египта¹¹⁵. Проведенное недавно археометрическое исследование фрагментов кубка из Любсова и других расписных стеклянных сосудов позволяет утверждать, что кубок из Любсова – изделие мастерской Ближнего Востока¹¹⁶. В этой связи привлекает внимание не только сходство техники росписи на кубках из Любсова и Лебедевки, но и близкий состав стеклянной основы сосудов¹¹⁷.

Итак, сосуд из Лебедевки относится к группе редчайших сосудов эксклюзивного качества ближневосточного или египетского производства, а контекст находки подтверждает высказывание А. фон Зальдерна, что такие экзотические красочно расписанные кубки пользовались спросом варварской аристократии за пределами Римской империи¹¹⁸.

Стеклянный расписной сосуд из Лебедевки с изображением сцены поединка гладиаторов относится к группе редчайших сосудов эксклюзивного качества ближневосточного или египетского производства и, вероятнее всего, датируется второй половиной II в. н.э.¹¹⁹

2.4. Стеклянный стакан из погребения в кургане № 21/2010 могильника Магнитный

Погребение пожилой женщины в кургане датируют первой половиной или серединой III в. н.э.¹²⁰

2.4.1. Стакан Isings 32

Изготовленный в технике свободного выдувания стакан прозрачного бесцветного стекла из Магнитного со стенками с четырьмя овальными вдавлениями,

¹¹⁵ Hope, Whitehouse 2003, 300–306.

¹¹⁶ Greiff 2010, 377–378.

¹¹⁷ См. подготовленное С. Хартман приложение к нашей статье: Мошкова, Трейстер 2014, 116–117.

¹¹⁸ von Saldern 2004, 444; см. также Schuster 2010, 60; Rau 2017, 420.

¹¹⁹ Мошкова 2010, 345–347, 350, рис. 3; Treister 2013, 737–738, Abb. 6; Мошкова, Трейстер 2014, 108–119.

¹²⁰ Боталов, Иванов 2012, 269–287; Боталов 2013, 39–40, рис. 4–7; Трейстер 2016, 279–286.

Рис. 9. Магнитный. Кургan № 21/2010. Стакан стеклянный. Челябинск, ЮУрГУ, Музей «Народы и технологии Урала», инв. № НТУ-ГИК 87. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

плавно расширяющимися кверху, отогнутым наружу краем и вогнутым дном (рис. 4, 2; 9)¹²¹ относится к раннему варианту римских стеклянных стаканов этого класса, который датируют в рамках второй половины I – первой половины II в. н.э., преимущественно эпохой Флавиев¹²². Такие стаканы были очень широко распространены на всей территории Западной Европы и Центральной Европы, в том числе в Испании и Португалии¹²³, Хорватии¹²⁴, Словении¹²⁵, Венгрии¹²⁶, в Северной Африке¹²⁷, в Восточном Средиземноморье, в частности, на Кипре¹²⁸ и в Египте¹²⁹, а также и Северном Причерноморье¹³⁰, в том числе на Боспоре¹³¹. Предполагается, что такие стаканы изготавливали в различных центрах от Кампании до Кипра¹³².

Известно, что фрагменты, которые также предположительно относились к стакану, были найдены в богатом женском погребении первой половины III в. н.э. № 1 кургана № 39/1979 могильника Лебедевка-VI¹³³, однако изображений их нет, а в Уральском музее обнаружить их нам не удалось.

2.5. Стеклянный сосуд из погребения № 1 кургана № 42/2007 могильника Черный Яр

2.5.1. Бальзамарий Isings 82A1

Богатое ограбленное погребение мужчины и женщины № 1 кургана № 42/2007 могильника Черный Яр, часть находок которого сохранилась непотревоженной *in situ*, датируют в широких рамках II–III вв. н.э.¹³⁴ Найденный здесь бальзамарий с почти полусферическим туловом, переходящим в плоское дно, и высоким горлом, четко выделенным от тулова, с горизонтально отогнутым краем¹³⁵, относится к фор-

¹²¹ Боталов, Иванов 2010, 273, 276, рис. 4, 8; 278, рис. 5, 1; Боталов 2013, 45, рис. 7, 1; Иванов, Плешанов 2013, 488, рис. 1, 8.

¹²² Isings 1957, 46–47, form 32; Rütli 1991, 45, 63, AR 54; Taf. 54, 1248; Fünfschilling 2015, 322, Abb. 403, 1–2.

¹²³ Sánchez de Prado 1984, p. 88–89, fig. 6, 3–4.

¹²⁴ Leljak 2012, 126, 127, fig. 5.

¹²⁵ Lazar 2003, 98–102.

¹²⁶ Barkóczy 1988, 88, Form 51; Taf. XI, 120–121; LXXIV–LXXV, 120–121.

¹²⁷ Lancel 1967, 78–84, nos. 145–165, pl. VIII.

¹²⁸ Vessberg 1952, 122, pl. III, 25–30.

¹²⁹ Kucharczyk 2004, 94, 95, fig. 1, 1–3.

¹³⁰ Кунина 1997, 314–315, № 305–308; Стржелецкий и др. 2003–2004, 120, табл. XXVIII, 1 (из комплексов II в. н.э.).

¹³¹ Пантикапей: Сорокина 1962, 224, 226, рис. 9, 11. – Тирамба: Сорокина 1965, 205, прим. 3. – Танаис: Сорокина 1965, 204–206, рис. 1, 1; Яценко 2007б, 175, № 3–4, табл. I.

¹³² Isings 1957, 46–47; Cool, Price 1995, 69–71; Lazar 2003, 98–102.

¹³³ Мошкова 2010, 345.

¹³⁴ Краева и др. 2018, 178.

¹³⁵ Упомянут: Краева и др. 2018, 178. Совместный доклад Л.А. Краевой и Б.А. Раева об этом бальзамарии был сделан на конференции «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма со Средиземноморским регионом» в Севастополе 5–7 июня 2018 г., однако в сборник тезисов конференции включен не был – как мне любезно сообщила Л.А. Краева, статья (Краева, Раев в печати) будет опубликована в 2019.

ме Isings 82A1¹³⁶. На Боспоре сравнительно редкие находки этой группы датируются в рамках середины – второй половины I в. н.э.¹³⁷, при этом наибольшую близость бальзамарию из Черного Яра обнаруживают ранние образцы середины столетия, в частности, находки из могилы № 372 (184)/1900 некрополя Пантикапея¹³⁸. Три подобных бальзамария были найдены и в меотских погребениях Прикубанья¹³⁹.

Исследователи отмечали близость сосудов типа II.1 находкам с побережья Сирии, с Кипра, из Дура-Эвропос и других центров римского Востока¹⁴⁰. В Ниневии подобный бальзамарий¹⁴¹ был найден в погребении вместе с золотой индикацией монеты Траяна ок. 115 г. н.э.¹⁴²

Точка зрения об изготовлении таких унгентариев на Кипре, высказанная еще в середине прошлого столетия¹⁴³, поддержанная Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, преобладает и в настоящее время – предполагается, что бальзамарии этого типа изготавливались как на Кипре, так и в сиро-палестинском регионе в конце I – II вв. н.э.¹⁴⁴; отмечается их широкое распространение и происхождение из контекстов, датирующихся от эпохи Флавиев до Антонинов¹⁴⁵. Находки из западных провинций в целом датируются также в рамках конца I – (первой половины) II в. н.э.¹⁴⁶

3. Сосуды со шлифованным декором

3.1. Фиала из погребения № 1 кургана № 9/1994 могильника Покровка 2

Погребение в кургане № 9/1994 могильника Покровка 2 датируется серединой III в. н.э.¹⁴⁷

Фрагментированная стеклянная фиала с отогнутым утончающимся к краю венчиком, орнаментированная зернообразными штрихами и концентрическими линиями, происходит из погребения № 1 кургана № 9/1994 могильника Покровка 2 (рис. 10)¹⁴⁸. Фрагменты еще одного сосуда из желтовато-зеленого стекла с элементами шлифованного орнамента – короткими широкими рисками – были найдены в разрушенном кургане в с. Мухраново¹⁴⁹.

¹³⁶ Isings 1957, 97–98, form 82A1; Кунина, Сорокина 1972, 164, тип II.1, рис. 1; 10, 9; Goethert-Polaschek 1977, 115–117, Form 71, Taf. 51, 622. 624. 636; Rütli 1991, 121, Form 140.1, Nr. 2402–2408, Taf. 102–103; Fünfschilling 2015, 409–410, 519, Nr. 6332–6333, Taf. 70.

¹³⁷ Кунина, Сорокина 1972, 149, рис. 1; 165–166. См. также аналогичную находку из раскопок городских слоев Пантикапея: Сорокина 1962, 220, рис. 7, 1; 221.

¹³⁸ Кунина, Сорокина 1972, 165–166, 167, рис. 10, 2–3.

¹³⁹ Marčenko, Limberis 2008, 306–307, Nr. 166.1; 174.1; 177.1.

¹⁴⁰ Кунина, Сорокина 1972, 166, 176, прим. 138–140 с лит. См. Также подобные находки из Малой Азии: Öztürk 2012, 95.

¹⁴¹ Curtis 1976, 64, no. 28, fig. 110.

¹⁴² Curtis 1976, 63, no. 22, fig. 105.

¹⁴³ Vessberg 1952, 137–138, pl. VIII, 13. 16; 159.

¹⁴⁴ Arweiler-Dulong, Nenna 2005, 186, 233–237, nos. 687–703.

¹⁴⁵ Whitehouse 1997, 151, no. 257.

¹⁴⁶ Fünfschilling 2015, 409.

¹⁴⁷ Яблонский и др. 1995, 41–45, 149–150, рис. 46–47; 165–173, рис. 62–70; Малашев, Яблонский 2008, 50–51, 67–68; 314–318, рис. 190–194.

¹⁴⁸ Яблонский и др. 1995, 45, 165, рис. 62, 4.

¹⁴⁹ Не опубликованы. Случайная находка 1996 г. в одиночном кургане. Доследования Д.В. Мещерякова (Оренбург). Материалы хранятся в ОГПУ, Оренбург.

Рис. 10. Покровка-II. Курган 9/1994. Погребение 1. Фрагменты чаши стеклянной. Оренбург, ОГИКМ, инв. № Ором 17718/1595. И/н 4.А.12927. Фото, М.Ю. Трейстер, 2016

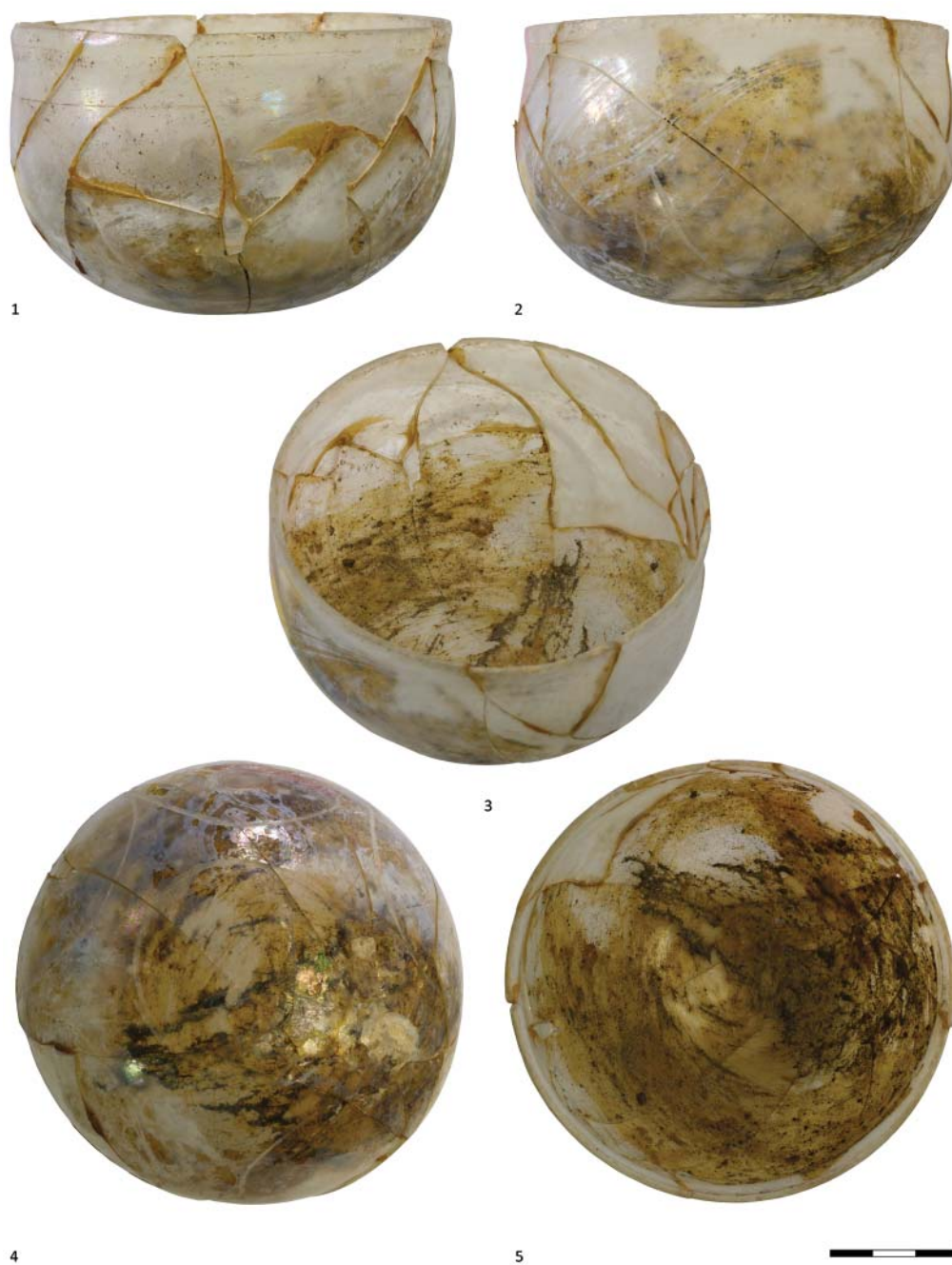

Рис. 11. Большая Дмитриевка. Курган № 13/1988. Погребение № 2. Чаша стеклянная. Саратов, СОМК, инв. 51963/29. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Судя по форме и декору сосуды могут относиться к группе фиал так называемого кельнского типа со шлифованным декором, которые с середины II по IV в. н.э. производились как в мастерских западных, так и восточных провинций Римской империи¹⁵⁰. Находки таких фиал известны в Рейнской области, в Паннонии, Нижнем Подунавье, в Северном Причерноморье¹⁵¹ (где они преобладают, в Танаисе). Реже они встречаются в Северной Африке и на Ближнем Востоке¹⁵². Предполагается, что в Танаисе, в первой половине III в. н.э., судя по находке формы для таких фиал, было налажено их местное производство по привозным образцам¹⁵³.

3.2. Фиала из кургана № 13/1988 у с. Большая Дмитриевка

Богатый инвентарь датирует погребение второй половиной III в. н.э.¹⁵⁴

Фиала из кургана № 13/1988 у с. Большая Дмитриевка украшена шлифованным орнаментом, состоящим из пяти округлых пятен, обрамленных снизу свисающими шевронами (рис. 11)¹⁵⁵. Аналогичный декор представлен на фрагментированной чаше из Аугста, которая по контексту находки датируется временем не позднее 200 г. н.э.¹⁵⁶ Близкая система декора в виде шлифованных овалов, обведенных дугами, представлен на одном из стеклянных блюд из собрания Музея стекла в Корнинге. Оно датируется III в. н.э. и по декору сопоставляется с находкой из слоя, датирующегося не позднее 256 г. н.э. в Дура-Эвропос¹⁵⁷. Подобная же схема декора украшает донную часть кубка из Мединет Мади в Египте¹⁵⁸. По мнению Клермона, сосуды со шлифованным декором, найденные в Дура-Эвропос были изготовлены либо на месте, либо – в Сирии¹⁵⁹. Ф. Сильвано высказывается в пользу возможности их изготовления и в египетских мастерских¹⁶⁰.

Выводы

В целом можно отметить преобладание среди стеклянных сосудов середины I – середины III вв. н.э. форм для питья (кубки, стаканы, фиалы, рог). Значительно реже встречаются кувшины, а также закрытые сосуды, представленные фрагментами, которые могли относиться к амфоре или кувшину, а также к амфориску или

¹⁵⁰ Eggers 1951, 180, Beil. 97, Taf. 15, 216; Isings 1957, 115–116, form 96b; Clairmont 1963, 65–68, group 2.c–d, figs. 2–3; Barkóczy 1988, 65, Form 25b, Taf. IV, 43; Rütli 1991, 46, 84–85, 91, 93, 95, 98, 148, 269–270, AR 60.1, Taf. 59–62; Cool, Price 1995, 70–75, fig. 5.6; Rottloff 1996, Nr. 1120–1146, Form 54, Taf. 35–36; Каровић 1995–1996, 86–88, № V/2a; табл. VI, 1–3; Whitehouse 1997, 257–258, no. 440; Lazar 2003, 83–84, тип 2.6.2, fig. 30 (Словения); von Saldern 2004, 368–375; Taştēmür, Şahin 2008, 97, 98, fig. 3, 14–17; 100; Weinberg, Stern 2009, 94–96, 123–124, nos. 195–202, pl. 19; Höpken, Pánczél 2011, 136, Nr. I/4–11, Abb. 1; Fünfschilling 2015, 330–332, 489–490, AR60.1, Taf. 35–36.

¹⁵¹ Sorokina 1978, 111–122; Сорокина 1982, 40; Пора 2016, 494–495; Некрополь Пантикапея: Кунина 1997, 210–211, илл. 183–184; 319, № 333; 320 (илл.).

¹⁵² Eger et al. 2011, 219–225, особенно карта распространения: S. 226, Abb. 10.

¹⁵³ Сорокина 1965, 208–215; Sorokina 1978, 111–122; Яценко 2007б, 180–182, № 38–52, табл. III.

¹⁵⁴ Матюхин, Ляхов 1991, 143–147.

¹⁵⁵ Матюхин, Ляхов 1991, 141, рис. 3, 8; 142, № 25.

¹⁵⁶ Rütli 1991, 95, Taf. 61, 1346.

¹⁵⁷ Whitehouse 1997, 261–262, no. 446.

¹⁵⁸ Silvano 2005, 119–121, fig. 1.

¹⁵⁹ Clairmont 1963, 56–57.

¹⁶⁰ Silvano 2005, 120.

бутыли. Был найден лишь один парфюмерный сосуд – бальзамарий. В некоторых случаях были найдены мелкие фрагменты сосудов, не позволяющие говорить об их форме: Бердянка-V, курган № 6/1995, погребение № 1 (первая половина – середина III в. н.э.)¹⁶¹, Лебедевка-VI, № 19¹⁶². Очевидно различие набора форм стеклянных сосудов в погребениях кочевников на рассматриваемой территории и на Нижнем Дону, где значительно чаще встречаются бальзамарии (по крайней мере, четыре находки целых сосудов¹⁶³ и фрагменты, которые могут к ним относиться), при этом и на Нижнем Дону закрытые сосуды встречаются очень редко¹⁶⁴.

Преобладают сосуды, выполненные в технике свободного дутья, в том числе богато украшенные экземпляры: с росписью эмалевыми красками или с декором из накладных нитей.

Очевидно, что сосуды имели различное происхождение. В тех случаях, когда его можно было определить с большей или меньшей степенью достоверности, это были как мастерские Восточного Средиземноморья и Египта, так и мастерские Западных провинций (бутыль и рог для питья из погребения могильника Нагавский-II, фиалы из Покровки-II и Большой Дмитриевки). Изделия последних особенно характерны для сосудов из позднесарматских погребений.

Большая часть сосудов датируется в рамках конца II – III вв. н.э. Более ранние сосуды (датируемые до середины II в. н.э.) редки и представлены серией находок из погребения в кургане № 1 могильника «Горелый-I», а также бальзамарием – из кургана № 42/2007 могильника Черный Яр и стаканом – из кургана № 21/2010 могильника Магнитный. В последних двух случаях стеклянные сосуды были антикварными предметами на момент погребения, поскольку обнаружены в погребениях III в. н.э. (в Магнитном, вероятно, – середины столетия).

За исключением одной находки в междуречье Волги и Дона находки стеклянных сосудов рассматриваемых групп в Поволжье концентрируются на территории лесостепного Саратовского правобережья («Горелый-I», Большая Дмитриевка), хотя находки литых в форме скифосов¹⁶⁵, а также чаш и блюд из глухого белого прессованного стекла и мозаичного стекла довольно широко представлены в погребениях первой половины I в. н.э. в бассейне р. Есауловский Аксай. Обращает на себя внимание и то, что, по сравнению с Поволжьем, значительно больше находок стеклянных сосудов, выполненных в технике свободного дутья и со шлифованным декором, происходит из Южного Урала, где они концентрируются в Южном Приуралье в бассейне р. Урал и Илек, при этом еще одна находка (самая дальняя, восточная) была найдена в Южном Зауралье (Магнитный) (рис. 12). Таким образом, плотность импортов не была связана с близостью к причерноморским центрам.

¹⁶¹ Моргунова, Мещеряков 2012, 216, 218.

¹⁶² Мошкова 2010, 345.

¹⁶³ Валовый-I. Курган № 9/1987. Погребение № 1: Беспалый и др. 2007, 32, № 40, табл. 33, 3; Безуглов и др. 2009, 41, рис. 21, 4; 86. – Курган № 50/1986 могильника Ново-Александровка-I: Глухов 2005, 52, 163, рис. 18, 7. – Могильник у ст. Скоырской, курган № 6/1982: Безуглов, Захаров 1992, 151, рис. 2, 31; 153. – Сладковский. Курган № 14/1978. Погребение № 1: не опубликован.

¹⁶⁴ Кувшин с четырехгранным туловом формы Isings 50a. Валовый-I. Курган № 9/1987. Погребение № 1: Беспалый и др. 2007, 28, № 12, табл. 31, 1; Безуглов и др. 2009, 41, рис. 21, 7; 86.

¹⁶⁵ Трейстер в печати.

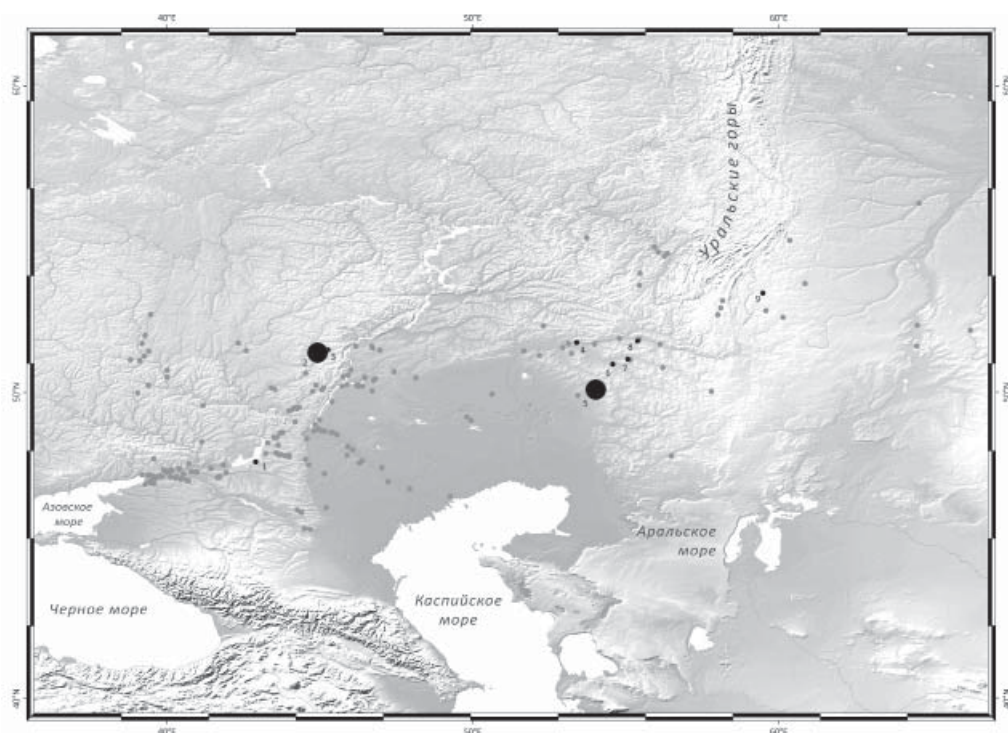

Рис. 12. Карта. Находки римских стеклянных сосудов первых веков н.э. в междуречье Волги и Дона, в Нижнем Поволжье и на Южном Урале. 1 – Нагавский-II, 2 – «Горелый-I», 3 – Большая Дмитриевка, 4 – Мухраново, 5 – Лебедевка-V-VI, 6 – Покровка-II, 7 – Черный Яр, 8 – Бердянка-V, 9 – Магнитный. Серыми кружками обозначены комплексы с импортами. Подоснова – Г.П. Гарбузов, карта – М.Ю. Трейстер, 2019

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М., Сорокина, Н.П. 2007: *Коллекция стекла античной Горгииппии*. М.
- Балановский, А.В., Тихонов, В.В. 2009: Погребение знатной сарматки из курганного могильника «Горелый I». В кн.: *Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы*. Балашов, 8–22.
- Безуглов, С.И., Захаров, А.Б. 1992: Новые данные к хронологии среднесарматских погребений Донского Правобережья. В кн.: А.С. Скрипкин (ред.), *Проблемы хронологии сарматской культуры*. Саратов, 148–157.
- Безуглов, С.И., Глебов, В.П., Парусимов, И.Н. 2009: *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону.
- Беспалый, Е.И., Беспалая, Н.Е., Раев, Б.А. 2007: *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I»* (Материалы и исследования по археологии Юга России, 2). Ростов-на-Дону.
- Богданова, НА., Гущина, И.И., Лобода, И.И. 1976: Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв. н.э.). *СА* 4, 121–152.
- Боталов, С.Г. 2013: О гуннах европейских и гуннах азиатских. В кн.: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации евразийских гуннов*. Челябинск, 32–87.

- Боталов, С.Г., Иванов, А.А. 2012: Новый комплекс кочевой аристократии гунно-сарматского времени в Южном Зауралье. *ПИФК* 4, 269–287.
- Внуков, С.Ю. 2016: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36–47.
- Глухов, А.А. 2005: *Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э.* Волгоград.
- Иванов, А.А., Плешанов, М.Л. 2013: К вопросу о появлении «римского» импорта в урало-казахстанских степях. В кн.: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации евразийских гуннов*. Челябинск, 485–492.
- Каровић, Г. 1995–1996: Римско стакло Маргума. *Viminacium* 10, 75–104.
- Краева, Л.А., Радивоевич, М., Равич, И.Г., Черникова, Л.П., Шутелева, И.А., Щербаков, Н.Б. 2018: Китайское зеркало из позднесарматского комплекса «Черный Яр». *Вестник Волгоградского Государственного Университета* 23.3, 178–188.
- Краева, Л.А., Раев, Б.А. в печати: Стекланный бальзамарий из могильника «Черный Яр» в Оренбургской области.
- Кривошеев, М.В. 2005: *Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации*: дисс... канд. ист. наук. Волгоград.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Кунина, Н.З. 1997: *Античное стекло в собрании Эрмитажа*. СПб.
- Кунина, Н.З., Сорокина, Н.П. 1972: Стекланные бальзамарии Боспора. *ТГЭ* 13, 146–177.
- Малашев, В.Ю., Яблонский, Л.Т. 2008: *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10)*. М.
- Матюхин, А.Д., Ляхов, С.В. 1991: Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье. В кн.: *Археология Восточно-Европейской степи*. Вып. 2. Саратов, 135–152.
- Моргунова, Н.Л., Мещеряков, Д.В. 2012: Позднесарматский курган на р. Бердянка в Оренбургской области. *Археологические памятники Оренбуржья* 10, 211–218.
- Мордвинцева, В.И., Хабарова, Н.В. 2006: *Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики сарматского времени из фондов Волгоградского областного краеведческого музея*. Симферополь.
- Мошкова, М.Г. 1982: Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане. *КСИА* 170, 80–87.
- Мошкова, М.Г. 2001: Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан). В кн.: И.В. Сергацков (ред.), *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 1. Волгоград, 236–249.
- Мошкова, М.Г. 2010: Стекланные изделия Лебедевского могильника. *НАВ* 11, 345–351.
- Мошкова, М.Г., Железчиков, Б.Ф., Кригер, В.А. 1979: Отчет об археологических работах в Уральской области. Архив ИА РАН, Р-1, № 6929.
- Мошкова, М.Г., Трейстер, М.Ю. Стекланный кубок со сценой поединка гладиаторов из кочевнического погребения могильника Лебедевка-V (Западный Казахстан). *РА* 2, 2014, 108–119.
- Мыськов, Е.П., Сергацков, И.В. 1994: Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону. *РА* 2, 179–190.
- Раев, Б.А., Яценко, Е.Г. 2012: Коллекция стекла Национального музея Республики Адыгея. В кн.: Г.Г. Матишов, Р.Г. Хунагов (ред.), *Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи*. Ростов-на-Дону, 143–165.
- Симоненко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Сорокина, Н.П. 1962: Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. В кн.: В.Д. Блаватский (ред.), *Пантикапей* (МИА 103). М., 210–236.

- Сорокина, Н.П. 1965: Стеклянные сосуды из Танаиса. В кн.: Д.Б. Шелов (ред.), *Древности Нижнего Дона* (МИА 127). М., 202–255.
- Сорокина, Н.П. 1979: Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология Цебельдинских могильников. *КСИА* 158, 57–67.
- Сорокина, Н.П. 1982: Стеклянная посуда как источник по истории экономических связей. В кн.: Д.Л. Талис (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы* (Труды ГИМ, 54.2). М., 40–43; 100–106.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2003–2004: Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.
- Трейстер, М.Ю. 2016: Кочевники на перекрестке транс-евразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный). В кн.: Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева (ред.), *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова*. Оренбург, 279–286.
- Трейстер, М.Ю. 2018: Blechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии. *ДБ* 22, 216–238.
- Трейстер, М.Ю., в печати: Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников Волго-Донского междуречья и участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н.э. В кн.: И.Н. Храпунов (ред.), *X международная научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории»* (Крым в сарматскую эпоху 5). Симферополь.
- Шабанов, С.Б. 2015: Сармато-германские контакты в Предгорном Крыму в позднеримское время (по материалам стеклянной посуды). *ПИФК* 3, 213–230.
- Яблонский, Л.Т., Девис-Кимболл, Дж., Демиденко, Ю.В. 1995: Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 г. В кн.: Л.Т. Яблонский (ред.), *Курганы левобережного Илека*. Вып. 3. М., 9–47.
- Яценко, Е.Г. 2007а: Коллекция стеклянных изделий из Танаиса IV–V вв. н.э. *ДБ* 11, 473–499.
- Яценко, Е.Г. 2007б: Стеклянные сосуды римского и позднеантичного времени из Танаиса (по материалам из раскопа XIX, исследования 1993–2000 гг.). *Вестник Танаиса* 2, 173–210.
- Allason-Jones, L. 2007: Life and Society. Overview. In: *Frontiers of Knowledge. A research Framework for Hadrian's Wall. Part of the Frontiers of the Roman Empire World Heritage Site*. Vol. 1, http://www.dur.ac.uk/resources/archaeology/pdfs/research/Vol_1_Resource_Assessment.pdf
- Arveiller-Dulong, V., Nenna, M.-D. 2005: *Musée du Louvre. Département des antiques grecques, étrusques et romaines. Les verres antiques. II*. Paris.
- Barbera, M. 2011: Una bottiglia monoansata in vetro Isings 50/51 dall'Area E di Nora. *LANX* 9, 110–121.
- Barkóczy, L. 1988: *Pannonische Glasfunde in Ungarn*. Budapest.
- Beaudoin, C., Zoitopoulou, E. 2008: *Montreal Museum of Fine Arts, Collection of Mediterranean Antiquities*. Vol. 1. *The Ancient Glass / Musée des beaux-arts de Montreal, La collection des antiquités méditerranéennes, Vol. 1, La verrerie antique*. Leiden–Boston.
- Bernhard, H. 1978: Zwei spätrömische Grabfunde aus Speyer. *BJb* 178, 259–279.
- Bolla, M. 2011a: Le tombe e i corredi. In: R. Invernizzi (ed.), *ET IN MEMORIAM EORUM. La necropoli romana dell'area Pleba di Casteggio*. Casteggio, 39–104.
- Bolla, M. 2011b: I recipienti in vetro. In: R. Invernizzi (ed.), *ET IN MEMORIAM EORUM. La necropoli romana dell'area Pleba di Casteggio*. Casteggio, 249–260.

- Borell, B. 2010: Trade and Glass Vessels along the Maritime Silk Road. In: B. Zorn, A. Hilgner (eds.), *Glass along the Silk Road, from 200 BC to AD 1000*. Mainz, 127–142.
- Boțan, S.P. 2014: The Road to the Indies. The Glass Evidence. *Studia Antiqua et Archaeologica* XX, 153–170.
- Buechner, T.S. 1960: The Glass from Tarrha. *Hesperia* 29.1, 109–117.
- Cabart, H. 2008: Une Production Originale du Nord de la France au IVe siècle: Les verres à décor de serpents. *JGS* 50, 31–50.
- Cambon, P. 2010: Begram – antikes Alexandria am Kaukasus und Hauptstadt der Kushana. In: *Kat. Bonn* 2010, 65–85.
- Cat. Paris 1998: *La Gloire d’Alexandrie*. Paris.
- Cat. Rousse 2013: E. Gencheva, *The Everyday Life of the Roman Legionary on the Lower Danube. The Catalogue of the Exhibition*. Sofia.
- Chiriac, C. 2017: Despre câteva fragmente vitrice de epocă romană timpurie de la Ibida (Slava Rusă), județul Tulcea. *Arheologia moldovei* XL, 197–208.
- Clairmont, C.W. 1963: *The Glass Vessels* (The Excavations at Dura-Europos, Final Report IV. Part V). New Haven.
- Coarelli, F. 1962: The painted cups of Begram and the Ambrosian Iliad. *East and West* 13.4, 317–335.
- Coarelli, F. 1963: Su alcuni vetri dipinti scoperti nella Germania indipendente e sul commercio Alessandrino in Occidente nei primi due secoli dell’Impero. *Archeologia Classica* 15, 61–85.
- Cool, H.E.M., Price, J. 1995: *Roman Vessel Glass from Excavations in Colchester, 1971–85* (Colchester Archaeological Reports 8). Colchester.
- Curtis, J. 1976: Parthian Gold from Nineveh. In: *The British Museum Yearbook 1. The Classical Tradition*. London, 47–66.
- Delacour, C. 1993: Redécouvrir les verres du trésor de Begram. *Arts Asiatiques* 48, 53–71.
- Dévai K. 2016: Glass Vessels from Late Roman Times found in Pannonia. *AAASH* 67, 255–286.
- Dunbabin, K. 1978: *The Mosaics of Roman North Africa. Studies in Iconography and Patronage*. Oxford.
- Dunbabin, K. 1999: *Mosaics of the Greek and Roman world*. Cambridge.
- Dussart, O. 2015: La verrerie romaine de Syrie du Nord. In: *Zeugma VI. La Syrie romaine. Permanences et transferts culturels* (Travaux de la Maison de l’Orient et de la Méditerranée. Série recherches archéologiques, 68). Lyon, 225–286.
- Eger, C., Nabulsi, A.J., Ahrens, A. 2011: Ein spätrömisches Grab mit einem Glasbecher E. 216 und einem Skarabäus aus Jordanien – Khirbet es-Samra, Grab 310. *KJb* 44, 215–231.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Evison, V. I. 1955: Anglo-Saxon Finds near Rainham, Essex, with a Study of Glass Drinking-horns. *Archaeologia* 46, 159–195.
- Evison, V. I. 1975: Germanic Glass Drinking Horns. *JGS* 17, 74–87.
- Follmann-Schulz, A.-B. 1988: *Die römischen Gläser aus Bonn* (Beih. BJb 46). Bonn.
- Follmann-Schulz, A.-B. 1992: *Die römischen Gläser im Rheinischen Landesmuseum Bonn*. Köln.
- Follmann-Schulz, A.-B. 2004: Randbemerkungen zu figürlichem Schlangenfadendekor auf römischen Gläsern. *BJb* 204, 2004, 93–116.
- Foy, D., Labaune-Jean, D., Leblond, C., Martin Pruvot, C., Marty, M.-T., Massart, C., Munier, C., Robin, L., Roussel-Ode, J. 2018: *Verres incolores de l’Antiquité romaine en Gaule et aux marges de la Gaule* (Archaeopress Roman Archaeology 42). Oxford.
- Fremersdorf, F. 1959: *Römische Gläser mit Fadenauflege in Köln* (Die Denkmäler des römischen Köln 5). Köln.

- Fremersdorf, F., Polónyi-Fremersdorf, E. 1984: *Die farblosen Gläser der Frühzeit in Köln. 2. und 3. Jahrhundert* (Die Denkmäler des römischen Köln 9). Köln.
- Fünfschilling, S. 2015: *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst: Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981–2010 aus Augusta Raurica* (FiA 51). Augst.
- Gawlikowska, K. 2015: A New Look on Some Old Glass Finds from Palmyra. *PAM* 24.1, 779–789.
- Goethert-Polaschek K. 1977: *Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier*. Mainz.
- Gottschalk, R. 2007: Zur spätrömischen Grabkultur im Kölner Umland. Zwei Bestattungsareale in Hürth-Hermülheim. Erster Teil. Die Gräber und ihre Befunde. *BJb* 207, 211–298.
- Gottschalk, R. 2015: *Spätrömische Gräber im Umland von Köln* (Rheinische Ausgrabungen 71). Darmstadt.
- Greiff, S. 2010: Von Allem einfach nur das Beste: Materialauswahl und Herstellungstechnik der mit Emailmalerei verzierten Glasfragmente aus Lübsow. In: Schuster 2010, 342–378.
- Grose, D.F. 2017: *The Hellenistic, Roman, and Medieval Glass from Cosa*. Ann Arbor.
- Grossmann, R.A. 2002: *Ancient Glass. A Guide to the Yale Collection*. New Haven.
- Haberey, W. 1959: Berzdorf (Landkreis Köln). *BJb* 159, 385–386.
- Haberey, W. 1960: Römische Brandgräbergruppe an der Ecke Adolfstraße – Im Krausfeld zu Bonn. *BJb* 160, 285–300.
- Haberey, W. 1962: Spätrömische Gräber in Brühl. *BJb* 162, 1962, 397–406.
- Hackin, J. 1939: *Recherches archéologiques à Begram. Chantier No. 2 (1937)*. (Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan, X). Paris.
- Hamelin, P. 1952: Sur quelques verreries de Bégram. *CB* 2, 11–36.
- Hamelin, P. 1953: Matériaux pour servir à l'étude des verreries de Bégram. *CB* 3, 121–156.
- Hamelin, P., 1954: Matériaux pour servir à l'étude des verreries de Bégram (suite). *CB* 4, 153–183.
- Harden, D.B. 1936: *Roman Glass from Karanis found by the University of Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–1929*. Ann Arbor.
- Hayes, J.W. 1975: *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum: A Catalogue*. Toronto.
- Höpken, C. 2010: Orient trifft Okzident: Glas im Osten und Westen des römischen Reiches. *KJb* 43, 379–398.
- Höpken, C., Pánczél, S.P. 2011: Verzierte Importgläser aus Porolissum. Neufunde aus Gebäude C3. In: I. Piso, V. Rusu-Bolindeț, R. Varga (eds.), *Scripta Classica. Radu Ardevan sexagenario dedicate*. Cluj-Napoca, 135–140.
- Hope, C.A., Whitehouse, H.V. 2003: The Gladiator Jug from Ismant el-Kharab. In: E. Bowen, C.A. Hope (eds.), *The Oasis Papers 3. Proceedings of the Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project* (Dakhleh Oasis Project, Monograph 14). Oxford, 291–310.
- Hoppál, K. 2016: Contextualising Roman-related Glass Artefacts in China. An Integrated Approach to Sino-Roman Relations. *AAASH* 67, 99–114.
- Isings, C. 1957: *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, Djakarta.
- Jackson-Tal, R.E. 2016: Glass Vessels. In: D. Syon, *Gamla III. The Shmarya Gutmann Excavations 1976–1989. Finds and Studies*. Part 2 (Israel Antiquities Authority Reports 59). Jerusalem, 1–48.
- Junkelmann, M. 2008: *Gladiatoren. Das Spiel mit dem Tod*. Mainz.
- Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn.
- Kat. Hildesheim 1988: A. Eggebrecht (Hrsg.), *Albanien. Schätze aus dem Land der Skipetaren*. Mainz.

- Kat. Mannheim 2009: S. Hansen, A. Wieczorek, M. Tellenbach (Hrsg.), *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg.
- Kivikoski, E. 1954: Skandinavisches in der römischen Eisenzeit Finnlands. *Acta Archaeologica* 25, 161–170.
- Kivikoski, E. 1973: *Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text*. Helsinki.
- Kondoleon, C. 1991: Signs of Privelege and Pleasure: Roman Domestic Mosaics. In: E.K. Gazda, A.E. Haeckl (eds.), *Roman Art in the Private Sphere New Perspectives on the Architecture and Decor of the Domus, Villa, and Insula*. Ann Arbor, 105–115.
- Kondoleon, C. 1995: *Domestic and Divine: Roman Mosaics in the House of Dionysos*. Ithaca, London.
- Konrad, M. 1997: *Das römische Gräberfeld von Bregenz Brigantium. Band I. Die Körpergräber des 3. und 5. Jahrhunderts* (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, 51). München.
- Kucharczyk, R. 2004: Early Roman glass from Marina El-Alamein. *PAM XVI*, 93–99.
- Kurup, S. 2015: *Kayseri müzesi cam seserleri*. Erzerum.
- Kurz, O. 1954: Begram et L'Occident Gréco-Romain. In: Hackin J., Kurz O., Hamelin P. *Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kâpici) (1939–1940)* (Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan, XI). Paris, 93–146.
- Lancel, S. 1967: *Verrerie antique de Tipasa*. Paris.
- Lazar, I. 2003: *Rimsko steklo Slovenije / The Roman Glass of Slovenia*. Ljubljana.
- Leljak, M. 2012: Typology of the Roman Glass Vessels from the Croatian part of the Province Pannonia. *Haemus Journal* 1, 121–133.
- Lund Hansen, U. 1987: Römischer Import im Norden. *Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien* (Nordiske Fortidsminder, B/10). København.
- Lund Hansen, U. 2012: The Early Roman painted glass from Zaborów, Poland. In: D. Ignatiadou, A. Antonaras (eds.), *Annales du 18e Congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre. Thessaloniki 2009*. Thessalonike, 217–223.
- Mairs, R. 2012: Glassware from Roman Egypt at Begram (Afghanistan) and the Red Sea Trade. *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan* 18, 61–74.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 267–400.
- Menninger, M. 1996: *Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund von Begram/Afghanistan*. Würzburg.
- Meyer, C. 1992: *Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean trade* (Studies in Ancient Oriental Civilization 53). Chicago.
- Oliver, A. Jr. 1984: Early Roman faceted glass. *JGS* 26, 35–58.
- Parrish, D. 1985: The Date of the Mosaics from Zliten. *African Antiquities* 21, 137–158.
- Pirling, R., Siepen, M. 2006: *Die Funde aus den römischen Gräbern von Krefeld-Gellep. Katalog der Gräber 6348–6361*. Stuttgart.
- Popa, A. 2016: Untersuchungen zum Fundbestand und zur Verbreitung der kaiserzeitlichen Glasgefäße jenseits der römischen Provinzgrenzen von Dacia und Moesia Inferior. In: V. Cojocaru, A. Rubel (eds.), *Mobility in Research on the Black Sea Region*. Cluj-Napoca, 482–529.
- Rau, A. 2017: Fragmente eines Glasbechers der Begram-Gruppe (Eggers Typ 186) aus Bordes-holm, Schleswig-Holstein. Zu den emailbemahten Glasern im mittel- und nordeuropaischen Barbaricum. In: B.V. Eriksen, A. Abegg-Wigg, R. Bleile, U. Ickerodt (Hrsg.), *Interaktion ohne Grenzen. Beispiele archäologischer Forschungen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Festschrift für Claus von Carnap-Bornheim zum 60. Geburtstag*. Bd. 1. Schleswig, 411–424.

- Rottloff, A. 1996: *Die römischen Gläser von Augusta Vendelicum – Augsburg*. Inaugural-Disser-tation. München.
- Rottloff, A. 2015: *Geformt mit göttlichem Atem. Römisches Glas*. Mainz.
- Rütti, B. 1991a: *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst* (FiA. 13). Augst.
- von Saldern, A. 2004: *Antikes Glas* (Handbuch der Archäologie). München.
- Sánchez de Prado, M.D. 1984: El vidrio romano en la provincia de Alicante. *Lucentum* III, 79–100.
- Scatozza Höricht, L.A. 1986: *I vetri romani di Ercolaneio* (Cataloghi / Soprintendenza archeolo-gica di Pompei 1). Roma.
- Schuster, J. 2010: *Lübsow – Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa* (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie 12). Bonn.
- Silvano, F. 2005: Glass Finds from Medinet Madi. In: *Annales du 16e Congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre*. London, 2003. London, 119–121.
- Simonenko, A.V. 2003: Glass and Faience Vessels from Sarmatian Graves of Ukraine. *JGS* 45, 41–57.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarz-meergebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarma-tischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.
- Słowińska, D., Dejtrowska, K., Lund Hansen, U. 2008: A Roman Painted Glass Beaker from a Przeworsk Culture Cemetery at Zaborów, western Mazowsze. *Wiadomości Archeologiczne* 60, 125–159.
- Sorokina, N.P. 1969: Das antike Glas der Nordschwarzmeerküste. In: *Annales du IVe congrès ... des „Journées Internationales du Verre“, Ravenne-Venise, 13–20 mai 1967*. Liège, 67–79.
- Sorokina, N.P. 1978: Facettenschliffgläser des 2. und 3. Jhs. u. Z. aus dem Schwarzmeergebiet. In: *Annales du 7e congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre, Berlin – Leipzig 1977*. Liège, 111–122.
- Stawiarska, T. 1999: *Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski. Studium archeologiczno-technologiczne*. Warszawa.
- Taştemür, E., Sahin, I. 2008: Glass Bowls from Sanctuary of Apollon Klarios Excavations in Western Anatolia. *Anatolia Antiqua* XVI, 95–106.
- Treister, M. 2003: The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations). *Antient Civilizations from Scythia to Siberia* 9, 43–85.
- Treister, M. 2013: Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Im-portobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka). In: T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Bochum, 733–748.
- Vessberg, O. 1952: Notes on the Chronology of the Roman Glass of Cyprus. *Opuscula Archaeo-logica* 7, 109–160.
- Ville, G. 1965: Essai de datation de la mosaïque des gladiateurs de Zliten. In: G. Charles-Picard, H. Stern (eds.), *La mosaïque gréco-romaine*. Paris, 147–154.
- Weinberg, G.D., Stern, E.M. 2009: *Vessel Glas* (The Athenian Agora 34). Princeton.
- Whitehouse, D. 1989a: Begram, the *Periplus* and Gandharan Art. *Journal of Roman Archaeo-logy* 2, 93–100.
- Whitehouse, D. 1989b: Begram Reconsidered. *KJb* 22, 151–157.
- Whitehouse, D. 1997: *Roman Glass in the Corning Museum of Glass*. Vol. 1. Corning.
- Whitehouse, D. 1998: Rev. M. Menninger, Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund vom Begram (Afghanistan). *AJA* 102, 639–641.
- Whitehouse, D. 2001: Begram: The Glass. *Topoi* 11.1, 437–449.
- Whitehouse, D. 2012: The Glass from Begram. In: J. Aruz, E. Valtz Fino (eds.), *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road* (The Metropolitan Museum of Art Symposia). New York, 54–63.

- Yu Zhiyong 2010: Some Thoughts on Glass Finds in the Tarim Oasis from the Past Ten Years. In: B. Zorn, A. Hilgner (Hrsg.), *Glass along the Silk Road from 200 BC to AD 1000* (RGZM Tagungen 9). Mainz, 191–202.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M., Sorokina, N.P. 2007: *Kollektsiya stekla antichnoy Gorgippii* [The Collection of Glass of Ancient Gorgippia]. Moscow.
- Allason-Jones, L. 2007: Life and Society. Overview. *Frontiers of Knowledge. A research Framework for Hadrian's Wall. Part of the Frontiers of the Roman Empire World Heritage Site*. Vol. 1, http://www.dur.ac.uk/resources/archaeology/pdfs/research/Vol_1_Resource_Assessment.pdf
- Arveiller-Dulong, V., Nenna, M.-D. 2005: *Musée du Louvre. Département des antiques grecques, étrusques et romaines. Les verres antiques. II*. Paris.
- Balanovskiy, A.V., Tikhonov, V.V. 2009: Pogrebenie znatnoy sarmatki iz kurgannogo mogil'nika «Gorelyy I» [The Burial of a Noble Sarmatian Female from the Burial-Mound Necropolis «Gorely I»]. In: *Nasha malaya Rodina: ee istoriya, razvitie, problemy* [Our Small Motherland: its History, Development, Problems]. Balashov, 8–22.
- Barbera, M. 2011: Una bottiglia monoansata in vetro Isings 50/51 dall'Area E di Nora. *LANX* 9, 110–121.
- Barkóczi, L. 1988: *Pannonische Glasfunde in Ungarn*. Budapest.
- Beaudoin, C., Zoitopoulou, E. 2008: *Montreal Museum of Fine Arts, Collection of Mediterranean Antiquities*. Vol. 1. *The Ancient Glass / Musée des beaux-arts de Montreal, La collection des antiquités méditerranéennes*. Vol. 1. *La verrerie antique*. Leiden–Boston.
- Bernhard, H. 1978: Zwei spätrömische Grabfunde aus Speyer. *Bonner Jahrbücher* 178, 259–279.
- Bespalyy, E.I., Bepalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyi mogil'nik "Valovyy I"* (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia] 2). Rostov-on-Don.
- Bezuglov, S.I., Zakharov, A.B. 1992: Novye dannye k khronologii srednesarmatskikh pogrebeniy Donskogo Pravoberezh'ya [New Data on the Chronology of the Middle Sarmatian Burials of the Right Bank of the Don River]. In: A.S Skripkin (ed.), *Problemy khronologii sarmatskoy kul'tury* [The Problems of Chronology of the Sarmatian Culture]. Saratov, 148–157.
- Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009: *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyy I)* [Late Sarmatian Burials in the Estuary of Don (Tumuli Necropolis Valovyi I)]. Rostov-on-Don.
- Bogdanova, N.A., Gushchina, I.I., Loboda, I.I. 1976: Mogil'nik Skalistoe III v Yugo-Zapadnom Krymy (I–III vv. n.e.) [The Burial-Ground Skalistoe III in South-Western Crimea (1st–3rd Centuries AD)]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 121–152.
- Bolla, M. 2011a: Le tombe e i corredi. In: R. Invernizzi (ed.), *ET IN MEMORIAM EORUM. La necropoli romana dell'area Pleba di Casteggio*. Casteggio, 39–104.
- Bolla, M. 2011b: I recipienti in vetro. In: R. Invernizzi (ed.), *ET IN MEMORIAM EORUM. La necropoli romana dell'area Pleba di Casteggio*. Casteggio, 249–260.
- Borell, B. 2010: Trade and Glass Vessels along the Maritime Silk Road. In: B. Zorn, A. Hilgner (eds.), *Glass along the Silk Road, from 200 BC to AD 1000*. Mainz, 127–142.
- Botalov, S.G. 2013: O gunnakh evropeyskikh i gunnakh aziatskikh [About European Hunnu and Asiatic Hunnu]. In: *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii evraziyskikh gunnov* [The Hunnu Forum. The Problem of Origin and Identification of Eurasian Hunnu]. Chelyabinsk, 32–87.

- Botalov, S.G., Ivanov, A.A. 2012: Novyy kompleks kochevoy aristokratii gunno-sarmatskogo vremeni v Yuzhnom Zaural'e [A New Complex of Nomadic Aristocracy of the Hunno-Sarmatian Period in the South Trans-Urals]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 269–287.
- Boțan, S.P. 2014: The Road to the Indies. The Glass Evidence. *Studia Antiqua et Archaeologica* XX, 153–170.
- Buechner, T.S. 1960: The Glass from Tarrha. *Hesperia* 29.1, 109–117.
- Cabart, H. 2008: Une Production Originale du Nord de la France au Ier siècle: Le verres à décor de serpents. *Journal of Glass Studies* 50, 31–50.
- Cambon, P. 2010: Begram – antikes Alexandria am Kaukasus und Hauptstadt der Kushana. In: *Kat. Bonn* 2010, 65–85.
- Cat. Paris 1998: *La Gloire d'Alexandrie*. Paris.
- Cat. Rousse 2013: E. Gencheva, *The Everyday Life of the Roman Legionary on the Lower Danube. The Catalogue of the Exhibition*. Sofia.
- Chiriac, C. 2017: Despre câteva fragmente vitrice de epocă romană timpurie de la Ibida (Slava Rusă), județul Tulcea. *Arheologia moldovei* XL, 197–208.
- Clairmont, C.W. 1963: *The Glass Vessels* (The Excavations at Dura-Europos, Final Report IV. Part V). New Haven.
- Coarelli, F. 1962: The Painted Cups of Begram and the Ambrosian Iliad. *East and West* 13.4, 317–335.
- Coarelli, F. 1963: Su alcuni vetri dipinti scoperti nella Germania indipendente e sul commercio Alessandrino in Occidente nei primi due secoli dell'Impero. *Archeologia Classica* 15, 61–85.
- Cool, H.E.M., Price, J. 1995: *Roman Vessel Glass from Excavations in Colchester, 1971–85* (Colchester Archaeological Reports 8). Colchester.
- Curtis, J. 1976: Parthian Gold from Nineveh. In: *The British Museum Yearbook I. The Classical Tradition*. London, 47–66.
- Delacour, C. 1993: Redécouvrir les verres du trésor de Begram. *Arts Asiatiques* 48, 53–71.
- Dévai K. 2016: Glass Vessels from Late Roman Times found in Pannonia. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 67, 255–286.
- Dunbabin, K. 1978: *The Mosaics of Roman North Africa. Studies in Iconography and Patronage*. Oxford.
- Dunbabin, K. 1999: *Mosaics of the Greek and Roman world*. Cambridge.
- Dussart, O. 2015: La verrerie romaine de Syrie du Nord. In: *Zeugma VI. La Syrieroimaine. Permanences et transferts culturels* (Travaux de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée. Série recherches archéologiques, 68). Lyon, 225–286.
- Eger, C., Nabulsi, A.J., Ahrens, A. 2011: Ein spätrömisches Grab mit einem Glasbecher E. 216 und einem Skarabäus aus Jordanien – Khirbet es-Samra, Grab 310. *Kölner Jahrbuch* 44, 215–231.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Evison, V. I. 1955: Anglo-Saxon Finds near Rainham, Essex, with a Study of Glass Drinking-horns. *Archaeologia* 46, 159–195.
- Evison, V. I. 1975: Germanic Glass Drinking Horns. *Journal of Glass Studies* 17, 74–87.
- Follmann-Schulz, A.-B. 1988: *Die römischen Gläser aus Bonn* (Beih. BJb 46). Bonn.
- Follmann-Schulz, A.-B. 1992: *Die römischen Gläser im Rheinischen Landesmuseum Bonn*. Köln.
- Follmann-Schulz, A.-B. 2004: Randbemerkungen zu figürlichem Schlangenfadendekor auf römischen Gläsern. *Bonner Jahrbücher* 204, 2004, 93–116.

- Foy, D., Labaune-Jean, D., Leblond, C., Martin Pruvot, C., Marty, M.-T., Massart, C., Munier, C., Robin, L., Roussel-Ode, J. 2018: *Verres incolores de l'Antiquité romaine en Gaule et aux marges de la Gaule* (Archaeopress Roman Archaeology 42). Oxford.
- Fremersdorf, F. 1959: *Römische Gläser mit Fadenauflage in Köln* (Die Denkmäler des römischen Köln 5). Köln.
- Fremersdorf, F., Polónyi-Fremersdorf, E. 1984: *Die farblosen Gläser der Frühzeit in Köln. 2. und 3. Jahrhundert* (Die Denkmäler des römischen Köln 9). Köln.
- Fünfschilling, S. 2015: *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst: Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981–2010 aus Augusta Raurica* (FiA 51). Augst.
- Gawlikowska, K. 2015: A New Look on Some Old Glass Finds from Palmyra. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 24.1, 779–789.
- Glukhov, A.A. 2005: *Sarmaty mezhdurech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e.* [*The Sarmatians of the Interfluvium of Volga and Don in the 1st – First Half of the 2nd Centuries AD*]. Volgograd.
- Goethert-Polaschek K. 1977: *Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier*. Mainz.
- Gottschalk, R. 2007: Zur spätrömischen Grabkultur im Kölner Umland. Zwei Bestattungsareale in Hürth-Hermülheim. Erster Teil. Die Gräber und ihre Befunde. *Bonner Jahrbücher* 207, 211–298.
- Gottschalk, R. 2015: *Spätrömische Gräber im Umland von Köln* (Rheinische Ausgrabungen 71). Darmstadt.
- Greiff, S. 2010: Von Allem einfach nur das Beste: Materialauswahl und Herstellungstechnik der mit Emailmalerei verzierten Glasfragmente aus Lübsow. In: Schuster 2010, 342–378.
- Grose, D.F. 2017: *The Hellenistic, Roman, and Medieval Glass from Cosa*. Ann Arbor.
- Grossmann, R.A. 2002: *Ancient Glass. A Guide to the Yale Collection*. New Haven.
- Haberey, W. 1959: Berzdorf (Landkreis Köln). *Bonner Jahrbücher* 159, 385–386.
- Haberey, W. 1960: Römische Brandgräbergruppe an der Ecke Adolfstraße – Im Krausfeld zu Bonn. *Bonner Jahrbücher* 160, 285–300.
- Haberey, W. 1962: Spätrömische Gräber in Brühl. *BJb* 162, 1962, 397–406.
- Hackin, J. 1939: *Recherches archéologiques à Begram. Chantier No. 2 (1937)*. (Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan, X). Paris.
- Hamelin, P. 1952: Sur quelques verreries de Bégram. *Cahiers de Byrsa* 2, 11–36.
- Hamelin, P. 1953: Matériaux pour servir à l'étude des verreries de Bégram. *Cahiers de Byrsa* 3, 121–156.
- Hamelin, P. 1954: Matériaux pour servir à l'étude des verreries de Bégram (suite). *Cahiers de Byrsa* 4, 153–183.
- Harden, D.B. 1936: *Roman Glass from Karanis found by the University of Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–1929*. Ann Arbor.
- Hayes, J.W. 1975: *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum: A Catalogue*. Toronto.
- Höpken, C. 2010: Orient trifft Okzident: Glas im Osten und Westen des römischen Reiches. *Kölner Jahrbuch* 43, 379–398.
- Höpken, C., Pánczél, S.P. 2011: Verzierte Importgläser aus Porolissum. Neufunde aus Gebäude C3. In: I. Piso, V. Rusu-Bolindeț, R. Varga (eds.), *Scripta Classica. Radu Ardean sexagenario dedicate*. Cluj-Napoca, 135–140.
- Hope, C.A., Whitehouse, H.V. 2003: The Gladiator Jug from Ismant el-Kharab. In: E. Bowen, C.A. Hope (eds.), *The Oasis Papers 3. Proceedings of the Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project* (Dakhleh Oasis Project, Monograph 14). Oxford, 291–310.

- Hoppál, K. 2016: Contextualising Roman-related Glass Artefacts in China. An Integrated Approach to Sino-Roman Relations. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 67, 99–114.
- Isings, C. 1957: *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, Djakarta.
- Ivanov, A.A., Pleshanov, M.L. 2013: K voprosu o poyavlenii “rimskogo” importa v uralo-kazakhstanskikh stepyakh [To the Question of the Appearance of the “Roman” Imports in the Steppes of the Urals and Kazakhstan]. In: *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii evraziyskikh gunnov* [The Hunnu Forum. The Problem of Origin and Identification of Eurasian Hunnu]. Chelyabinsk, 485–492.
- Jackson-Tal, R.E. 2016: Glass Vessels. In: Syon, D. *Gamla III. The Shmarya Gutmann Excavations 1976–1989. Finds and Studies*. Part 2 (Israel Antiquities Authority Reports 59). Jerusalem, 1–48.
- Junkelmann, M. 2008: *Gladiatoren. Das Spiel mit dem Tod*. Mainz.
- Karovich, G. 1995–1996: Rimsko staklo Marguma [Roman Glass of Margum]. *Viminacium* 10, 75–104.
- Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn.
- Kat. Hildesheim 1988: A. Eggebrecht (Hrsg.), *Albanien. Schätze aus dem Land der Skipetaren*. Mainz.
- Kat. Mannheim 2009: S. Hansen, A. Wieczorek, M. Tellenbach (Hrsg.), *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Regensburg.
- Kivikoski, E. 1954: Skandinavisches in der römischen Eisenzeit Finnlands. *Acta Archaeologica* 25, 161–170.
- Kivikoski, E. 1973: *Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text*. Helsinki.
- Kondoleon, C. 1991: Signs of Privilege and Pleasure: Roman Domestic Mosaics. In: E.K. Gazda, A.E. Haackl (eds.), *Roman Art in the Private Sphere New Perspectives on the Architecture and Decor of the Domus, Villa, and Insula*. Ann Arbor, 105–115.
- Kondoleon, C. 1995: *Domestic and Divine: Roman Mosaics in the House of Dionysos*. Ithaca, London.
- Konrad, M. 1997: *Das römische Gräberfeld von Bregenz Brigantium. Band I. Die Körpergräber des 3. und 5. Jahrhunderts* (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, 51). München.
- Kraeva, L.A., Radivoevich, M., Ravich, I.G., Chernikova, L.P., Shuteleva, I.A., Shcherbakov, N.B. 2018: Kitayskoe zerkalo iz pozdnesarmatskogo kompleksa “Chernyy Yar” [A Chinese Mirror from the Late Sarmatian Complex “Chernyy Yar”]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Journal of the Volgograd State University] 23.3, 178–188.
- Kraeva, L.A., Raev, B.A. in print: Steklyannyy bal’zamariy iz mogil’nika “Chernyy Yar” v Orenburgskoy oblasti [A Glass Balsamarium from the Necropolis “Chernyi Yar” in Orenburg Region].
- Krivosheev, M.V. 2005: *Pozdnesarmatskaya kul’tura yuzhnoy chaste mezhdurech’ya Volgi i Dona. Problemy khronologii i periodizatsii*: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Late Sarmatian Culture of the Southern Part of Volga-Don Interfluve. Problems of Chronology and Periodization. Ph.D. Dissertation]. Volgograd.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Brooches of the Sarmatian Period]. Kiev.
- Kucharczyk, R. 2004: Early Roman Glass from Marina El-Alamein. *Polish Archaeology in the Mediterranean* XVI, 93–99.
- Kunina, N.Z. 1997: *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* [Ancient Glass from the Collection of the State Hermitage]. Saint Petersburg.
- Kunina, N.Z., Sorokina, N.P. 1972: Steklyannyye bal’zamarii Bospora [Glass Balsamaria of the Bosphorus]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage] 13, 146–177.

- Kurup, S. 2015: *Kayseri müzesi cam seserleri*. Erzerum.
- Kurz, O. 1954: Begram et L'Occident Gréco-Romain. In: Hackin J., Kurz O., Hamelin P. *Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kâpici) (1939–1940)* (Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan, XI). Paris, 93–146.
- Lancel, S. 1967: *Verrerie antique de Tipasa*. Paris.
- Lazar, I. 2003: *Rimsko steklo Slovenije / The Roman Glass of Slovenia*. Ljubljana.
- Leljak, M. 2012: Typology of the Roman Glass Vessels from the Croatian part of the Province Pannonia. *Haemus Journal* 1, 121–133.
- Lund Hansen, U. 1987: Römischer Import im Norden. *Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien* (Nordiske Fortidsminder, B/10). København.
- Lund Hansen, U. 2012: The Early Roman Painted Glass from Zaborów, Poland. In: D. Ignatiadou, A. Antonaras (eds.), *Annales du 18e Congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre. Thessaloniki 2009*. Thessalonike, 217–223.
- Mairs, R. 2012: Glassware from Roman Egypt at Begram (Afghanistan) and the Red Sea Trade. *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan* 18, 61–74.
- Malashev, V.Yu., Yablonskiy, L.T. 2008: *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10)* [*The Population of the Steppes of the South Urals in the Late Sarmatian Period (after the Materials of the Burial-Ground Pokrovka 10)*]. Moscow.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 267–400.
- Matyukhin, A.D., Lyakhov, S.V. 1991: Novoe pozdnesarmatskoe pogrebenie v lesostepnom Saratovskom Pravoberezh'e [A New Late Sarmatian Burial in the Forest-Steppe Zone of the Right Bank of the Volga in the Saratov Region]. In: *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [Archaeology of the East-European Steppe]. Iss. 2. Saratov, 135–152.
- Menninger, M. 1996: *Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund von Begram/Afghanistan*. Würzburg.
- Meyer, C. 1992: *Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean trade* (Studies in Ancient Oriental Civilization 53). Chicago.
- Morgunova, N.L., Meshcheryakov, D.V. 2012: Pozdnesarmatskiy kurgan na r. Berdyanka v Orenburgskoy oblasti [A Late Sarmatian Burial-Mound on the River Berdyanka in the Orenburg Region]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of Orenburg Region] 10, 211–218.
- Mordvintseva, V.I., Khabarova, N.V. 2006: *Sarmatskoe zoloto. Yuvelirnye ukrasheniya i predmety torevniki sarmatskogo vremeni iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Sarmatian Gold. Jewellery and Toreutics of the Sarmatian Period from the Depots of the Volgograd Regional Local Lore Museum]. Simferopol.
- Moshkova, M.G. 1982: Pozdnesarmatskie pogrebeniya Lebedevskogo mogil'nika v Zapadnom Kazakhstane [Late Sarmatian Burials of the Lebedevka Burial-Ground in West Kazakhstan]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 170, 80–87.
- Moshkova, M.G. 2001: Sbruynye nabory iz pozdnesarmatskikh pogrebeniy Lebedevskogo mogil'nika (Zapadnyy Kazakhstan) [Horse-Harness Sets from the Lebedevka Burial-Ground (West Kazakhstan)]. In: I.V. Sergatskov (ed.), *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on Archaeology of the Volgo-Don Steppes]. Iss. 1. Volgograd, 236–249.

- Moshkova, M.G. 2010: Steklyannye izdeliya Lebedevskogo mogil'nika [Glass Items from the Lebedevka Burial-Ground]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Herald]* 11, 345–351.
- Moshkova, M.G., Zhelezchikov, B.F., Kriger, V.A. 1979: Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Ural'skoy oblasti [Report on the Archaeological Works in the Uralsk Region]. Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, P-1, no. 6929.
- Moshkova, M.G., Treister, M.Yu. 2014: Steklyannyy kubok so stsenoy poedinka gladiatorov iz kochevnicheskogo pogrebeniya mogil'nika Lebedevka-V (Zapadnyy Kazakhstan) [A Glass Goblet with the Scene of Gladiator's Combat from the Nomadic Burial of the Burial-Ground Lebedevka-V (West Kazakhstan)]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]* 2, 108–119.
- Mys'kov, E.P., Sergatskov, I.V. 1994: Pozdnesarmatskie komplekсы na Nizhnem Donu [Late Sarmatian Complexes in the Lower Don Basin]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]* 2, 179–190.
- Oliver, A. Jr. 1984: Early Roman Faceted Glass. *Journal of Glass Studies* 26, 35–58.
- Parrish, D. 1985: The Date of the Mosaics from Zliten. *African Antiquities* 21, 137–158.
- Pirling, R., Siepen, M. 2006: *Die Funde aus den römischen Gräbern von Krefeld-Gellep. Katalog der Gräber 6348–6361*. Stuttgart.
- Popa, A. 2016: Untersuchungen zum Fundbestand und zur Verbreitung der kaiserzeitlichen Glasgefäße jenseits der römischen Provinzgrenzen von Dacia und Moesia Inferior. In: V. Cojocaru, A. Rubel (eds.), *Mobility in Research on the Black Sea Region*. Cluj-Napoca, 482–529.
- Raev, B.A., Yatsenko, E.G. 2012: Kolleksiya stekla Natsional'nogo muzeya Respubliki Adygeya [The Collection of Glass of the National Museum of Adygeya Republic]. In: G.G. Matishov, R.G. Khunagov (eds.), *Sotsial'no-gumanitarnye i ekologicheskie problemy razvitiya sovremennoy Adygei [Social-Humanitarian and Ecological Problems of the Development of modern Adygeya]*. Rostov-on-Don, 143–165.
- Rau, A. 2017: Fragmente eines Glasbechers der Begram-Gruppe (Eggers Typ 186) aus Bordes-holm, Schleswig-Holstein. Zu den emailbemalten Glasern im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum. In: B.V. Eriksen, A. Abegg-Wigg, R. Bleile, U. Ickerodt (Hrsg.), *Interaktion ohne Grenzen. Beispiele archäologischer Forschungen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Festschrift für Claus von Carnap-Bornheim zum 60. Geburtstag*. Bd. 1. Schleswig, 411–424.
- Rottloff, A. 1996: *Die römischen Gläser von Augusta Vendelicum – Augsburg*. Inaugural-Dissertation. München.
- Rottloff, A. 2015: *Geformt mit göttlichem Atem. Römisches Glas*. Mainz.
- Rütti, B. 1991a: *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst* (FiA. 13). Augst.
- von Saldern, A. 2004: *Antikes Glas* (Handbuch der Archäologie). München.
- Sánchez de Prado, M.D. 1984: El vidrio romano en la provincia de Alicante. *Lucentum* III, 79–100.
- Scatozza Höricht, L.A. 1986: *I vetri romani di Ercolaneio* (Cataloghi /Soprintendenza archeologica di Pompei 1). Roma.
- Schuster, J. 2010: *Lübsow – Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa* (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie 12). Bonn.
- Shabanov, S.B. 2015: Sarmato-germanskie kontakty v Predgornom Krymu v pozdnerimskoe vremya (po materialam steklyannoy posydy) [Sarmato- Germanian Contacts in the Foot-hill Crimea in the Late Roman Period (after the Materials of Glassware)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 213–230.
- Silvano, F. 2005: Glass Finds from Medinet Madi. In: *Annales du 16e Congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre*. London, 2003. London, 119–121.
- Simonenko, A.V. 2003: Glass and Faience Vessels from Sarmatian Graves of Ukraine. *JGS* 45, 41–57.

- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Import by the Sarmatians of the North Pontic Area]. Saint Petersburg.
- Słowińska, D., Dejtrowska, K., Lund Hansen, U. 2008: A Roman Painted Glass Beaker from a Przeworsk Culture Cemetery at Zaborów, western Mazowsze. *Wiadomości Archeologiczne* 60, 125–159.
- Sorokina, N.P. 1962: Steklo iz raskopok Pantikapeya 1945–1959 gg. In: V.D. Blavatskiy (ed.), *Pantikapey* [Pantikapaion] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR] 103). Moscow, 210–236.
- Sorokina, N.P. 1965: Steklyannye sosudy iz Tanaisa. In: D.B. Shelov (ed.), *Drevnosti Nizhnego Dona* [Antiquities of the Lower Don] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR] 127). Moscow, 202–255.
- Sorokina, N.P. 1969: Das antike Glas der Nordschwarzmeerküste. In: *Annales du IVe congrès ... des „Journées Internationales du Verre“, Ravenne-Venise, 13–20 mai 1967*. Liège, 67–79.
- Sorokina, N.P. 1978: Facettenschliffgläser des 2. und 3. Jhs. u. Z. aus dem Schwarzmeergebiet. In: *Annales du 7e congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre, Berlin – Leipzig 1977*. Liège, 111–122.
- Sorokina, N.P. 1979: Steklyannye sosudy IV–V vv. i khronologiya tsebel'dinskikh mogil'nikov [Glass Vessels of the 4th–5th Centuries and the Chronology of the Tsebel'da Burial-Grounds]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 158, 57–67.
- Sorokina, N.P. 1982: Steklyannaya posuda kak istochnik po istorii ekonomicheskikh svyazey [Glassware as a Source of History of Economic Relations]. In: D.L. Talis (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Studies in the South of Eastern Europe] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 54.2). Moscow, 40–43; 100–106.
- Stawiarska, T. 1999: *Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski. Studium archeologiczno-technologiczne*. Warszawa.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003–2004: Naselenie okruzi Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz no. 10») [The Population of the Countryside of Chersonessos in the First Half of the 1st Millennium AD (after the Materials of the Necropolis “Sovkhoz no. 10”)]. *Stratum plus* 4, 27–277.
- Taştemür, E., Sahin, I. 2008: Glass Bowls from Sanctuary of Apollon Klarios Excavations in Western Anatolia. *Anatolia Antiqua* XVI, 95–106.
- Treister, M. 2003: The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 9, 43–85.
- Treister, M. 2013: Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka). In: T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Bochum, 733–748.
- Treister, M. 2016: Kochevniki na perekrestke trans-evraziyskikh karavannykh putey (zapadnye importy v sarmatskom pogrebenii kurgana no. 21 mogil'nika Magnitnyy) [The Nomads on the Crossroads of the Trans-Eurasian Caravan Routes (western Imports in the Sarmatian Burial of the Burial-mound no. 21 of the Magnitnyi Necropolis)]. In: L.T. Yablonskiy, L.A. Kraeva (eds.), *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arkheologii* [Konstantin Fedorovich Smirnov and the Modern Problems of the Sarmatian Archaeology]. Orenburg, 279–286.

- Treister, M.Yu. 2018: Blechkanne. Mednye kovynnye kuvshiny pervykh vekov n.e. v Severom Prichernomor'ye i Sarmatii [Blechkanne. Copper Hammered Jugs of the First Centuries AD in the North Pontic Area and Sarmatia]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 22, 216–238.
- Treister, M.Yu., in print: Litye v formakh steklyannye skifosy iz pogrebeniy kochevnikov Volg-Donskogo mezhdurech'ya i uchastie sarmatov v ibero-parfyanskoy voyne 35 g. n.e. [Mold Cast Glass Skyphoi from the Burials of the Nomads of the Volga-Don Interfluvium and the Participation of the Sarmatians in the Ibero-Parthian War of 35 AD]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *X mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [10th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”] (Krym v sarmatskuyu epokhu [The Crimea in the Sarmatian Period] 5). Simferopol.
- Vessberg, O. 1952: Notes on the Chronology of the Roman Glass of Cyprus. *Opuscula Archaeologica* 7, 109–160.
- Ville, G. 1965: Essai de datation de la mosaïque des gladiateurs de Zliten. In: G. Charles-Picard, H. Stern (eds.), *La mosaïque gréco-romaine*. Paris, 147–154.
- Vnukov, S.Yu. 2016: Eshcho raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleyskikh) uzkogorlykh amfor [Once More on Typology, Evolution and Chronology of Light-Clay (Late Herakleian) Amphorae with narrow Necks]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 36–47.
- Weinberg, G.D., Stern, E.M. 2009: *Vessel Glass* (The Athenian Agora 34). Princeton.
- Whitehouse, D. 1989a: Begram, the *Periplus* and Gandharan Art. *Journal of Roman Archaeology* 2, 93–100.
- Whitehouse, D. 1989b: Begram Reconsidered. *Kölner Jahrbuch* 22, 151–157.
- Whitehouse, D. 1997: *Roman Glass in the Corning Museum of Glass*. Vol. 1. Corning.
- Whitehouse, D. 1998: Rev. M. Menninger, Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund vom Begram (Afghanistan). *American Journal of Archaeology* 102, 639–641.
- Whitehouse, D. 2001: Begram: The Glass. *Topoi* 11.1, 437–449.
- Whitehouse, D. 2012: The Glass from Begram. In: J. Aruz, E. Valtz Fino (eds.), *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road* (The Metropolitan Museum of Art Symposia). New York, 54–63.
- Yablonskiy, L.T., Davis-Kimball, J., Demidenko, Yu.V. 1995: Raskopki kurgannykh mogil'nikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1994 g [Excavations of the Burial-Mound Necropoleis Pokrovka 1 and Pokrovka 2 in 1994]. In: L.T. Yablonskiy (ed.), *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Burial-Mounds of the Left Bank of Ilek]. Iss. 3. Moscow, 9–47.
- Yatsenko, E.G. 2007a: Kolleksiya steklyannykh izdeliy iz Tanaisa IV–V vv. n.e. [The Collection of the 4th–5th Century AD Glass Articles from Tanais]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 11, 473–499.
- Yatsenko, E.G. 2007b: Steklyannye sosudy rimskogo i pozdneantichnogo vremeni iz Tanaisa (po materialam iz raskopa XIX, issledovaniya 1993–2000 gg.) [Glass Vessels of the Roman and Late Antique Period from Tanais (after the Materials from Section XIX, Excavations of 1993–2000)]. *Vestnik Tanaisa* [Tanais Herald] 2, 173–210.
- Yu Zhiyong 2010: Some Thoughts on Glass Finds in the Tarim Oasis from the Past Ten Years. In: B. Zorn, A. Hilgner (Hrsg.), *Glass along the Silk Road from 200 BC to AD 1000* (RGZM Tagungen 9). Mainz, 191–202.

ROMAN GLASS VESSELS OF THE MID-1st – MID-3rd CENTURIES AD FROM
THE SARMATIAN BURIALS OF THE VOLGA-DON INTERFLUVE, LOWER
VOLGA BASIN AND SOUTH URALS

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. The article discusses Roman glass vessels of the mid-1st to mid-3rd centuries AD from the Sarmatian burials of the Volga-Don interfluve, the Lower Volga region and the Southern Urals. In general, it is possible to note the prevalence of the vessels of drinking forms (beakers, phialai, and a drinking horn). Much less often occur jugs or there were found vessels of closed shapes, represented by fragments, which could refer to an amphora or a jug, as well as to an amphoriskos or a bottle. The free blown vessels, including richly decorated specimens, painted with enamel paints or with the decoration of overlaid threads, are predominant.

It is obvious that the vessels had different origin, they are products of the workshops of the Eastern Mediterranean and Egypt, as well as of the Western provinces. The latter items are especially characteristic for the Late Sarmatian burials. Most of the vessels date from the late 2nd to the 3rd centuries AD. Earlier vessels (dated up to the middle of the 2nd century AD) are rare, and in two cases they were already antique objects at the time of the burial, as they were found in the burials of the 3rd century AD.

With the exception of one find in the Volga Don interfluvial area, the glass vessels found in the Volga area, are concentrated in the territory of the forest-steppe zone of the Volga right bank in Saratov region. It is noteworthy that, in comparison with the Volga region, much more glass vessels were found in the Southern Urals, where they are concentrated in the basin of the Ural and Ilek rivers, while one of the finds, the farthest east, originates from the Southern Trans-Urals. Thus, the density of imports was not determined by proximity to the Black Sea centers.

Keywords: Roman glass vessels, Asian Sarmatia, Lower Volga, South Urals, free blown glass, enamel painted, thread, faceted and engraved decoration, workshops of Eastern Mediterranean, Egypt, Western provinces of the Roman Empire

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-69–78

РИМСКОЕ ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ИЗ РАСКОПОК НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В.В. Дорошко

*Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес
Таврический», Севастополь, Россия
valentindor@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются элементы римского воинского снаряжения из находок экспедиций последних 15 лет на территории сельской округи Херсонесского государства. В работу не включен материал с ближайших пунктов римского военного базирования, поскольку он заслуживает отдельного внимания. Публикуемые находки, с одной стороны, указывают на очевидный факт присутствия римских солдат в тылу своих позиций на перешейке Гераклейского полуострова, а с другой, их малочисленность дает представление о небольшом составе римских воинских контингентов, размещенных в этом регионе. Следует отметить, что четыре предмета из шести, представленных в Юго-Западной Таврике, встречаются впервые. Среди них два железных наконечника катапультных стрел с усадеб 197 и 343. Благодаря этим находкам только сейчас можно с уверенностью сказать о том, что катапультно-стреломет, более известная как «скорпион», была в арсенале римских войск, дислоцированных в Юго-Западной Таврике. Факт обнаружения пельтавидной поясной накладки из раскопок на высоте Безымянная прибавляет уверенности в том, что это мог быть пункт дислокации римских войск. Находки римского военного снаряжения отмечены не только на поселенческих памятниках: так, на участке 86 обнаружен поясной наконечник, а редкий ременной распределитель недоуздка неподалеку от усадьбы 318. За исключением крючка-пуговицы I в. н.э. с усадьбы 328 Южная, все представленные находки датируются в пределах II–III вв., что почти пропорционально соответствует хронологическому распределению находок римского воинского снаряжения с территории Херсонесского городища и Юго-Западной Таврики.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Римская империя, римская армия, римское вооружение

Тема римского военного присутствия в Херсонесе и его округе продолжает оставаться одной из перспективных в изучении истории города. Как полевые исследования, так и материалы фондов Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (далее – ГИАМЗХТ) дают

Данные об авторе: Дорошко Валентин Валерьевич – научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-31-01082 а2 «Херсонесское пограничье в Юго-Западной Таврике античного времени».

основания подтвердить или опровергнуть ряд ранее выдвинутых в науке гипотез. Внастоящее время опубликованы немногочисленные элементы римского воинского снаряжения из позднескифских могильников¹ с территории Юго-Западного Крыма. Однако на внутреннем пространстве Гераклейского полуострова, которое, как известно, находилось в тылу цепи римских укреплений на перешейке, свидетельства римского военного присутствия встречались лишь в виде отдельных находок, не связанных с римским военным костюмом². Раскопки последних десятилетий на территории ближней хоры Херсонеса наконец дали ряд находок, которым посвящена данная публикация³. При всей немногочисленности, они проливают дополнительный свет на картину римского военного присутствия на территории Гераклейского полуострова.

На усадьбе 328 Южная (исследования автора в 2015 г.) обнаружен крючок-пуговица⁴ (рис. 1, 1), аналогии которому известны в римских военных лагерях I в. н.э.⁵ Находка происходит из отвала строительной траншеи и лишена археологического контекста, однако самый поздний массовый керамический материал античного времени с усадьбы 328 Южная датируется второй половиной I в. н.э.⁶

Поверхность диска крючка диаметром 2,6 см сохранилась хорошо, имеет следы потертости с двух сторон. Вокруг центрального выступа – четыре концентрических валика разной ширины. Два из них покрыты косыми насечками. В центре тыльной стороны – прямоугольное основание, от которого начинается стебель петли, согнутый под прямым углом. Петля округлой формы сохранилась частично. Подобные крючки часто находят в римских военных лагерях; по всей видимости, они могли использоваться в качестве застежек для плащей, палаток и чехлов и, возможно, креплений кинжалов и мечей на поясе⁷.

Наша находка, вероятнее всего, связана с событиями экспедиции Т. Плавтия Сильвана в Таврику. Возможно, и сама усадьба 328 Южная прекратила свое существование в ту пору. Отметим, что на территории т.н. ближней хоры Херсонеса наблюдаются разрушения и гибель усадеб в середине-второй половине I в. н.э. Об этом можно судить на примере исследований усадебных комплексов участков 363⁸ и 337⁹. Следует отметить, что с упомянутой экспедицией можно связать ряд находок, обнаруженных в Херсонесе и в Юго-Западном Крыму¹⁰.

Во время исследований 2002 г. Г.М. Николаенко укрепленного комплекса на высоте Безымянной была обнаружена бронзовая пельтавидная ременная накладка¹¹ (рис. 1, 2). Размер – 2,5×2,9 см. Один из завитков утрачен, с тыльной стороны

¹ Журавлев 2002, 90–95; Масыкин 2007; Костромичев 2018, 103–113.

² Граков, Виноградов 1970, 129; Золотарев 1981; Сапрыкин 1981; Соломоник 1984, 30, № 26; Трейстер 1991.

³ Пользуясь случаем, выражаю благодарность авторам раскопок за возможность опубликовать представленный материал.

⁴ ГИАМЗХТ. Инв. № ИКАМ 37670/25.

⁵ Hübener 1973, taf. 11, 1; Deschler-Erb, Unz 1997, taf. 71, 2061, 2062, 2086, 2087; Deschler-Erb 1999, taf. 41, 776–778.

⁶ Дорошко 2016, 14.

⁷ Deschler-Erb 1999, 68; Radman-Livaja 2004, 92.

⁸ Kovalevskaja, Sarnowski 2009, 169; Kovalevskaja 2015, 345, 349.

⁹ НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4440. Л. 3.

¹⁰ Дорошко 2012.

¹¹ ГИАМЗХТ. Инв. ИКАМ № 37370/8.

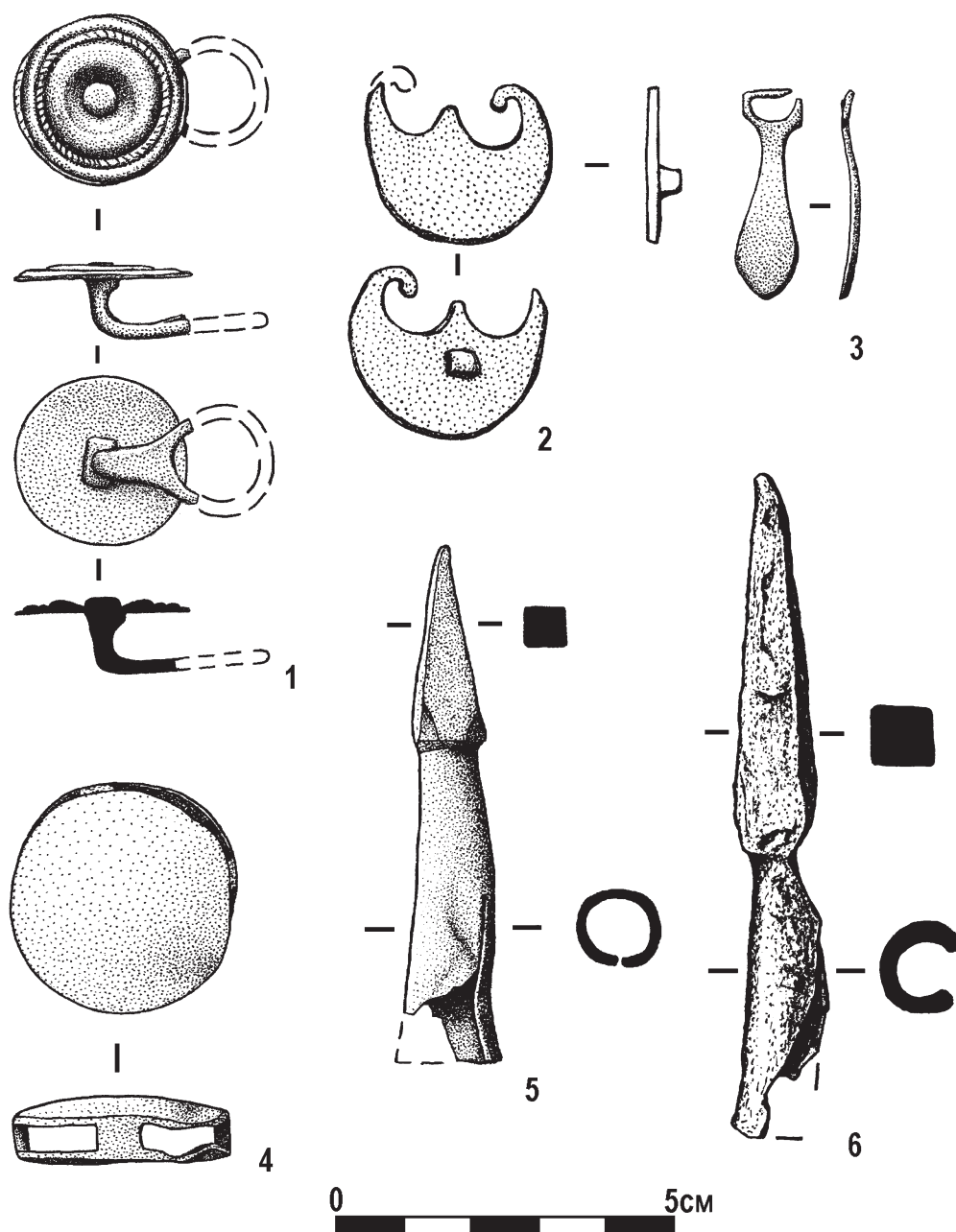

Рис. 1. Элементы римской воинской амуниции с территории Гераклейского полуострова.
1–4 – бронза, 5, 6 – железо

частично сохранился прямоугольный в сечении штифт. Подобные накладки часто встречаются в римских военных лагерях конца II–III в. и могут быть как деталями сбруи, так и элементами поясной гарнитуры¹². Близкая аналогия происходит и из раскопок Херсонеса¹³. Укрепленный комплекс на высоте Безымянной первоначально рассматривался одним из авторов исследований 1992 г. как римское укрепление¹⁴. Публикуемая находка – пока единственное подтверждение в пользу этой точки зрения.

Во время исследований Г.М. Николаенко и автора работы на территории древнего земельного участка 86 в 2013 г. была обнаружена поясная подвеска римского типа¹⁵ (рис. 1, 3). Длина – 3,1 см. Она имеет каплевидную форму и верхний прямоугольный выступ с отверстием для крепления к обойме. Подобные подвески были широко распространены на территории Римской империи во второй половине II–III в. и чаще всего применялись парно в поясной гарнитуры, однако могли быть и частями конской сбруи¹⁶. Известна такая находка и из раскопок Херсонеса¹⁷.

Следует отметить, что недавно в одной из кладок усадьбы участка 86 во время реставрационных работ рабочие обнаружили известняковый камень с частью латинского текста¹⁸. Также с берегов бухты Омега происходит еще одна находка, связанная с римскими военными служащими. В 2006 г. во время охранных исследований на усадьбе земельного участка 7 был обнаружен фрагмент черепицы с клеймом VEMI¹⁹.

Во время разведочных работ А.В. Иванова и автора работы в 2016 г. в 30 м к востоку–северо-востоку от усадьбы 318 на юго-западном склоне балки Бермана был обнаружен бронзовый ременной распределитель²⁰ (рис. 1, 4). Он литой, без декора, имеет круглую форму и представляет собой плоский цилиндр диаметром 3,2 см с четырьмя боковыми отверстиями прямоугольной формы для вывода пересекającychся внутри него двух ремней. Внешняя сторона выпуклая. Подобные распределители известны на римском пограничье и датируются II – началом III в. н.э.²¹ Их функциональное назначение следует связывать с конской сбруей, точнее, с недоуздом, о чем прямо свидетельствуют находки *in situ* в конских погребениях Козармишлень и Балаца в Паннонии²².

Для региона Юго-Западной Таврики наконечники катапультных стрел – вполне ожидаемая находка, но долгое время единственными экземплярами на территории Крыма оставались два железных наконечника, обнаруженных при раскопках святилища у перевала Гурзуфское седло²³. Только сейчас можно с уверенностью сказать о том, что катапультно-стреломет, более известная как «скорпион», была в

¹² Oldenstein 1977, 179, № 622–642; Radman-Livaja 2004, 116–117.

¹³ Костромичев 2011, 68, рис. 28, 1.

¹⁴ Филиппенко 1994, 84; Филиппенко 1996, 191.

¹⁵ ГИАМЗХТ. Инв. № ИКАМ 37621/8.

¹⁶ Oldenstein, 1977, 142–144, Nr. 291–304; Bishop 1992, 99; Bishop, Coulston 1993, fig. 80, 4, 12; Radman-Livaja 2004, 96.

¹⁷ Костромичев 2011, 70–72, рис. 29, 1–6.

¹⁸ Выражаю благодарность за сведения Г.М. Николаенко.

¹⁹ Благодарю за информацию Г.М. Николаенко и А.А. Филиппенко.

²⁰ ГИАМЗХТ. Инв. № ИКАМ 37699/3.

²¹ James 2004, 98, fig. 45, 342; Fazekas 2009, taf. 2, 6; Iacob 2012, № 29.

²² Palagui 1997, 469, fig. 6, 70, 6, 73.

²³ Новиченкова 1998, 53, рис. 2, 7, 8.

арсенале римских войск, дислоцированных в Юго-Западной Таврике. Подтверждением этому стали сразу две находки из раскопок усадеб 197 и 343.

Первый из наконечников был найден в 2006 г. (рис. 1, 5) во время раскопок Г.М. Николаенко комплекса усадьбы 197 в слое с материалом II–III вв. у северной стены башни. Он состоит из удлиненной конусовидной втулки и вытянутого пирамидального окончания со скошенными углами. На стенке втулки – сомкнутый шов в половину ее длины. Общая длина – 7,7 см, навершия – 3 см. Поверхность предмета сохранилась хорошо. Заметна деформация втулки и острия от удара о твердую поверхность.

Второй наконечник происходит из раскопок Л.А. Ковалевской круглого сооружения 3 на усадьбе 343 в 2009 г.²⁴ (рис. 1, 6). Он найден в слое с материалом

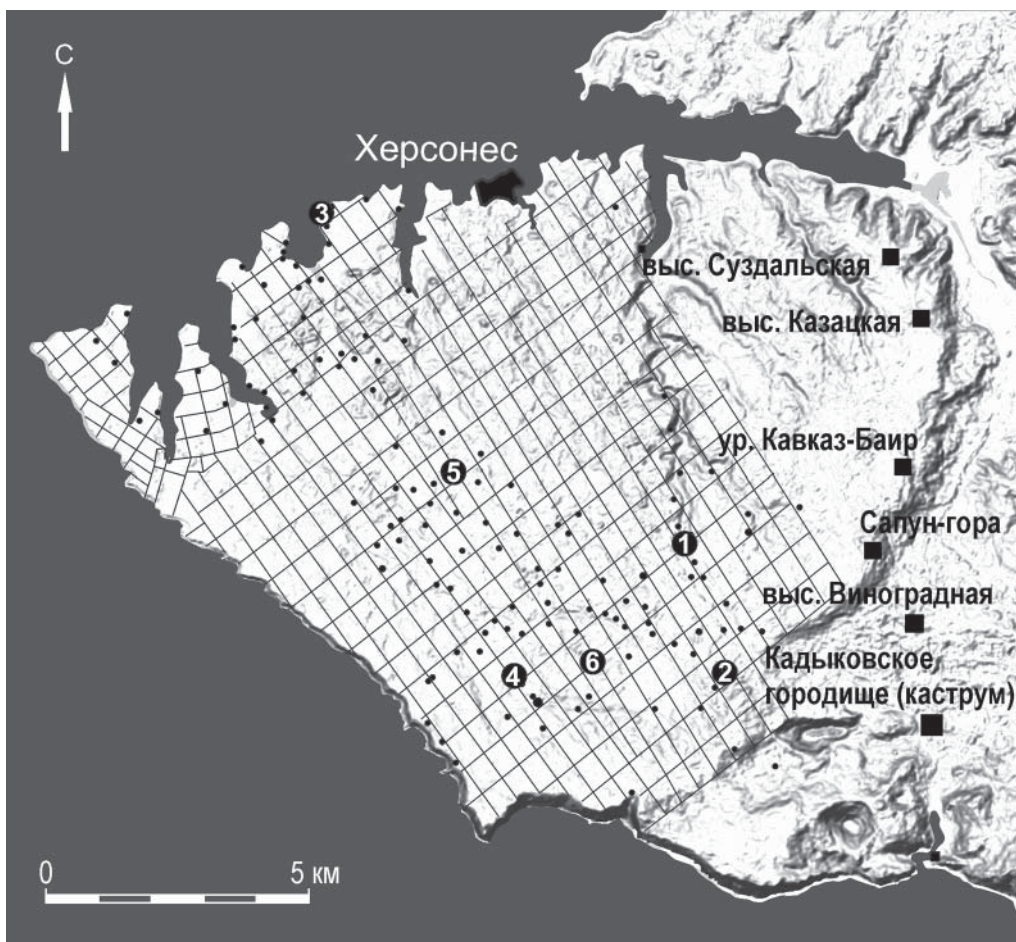

Рис. 2. Места находок элементов римской воинской амуниции: 1 – усадьба 328 Южная; 2 – Укрепленный комплекс построек на высоте Безымянная; 3 – участок 86; 4 – усадьба 318; 5 – усадьба 197; 6 – усадьба 343

²⁴ ГИАМЗХТ. Инв. № ИКАМ 37552/2.

II–III вв.²⁵ В отличие от первой находки имеет не столь детальную кузнечную проработку. Длина – 9,9 см. Втулка короткая, округлая в сечении, имеет несомкнутый шов и массивные стенки. Навершие массивное, квадратное в сечении, на его острие заметна деформация от удара о твердую поверхность.

Стрелы с наконечниками подобной формы широко применялись римской армией в I–III вв. для стрельбы из катапульт-скорпионов. Эти машины метали заряд при помощи торсионного натяжения²⁶. В Сирии, в крепости Дура-Европос была обнаружена полностью сохранившаяся стрела, дающая нам представление о ее устройстве²⁷. Ее длина вместе с наконечником составляет 46 см. На утолщенном конце древка – деревянное оперение из четырех стабилизаторов.

Представленный материал с территории сельскохозяйственной округи Херсонеса первых веков н.э. (рис. 2), с одной стороны, указывает на очевидный факт присутствия римских солдат в тылу своих позиций на перешейке Гераклеяского полуострова, а с другой – немногочисленность этих находок дает представление о сравнительно малом числе римских воинских контингентов в этом регионе. Также отметим, что четыре предмета из шести, представленных в Юго-Западной Таврике, встречаются впервые. За исключением крючка-пуговицы I в. с усадьбы 328 Южная, все представленные находки датируются в пределах II–III вв., что почти пропорционально соответствует хронологическому распределению находок римского воинского снаряжения с территории Херсонесского городища и Юго-Западной Таврики.

ЛИТЕРАТУРА

- Граков, Б.Н., Виноградов, Ю.Г. 1970: Новые надписи из Херсонеса Таврического. *ВДИ* 3, 127–134.
- Дорошко, В.В. 2012: Поход Плавтия Сильвана в Таврику: мифы и реалии. В сб.: А.Р. Кемалова (сост.), *Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности*. Черноморское–Симферополь, 34–46.
- Дорошко, В.В. 2016: Исследования херсонесской усадьбы 328 Южная в 2015 г. В сб.: Д.А. Моисеев, О.М. Стойкова (ред.-сост.), *IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай, 8–9 сентября 2015 г. Тезисы докладов и сообщений*. Бахчисарай, 13–14.
- Журавлев, Д.В. 2002: Еще раз о деталях римского воинского костюма и конской сбруи из Херсонеса и Юго-Западного Крыма. *Археология* 1, 90–98.
- Золотарев, М.И. 1981: Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округи Херсонеса. *КСИА* 168, 56–58.
- Костромичев, Д.А. 2011: Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V в. (по данным археологии). *Stratum plus* 4, 15–164.
- Костромичев, Д.А. 2018: Римское военное снаряжение из могильника Совхоз-10. В. сб.: И.Н. Храпунов (науч. ред., сост.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. III. Симферополь, 103–120.
- Масякин, В.В. 2007: Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика*. Симферополь, 125–138.

²⁵ НА МЗХТ. Ф. 1. Д. 4018. Л. 8–9, рис. 38, 2.

²⁶ Feugere 1993, 215–223.

²⁷ Bishop, Coulston 1993, fig.99, 1; James 2004, fig.138.

- Новиченкова, Н.Г. 1998: Римское военное снаряжение у перевала Гурзуфское седло. *ВДИ* 2, 51–56.
- Сапрыкин, С.Ю. 1981: Черепица с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса. *КСИА* 168, 58–62.
- Соломоник, Э.И. 1984: *Граффити с хоры Херсонеса*. Киев.
- Трейстер, М.Ю. 1991: Бронзовая матрица из Херсонеса. *Археология* 1, 133–137.
- Филиппенко, А.А. 1994: К вопросу о Таврическом лимесе. В сб.: В.П. Копылов (ответ. ред.), С.Я. Янгулов, А.Д. Васильев, В.М. Бондарь (ред.), *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы VII международной научной конференции*. Ростов-на-Дону, 82–84.
- Филиппенко, А.А. 1996: Основные вехи в изучении римского пограничья Северного Причерноморья и Таврики. В. сб.: С.Б. Буйских (ред.), *Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию проф. Л.М. Славиной*. Киев, 190–191.
- Bishop, M.C. 1992: The early imperial 'apron'. *Journal of the Roman Military Equipment Studies* 3, 81–104.
- Bishop, M.C., Coulston, J.C. 1993: *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. London.
- Deschler-Erb, E. 1999: *Ad Arma!: Römisches Militär des 1. Jahrhunderts n.Chr. in Augusta Raurica*. (Forschungen in Augst. 28). Augst.
- Deschler-Erb, E., Unz, K. 1997: *Katalog der Militaria aus Vindonissa. Militärische Funde, Pferdegeschirr und Jochteile bis 1976*. (Veröffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa. 14). Brugg.
- Fazekas, F. 2009: Bronztárgyak lussoniumi (Paks-Dunakömlöd) római erődéből. Römische Bronzefunde aus dem römischen Kastell Lussonium (Paks-Dunakömlöd). In: F. Fazekas, A. Priskin (hrsg.), *'Ripam omnem quaesivit': Ünnepi tanulmányok Prof. Visy Zsolt 5. születésnapjára tanítványaitól*. Pécs–Paks, 45–66.
- Feugere, M. 1993: *Les armes des romains*. Paris.
- Hübener, W. 1973: *Die Römischen metallfunde von Augsburg-Oberhausen*. (Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte. 28). Lassleben.
- Iacob, M. (ed.) 2012: *Romanii in pontul stâng in timpul principatului: catalogul expozitiei*. Tulcea.
- James, S. 1973: *The excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final report VII. The Arms and Armour and other military equipment*. London.
- Kovalevskaja, L. 2015: The farmhouse at Plot 363 in the Chora of Tauric Chersonesos. In: A. Tomas (ed.), *Ad fines Imperii Romani. Studia Thaddaeo Sarnowski septuagenario ad amicis, collegis discipulisque dedicata*. Varsaviae, 341–352.
- Kovalevskaja, L., Sarnowski, T. 2009: Crimean Chersonesos. Farmhouses of the roman period. Polish-Ukrainian archaeological research in 2005 – 2007. *Archeologia* 58, 157–169.
- Oldenstein, J. 1977: Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten: Studien zu Beschlägen und Zierat an der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. *Bericht der Römisch-Germanische Kommission* 57, 49–366.
- Palagui, S.K. 1997: Rekonstruktionsmöglichkeit des zaumeuges aus dem wagengrab von Kozármisleny (Pannonia). In: W. Groenman-van Waateringe, B.L. van Beek, W.J.H. Willems, S.L. Wynia (eds.), *Roman frontier studies 1995: Proceedings of the XVIth International congress of Roman frontier studies*. Oxford, 467–471.
- Radman-Livaja, I. 2004: *Militaria Sisciensia. Musei Archaeologiae Zagrabiensis Catalogi et Monographiae*. I. Zagreb.

REFERENCES

- Bishop, M.C. 1992: The early imperial 'apron'. *Journal of the Roman Military Equipment Studies* 3, 81–104.
- Bishop, M.C., Coulston, J.C. 1993: *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. London.
- Deschler-Erb, E. 1999: *Ad Arma! Römischer Militär des 1. Jahrhunderts n.Chr. in Augusta Raurica*. (Forschungen in Augst. Bd. 28). Augst.
- Deschler-Erb, E., Unz, K. 1997: *Katalog der Militaria aus Vindonissa. Militärische Funde, Pfederdeggeschirr und Jochteile bis 1976*. (Veröffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa. Bd. 14). Brugg.
- Doroshko, V.V. 2012: Pokhod Plavtiya Sil'vana v Tavriku: mify i realii [Plautius Silvanus expedition in Taurica: myths and realities]. In: A.R. Kemalova (ed.), *Istoriko-kul'turnoe nasledie Tarkhankuta: novye tendentsii razvitiya, novye vozmozhnosti* [Historical and cultural heritage of Tarhankut: new development trends, new opportunities]. Chernomorskoe–Simferopol', 34–46.
- Doroshko, V.V. 2016: Issledovaniya khersonesskoy usad'by 328 Yuzhnaya v 2015 g. [Study of Chersonesian estate 328 South in 2015] In: D.A. Moiseev, O.M. Stoykova (eds.), *IV Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Veymarna. Bakhchisaray, 8–9 sentyabrya 2015 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [7th Bakhchisaray Scientific Readings in E.V. Veimarn memory. Bakhchisaray, September 8–9, 2015. Abstracts and Papers]. Bakhchisaray, 13–14.
- Fazekas, F. 2009: Bronztárgyak lussoniumi (Paks-Dunakömlöd) római erődöl. Römische Bronzefunde aus dem römischen Kastell Lussonium (Paks-Dunakömlöd). In: F. Fazekas, A. Priskin (hrsg.), *'Ripam omnem quae sivit': Ünnepi tanulmányok Prof. Visy Zsolt 5. születésnapjára tanítványaitól*. Pécs–Paks, 45–66.
- Feugere, M. 1993: *Les armes des romains*. Paris.
- Filippenko, A.A. 1994: K voprosu o Tavricheskom limese [On the issue of Tauric Limes]. In: V.P. Kopylov, S.Ya. Yangulov, A.D. Vasil'ev, V.M. Bondar' (eds.), *Mezhdunarodnye ot-nosheniya v basseyn Chernogo morya v drevnosti i srednie veka: Tezisy VII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [International relations in the Black Sea basin in the Antiquity and Middle ages: Abstracts of the 7th International Scientific Conference]. Rostov-on-Don, 82–84.
- Filippenko, A.A. 1996: Osnovnye vekhi v izuchenii rimskogo pogranich'ya Severnogo Prichernomor'ya i Tavriki [Major milestones in the study of the Roman borderlands of the Northern Black Sea region and Taurica]. In: S.B. Buyskikh (ed.), *Mir Ol'vii. Pamyatnik issledovatelyu i issledovanie pamyatnika. K 90-letiyu prof. L.M. Slavina* [World of Olbia. Monument to the researcher and study of the monument. To the 90th anniversary of prof. L.M. Slavin]. Kiev, 190–191.
- Grakov, B.N., Vinogradov, Yu.G. 1970: Novye nadpisi iz Khersonesa Tavricheskogo [New Inscriptions from Tauric Chersonesus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 127–134.
- Hübener, W. 1973: *Die Römischen metallfunde von Augsburg-Oberhausen. Materialhefte zur bayerischen vorgeschichte. Heft 28*. Lassleben.
- Iacob, M. (ed.) 2012: *Romanii in pontul stâng in timpul principatului: catalogul expozitiei*. Tulcea.
- James, S. 1973: *The excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final report VII. The Arms and Armour and other military equipment*. London.

- Kostromichev, D.A. 2011: Rimское voennoe prisutstvie v Khersonese v nachale I – pervoy polovine V vv. (po dannym arkheologii) [Roman Military Presence in Chersonesus in Early 1st – First Half of the 5th Century AD (the archaeological evidence)]. *Stratum plus* 4, 15–164.
- Kostromichev, D.A. 2018: Rimское voennoe snaryazhenie iz mogil'nika Sovkhoz-10 [Roman Military Equipment in Sovkhoz-10 Cemetery]. In: I.N. Khrapunov (ed.), Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [*The Crimea in the Sarmatian period the (2th century BC – 4th century AD)*]. III. Simferopol, 103–120.
- Kovalevskaja, L. 2015: The farmhouse at Plot 363 in the Chora of Tauric Chersonesos. In: A. Tomas (ed.), *Ad fines Imperii Romani. Studia Thaddaeo Sarnowski septuagenario ad amicis, collegis discipulisque dedicata*. Varsaviae, 341–352.
- Kovalevskaja, L., Sarnowski, T. 2009: Crimean Chersonesos. Farmhouses of the roman period. Polish-Ukrainian archaeological research in 2005 – 2007. *Archeologia* 58, 157–169.
- Masyakin, V.V. 2007: Rimskie fibuly i detali remennoy garnitury iz nekropolya Zavetnoe [Roman Fibulae and parts of a Belt-set from the Zavetnoye Necropolis]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika [Ancient Tauria]*. Simferopol, 125–138.
- Novichenkova, N.G. 1998: Rimское voennoe snaryazhenie u perevala Gurzufskoe sedlo [Roman Military Equipment in the Sanctuary at the Gurzuf Sedlo Pass]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 51–56.
- Oldenstein, J. 1977: Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten: Studien zu Beschlägen und Zierat an der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. *Bericht der Römisch-Germanische Kommission* 57, 49–366.
- Palagui, S.K. 1997: Reconstructiomöglichkeit des zaumeuges aus dem wagengrab von Kozármisleny (Pannonia). In: W. Groenman-van Waateringe, B.L. van Beek, W.J.H. Willems, S.L. Wynia (eds.), *Roman frontier studies 1995: Proseedings of the XVIth International congress of Roman frontier studies*. Oxford, 467–471.
- Radman-Livaja, I. 2004: *Militaria Sisciensia. Musei Archaeologiae Zagrabiensis Catalogi et Monographiae*. I. Zagreb.
- Saprykin, S.Yu. 1981: Cherepitsa s kleymami rimskogo legiona iz usad'by khory Khersonesa [Tile with stamps of the Roman legion from the farmhouse of Chersonesus chora]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]* 168, 58–62.
- Solomonik, E.I. 1984: *Graffiti s khory Khersonesa [Graffiti from the Chersonesian Chora]*. Kiev.
- Treister, M.Yu. 1991: Bronzova matritsa iz Khersonesa [Bronze matrix from Chersonesus]. *Arheologiya [Archaeology]* 1, 133–137.
- Zhuravlev, D.V. 2002: Eshchye raz o detalyakh rimskogo voinskogo kostyuma i konskoy sbrui iz Khersonesa i Yugo-Zapadnogo Kryma [Once again on the details of the Roman military costume and horse harness from Chersonese and South-West Crimea]. *Arheologiya [Archaeology]* 1, 90–98.
- Zolotarev, M.I. 1981: Kubok s posvyashcheniem Zevsu Dimeranskomu iz okrug Khersonesa [Cup with a dedication to Zeus Dimeransky from the region of Chersonesus]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]* 168, 56–58.

ROMAN MILITARY EQUIPMENT FROM THE EXCAVATIONS ON
HERACLEAN PENINSULA

Valentin V. Doroshko

State Museum-Preserve "Chersonesus Taurica", Sevastopol, Russia
valentindor@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the finds of Roman military equipment, discovered by archaeological missions during recent 15 years in the rural area of Chersonesus. The work does not include material from the nearest points of the Roman military base, because it deserves special attention. On the one hand, published artifacts provide evidence for the Roman military presence in the rear of their positions on the Heracleon Peninsula Isthmus, but the other hand, a paucity of this finds gives an idea about a small body of roman contingents dislocated in this region. It is important to note, that a four finds from six published, in South-Western Taurica detected for the first time. Among them, two iron catapult bolt-heads from the farmhouses 197 and 343. Thanks to these findings, it is only now possible to say with confidence that the catapult-shooter, better known as the "scorpion", was in the arsenal of the Roman troops stationed in South-West Taurica. The fact of the discovery of the pelta-shape belt plate from excavations at the Bezymyannaya height adds confidence that this could be the location of the Roman troops. But not only on the settlement monuments there are finds of Roman military equipment: in this way, strap terminal was found at the plot 86, and a rare belt distributor of headstall near the farmhouse 318 was found. With the exception of hook-button of the 1st century from the farmhouse 328 Southern, all presented finds date back to the 2nd – 3rd centuries AD, which almost proportionally corresponds to the chronological distribution of the finds of Roman military equipment from the territory of the Chersonesus and the South-West of Taurica.

Keywords: Chersonesus Taurica, Roman Empire, Roman army, Roman military equipment

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-79–90

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПЕРСТЕНЬ СО ВСТАВКОЙ ИЗ НЕКРОПОЛЯ РОСТОВСКОГО ГОРОДИЩА

А.А. Нечипорук¹, В.Г. Черненко²

¹ ООО «Археологическое общество Кубани», Ростов-на-Дону, Россия
nechip25@mail.ru

² Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
victoriagent.chernenko@gmail.com

Аннотация. Статья представляет публикацию железного перстня с инталией с изображением многоножки из некрополя Ростовского городища. Перстень происходит из погребения 79 (комплекс датируется 2-й пол. II в. н.э.). Вхождение перстня с изображением многоножки в состав погребального инвентаря было неслучайным. Перстни использовались либо как печати, либо как обереги. Наибольшей популярностью среди сюжетов на стеклянных вставках и металлических перстнях пользовались символы защиты или изобилия. В контексте находки существенный интерес представляет напольная мозаика II в. н.э. из House of Evil Eye в Антиохии-на-Оронте, сюжет которой символизирует атаку на дурной глаз и объединяет некоторые из символов борьбы против сглаза, подтверждая защитные функции изображений в глиптике. Появление многоножки в сюжете мозаики и на перстне, по-видимому, является следствием влияния восточных верований. Многоножка связана с одним из божеств древнего Египта – богом-сколопендрой Септа, который выступает в качестве защитника и покровителя мертвых. Известно, что в египетских народных верованиях сколопендра считалась опасными животными, происходящим из «нижней» фауны, близкой к земле. Египетское влияние на греческую культуру прослеживается еще до эллинизма, с наступлением которого египетские культы окончательно проникают в античную мифологию. Не меньшее значение имело и культурное взаимодействие Рима и Египта, особенно в первые века н.э. Широкую известность в это время также получают греко-египетские магические геммы. Таким образом, железный перстень с изображением сколопендры отражает общие представления египтян, греков и римлян о защитных функциях некоторых животных. Апотропеическая магия получила распространение в различных регионах, что нашло отражение в глиптике.

Ключевые слова: археология, Северное Причерноморье, Нижний Дон, перстни, геммы, апотропей, глиптика, торевтика

Ростовское городище и его некрополь расположены на высокой коренной террасе правого берега р. Дон, в исторической части г. Ростова-на-Дону (рис. 1). Городище возникло в начале I в. н.э., что было связано с переселением меотов к

Данные об авторах: Нечипорук Александр Александрович – археолог-специалист ООО «Археологическое общество Кубани»; Черненко Виктория Геннадьевна – аспирантка кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ.

Танаису и формированием, таким образом, его сельской округи¹. К северу от городища расположен грунтовый могильник. В настоящий момент территория памятника застроена, а рельеф, по большей части, изменен хозяйственной деятельностью. В связи с этим, границы могильника, отмеченные в учетной документации, достаточно условны.

Некрополь Ростовского городища долгие годы целенаправленно не исследовался и был известен лишь по случайным находкам из разрушенных погребений на прилегающих к городищу участках местности. Первыми археологическими работами на могильнике были раскопки С.Н. Братченко в 1956–1957 гг. на перекрестке пр. Ворошиловского и ул. Станиславского, в ходе которых, при прокладке подземных коммуникаций, было доследовано 3 погребения². После этого могильник не изучался. Лишь спустя полвека, в 2005 г., на участке, расположенном по адресу: ул. Станиславского, д. 132 (территория двора Областного противотуберкулезного диспансера), совместным отрядом РРОО «Донское археологическое общество» и ГАУК РО «Донское Наследие» под руководством А.И. Гармашова были проведены аварийно-спасательные археологические исследования шести погребений, относящихся к I–III вв. н.э. Кроме того, А.И. Гармашовым было доследовано погребение с фибулой и бусами в срезе котлована на ул. Донской, между пр. Ворошиловским и пер. Газетным, к западу от городища. Еще одно погребение было доследовано сотрудниками ГАУК РО «Донское Наследие» западнее пересечения ул. Станиславского и пр. Ворошиловского, под фундаментом дома. Таким образом, за все время исследования грунтового могильника Ростовского городища было изучено 11 погребений.

В 2017–2018 гг. под руководством одного из авторов проводились археологические исследования на ряде объектов культурного наследия, попавших в зону работ по реконструкции улицы Станиславского в центральной части г. Ростова-на-Дону (рис. 1), в том числе и на грунтовом могильнике Ростовского городища. Исследования велись в его центральной части, в створе ул. Станиславского, между пр. Ворошиловским и ул. Чехова. В ходе работ, сплошными площадями была полностью вскрыта проезжая часть улицы и частично территория тротуаров. Всего было исследовано 186 погребений I–III вв. н.э., а также несколько ритуальных комплексов.

В данной статье мы публикуем редкую находку – железный перстень со вставкой, обнаруженный среди многочисленного инвентаря в погребении 79, открытом на восточной окраине могильника, к западу от пересечения ул. Станиславского и ул. Чехова.

Конструкция погребального сооружения представляет собой катакомбу, ориентированную длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ (рис. 2). Входная яма подпрямоугольной формы с камерой в северной стенке. Погребенная женщина была уложена вытянуто на спине, головой на запад, перстень находился слева у таза. По совокупности инвентаря (прежде всего железной сильнопрофилированной фибуле, особенностям орнамента зеркала, 14-гранным сердоликовым бусам) комплекс погребения датируется 2-й пол. II в. н.э.³

¹ Каменецкий 1993, 6.

² Братченко, Косяненко 1994, 33; Косяненко 2007, 125.

³ Датировка инвентаря произведена В.К. Гугуевым, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

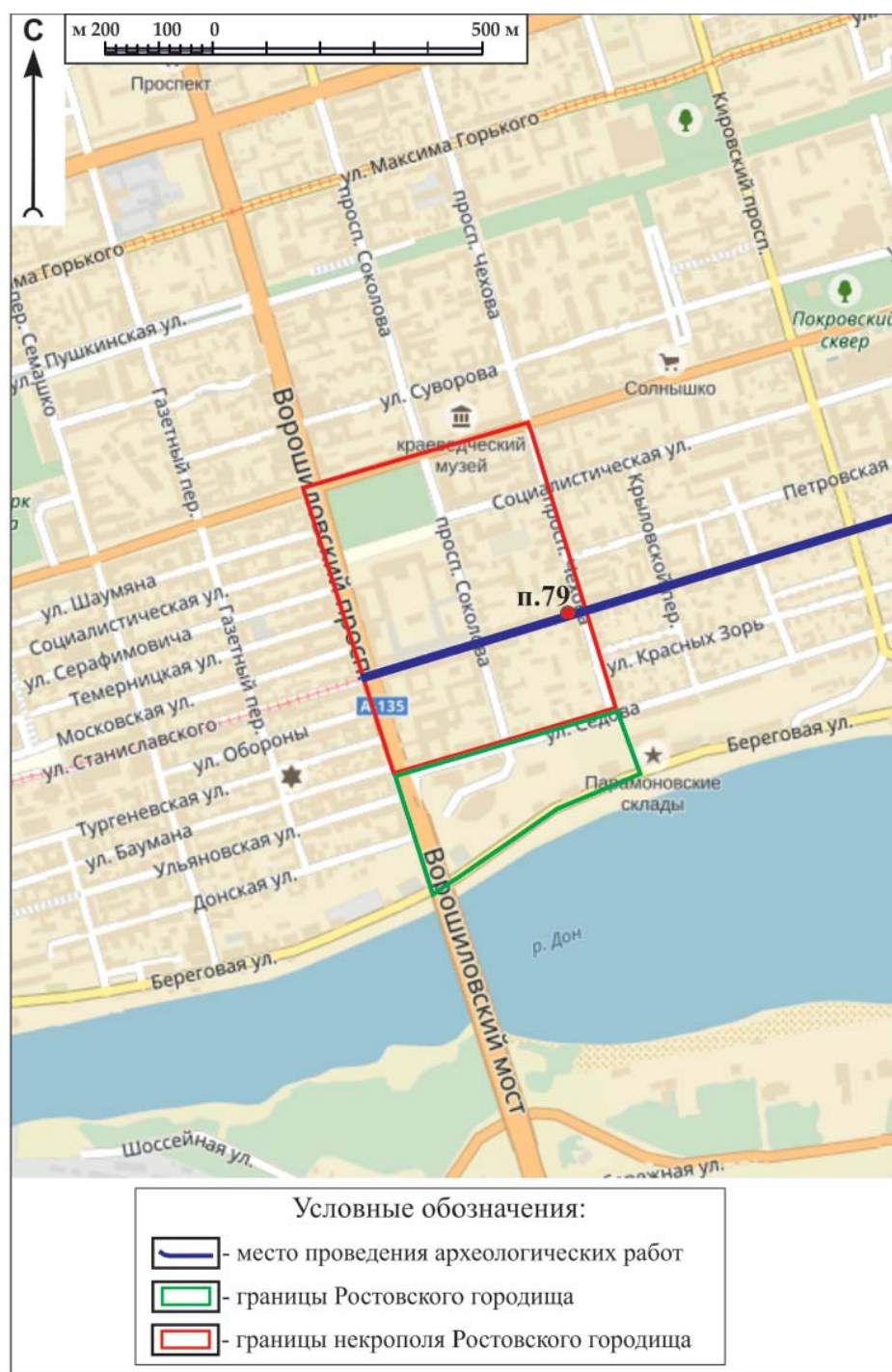

Рис. 1. Ситуационный план грунтового некрополя Ростовского городища

Рассматриваемый нами железный перстень сохранился во фрагментах: нижняя часть довольно тонкой, округлой в сечении шинки (диаметр 0,2 см); верхняя часть со щитком. Шинка плавно расширяясь переходит в плоский, овальный в плане щиток (длина щитка 2,0 см, ширина 1,5 см, толщина со вставкой 0,6 см).

Сердоликовая вставка овальная в плане с плоской поверхностью, на которой вырезано изображение (длина 1,1 см, ширина 0,8 см). Вокруг вставки на щитке имеется тонкий желобок.

На вставке железного перстня мастер изобразил многоножку-сколопендру с головой с ярко выраженными ногочелюстями и однородным длинным телом с рядом ног. Задние пары конечностей отличаются большим размером – это волочащиеся большие ноги, которые необходимы, чтобы цепляться за комки почвы в земляных ходах. Детализация сюжета свидетельствует о том, что резчику была хорошо знакома физиология многоножки. Многие подобные изображения трудно интерпретировать в силу отсутствия ключей к пониманию их символики⁴, потому выявление значения данного сюжета стало основной целью нашего исследования.

На территории Северного Причерноморья, в частности на Нижнем Дону, сколопендра остается довольно распространенным видом, но в материальной культуре и литературе встречается нечасто. В частности, о сколопендре упоминает Плиний Старший, отмечая ее поразительную живучесть и утверждающий, что ни у кого больше не встречается такое количество конечностей. Даже при разрывании на части сколопендра сохраняет подвижность (Plin. NH. XI. 3. 10⁵: *in nullo genere plures sunt pedes, et quibus ex his plurimi, diutius vivunt divulsa, ut in scolopendris videmus*).

Появление описанного сюжета на перстне и включение его в погребальный инвентарь не могло быть случайностью. Изображения насекомых, животных и предметов в глиптике и торевтике имеют свою интерпретацию. Перстни использовались либо как печатки, либо как обереги. Известно, что насекомые и животные часто олицетворяли собой какие-либо качества и являлись спутником божества, либо символом полиса, явления и пр. Кузнечик, например, был символом Афин в эпоху архаики⁶ и его изображения периодически встречаются в глиптике⁷. Муравьев на геммах можно встретить сопровождающими богиню плодородия Деметру, что подчеркивало связь насекомого с трудолюбием⁸. Железные перстни с овальными вставками изредка встречаются в некрополях античных поселений и городских слоях. Несмотря на распространенность данного типа перстней, аналогии к сюжету среди подобных изделий авторами на данный момент не были найдены.

Наибольшей популярностью среди сюжетов на стеклянных вставках и металлических перстнях пользовались символы защиты или изобилия. В контексте находки существенный интерес представляет напольная мозаика II в. н.э. из «Дома дурного глаза» (House of evil eye) расположенного в Антиохии-на-Оронте⁹, кото-
рая хранится в археологическом музее в Хатае (Турция)¹⁰. Сюжет мозаики представляет собой атаку на дурной глаз (рис. 4): его пронзают трезубец и меч, на него нападают скорпион, змея, собака, многоножка, кот и ворон. Слева от глаза изображен карлик с гигантским фаллосом и двумя палочками. В левом верхнем углу

⁴ Неверов 1982, 52.

⁵ Mayhoff 1906.

⁶ Roche 2005, 176.

⁷ Boardman 1970, 523.

⁸ Финогенова 2012, 100, 214–215.

⁹ Dunbabin 1999, 312, fig.311.

¹⁰ Elliott 2016, III. 9.

Рис. 3. Грунтовый некрополь Ростовского городища. Погребение 79:
1 – железный перстень с геммой. Фото В.К. Гугуева

мастер оставил греческую фразу «ΚΑΙ ΣΥ», которую можно перевести как «и ты (тоже)». Таким образом, в одном изображении был собран ряд символов борьбы со злом.

В древности греки и римляне полагали, что существуют люди с «дурным глазом» и их взгляд мог наложить проклятье. Суеверие упоминается многими античными авторами¹¹. В качестве символов защиты выступали различные орудия, знаки и животные. Известно, что изображения фаллоса, собаки¹² и скорпиона¹³ были широко распространены в античной глиптике и исследованию их семантики посвящен ряд работ¹⁴. На некоторых геммах встречаются греческие слова. Так, на геммах с изображением скорпиона часто можно встретить магическую надпись «ὠρθμενυῖαβων», которая, как предполагают исследователи являлась призывом к защите¹⁵.

Таким образом, ряд существ, представленных на мозаике, перенесенные на изделия глиптики и торевтики выступали в качестве апотропеев. Многоножку также можно включить в их ряд, однако, с одной стороны, необходимо подчеркнуть, что, по-видимому, ее появление является следствием влияния восточных верований, так как в греческой мифологии мы не встречаем упоминаний о ней в связи с каким-либо божеством или мифом. С другой стороны, многоножка оказывается связана с одним из божеств древнего Египта. Бог-сколопендра Сепс упоминается в ряде священных текстов, а изображение многоножки в его имени выступает в качестве детерминатива¹⁶. Культ божества хорошо известен из документов Гелиополя, где начинался так называемый «путь Сепса». Шествие проходило от храма Гелиополя до Хер-Аха¹⁷. Упоминания бога встречаются в текстах саркофагов, текстах пирамид, где можно увидеть заклинания против змей и ядовитых червей и «Книге мертвых». Скорее всего, о Сепсе можно говорить как о божестве-защитнике и покровителе мертвых, подобно скорпиону Серкет. Известно, что в египетских народных верованиях сколопендра и скорпион считались опасными животными, происходящими из «нижней» фауны, близкой к земле. Возможно, изначально Сепс носил лишь защитные функции, но его земная природа привела к сближению с «мертвыми» богами и сделала его их защитником от всех врагов, в том числе Апофиса. Например, в одном из текстов мы встречаем призыв к Сепсу защитить Осириса от змей¹⁸.

Анубис носил эпитет «Господин Сепс» из чего следует, что Сепс входил в свиту бога-шакала и его защитные функции были особенно важны в контексте мумификации и защиты тела погребенного¹⁹. Так как Осирис являлся умирающим и возрождающимся богом на земле, его мумия являлась гарантом возрождения и нуждалась в защите. Потому Сепс, который был хтоническим божеством, сближаясь с Анубисом, выступал в роли такого охранителя²⁰.

¹¹ Walcot 1978.

¹² Щербакова 1980, 98–99; Леонтьева 2012, 215.

¹³ Финогонова 2012, 213.

¹⁴ Johns 1989; Faraone 2011, 60.

¹⁵ Michel 2004, 332, 51.1.a, pl. 66, 1, pl. IV, 3; Henig 1975, 62, no. 260; Faraone 2011, 55, pl. 14 a–c.

¹⁶ Kees 1923, 82.

¹⁷ Herbin 1994, 204.

¹⁸ Kees 1923, 83–90.

¹⁹ Budge 1904, 494.

²⁰ Borgeaud, Römer, Volokhine 2009, 216.

Рис. 4. Напольная мозаика из «Дома дурного глаза». Инв. № 1024.

Источник: John R. Clarke: *Ars Erotica*. Darmstadt: Primus 2009

Египетское влияние на греческую культуру прослеживается еще до эллинизма, с приходом к власти династии Птолемеев, египетские культы окончательно проникают в античную мифологию и приобретают популярность на территории полисов Северного Причерноморья²¹.

Важным связующим звеном двух культурных традиций являются перстни-скарабеи, получившие распространение в основном в архаическую эпоху, сюжеты на которых часто перекликаются с сюжетами на щитках и вставках перстней эллинистического и римского времени. По мнению исследователей, многие животные и символы, изображенные на скарабеоидах, были призваны охранять владельца от несчастий, что соответствовало представлениям египтян о воплощении в животном соответствующего божества²². Подобные изделия встречаются при раскопках милетских колоний (Навкратис, Березань и Ольвия) и на территории памятников Северного Причерноморья. Принято считать, что мастерами выступали египтя-

²¹ Коростовцев 1976, 180–183; Шургая, 1977, 206–210; Кобылина 1978, 109–163.

²² Кузьмищев 2008а, 54.

не, либо местные греческие ремесленники²³. Вместе с подражаниями египетским амулетам, чье сюжеты затем получили распространение на более характерных для эллинов геммах, в различные регионы греко-римского мира могли проникнуть знания о божествах и интерпретации их символики. Данный тезис только подтверждается появлением в более позднее время так называемых гностических гемм, объединивших греческие и римские верования с египетскими²⁴.

Хтонические божества встречаются почти во всех культурах востока и запада древнего мира. Роль сколопендры, которая могла находиться как на поверхности земли, так и в ее недрах, в качестве проводника в мир мертвых и защитника должна была быть понятна грекам и местному кочевому населению. Обнаружение перстня в меотском погребении не представляется нам удивительным. Данный тип изделий распространен среди погребального инвентаря многих племен, ведь они поддерживали торговые и прочие контакты с местным греческим и скифо-сарматским населением. Немаловажно и то обстоятельство, что для религиозных представлений меотов было характерно особое внимание к силам природы и животному миру, а также погребальному обряду и инвентарю, призванных помочь погребенному в загробном мире²⁵.

Таким образом, железный перстень с изображением сколопендры не только является уникальной находкой на территории Нижнего Подонья, но также подводит нас к важной теме изучения общих представлений народов о защитных функциях некоторых животных. Апотропеическая магия была очень распространена в различных регионах, особенно это нашло отражение в глиптике. Смешение культур в эпоху эллинизма и в римское время расширило количество защитных символов и области их применения настолько, что некоторые восточные сюжеты встречаются даже в самых отдаленных областях античного мира, как было установлено на примере изображения многоножки.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов, Н.В. 1951: Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. В сб.: Е.И. Крупнов (ред.), *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. М., 155–207.
- Братченко, С.Н., Косяненко, В.М. 1994: Спасательные работы на могильнике Ростовского городища в 1956, 1957 гг. В сб.: В.Я. Кияшко (ред.), *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году*. Азов, 33–36.
- Захаров, А.А. 1928: Геммы и античные перстни Государственного Исторического музея. *Труды Секции археологии РАНИОН*. III, 126–141.
- Каменецкий, И.С. 1993: *Городища донских меотов. Вопросы датировки*. М.
- Кобылина, М.М. 1978: *Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э.* М.
- Коростовцев, М.А. 1976: *Религия Древнего Египта*. СПб.
- Косяненко, В.М. 2007: Сосуд из некрополя Ростовского городища. *Известия Ростовского областного музея краеведения* 14, 125–127.

²³ 20086, 55–56.

²⁴ Bonner 1950, 200.

²⁵ Анфимов 195, 155–207

- Кузьмищев, А.Г. 2008: Скрабей, найденный на о. Березань. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен»*. СПб, 53–56.
- Леонтьева, В.А. 2012: Некоторые особенности религиозной жизни населения на периферии античного мира в I–III вв. н.э. (на примере Боспора и Нижнего Подунавья). *Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи* 6 (3), 212–218.
- Неверов, О. Я. 1982: *Геммы античного мира*. Л.
- Финогенова, С.И. 1993: *Каталог собрания античных гемм Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. М.
- Финогенова, С.И. 2012: *Мир в миниатюре. Геммы из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина: каталог*. М.
- Шургая, И.Г. 1977: О греко-египетском культе в северо-западном Причерноморье. В сб.: М.М. Кобылина (ред.), *История и культура античного мира*. М., 206–210.
- Щербакова, В.С. 1980: Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса. В сб.: *Античная древность и средние века*. Вып. 17. *Античные традиции и византийские реалии*. Свердловск, 94–103.
- Boardman, J. 1970: *Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical*. London.
- Bonner, C. 1950: *Studies in Magical Amulets. Chiefly Graeco-Egyptian*. Ann Arbor.
- Borgeaud, P., Römer, T., Volokhine, Y. 2009: *Interpretations de Moïse: Egypte, Judée, Grèce et Rome*. Leiden.
- Budge, W. 1904: *The Gods of the Egyptians; or, Studies in Egyptian mythology*. Chicago.
- Dunbabin, K. 1999: *Mosaics of the Greek and Roman World*. Cambridge.
- Elliott, J.H. 2016: *Beware the Evil Eye: The Evil Eye in the Bible and the Ancient World-Greece and Rome*. Vol. 2. Cambridge.
- Faraone, C.A. 2011: Text, Image and Medium. The Evolution of Greco-Roman Magical Gemstones. In: *Gems of Heaven: Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity c. AD 200–600*. London, 50–62.
- Henig, M. 1975: The Lewis Collection of Engraved Gemstones in Corpus Christi College. Cambridge.
- Herbin, Fr.H. 1994: Le livre de parcourir l'éternité. (Orientalia Lovaniensia Analecta 58). Leuven.
- Johns, C. 1989: «The Phallus and the Evil Eye». Sex or Symbol? Erotic Images of Greece and Rome. London.
- Kees, H. 1923: Anubis «Herr von Sepa» und der 18. oberägyptischen Gau. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 58, 79–101.
- Michel, S. 2004: *Die Magischen Gemmen. Zu Bildern und Zauberformeln auf geschnittenen Steinen der Antike und Neuzeit*. Berlin.
- Roche, P. 2005: *Aristophanes: The Complete Plays*. New York.
- Walcot, P. 1978: *Envy and the Greeks: A Study of Human Behavior*. Warminster.

REFERENCES

- Anfimov, N.V. 1951: Meoto-sarmatskiy mogil'nik u stanitsy Ust'-Labinskoy [Meoto-Sarmatian necropolis near Ust-Labinskaya Stanitsa]. In: E.I. Krupnov (ed.), *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus]*. Moscow, 155–207.
- Boardman, J. 1970: *Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical*. London.
- Bonner, C. 1950: *Studies in Magical Amulets. Chiefly Graeco-Egyptian*. Ann Arbor.
- Borgeaud, P., Römer, T., Volokhine, Y. 2009: *Interpretations de Moïse: Egypte, Judée, Grèce et Rome*. Leiden.

- Bratchenko, S.N., Kosyanenko, V.M. 1994: Spasatel'nye raboty na mogil'nike Rostovskogo gorodishcha v 1956, 1957 [Rescue work on the necropolis of the Rostov settlement in 1956, 1957]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1993* [Historical and archaeological research in Azov and Lower Don in 1993]. Azov, 33–36.
- Budge, W. 1904: *The Gods of the Egyptians; or, Studies in Egyptian mythology*. Chicago.
- Dunbabin, K. 1999: *Mosaics of the Greek and Roman World*. Cambridge.
- Elliott, J. H. 2016: *Beware the Evil Eye: The Evil Eye in the Bible and the Ancient World-Greece and Rome*. Vol. 2. Cambridge.
- Faraone, C.A. 2011: Text, Image and Medium. The Evolution of Graeco–Roman Magical Gemstones. *Gems of Heaven: Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity c. AD 200–600*. London, 50–62.
- Finogenova, S.I. 1993: *Katalog sobraniya antichnykh gemm Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [The Pushkin State Museum of Fine Arts Catalog of Ancient Gems]. Moscow.
- Finogenova, S.I. 2012: *Mir v miniatyure. Gemmy iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina: katalog* [The World in Miniature. Gems in the Pushkin Museum of Fine Arts. A Catalog]. Moscow.
- Henig, M. 1975: *The Lewis Collection of Engraved Gemstones in Corpus Christi College*. Cambridge.
- Herbin, Fr. H. 1994: *Le livre de parcourir l'éternité*. (Orientalia Lovaniensia Analecta 58). Leuven.
- Johns, C. 1989: «The Phallus and the Evil Eye». Sex or Symbol? Erotic Images of Greece and Rome. London.
- Kamenetsky, I.S. 1993: *Gorodishcha donskikh meotov. Voprosy datirovki* [Settlements of the Don Meotv. Dating issues]. Moscow.
- Kees, H. 1923: Anubis «Herr von Sepa» und der 18. oberagyptischen Gau. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 58, 79–101.
- Kobylyina, M.M. 1978: *Izobrazheniya vostochnykh bozhestv v Severnom Prichernomor'e v pervyye veka n.e.* [Images of Oriental Deities in the Northern Black Sea Region in the First Centuries AD]. Moscow.
- Korostovtsev, M.A. 1976: *Religiya Drevnego Egipta* [Religion of Ancient Egypt]. Saint Petersburg.
- Kosyanenko, V.M. 2007: Sosud iz nekropolya Rostovskogo gorodishcha [Vessel from the necropolis of the Rostov settlement]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Transactions of the Rostov Regional Museum of Local History] 14, 125–127.
- Kuzmishchev, A.G. 2008: Skarabey, naydennyy na o. Berezan' [Scarab found on Berezan]. In: M. Vakhtina et al. (ed.), *Bospor i Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu* [The Bosphorus and the Northern Black Sea in ancient times]. Saint Petersburg, 53–56.
- Leontieva, V.A. 2012: Nekotorye osobennosti religioznoy zhizni naseleniya na periferii antichnogo mira v I–III vv. n.e. (na primere Bospora i Nizhnego Podunav'ya) [Some features of the religious life of the population on the periphery of the ancient world in the 1st–3rd centuries AD (the Bosphorus and the Lower Danube)]. *Sredizemnomorskiy mir v antichnuyu i srednevekovuyu epokhi*. [The Mediterranean world in the ancient and medieval periods] 6 (3), 212–218.
- Michel, S. 2004: *Die Magischen Gemmen. Zu Bildern und Zauberformeln auf geschnittenen Steinen der Antike und Neuzeit*. Berlin.
- Neverov, O. Ya. 1982: *Gemmy antichnogo mira* [The Gems of the Ancient World]. Saint Petersburg.
- Roche, P. 2005: *Aristophanes: The Complete Plays*. New York.
- Shcherbakova, V.S. 1980: Kolleksiya gemm iz nekropolya v okrestnostyakh Khersonesa [Collection of gems from the necropolis near Chersonese]. In: *Antichnaya drevnost' i sred-*

- nie veka*. Vyp. 17: *Antichnye traditsii i vizantiyskie realii* [Antiquity and the Middle Ages. Iss. 17: *Ancient traditions and Byzantine realities*]. Sverdlovsk, 94–103.
- Shurgaya, I.G. 1977: O greko-egipetskom kul'te v severo-zapadnom Prichernomor'e [On the Greek-Egyptian cult in the Northwestern Black Sea Region]. In: M.M. Kobylina (ed.), *Istoriya i kul'tura antichnogo mira* [History and culture of the ancient world]. Moscow, 206–210.
- Walcot, P. 1978: *Envy and the Greeks: A Study of Human Behavior*. Warminster.
- Zakharov, A.A. 1928: Gemmy i antichnye perstni Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Gems and antique rings State. Historical Museum]. *Trudy Sektsii arkheologii Rossiyskoy associatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the Section of Archeology of the Russian Association of Research Institutes for Social Sciences]. III (114). Moscow, 126–141.

AN IRON RING WITH INTAGLIO FROM THE NECROPOLIS OF THE ROSTOV SETTLEMENT

Alexander A. Nechiporuk¹, Viktoria G. Chernenko²

¹ Ltd "Archaeological Society of Kuban", Rostov-on-Don, Russia
nechip25@mail.ru

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
victoriagent.chernenko@gmail.com

Abstract. The article deals with an iron ring with intaglio depicting a scolopendra. It was discovered during 2017–2018 archaeological excavation at the necropolis of the Rostov Settlement. The ring was among grave goods in the burial no. 79 dating from the second half of the 2nd century AD, located on the eastern edge of the necropolis. The appearance of the ring with the image of scolopendra in the burial seems not to be occasional. Rings were mainly used either as seals or as amulets. Symbols of protection or abundance were the most popular depictions on gems and metal rings. In the context of the published discovery, the floor mosaic of the 2nd century AD from the House of Evil Eye in Antioch is of considerable interest. It shows the scene of attack on the evil eye, which includes some of the symbols of the fight against the evil eye, thus confirming the protective functions of such images in glyptics.

It must be emphasized that the appearance of the centipede in the mosaic and on the ring, apparently, is a consequence of the influence of Eastern beliefs; it turns out to be associated with one of the deities of ancient Egypt. Sepa is known as the protector god and patron of the dead. It is known that in the beliefs of the Egyptians centipede was considered dangerous animals, originating from the «lower» fauna, close to the ground. Egyptian influence on Greek culture can be traced even before the Hellenism, with the onset of which Egyptian cults finally penetrated into Greek mythology. The cultural interaction of Rome and Egypt had no less significance, especially in the first centuries AD. At this time, Greek-Egyptian magical gems are also widely known.

The iron ring with an image of centipede brings us to the important topic of studying the general ideas of peoples about the protective functions of certain animals. Apotropaic magic was very common in various regions, which was reflected in glyptics.

Keywords: archaeology, Northern Black Sea region, Lower Don, finger rings, gems, apotropaic magic, centipede, glyptics, metalworking

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 91–100
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 91–100
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-91–100

СВЯТИЛИЩЕ КСЕНОФОНТА И ОЛИМПИЙСКИЙ СОВЕТ: «АТТИЧЕСКАЯ ПЧЕЛА» В ТЕНЕТАХ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ПОЛИТИКИ¹

П.А. Евдокимов

ГБОУ Школа «Интеллектуал», Москва, Россия
apostate_pe@mail.ru

Аннотация. Данные письменных источников об основании Ксенофонтом в Скиллунте святилища Артемиды Эфесской позволяют вписать это конкретно-историческое событие, о котором сам его непосредственный участник рассказывает как об одном из частных событий, случившихся с ним по окончании «Анабасиса», в большой исторический контекст территориально-политических изменений в Северо-Западном Пелопоннесе в конце V – первой трети IV в. до н.э.

Устройство святилища на территории Скиллунта, отторгнутого в ходе спартано-элейской войны 402–400 гг. до н.э. от элейского территориального государства, было способом утвердить в этом регионе дружественный Спарте политический режим и укоренить в местной политической элите друга царя Агесилая Ксенофонта, который на новом месте приобретал функции спартанского проксена. Учреждение при святилище регулярных празднеств, сопровождавшихся ритуализированной охотой, в которой принимали участие юноши – дети граждан Скиллунта и самого Ксенофонта, создавало и актуализировало новые социальные связи.

После поражения спартанцев при Левктре Ксенофонт и его семья были вынуждены покинуть Скиллунт, а сам историк привлекался к суду в Олимпийском совете, из чего можно заключить, что этот орган управления Олимпийским святилищем не ограничивался в своих полномочиях лишь кругом вопросов, связанных с проведением и подготовкой

Данные об авторе: Евдокимов Павел Андреевич – кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ Школа «Интеллектуал» ЗАО г. Москвы.

¹ С большим удовольствием направляю эту небольшую заметку в номер журнала, посвященный юбилею Алексея Андреевича Завойкина, который на протяжении ряда лет (1999–2002 и 2004 гг.) руководил археологическими исследованиями античного святилища на памятнике Береговой 4, знаком со «святилищной» проблематикой не понаслышке и всегда охотно откликается на предложения обсудить актуальные вопросы изучения древнегреческих культов в самых широких географических, тематических и временных границах. Проблематика предлагаемого очерка заинтересовала меня во время работы над диссертацией, посвященной истории управления Олимпийским святилищем в архаическую и классическую эпохи, и именно тогда я получил любезное приглашение Алексея Андреевича принять участие в раскопках на Береговом 4, что позволило мне не только на практике приобщиться к археологии культа и во многом по-другому взглянуть на данные письменных источников, но и дало драгоценный урок серьезной полевой работы очень высокого уровня под руководством чуткого к деталям и ответственного в отношении своих выводов исследователя, каким является нынешний юбиляр.

панэллинских игр, но был одним из ключевых инструментов элейской гегемонии в Северо-Западном Пелопоннесе.

Ключевые слова: Ксенофонт, Скиллунт, святилище, Элида, Олимпия, культ Артемиды, Олимпийский совет

Скиллунтский период жизни Ксенофонта не столь хорошо документирован, как другие яркие моменты его увлекательной биографии, хотя, кажется, что именно эти примерно полтора десятка лет (где-то между 392 и 371 гг. до н.э.²) сыграли ключевую роль в превращении афинского скитальца и изгнанника в выдающегося греческого писателя, чья культурная значимость пережила свою эпоху. Эти годы дали ему относительный покой и необходимый досуг, возможность заняться семьей, хозяйством и литературным творчеством. Тем интереснее немногочисленные свидетельства о конкретных исторических условиях, в которых проходила его жизнь на западе Пелопоннеса, в нескольких километрах от Олимпии.

В первую очередь это известное свидетельство самого Ксенофонта, приведенное им в виде небольшого экскурса в V книге «Анабасиса» (Xen. Anab. V. 3. 2–13), где автор, повествуя о разделе денег от продажи пленников, подробно сообщает о судьбе полученных им средств и, забегаая вперед, рассказывает об устройстве святилища Артемиды Эфесской в Скиллунте:

(2) На третий день похода эллины пришли в Керасунт – эллинский город на берегу моря, колонию Синопы в Колхиде. (3) Там они пробыли 10 дней и произвели смотр и подсчет войска, причем налицо оказалось 8600 человек. Эти спаслись, а остальные погибли в борьбе с неприятелем, от холода и разных болезней.

(4) Тут они разделили деньги, полученные от продажи пленных. Для Аполлона и Артемиды Эфесской они отделили десятую часть, и каждый из стратегов получил известную долю (этих денег), чтобы сохранить ее для богов. За Хирисофа деньги получил Неон из Асины. (5) Ксенофонт (на эти деньги) изготовил приношение Аполлону и поместил его в сокровищницу афинян в Дельфах, начертав на нем свое имя и имя Проксена, погибшего вместе с Клеархом; Ксенофонт ведь был связан с ним узами гостеприимства. (6) Часть, предназначенную для Артемиды Эфесской, Ксенофонт, когда он вместе с Агесилаем удалился из Азии, направляясь в поход против Беотии и предполагая, что ему грозит опасность, оставил у Мегабиза, неокора Артемиды, и велел Мегабизу возратить эти деньги, если Ксенофонт останется жив, если же с ним случится какое-нибудь несчастье – посвятить их Артемиде, изготовив для нее то, что, по его мнению, будет угодно богине.

(7) Когда Ксенофонт стал изгнанником и поселился благодаря лакедемонянам в Скиллунте [близ Олимпии], Мегабиз в числе других зрителей прибыл в Олимпию и передал Ксенофонту вверенное ему на хранение. Приняв деньги, Ксенофонт купил для богини небольшой участок земли по указанию бога. (8) Получилось замечательное совпадение, так как через этот участок протекает река Селинунт, и в Эфесе около храма Артемиды протекает река того же названия, и в обеих реках есть рыба и раковины. Но на участке у Скиллунта, кроме того, можно охотиться на всевозможных, пригодных для охоты, зверей. (9) На предна-

² См. о датировке: Purvis 2003, 64.

значенные для богини деньги Ксенофонт также построил алтарь и храм и с этого времени всегда выделял десятую часть плодов с полей и приносил ее в жертву богине, причем все местные граждане и окрестные жители, как мужчины, так и женщины, принимали участие в празднестве. Участников празднества на средства храма снабжали ячменем, пшеничным хлебом, вином, плодами и долей мяса как от жертвенных животных со священных пастбищ, так и от зверей, убитых на охоте. (10) Дело в том, что ко дню празднества сыновья Ксенофонта и других граждан устраивали охоту и в ней участвовали по желанию и взрослые мужчины. На животных, а именно на кабанов и оленей, охотились частью на самом священном участке, частью на горе Фолое.

(11) Этот участок расположен на проезжей дороге из Лакедемона в Олимпию и отстоит от храма Зевса в Олимпии примерно на 20 стадий. В пределах священного участка имеются луг и лесистые горы, где находят себе корм свиньи, козы и коровы, а также кони, так что и выючный скот приезжающих на праздник гостей пасется там. (12) А вокруг самого храма посажена роща из фруктовых деревьев, плоды которых, когда они зрелы, съедобны. Храм в малых размерах повторяет великий эфесский храм, а сделанная из кипарисового дерева статуя богини походит на золотую статую в Эфесе. (13) Около храма стоит стела с надписью: «Священный участок Артемиды. Владелец, собирающий с него доходы, обязан ежегодно приносить в жертву богине десятую их часть, а из остальных средств содержать храм. Если он этого не исполнит, ему воздаст богиня» (*Перевод М. И. Максимовай*).

Совсем недавно этот сюжет стал объектом специального рассмотрения в монографии А. Пурвис, посвященной частным культовым практикам в Греции классической эпохи³, что позволяет нам в краткой статье сконцентрировать свое внимание лишь на одном аспекте этого сюжета, – суде над Ксенофонтом, о котором сам афинский историк умалчивает, но рассказывает Павсаний (Paus. V. 6. 5–6).

Перизетт сообщает, что Ксенофонт получил от спартанцев отторгнутый от Элиды Скиллунт (Λακεδαιμόνιοι...Σκιλλοῦντα ἀποτεμόμενοι τῆς Ἥλειας Ξενοφῶντι ἔδοσαν) и поселился там, основав святилище Артемиды Эфесской (κατοικήσας δ' ἐν Σκιλλοῦντι τέμενος τε καὶ ἱερόν καὶ ναὸν Ἀρτέμιδι ὑποδομήσατο Ἐφεσία), впоследствии же элейцы вернули себе Скиллунт и Ксенофонт предстал перед судом Олимпийского совета (κρίθῃναι μὲν ἐν τῇ Ὀλυμπικῇ βουλῇ) за то, что земля досталась ему от спартанцев (ὅτι ἔλαβε παρὰ Λακεδαιμονίων τὴν γῆν), но был прощен элейцами и получил разрешение жить в Скиллунте (τυχόντα δὲ παρὰ Ἥλειων συγγνώμης ἀδεῶς ἐν Σκιλλοῦντι οἰκῆσαι). Местные жители, по словам Павсания, показывали также могилу Ксенофонта неподалеку от храма Артемиды.

Также подтверждает эти сведения о жизни Ксенофонта в Скиллунте и основании им святилища Диоген Лаэртский (Diog. Laert. II. 52–55), создавший жизнеописание Ксенофонта с использованием более древних сочинений (в частности, – речи Динарха «Против Ксенофонта»). Однако никакой другой источник, кроме сообщения Павсания, не упоминает ни о суде над Ксенофонтом в Олимпийском совете, ни о том, что ему было разрешено по-прежнему жить (и умереть) в Скиллунте. Напротив, Диоген Лаэртский и его источники утверждают обратное: с

³ Purvis 2003.

переходом Скиллунта вновь под власть Элиды Ксенофонт и его домашним пришлось бежать, и впоследствии великий греческий историк поселился и окончил жизнь в Коринфе. Этой же точки зрения придерживается большинство современных исследователей биографии Ксенофонта⁴.

На основании пассажа из сочинения Диогена Лаэртского, согласно которому Ксенофонт с переходом Скиллунта к Элиде бежал сначала в Элиду, а потом в Лепрей, после чего поселился в Коринфе, делались попытки примирить противоречивые сведения. К.В. Крюгер предполагал, что Ксенофонт мог отправиться в Элиду, чтобы отстаивать свое право владения участком в Скиллунте, потерпеть там неудачу и удалиться из Элиды в дружественный спартамцам Лепрей и далее найти прибежище в Коринфе. Но в таком случае малопонятным становится поспешный уход семьи Ксенофонта вместе с небольшим числом домашних слуг в Лепрей: этот уход подразумевает не планомерный переезд, а именно поспешное бегство. В момент «переезда» у афинского историка и его близких едва ли была возможность помышлять о каких бы то ни было юридических процедурах, направленных на отстаивание своих прав, – Диоген Лаэртский употребляет глаголы ὑπεξέλθειν и διασωθῆναι. К тому же А. Рокетт обратил внимание на то, что лучшие рукописи труда Диогена вместо чтения εἰς τὴν Ἠλίδν («в Элиду») дают εἰς τὴν Ἡραϊάν («в Герей»), так что всякое объективное основание для сближения свидетельств античных биографов Ксенофонта и сообщения Павсания утрачивается⁵.

Отметим, что само сообщение Павсания о пребывании Ксенофонта в Скиллунте неоднородно и включает в себя информацию из трех разных источников. Сведения о жизни Ксенофонта в Скиллунте и об основании им святилища Артемиды Эфесской относились к разряду общеизвестных – их можно было почерпнуть, прежде всего, из сочинений самого Ксенофонта (ср. упоминание о природных богатствах местности у Павсания и соответствующий пассаж в описании из «Анабасиса») – и Павсаний не считал необходимым указывать источник этих сведений. Другая часть сообщения стала известна Павсанию непосредственно в Элиде: элейские экзегеты рассказали ему о возвращении Скиллунта Элиде, о суде над Ксенофонтом в Олимпийском совете и о полученном им прощении, а жившие в окрестностях скиллунтского святилища (οἱ πρὸς τοῖκοῦντες) показывали предполагаемую могилу Ксенофонта. Таким образом, мы имеем дело с местными традициями, из которых одна (о суде в Олимпийском совете) элейского происхождения, а другая (о могиле Ксенофонта) принадлежит жителям Скиллунта, чьи предки в свое время были соседями писателя. По времени своего появления оба этих рассказа, судя по всему, достаточно поздние и, скорее всего, не отражают реальных событий второй четверти IV в. до н.э., и сам факт их появления еще требует отдельного объяснения. Нас же в данном случае интересует, насколько рассказ элейских экзегетов ценен для изучения истории Олимпийского совета, поэтому постараемся определить, какова была, согласно логике этой элейской версии, вина Ксенофонта, и какие вопросы входили в компетенцию Олимпийского совета, помимо контрольных функций в отношении гелланодиков, о чем свидетельствуют источники, раскрывающие казус атлета Леона из Амбракии (Paus. VI. 3. 7)⁶.

⁴ См. библиографию вопроса: Фролов 1958, 69–71; Dillary 1995, 94.

⁵ Фролов 1958, 70.

⁶ Crowther 1997, 149–160.

Павсаний (и его информаторы-экзегеты) вполне отчетливо формулируют «вину» Ксенофонта – то, что он получил землю от спартанцев. Область Скиллунта, относящаяся к так называемым «периэкским» землям Трифилии⁷, была отделена от элейского государства в результате спартано-элейской войны рубежа V–IV вв. (ок. 400 г.)⁸. Поддерживая сепаратистские тенденции местных сообществ, спартанцы стимулировали создание на территории отторгнутой от Элиды Трифилии автономных политических образований, подверженных спартанскому влиянию.

Ставший спартанским проксеном⁹, Ксенофонт поселился в Скиллунте, вероятнее всего, после окончания Коринфской войны (после 387/386 г.). Точно неизвестно, на каких условиях и сколько земли получил от спартанцев Ксенофонт в Скиллунте. Динарх говорил о «жилище и поле» (οἰκίαν καὶ ἄγρον), имеются также сведения о широкомасштабном применении рабского труда в поместье Ксенофонта, причем рабов он также получил в подарок от спартиата Филонида (Diog. Laert. II. 53), – все это заставляет думать о весьма существенных земельных владениях.

Сам Ксенофонт достаточно подробно рассказывает об учреждении им святилища Артемиды Эфесской в Скиллунте. Обширный земельный участок был приобретен им на полагавшуюся богине по обету часть средств, полученных предводителями Десяти тысяч от продажи пленных (Xen. Anab. V. 3. 4–7). Несмотря на употребление автором слова χωρίον – «небольшой участок, участочек», можно полагать, что его размеры были весьма существенны; это была не просто ограниченная священная территория, а сельскохозяйственные земли и угодья, приносящие весомый доход. Э.Д. Фролов обратил внимание на особый юридический статус этой земли: с одной стороны, хозяйкой земли была богиня Артемида Эфесская, а владение ее священным участком было связано с выполнением в ее пользу определенных обязанностей – посвящения десятой доли доходов богине в качестве жертвы и забот по содержанию святилища; с другой стороны, реальный владелец земли – Ксенофонт – одновременно выступал и в качестве «официального представителя» богини, поскольку именно он был основателем святилища, заказчиком строительства там храма, организатором и руководителем культовой жизни вновь основанного святилища¹⁰.

Как нам кажется, эта двойственная позиция Ксенофонта была не только юридической фикцией, позволявшей ему, как справедливо отмечал Э.Д. Фролов, «свободно распоряжаться участком по собственному усмотрению». Не стоит также сбрасывать со счетов и социально-политическую значимость возникновения в окрестностях Скиллунта, всего в 3,5 км от Олимпии, нового святилища, точнее сказать целой священной области: теменоса, святилища и храма, как характеризует ее Павсаний (V. 6. 5–6). Через основание святилища в Скиллунте афинский изгнанник и проксен лакедемонян Ксенофонт не только воздавал должное богине за помощь в Анабасисе, но и утверждал себя в новом качестве – в качестве крупного землевладельца (и рабовладельца) и лица, ответственного за выполнение культа. То, что культ Артемиды в Скиллунте имел публичный характер, не подлежит ни-

⁷ Sievert 1994, 257–264; Roy 1997, 282–320.

⁸ Unz 1986, 29–42; Falkner 1996, 17–25; Bilik 1999, 21–47; Caprio 2004, 82–98.

⁹ См.: Purvis 2003: 80–87.

¹⁰ Фролов 1958, 67.

какому сомнению: сам писатель подчеркивает, что на празднество собираются все окрестные жители и для них на средства храма устраивается пиршество, а дети граждан вместе с сыновьями Ксенофонта охотятся в окрестных лесах на диких зверей (*Anab.* V. 3. 9–10). Высокая оценка значения охоты как тесно связанным с войной видом деятельности имеется как в сочинениях самого Ксенофонта, так и в трудах другого сократика – Платона¹¹, не менее важны и ритуальная, и социализирующая роль охоты на дикого зверя, в которой участвуют подрастающие юноши, на что впервые обратил внимание на афинском и спартанском материале П. Видадь-Наке¹².

Думается, что именно таким образом – через основание на территории скиллунтского полиса нового святилища (чему, заметим, реальную поддержку, безусловно, должны были оказать покровительствовавшие Ксенофонту спартанцы¹³) – «чужак» для жителей Трифилии, афинский изгнанник, мог обрести формальные основания для получения земли.

Исследователи жизни Ксенофонта неоднократно отмечали проявление его политических амбиций в неудачной попытке основать вместе с бывшими наемниками Кира Младшего новый полис в Малой Азии¹⁴, вероятно, и позже он едва ли пренебрег возможностью утвердиться среди элиты полисов Трифилии, не так давно благодаря спартамцам получивших автономию. Мы, к сожалению, не можем многого сказать об этой стороне деятельности Ксенофонта, но весьма показательно, что жители Скиллунта сохраняли память о нем много столетий спустя, уже во времена Павсания. Могила, которую они показывали путешественнику, судя по всему, не имела надписи, удостоверявшей, что там покоится именно Ксенофонт; вероятно, это и не была могила Ксенофонта. Однако последующие поколения стали связывать с расположенным возле святилища объектом память о его основателе, еще и потому, что вместе со святилищем было образовано новое сообщество, которое было облечено в культовые формы, но на деле, по всей видимости, культовыми задачами не ограничивалось. Не стоит забывать, что Скиллунт получил независимость от Элиды благодаря Спарте, так что формирование в освобожденных от элейского господства областях альтернативных социальных структур в этих условиях было на руку и спартамцам¹⁵, и обосновавшемуся в Скиллунте при их содействии Ксенофонт, и собственно, самим обитателям трифилийских общин.

В свете этого становится понятным, почему Ксенофонт был вынужден поспешно покинуть Скиллунт, когда элейцы после поражения спартанцев при Левктре в 371 г. снова вернули себе утраченные «периекские» территории. Понятно также, почему более поздняя элейская традиция говорила о суде над Ксенофонтом в Олимпийском совете: с их точки зрения всякое распоряжение землей, отторгнутой от элейской территориальной державы – как предоставление земельного участка чужеземцу Ксенофонт, так тем более организация там, в непосредственной близости от Олимпии, нового святилища – были нелегитимными акциями.

¹¹ Purvis 2003, 71.

¹² Видадь-Наке 2001, 135–154; 339–365.

¹³ Спартанский царь и друг Ксенофонта Агесилай, как справедливо отмечено (Purvis 2003, 87–88), также особо почитал Артемиду.

¹⁴ Dillery 1995, 90; Purvis 2003, 68–70.

¹⁵ Подобное предположение было в краткой форме высказано в работе: Anderson 1974, 165.

Традиция о «прощении» Ксенофонта появилась, видимо, много позже и уже как результат вынужденного компромисса: существовавшее в «явочном порядке» более десяти лет святилище Артемиды элейцам пришлось признать, причем для этого, вероятно, совсем не обязательным было личное присутствие Ксенофонта. Получил ли последний на самом деле разрешение жить в Скиллунте или нет – сказать трудно, во всяком случае он до конца жизни прожил в Коринфе, если верить Диогену Лаэртскому и его источникам. Значит, предание о «прощении» Ксенофонта появилось значительно позже, когда политическая подоплека казуса более или менее затухала, и, как признание огромного вклада «аттической пчелы» в общеэллинскую культуру с учетом местной скиллунтской традиции, возникла необходимость «реабилитации» памяти писателя¹⁶.

Святылище Артемиды Эфесской в Скиллунте неоднократно пытались локализовать. В целом, большинство исследователей сходятся во мнении, что оно должно быть расположено где-то в районе современного поселения Макрисия, в долине реки Крестена (древний Селинунт). В 1953 г. в этой местности Н. Ялурис в ходе раскопок на памятнике Кампуле обнаружил сосредоточенное на небольшой площади (9,5 м²) и залегавшее на небольшой глубине обильное (исчислялось сотнями) скопление целых расписных керамических сосудов аттического и элейского производства, сопровождаемых множеством терракотовых фигурок и протом, изображающих женское божество в полосе. Вокруг комплекса также были отмечены находившиеся на поверхности руинированные архитектурные остатки¹⁷. Характер находок и их состав располагал к тому, чтобы интерпретировать данный комплекс как культовое захоронение вотивной или священной утвари, связанное с деятельностью святилища какого-то женского божества. Однако широкий хронологический охват представленных в этом комплексе керамических материалов (VI–IV вв. до н.э.) не дает уверенности для однозначного отождествления этого памятника со скиллунтским святилищем, которое Ксенофонт должен был основать в течение первой четверти IV в. до н.э. Возможна ситуация, что еще до учреждения по инициативе Ксенофонта святилища Эфесской богини в этой местности уже существовал культ Артемиды (как археологические, так и письменные источники неоднократно подтверждают широкую популярность Артемиды в Трифилии и в долине Алфея), и во времена жизни в Скиллунте Ксенофонта произошла какая-то существенная реструктуризация культа, самым результатом которой могло стать это захоронение вотивов или священной утвари. Если это предположение верно, то мотивы претензий к Ксенофону со стороны Олимпийского совета тем более понятны, особенно при учете данных элейского декрета (IvO. 16) третьей четверти V в. до н.э.¹⁸, где неповиновение властям и стасис караются санкциями, взыскиваемыми в пользу святилища Зевса Олимпийского¹⁹.

Подводя итоги, отметим: «казус Ксенофонта» позволяет понять, что Олимпийский совет, контролируя культовую деятельность не только в самой Олимпии,

¹⁶ Delebecque 1957, 305; Дж. К. Андерсон принимает во внимание и вероятность того, что Ксенофонт на старости лет все-таки мог вернуться в Скиллунт и быть там действительно погребенным (Anderson 1974, 196).

¹⁷ Purvis 2003, 78–79.

¹⁸ По вопросам датировки см.: Jeffrey 1961, 218–219.

¹⁹ Koerner 1993, 129–137.

но и в рамках владений, на которые распространялся суверенитет элейского полиса, рассматривал вопросы, связанные с землевладением в пределах территории элейского государства и составом гражданского коллектива периекских полисов. Это очень важное дополнение к нашим знаниям о компетенции этого органа. Оно заставляет дополнительно задуматься по поводу места, которое занимал Олимпийский совет в структуре управления Олимпией, в структуре элейского полиса и территориального государства.

Не менее важно подчеркнуть и другое: основание святилища Артемиды в Скиллунте, поданное самим афинским историком как его личная инициатива во исполнение обязательств Десяти тысяч перед божествами, покровительствовавшими походу, на деле было частью комплекса мер по политическому переустройству отторгнутых от Элиды земель южнее Алфея. Культовая деятельность в новом (или обновленном) святилище создавала новые социальные связи²⁰, вписывала Ксенофонта в местные политические отношения и создавала для его спартанских друзей новые возможности. В этом смысле квалификация скиллунтского святилища Артемиды Эфесской как «частного культа» кажется нам не вполне удачной: это был реализованный в религиозной форме способ создания новой социальности, где причудливым образом переплетались интересы частного лица – афинского изгнанника, спартанского политического деятеля Агесилая, местных общин, обретших на короткое (как оказалось) время автономию, и элейской территориальной державы, основанной на принципе подчинения периеков Северо-Западного Пелопоннеса Олимпийскому святилищу и контролировавшему его элейскому полису. В этом причудливом переплетении разных уровней взаимодействия можно видеть провозвестие наступающей новой эпохи, когда межполисные отношения в греческом мире перестанут быть единственно возможным типом взаимодействия, уступая место, с одной стороны, выделившемуся из полиса индивиду, а с другой – доминирующей над одним и несколькими полисами гегемониальной силе.

ЛИТЕРАТУРА

- Видаль-Накэ, П. 2001: *Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М.
- Фролов, Э.Д. 1958: Жизнь и деятельность Ксенофонта. *Учёные записки ЛГУ* 251 (Сер. ист. наук 28), 41–74.
- Anderson, J.K. 1974: *Xenophon*. London.
- Bilik, R. 1998/99: Hippias von Elis als Quelle von Diodors Bericht über den elisch-spartanischen Krieg? *Ancient Society* 29, 21–47.
- Caprio, J.A. 2004: *An Allied History of the Peloponnesian League: Elis, Tegea and Mantinea*. Ottawa.
- Crowther, N.B. 1997: “Sed quis custodiet ipsos custodes?”: the Impartiality of the Olympic Judges and the Case of Leon of Ambracia. *Nikephoros* 10, 149–160.
- Delebecque, E. 1957: *Essai sur la vie de Xénophon*. Paris.
- Dillery, J. 1995: *Xenophon and the History of His Times*. London–New York.
- Falkner, C. 1996: Sparta and the Elean War, ca. 401/400 B.C.: Revenge or Imperialism? *Phoenix* 50, 17–25.

²⁰ Ср. концепцию «культового гражданства» в работах Ф. де Полиньяка (Polignac 1984).

- Jeffrey, L.H. 1961: *The Local Scripts of the Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and Its Development from the Eighth to the Fifth Centuries*. Oxford.
- Koerner, R. 1993: *Inchriftliche Gesetztexte der fruhen griechischen Polis*. Koeln.
- Polignac, F., de. 1984: *La naissance de la cité grecque*. Paris.
- Purvis, A. 2003: *Singular Dedications: Founders and Innovators of Private Cults in Classical Greece*. New York–London.
- Roy, J. 1997: The Perioikoi of Elis. In: M.H. Hansen (ed.), *The Polis as an Urban Centre and as a Political Community*. Copenhagen, 282–320.
- Sievert, P. 1994: Symachien in neuen Inschriften von Olympia. Zu den sogenannten Perioeken der Eleer. In: C.S. Bearzot, L. Aigner Foresti, A. Barzano, L. Prandi, G. Zecchini (eds.), *Federazioni e federalismo nell'Europa antica* 1. Milano, 257–264.
- Unz, R.K. 1986: The Chronology of the Elean War. *GRBS* 27, 29–42.

REFERENCES

- Anderson, J.K. 1974: *Xenophon*. London.
- Bilik, R. 1998/99: Hippias von Elis als Quelle von Diodors Bericht über den elisch-spartanischen Krieg? *Ancient Society* 29, 21–47.
- Caprio, J.A. 2004: *An Allied History of the Peloponnesian League: Elis, Tegea and Mantinea*. Ottava.
- Crowther, N.B. 1997: “Sed quis custodiet ipsos custodes?”: the Impartiality of the Olympic Judges and the Case of Leon of Ambracia. *Nikephoros* 10, 149–160.
- Delebecque, E. 1957: *Essai sur la vie de Xénophon*. Paris.
- Dillery, J. 1995: *Xenophon and the History of His Times*. London–New York.
- Falkner, C. 1996: Sparta and the Elean War, ca. 401/400 B.C.: Revenge or Imperialism? *Phoenix* 50, 17–25.
- Frolov, E. D. 1958: Zhizn' i deyatelnost' Ksenophonta [Life and Work of Xenophon]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Leningrad State University] 251 (Seriya istoricheskikh nauk [Series of Historical Sciences] 28), 41–74.
- Jeffrey, L.H. 1961: *The Local Scripts of the Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and Its Development from the Eighth to the Fifth Centuries*. Oxford.
- Koerner, R. 1993: *Inchriftliche Gesetztexte der fruhen griechischen Polis*. Koeln.
- Polignac, F., de. 1984: *La naissance de la cité grecque*. Paris.
- Purvis, A. 2003: *Singular Dedications: Founders and Innovators of Private Cults in Classical Greece*. New York–London.
- Roy, J. 1997: The Perioikoi of Elis. In: M.H. Hansen (ed.), *The Polis as an Urban Centre and as a Political Community*. Copenhagen, 282–320.
- Sievert, P. 1994: Symachien in neuen Inschriften von Olympia. Zu den sogenannten Perioeken der Eleer. In: C.S. Bearzot, L. Aigner Foresti, A. Barzano, L. Prandi, G. Zecchini (eds.), *Federazioni e federalismo nell'Europa antica* 1. Milano, 257–264.
- Unz, R.K. 1986: The Chronology of the Elean War. *GRBS* 27, 29–42.
- Vidal-Naquet, P. 2001: *Chernyy okhotnic. Formy myshleniya i formy obshestva v grecheskom mire* [Le chasseur noir: Formes de pensée et formes de société dans le monde grec] Moscow.

THE XENOPHON'S SANCTUARY AND THE OLYMPIC COUNCIL:
THE "ATTIC BEE" IN THE TRAP OF THE PELOPONNESIAN POLITICS

Pavel A. Evdokimov

Moscow State School "Intellectual", Moscow, Russia
apostate_pe@mail.ru

Abstract. The accounts of the written sources on the sanctuary of Artemis *Ephesia* found by Xenophon in Scillus permit us to include this singular event (described by its main actor as some particular episode of his life after his return from the *Anabasis*) into the more wide historical context of serious transformations in the political landscape of the North-Western Peloponnese in late 5th – first third of the 4th century BC.

The foundation of a new sanctuary in Scillus (exempt from the power of the Elean territorial state at the result of the war between Elis and Sparta, 402-400 BC) was the way to establish in the region of Triphilia the Laconian-friendly political regime and to provide here the root to Xenophon – the personal friend of the king Agesilaus – who at this place acquired the functions of Spartan *proxenos*. The new regular festival connected with the sanctuary of Artemis included ritualized hunting and the youth getting ready to become adult citizens participated in it, and the children of Xenophon himself as well. All these actions created, developed and actualized new social connections and were not "private matter" in the strict sense of this word.

After the Spartan defeat at Leuctra (371 BC) Xenophon and his family had to leave Scillus, and the historian was accused in the Olympic Council – the fact which provides us a reason to deduce that the authority of this institution was not limited only by the questions of organization and administration of the Pan-Hellenic festival in Olympia, but it was also the key-instrument of Elean political hegemony in the North-West Peloponnese as the whole.

Keywords: Xenophon, Scillus, sanctuary, Elis, Olympia, Artemis cult, Olympic Council

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-101–105

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ В СВЕТЕ ОТКРЫТИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
voroshilov.aleksej@yandex.ru; helga-mir@yandex.ru

Аннотация. Масштабное и планомерное изучение некрополя Фанагории позволило зафиксировать некоторые особенности формирования его пространства. Основой самого крупного на Азиатском Боспоре античного кладбища является хорошо организованная система курганных насыпей, сформировавшаяся в классическую эпоху и развивавшаяся вплоть до позднеантичного времени. В расположении курганов Фанагории прослеживаются определенные закономерности. Заметно их тяготение к древним дорогам и естественным возвышенностям, расположенным вокруг города. Вероятно, подобная локация насыпей обусловлена предпочтениями древних жителей Фанагории, которые выбирали для захоронения своих близких наиболее высокие участки, заметные из города, с дорог или моря. Дальнейшее развитие античного кладбища происходило преимущественно в насыпях уже существующих курганов и в пространстве вокруг них.

В частности, выявленная в последние годы планиграфия восточного, западного и южного некрополя Фанагории обнаружила некоторую систему в сооружении грунтовых гробниц и их расположении на местности. Наиболее ярким закономерностям подчинены грунтовые склепы и могилы с подбоем. Камеры и ниши этих комплексов как правило были ориентированы в сторону ближайшей возвышенности, будь то естественный холм или курган. Из этого правила выбиваются эллинистические комплексы и двухкамерные склепы позднеантичного времени.

Центральную позицию в планировании пространства некрополя жителями Фанагории занимали каменные усыпальницы – склепы. Их хронология весьма широка – от классики до римского времени. Открытые на сегодняшний день каменные склепы, преимущественно являлись основными захоронениями курганов и играли роль эпицентра «композиции» погребальной насыпи, вокруг которого выстраивалось все подкурганное пространство.

Выявленные закономерности позволяют довольно эффективно локализовать исчезнувшие на сегодняшний день курганы и реконструировать исторический ландшафт некрополя.

Ключевые слова: Фанагория, некрополь, древний ландшафт, склеп, античность

Данные об авторах: Ворошилов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела научной информации Института археологии РАН; Ворошилова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН.

Новейшие исследования некрополя Фанагории характеризуются системностью, масштабностью и применением современных подходов к работе с погребальными древностями. В значительной степени эти возможности стали доступны благодаря долголетнему и плодотворному сотрудничеству Фанагорийской экспедиции ИА РАН и фонда «Вольное дело» О.В. Дерипаски. В настоящее время раскопки проводятся большими площадями, что позволяет получить недоступную ранее информацию об особенностях организации пространства некрополя, по возможности проследить эволюцию его ландшафта и в некоторых случаях реконструировать историю его отдельных территорий. На современном этапе масштабные исследования Некропольского отряда Фанагорийской экспедиции проходят на всех участках древнего кладбища: на Восточном, Западном и Южном некрополях. Эти изыскания приносят массу интересных находок и открытий. Хронологических срезов открытых в Фанагории античных погребений весьма широк и охватывает период более тысячелетия – от классической (V–IV в. до н.э.) до позднеантичной эпохи (IV–V вв. н.э.) включительно. Это обстоятельство, вкупе с большими размерами раскопок (площадь одного из крупнейших раскопов на Восточном некрополе уже превысила 6000 м²) создает предпосылки для реалистичных реконструкций развития самого крупного некрополя Азиатского Боспора.

Древнейшие из обнаруженных погребений фанагорийцев относятся к периоду поздней архаики и раннеклассическому времени¹. Найдены они под слоями городских кварталов или недалеко от города. Введенные на сегодняшний день в научный оборот материалы позволяют говорить о существовании вокруг Фанагории этого времени грунтового некрополя.

Группа захоронений классического времени представлена весьма разнообразными погребальными сооружениями. Как правило, обнаружить эти гробницы удается под насыпями курганов.

В расположении курганов Фанагории прослеживаются определенные закономерности. Заметно их тяготение к древним дорогам и естественным возвышенностям у города. При этом курганы, сооруженные вдоль дорог, в комплексе представляют собой вытянутые цепи (иногда в несколько параллельных рядов), маркирующие каждую из обочин дороги. Преимущественное расположение курганов на естественных возвышенностях, вероятно, подчинено предпочтениям древних жителей Фанагории, которые выбирали для захоронения своих близких наиболее высокие участки, заметные из города, с дорог или моря. Иногда в качестве основания для массивной античной насыпи использовали небольшой курган бронзового века. Нельзя исключать того, что некоторые обособленные группы курганов могли принадлежать отдельным семьям, городским сообществам или жителям загородных поселений. Практически все курганы были разграблены еще в древности или раскопаны в XIX в.

Центральную позицию в планировании пространства некрополя жителями Фанагории занимали монументальные усыпальницы – склепы² или «ящики» – гробницы без входа. Их хронология весьма широка – от классики до римского времени. Открытые на сегодняшний день каменные склепы (иногда их сооружали из сырцового кирпича или бетона), преимущественно являлись основными захо-

¹ Завойкин, Колесников, Сударев 2016, 110–207.

² Ворошилова 2018, 56–58.

ронениями курганов и играли роль эпицентра «композиции» погребальной насыпи, вокруг которого выстраивалось все подкурганное и межкурганное пространство. Обнаружить остатки каменных гробниц на участках некрополя, где насыпи курганов полностью сnivelированы, весьма непросто. Связано это с плохой сохранностью погребений. В некоторых случаях удается обнаружить лишь отпечатки каменных блоков на дне строительного котлована, где располагалась каменная гробница. Иногда археологам достается лишь яма с полностью турбированным заполнением на месте склепа. Значительно реже удается обнаружить каменные склепы такой сохранности, которая позволяет сделать выводы относительно конструкции и особенностей архитектуры древней постройки.

Интересные наблюдения удалось сделать относительно формирования некрополя Фанагории в эллинистическую эпоху. Помимо сооружения каменных гробниц и курганов над ними, в это время зафиксирована практика совершения захоронений в грунтовых кладбищах, окруженных более ранними курганными насыпями³. Уже сейчас можно говорить о том, что эллинистические каменные ящики, грунтовые склепы и различные виды могил в некоторых случаях имели общую планировку, напрямую не связанную с курганами.

Важную информацию для понимания особенностей формирования некрополя римского и позднеантичного времени удалось получить благодаря планомерным раскопкам обширной территории. Зафиксированная при этом планиграфия некрополя Фанагории позволила установить некоторые общие закономерности формирования древнего кладбища. В частности, удалось выявить некоторые особенности сооружения и расположении на местности грунтовых погребений, в первую очередь склепов⁴ и подбойных могил. Именно эти комплексы подчинены наиболее ярким закономерностям – их камеры и ниши ориентированы, как правило, в сторону ближайшей возвышенности, будь то естественный холм или вершина уже существующего кургана. Из этого правила выбиваются эллинистические комплексы и двухкамерные склепы позднеантичного времени. В 2010–2011 гг. на разных участках Восточного некрополя без признаков курганных насыпей на поверхности были обнаружены показательные планиграфические ситуации. В обоих случаях вокруг остатков монументальных усыпальниц, камерами к ним (к центру кургана) располагались грунтовые склепы римской и позднеантичной эпох. Подбойные могилы также были обращены нишами к реконструируемому центру курганов⁵. Гипотезу о связи расположения склепов с более древними насыпями подтверждают и раскопки курганов южного некрополя, насыпи которых сохранились до наших дней. В результате их исследования были обнаружены аналогичные ситуации – римские и позднеантичные склепы, обращенные камерами к центру насыпи.

На сегодняшний день довольно определенно можно утверждать, что начиная с римской эпохи расположение и ориентация большинства грунтовых склепов находилась в прямой зависимости от положения более ранних курганов или естественных возвышений местности – гряд, склонов плато, обочин рельефно выраженных дорог.

³ Ворошилов, Ворошилова 2016, 23–25.

⁴ Ворошилова 2018, 58–75.

⁵ Ворошилов, Ворошилова 2013, 76–78.

ЛИТЕРАТУРА

- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2013: Новые материалы о планиграфии восточного некрополя Фанагории. В сб.: И.И. Марченко (ред.), *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции*. Краснодар, 76–78.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2016: О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории. В сб.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время*. М., 23–28.
- Ворошилова, О.М., 2018: О склепах Фанагории 1–5 вв. н.э. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по истории и археологии Фанагории*. Вып. 4. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7.). М., 56–76.
- Завойкин А.А., Колесников, А.Б., Сударев, Н.И. 2016: Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории. В сб.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по истории и археологии Фанагории*. Вып. 2. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4). М., 110–207.

REFERENCES

- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2013: Novye materialy o planigrafii vostochnogo nekropolya Fanagorii [New materials on the planigraphy of the eastern necropolis of Phanagoria]. In: I.I. Marchenko (ed.), *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: Materialy konferentsii* [Sixth International Kuban Archaeological Conference: Conference proceedings]. Krasnodar, 76–78.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2016: O novykh nakhodkakh ellinisticheskikh kamennykh «yashchikov» v Fanagorii [On the new finds of the Hellenistic stone “boxes” in Phanagoria]. In: D.V. Zhuravlev, U. Shlotcauer (eds.), *Aziatskiy Bospor i Prikuban'ye v dorimskoe vremya* [The Asian Bosphorus and Kuban in pre-Roman time]. Moscow, 23–28.
- Voroshilova, O.M. 2018: O sklepkh Fanagorii 1-5 vv. n.e. [Crypts of Phanagoria of the 1st – 5th centuries AD]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po istorii i arkheologii Fanagorii* [Materials on the History and Archaeology of Phanagoria]. 4. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of Archaeological Research]. Vol. 7). Moscow, 56–76.
- Zavoykin A.A., Kolesnikov, A.B., Sudarev, N.I. 2016: Pozdnearkhaicheskie pogrebeniya na «Yuzhnom gorode» Fanagorii [Late Archaic burials in the “Southern City” Site at Phanagoria]. In: A.A. Zavoykin (ed.), *Materialy po istorii i arkheologii Fanagorii* [Materials on the History and Archaeology of Phanagoria]. 2. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of Archaeological Research]. Vol. 4). Moscow, 110–207.

FEATURES OF THE PHANAGORIAN NECROPOLIS' FORMATION IN THE LIGHT OF RECENT DISCOVERIES

Alexey N. Voroshilov, Olga M. Voroshilova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
voroshilov.aleksej@yandex.ru; helga-mir@yandex.ru

Abstract. The recent large-scale and systematic study of the Phanagorian necropolis allows us to fix some features of its space formation. The basis of the largest antique cemetery in Asian

Bosporus is a well-organized system of burial mounds, which was formed during the Classical period and it developed until the Late Antique time. The location of the mounds of Phanagoria has certain pattern. The burials are located near the natural hills along the ancient roads in the outskirts of the city. Probably, the location of the burial mounds is due to the preferences of the Phanagorians, who chose the highest areas visible from the city, roads or the sea for burial of their close ones. Further development of the antique cemetery occurred mainly in the mounds of already existing tumulus and in the space around them.

The recently studied planigraphy of the eastern, western and southern necropolis of Phanagoria revealed a certain system in the construction of tombs and their location. The most striking patterns we find in crypts and burials in grave's niche. The chambers and niches of these complexes were usually oriented toward the nearest hill, be it a natural hill or a mound. Hellenistic complexes and two-chamber crypts of Late Antique time are knocked out of this rule.

The central position in the planning of the necropolis space was occupied by stone tombs, i.e. crypts. Their chronology is very wide, from the Classical Period to the Roman time. The stone crypts were predominantly the main burials and played the role of the epicenter of the "composition" of the burial mound, around which the entire space was built.

The revealed patterns make it possible to quite effectively localize the mounds that have disappeared to date and reconstruct the historical landscape of the necropolis.

Keywords: Phanagoria, necropolis, ancient landscape, crypt, Antiquity

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-106–125

ПОСТРОЙКА 13 ПОСТПОЛЕМОНОВСКОГО ВРЕМЕНИ НА ГОРОДИЩЕ ТАНАИС

С.М. Ильяшенко¹, Н.Н. Преснова²

¹ ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»», хут. Недвиговка, Россия
silyas@list.ru

² Институт археологии РАН, Москва, Россия
nadezhda_presnova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вновь открытой постройке 13, сооруженной в I в. н.э., в период восстановления Танаиса после его разгрома «за неповиновение» боспорским царем Полемоном. Ее изучение проводилось в ходе двух полевых сезонов (2003 г., 2006 г.) Нижне-Донской археологической экспедицией РАН. Постройка 13 располагается в южной части городской цитадели (раскоп XIX), вблизи южных ворот. В результате работ был открыт и исследован вырубленный в материковой скале подвал. Наземная часть постройки не сохранилась. Как и многие другие объекты этого времени, постройка была разобрана, а подвал засыпан местными жителями при перепланировках города в первой половине II в. н.э. В пользу такого предположения свидетельствует то, что основную массу находок в ее заполнении составляют фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор гераклейского производства, псевдокосских амфор с двустольными ручками, амфор колхидского производства, а также фрагменты лепных и кружальных сероглиняных сосудов I – первой половины II в. н.э. В качестве подтверждения нижней даты вероятной нивелировки поверхности над постройкой служит находка монеты – сестерция Савромата I (93–123 гг. н.э.), происходящей из верхнего горизонта засыпи подвала. По мнению В.А. Анохина, такие монеты выпускались в конце правления императора Траяна в период 113–115 гг. н.э.

Изучение подобных сооружений позволяет реконструировать историю города пост-полемоновского времени и свидетельствует о сохранении общих планировочных принципов предыдущего периода при его восстановлении в I – начале II в. н.э.

Ключевые слова: археология, Танаис, городище, закрытый комплекс, амфора, постройка, подвал, керамика

По сведениям Страбона, в конце I в. до н.э. Танаис был разрушен за неповиновение в результате карательного похода боспорского царя Полемона (Strab. XI. 2. 3). В ходе археологических исследований второй половины XX – начала XXI в. на основном четырехугольнике городища (городской цитадели) (рис. 1)

Данные об авторах: Ильяшенко Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»»; Преснова Надежда Николаевна – аспирантка Института археологии РАН.

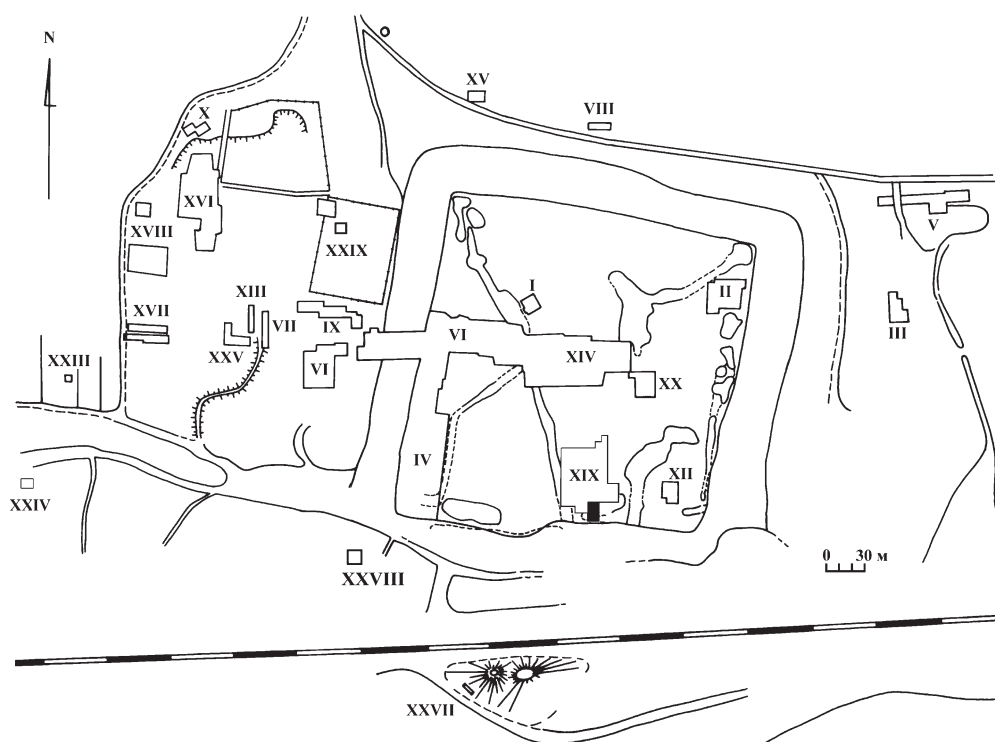

Рис. 1. Общий план городища Танаис

были открыты объекты постполемоновского времени. В западной части был зафиксирован комплекс помещений I в. н.э.¹ Постройки примыкали к западной оборонительной стене эллинистического времени и были засыпаны на рубеже I–II вв. н.э. при восстановлении фортификационных сооружений². Работы последних лет на территории западного городского района показали, что и за пределами западной линии обороны после катастрофы конца I в. до н.э. также сохранялись жилые постройки³.

На территории центральной части городища при изучении усадеб II – середины III в. н.э. были выявлены остатки предшествующих сооружений (в т.ч. подвальных помещений раннеримского времени)⁴. Также открыты городские улицы, функционирующие от основания города до середины III в. н.э.⁵ В южной части городища в 1990-е гг. были обнаружены закрытые комплексы рассматриваемого времени⁶. Накопленный материал позволяет говорить о наличии на территории

¹ Болтунова, Каменецкий, Деопик 1969, 9–10; Шелов 1970, 131.

² Арсеньева, Науменко 2010, 22; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2011, 139–140; Ильяшенко 2013, 167.

³ Матера 2018, 300–306.

⁴ Арсеньева, Науменко 1992; Науменко 2006, 262.

⁵ Арсеньева, Науменко 1989, 76.

⁶ Arsen'eva, Fornasier 2003.

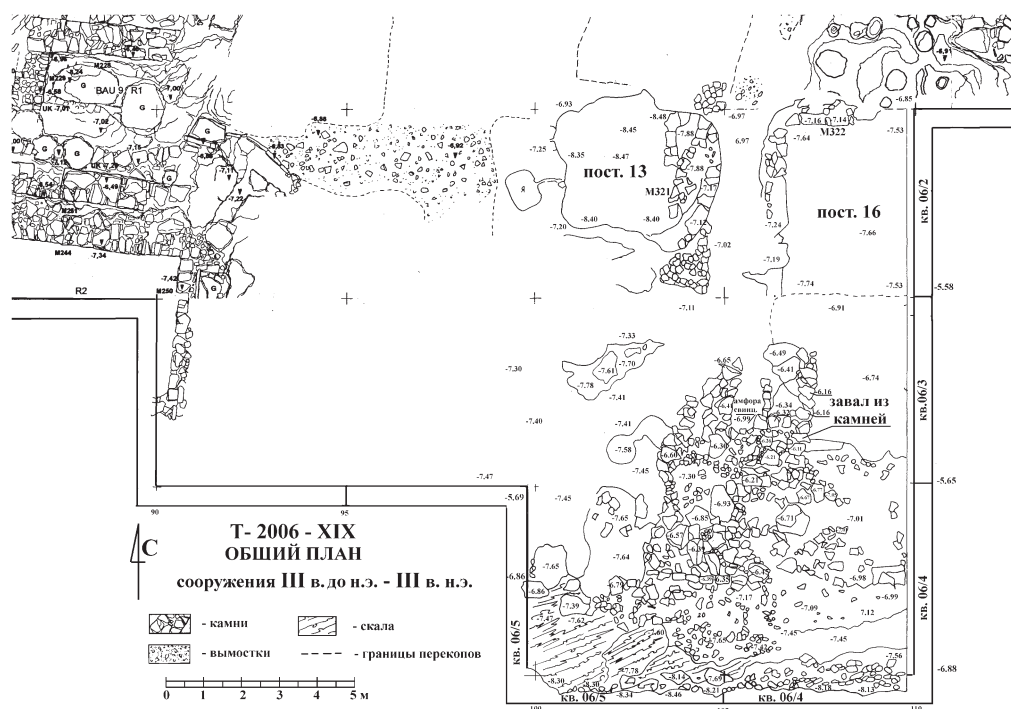

Рис. 2. Раскоп XIX. Участок работ 2006 г. План

основного четырехугольника городища жилой и хозяйственной застройки, по планировке во многом повторяющей город II–I вв. до н.э.

Одна из таких построек располагается в южной части основного четырехугольника (раскоп XIX) – постройка 13 (рис. 2). Изучение объекта проходило в ходе двух полевых сезонов. В 2003 г. были открыты верхние контуры постройки. Исследование заполнения и планировки объекта проведено в 2006 г.

Постройка 13 находилась в юго-восточной части раскопа XIX (квадрат 03/3), ориентирована по сторонам света. Наземная часть постройки не сохранилась. Следы разрушений или пожара не прослеживались. Подвал постройки вытесан в скале. Уровень верхнего горизонта заполнения подвала прорезала яма дома BR второй половины IV в. н.э.⁷

Подвал постройки 13 имел подквадратную в плане форму (рис. 3; 4). Он был заглублен в скальный материк на 1,51 м. Углы подвала закруглены. Длина подвала с запада на восток по верхнему контуру составляла 4,06 м., ширина с севера на юг – 3,50 м. Длина придонной части подвала с запада на восток – 2,86 м; ширина с севера на юг – 3,34 м. Дно подвала – подтесанная скала. У восточной границы сохранился небольшой фрагмент стены (M321), приложенный к скале. Судя по остатку, стена однолицевая, обращена лицевой частью внутрь подвала. Кладка стены однослойная, постелистая, иррегулярная. Камни кладки уложены аккурат-

⁷ Арсеньева, Fornasier 2003, 9.

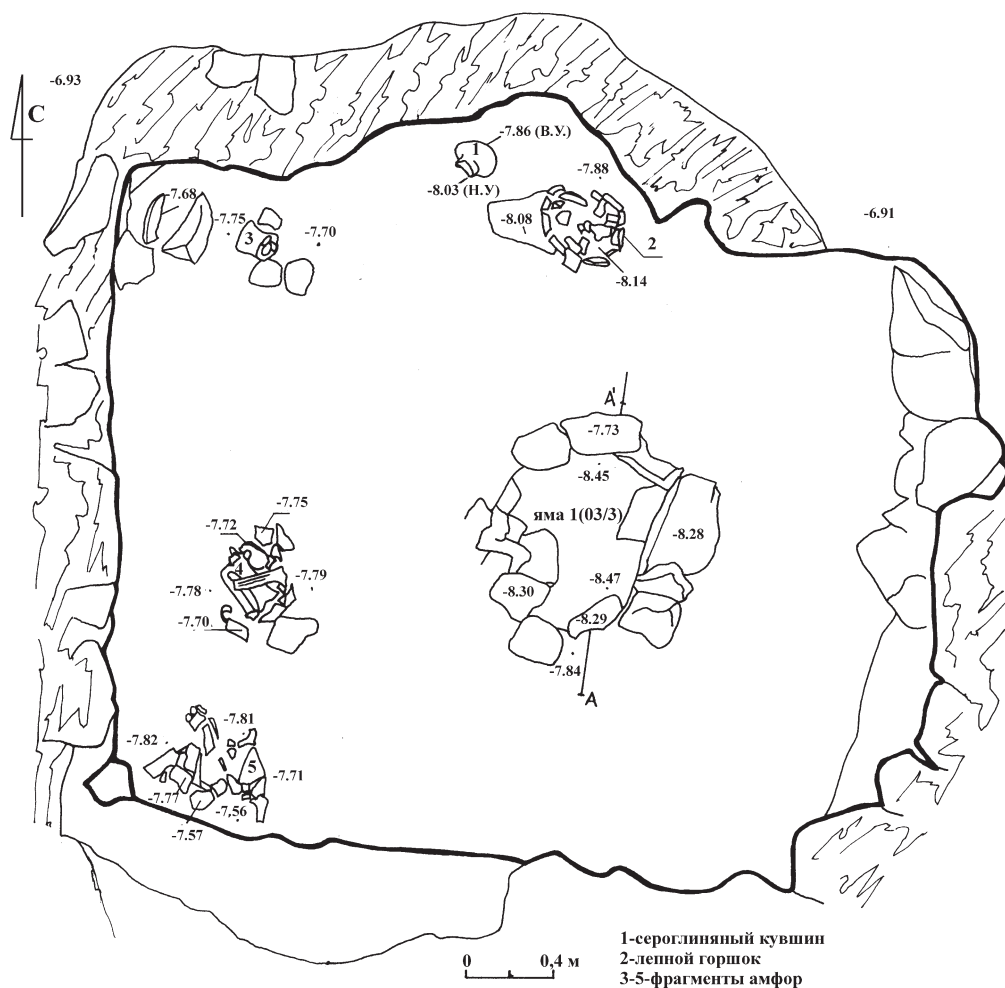

Рис. 3. Постройка 13. Керамика в заполнении. План

но и слегка подтесаны. Длина сохранившегося фрагмента стены с севера на юг – 1,60 м; ширина с запада на восток – до 0,36 м. Вероятно, все границы подвала были обложены камнем. Перед засыпкой стены были разобраны. В северо-восточном углу постройки сохранилась каменная лестница из плоских, горизонтально уложенных массивных камней. Лестница расширялась ко дну, состояла из пяти высоких ступеней (высота 0,28–0,36 м, ширина 0,3–0,52 м). Верхние две ступени сильно разрушены. Ширина лестницы у дна подвала – 1,26 м. (рис. 5; 6).

Заполнение подвала однородное, с большим количеством мелких и средних камней. В 2003 г. при исследовании верхнего горизонта засыпи объекта основным датировующим материалом стали фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа А/В и В (по классификации Д.Б. Шелова)⁸, а также амфор колхидского

⁸ Шелов 1978, 18.

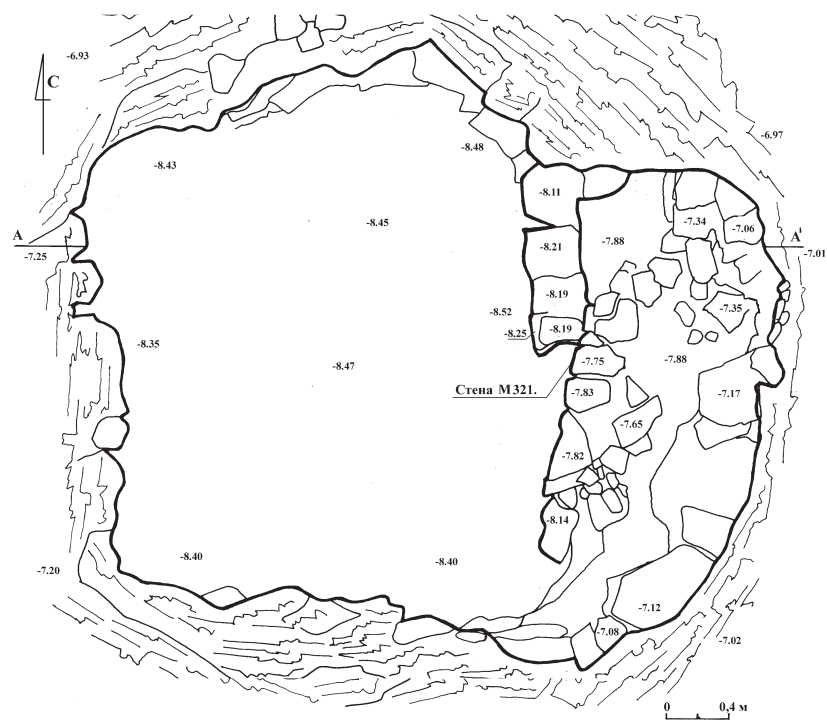

Рис. 4. Постройка 13. План

Рис. 5. Постройка 13. Вид с запада

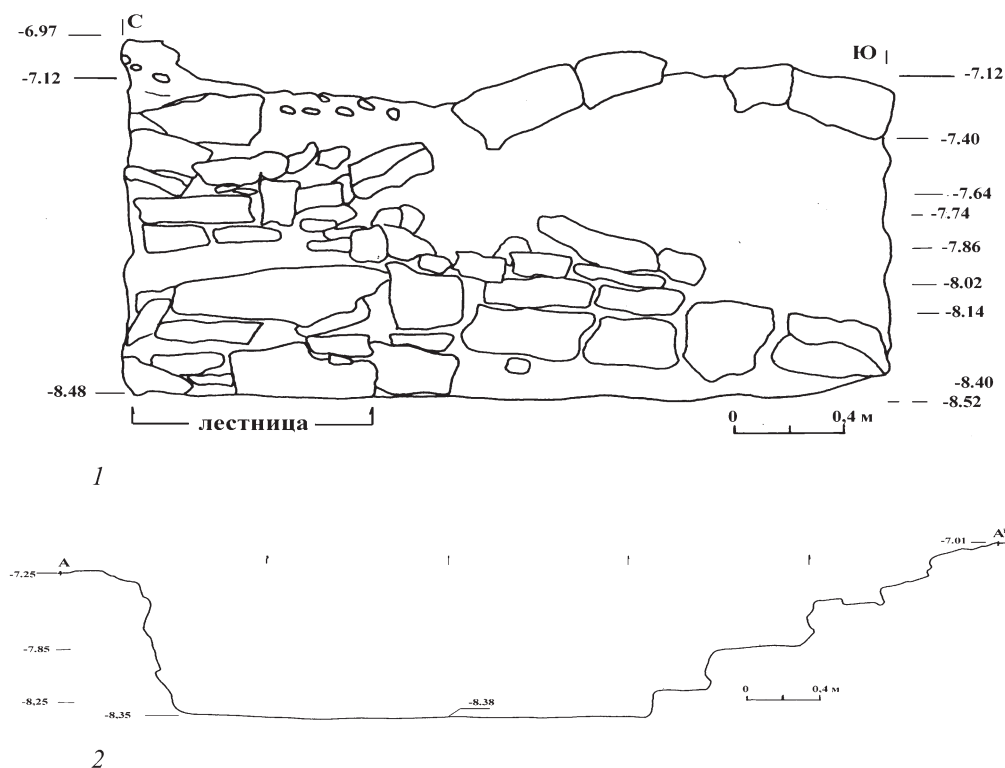

Рис. 6. 1 – Постройка 13. Стена M321. Фас.; 2 – Постройка 13. Разрез

производства, светлоглиняных псевдокосских амфор и фрагменты лепной керамики. Кроме того, в этом же слое найден сестерций Савромата I⁹, не противоречащий предполагаемой дате нивелировки поверхности над подвалом.

При изучении заполнения подвала постройки 13 в 2006 г. были обнаружены следующие группы материалов¹⁰:

- 1) фрагменты и профильные части светлоглиняных амфор I – первой половины II в. н.э. (10 предметов);
- 2) фрагменты амфор колхидского производства (9 предметов);
- 3) фрагменты красноглиняных амфор (2 предмета);
- 4) фрагменты краснолаковой посуды (5 предметов);
- 5) фрагменты и целая форма лепной посуды (7 предметов, в т.ч. 1 полная форма крупного лепного горшка-корчаги);
- 6) фрагменты и целые формы сероглиняной посуды (6 предметов, в т.ч. 1 реконструируемая полная форма сероглиняного кувшина с лощением);
- 7) фрагменты и целые формы кружальных сосудов (5 предметов, в т.ч. 1 реконструируемая полная форма красноглиняного кувшина);
- 8) дно чернолакового сосуда со следами вторичного использования;

⁹ Арсеньева 2003, 88, 202.

¹⁰ Арсеньева, Ильяшенко 2006, 5; Коллекционная опись АМЗТ КП 350.

- 9) амфорные пробки (2 предмета);
- 10) каменные рыболовные грузила усечено-овальной и подчетырехугольной формы из белого и серого известняка (6 предметов);
- 11) точильные камни из плотного минерала серого цвета (2 предмета);
- 12) бронзовый гвоздь.

Остановимся подробнее на ключевых группах находок.

Узкогорлые светлоглиняные амфоры гераклейского производства (рис. 7). Составление типологии этой группы амфор началось еще в середине XX в. Большой вклад в разработку данного вопроса внесли И.Б. Зеест¹¹, И.С. Каменецкий¹², Д.Б. Шелов¹³, С.Ю. Внуков¹⁴.

При проведении работ на территории Танаиса и на нижнедонских поселениях римского времени отмечалось преобладание узкогорлых светлоглиняных амфор. На основе материала Нижне-Гниловского городища И.С. Каменецкий предложил выделить три типа узкогорлых амфор, встречающихся в слоях I–III вв. н.э.¹⁵ В дальнейшем Д.Б. Шелов выделил несколько типов светлоглиняных узкогорлых амфор, бытовавших в Танаисе в I – первой половине II в. н.э.¹⁶

В постройке 13 были обнаружены фрагменты амфор двух типов, по классификации Д.Б. Шелова – А и В. Тип А (I в. н.э. – рубеж I–II вв. н.э.) – плоскодонные амфоры с туловом яйцевидной формы, валикообразным венчиком, профилированными ручками двумя или тремя врезами. У амфор типа В (вторая треть I – середина II в. н.э.) изменяется форма венчика и поддона, тулово получает веретенообразную форму и слабую ребристость, ручки профилированы асимметрично. Исходя из типологии Д.Б. Шелова, по количеству профильных частей преобладают амфоры типа В (рис. 7, 1, 3–5). Кроме того, в заполнении постройки 13 было обнаружено горло с валикообразным венчиком и профилированными ручками переходного варианта А/В (рис. 7, 2).

С.Ю. Внуков относит светлоглиняные узкогорлые амфоры к типу С IV, выделяя при этом хронологические варианты (А–F). Отнесение рассматриваемой группы амфор к одному типу связано с постепенным развитием и изменением признаков рассматриваемых сосудов¹⁷. Для раннеримского времени характерен вариант С IVA – плоскодонные амфоры с яйцевидным туловом, валикообразным венчиком и профилированными ручками. Вариант С IVA датируется второй четвертью – концом I в. н.э.¹⁸ Но уже с последней четверти I в. до н.э. в слоях присутствуют амфоры варианта С IVZ, которые постепенно переходят в подвариант С IVA.¹⁹ В конце I в. н.э. происходит смена варианта С IVA на вариант С IVB (последняя четверть I – первая треть II вв. н.э.)²⁰.

¹¹ Зеест 1960.

¹² Каменецкий 1963.

¹³ Шелов 1978.

¹⁴ Внуков 2003.

¹⁵ Каменецкий 1963, 30–33.

¹⁶ Шелов 1978, 18.

¹⁷ Внуков 2003, 118.

¹⁸ Внуков 2003, 202.

¹⁹ Внуков 2013, 24, 27.

²⁰ Внуков 2003, 202.

Рис. 7. 1–5 – фрагменты амфор типа В (по Д.Б. Шелову); 6 – фрагмент амфоры типа А (по Д.Б. Шелову); 7 – фрагмент амфоры типа С I (по С.Ю. Внукову)

Из материала постройки 13 преобладают, по классификации С.Ю. Внукова, амфоры варианта С IVB (рис. 7, 1, 3–5). Фрагмент амфоры переходного типа А/В (по Д.Б. Шелову) можно отнести к подварианту CIVA₂ (третья четверть – конец I в. н.э.).

Фрагменты указанных типов амфор встречаются в комплексах I – первой половины II в. н.э. на всей исследуемой территории основного четырехугольника городища. Нахождение в одном комплексе амфор рассматриваемых типов (вариантов) с преобладаем амфор типа В (варианта С IVB) позволяет относить существование подвала к I – первой половине II в. н.э.

Светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками (псевдокосские) (рис. 7, 7). Важным датирующим материалом при исследовании комплексов раннеримского времени являются светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками. Этот тип амфор был выделен И.С. Каменецким на основе материала Нижне-Гниловского городища и Танаиса²¹.

С.Ю. Внуков по морфологическим признакам выделяет варианты псевдокосских амфор. В Танаисе в это время встречаются оба варианта. Вариант С Ia (50-е гг. I в. до н.э. – первая четверть I в. н.э.) отличается наличием резкой границы между венчиком и туловом. Вариант С Ib (конец первой четверти I в. н.э. – первая треть II в. н.э.) отличается массивным венчиком и отсутствием четкой нижней границы горла²². В рассматриваемой постройке встречаются фрагменты амфор второго варианта, что не выходит за рамки предполагаемой датировки постройки 13.

Отдельно необходимо отметить фрагмент *светлоглиняной амфоры неизвестного центра производства* (рис. 9, 4). В заполнении постройки была обнаружена часть горла с венчиком и ручкой. Венчик в сечении – округлый валик. Ручка согнута под прямым углом, в сечении овальная, без профилировки. Глина мелкозернистая, плотная, с мелкой известью, слюдой. Поверхность покрыта бежевым плотным ангобом со слюдой.

Амфоры колхидского производства (рис. 8). Функционирование подвала постройки в I – первой половине II в. н.э. подтверждают профильные части амфор колхидского производства (коричневоглиняные). Среди материала из заполнения постройки 13 преобладают ножки и верхние части амфор с ручками разной сохранности. Ножки коричневоглиняных амфор представлены в основном двумя типами: конической формы с усеченной подошвой и с вогнутым контуром и округлой подошвой.

Простые конические ножки с плоской подошвой относят к I в. до н.э. – I в. н.э.²³ С.Ю. Внуков предложил более дробную типологию. В рассматриваемый период бытовали в основном два варианта амфор колхидского производства. Фрагменты обоих вариантов встречаются в заполнении постройки 13.

Для варианта Кх IB характерны небольшие ножки конической формы с вогнутым контуром и плоской или округлой подошвой. В последней четверти I в. н.э. происходит смена формы в вариант Кх IC, для которого характерны небольшие конические ножки с прямым или вогнутым контуром. Кроме этого, для амфор данного варианта характерно короткое горло с более или менее выделенным реб-

²¹ Каменецкий 1963, 33.

²² Внуков 2003, 95–96.

²³ Цецхладзе 1992, 101.

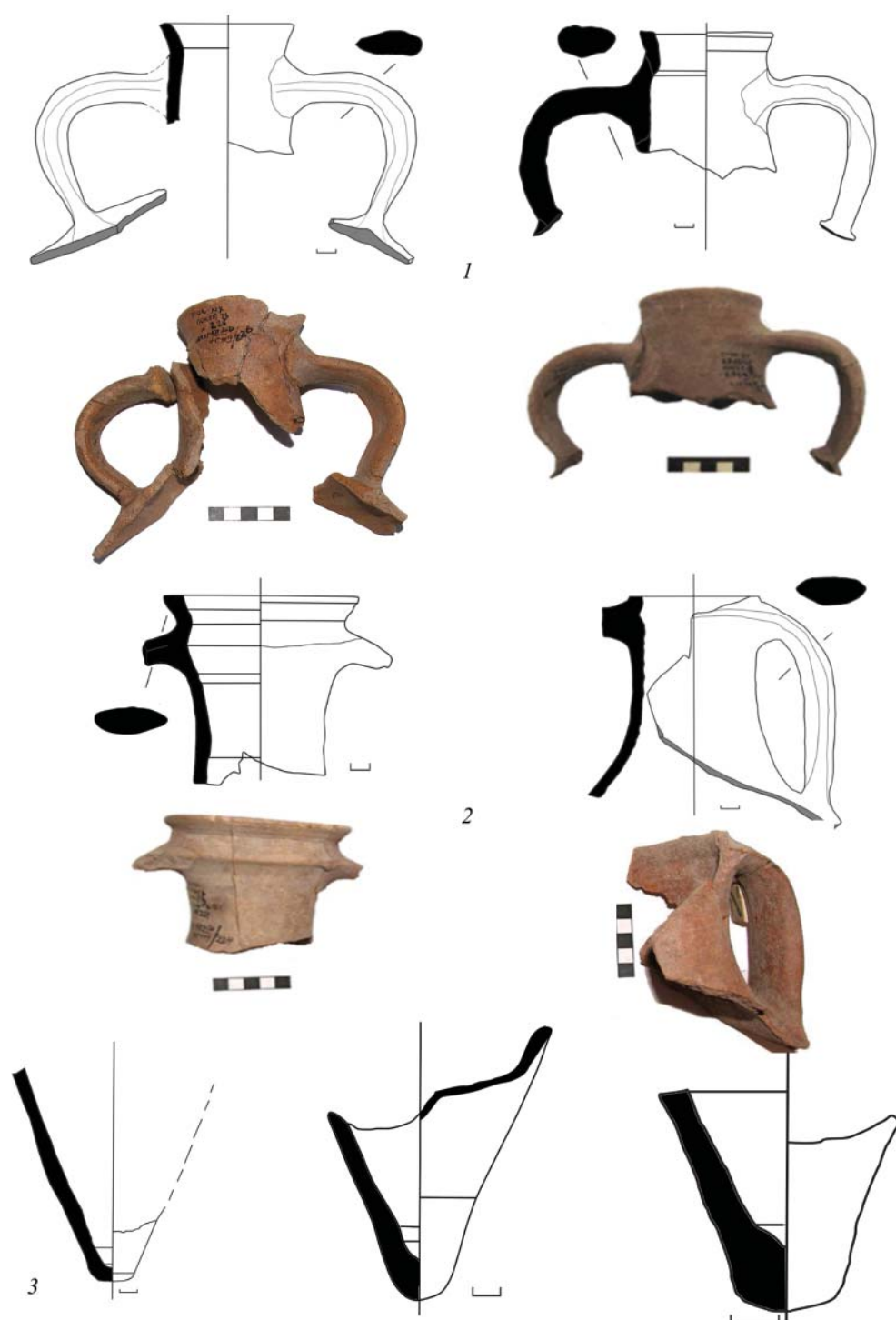

Рис. 8. Амфоры колхидского производства

ром на уровне верхних корней ручек, которому на внутренней поверхности горла соответствуют вдавления²⁴ (рис. 8, 2).

Фрагменты *красноглиняных амфор* также присутствовали в заполнении постройки. Отдельно стоит отметить профильные части амфоры неизвестного центра производства (Боспор?) (рис. 9, 1). Горло с венчиком и ручкой, стенки тулова, ножка были обнаружены в придонной части засыпи подвала. По сохранившимся частям амфоры можно выделить следующие характеристики сосуда. Горло высокое, цилиндрическое. Венчик в сечении представляет собой широкий валик подпрямоугольной формы. Ручки согнуты плавно, в сечении округлые, не профилированы, крепятся под венчиком и на верхних частях плечиков. Ножка уплощенно-коническая. На плече амфоры размещено два графито: X, EP. Глина плотная, бежево-коричневая, с известью, редкими включениями слюды и бурых частиц.

Краснолаковая посуда (рис. 10). Краснолаковая посуда из постройки 13 представлена небольшим количеством профильных частей сосудов – прямые бортики с отогнутым наружу венчиком, подтреугольным в сечении, бортик краснолаковой чаши без выделенного венчика и фрагмент дна на кольцевом поддоне. Все встречаемые формы бытуют в Танаисе в I–II вв. н.э.²⁵

Изучение краснолаковой керамики Северного Причерноморья началось в середине прошлого столетия. В то время был сделан ряд предположений о центрах ее производства. Считалось, что большая часть импортных краснолаковых сосудов Танаиса происходила с территории Малой Азии²⁶. Также выделены немногочисленные сосуды итальянских и западноевропейских центров²⁷. Отмечалось наличие местного боспорского производства, особенностью которого стало подражание формам импортных сосудов²⁸.

Д.В. Журавлев считает, что основной объем импорта в Северном Причерноморье был представлен Восточной сигиллатой В (Eastern sigillata B)²⁹. Эта группа получает наибольшее распространение во второй половине I – первой половине II вв. н.э. Понтийская сигиллата присутствовала на Боспоре долгое время: с середины – второй половины I до середины III в. н.э. По результатам проведенных исследований, к понтийской группе относят всю малоазийскую и пергамскую краснолаковую керамику, выделенную Т.Н. Книпович в прошлом столетии.

Лепная и кружальная посуда (рис. 9; 10; 11). Фрагменты лепной керамики представлены довольно широко. Это, в первую очередь, венчики горшков крупной формы с широкими плоскими, отогнутыми наружу краями (рис. 11, 1, 3). Диаметр края варьируется от 23 см до 34 см. На ряде венчиков с внешней стороны сохранилась орнаментация. Среди штампов встречаются вдавления овальной и округлой формы (рис. 11, 3).

В заполнении постройки были обнаружены фрагменты горшков крупной формы двух типов: с плавно расширяющимся к венчику горлом³⁰; с резким переходом горла к тулову, отмеченным ребром на внешней и внутренней поверхностях

²⁴ Внуков 2003, 193–194, 202; Цецхладзе 1992, 103.

²⁵ Арсеньева, Кастанаян 1984, 229–233.

²⁶ Шелов 1963; Книпович 1949; Арсеньева, Кастанаян 1984, 229–233.

²⁷ Шелов 1963, 121.

²⁸ Арсеньева, Кастанаян 1984, 229–233.

²⁹ Журавлев 2006, 149.

³⁰ Арсеньева 1969, 179, 210, табл. II.5.

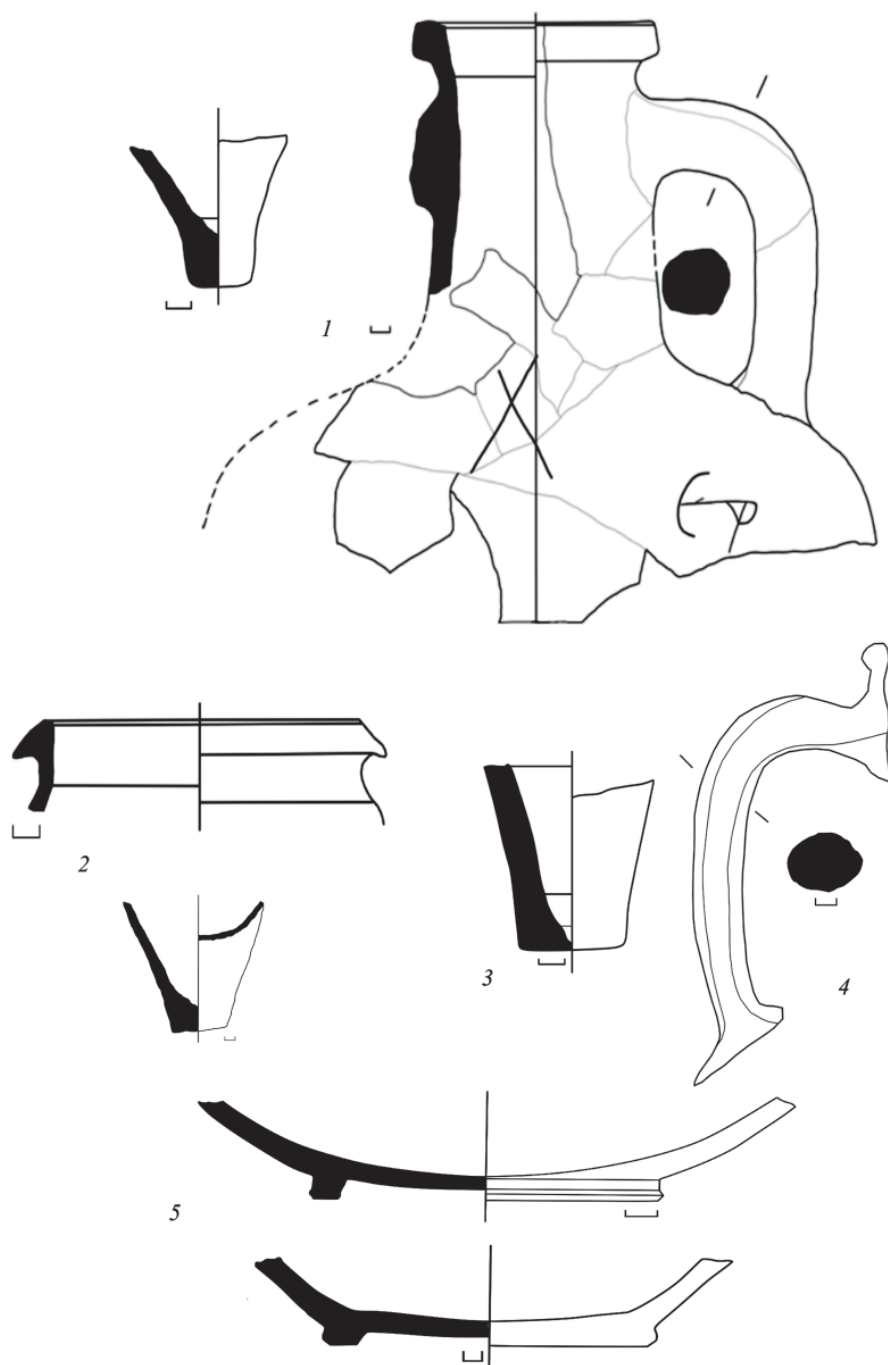

Рис. 9. 1 – фрагменты красноглиняной амфоры (на плече граффито X, ЕР; 2 – фрагменты светлоглиняной амфоры неизвестного центра производства; 3 – дно кружального сосуда; 4 – фрагмент светлоглиняной амфоры неизвестного центра производства; 5 – фрагменты кружальных сосудов

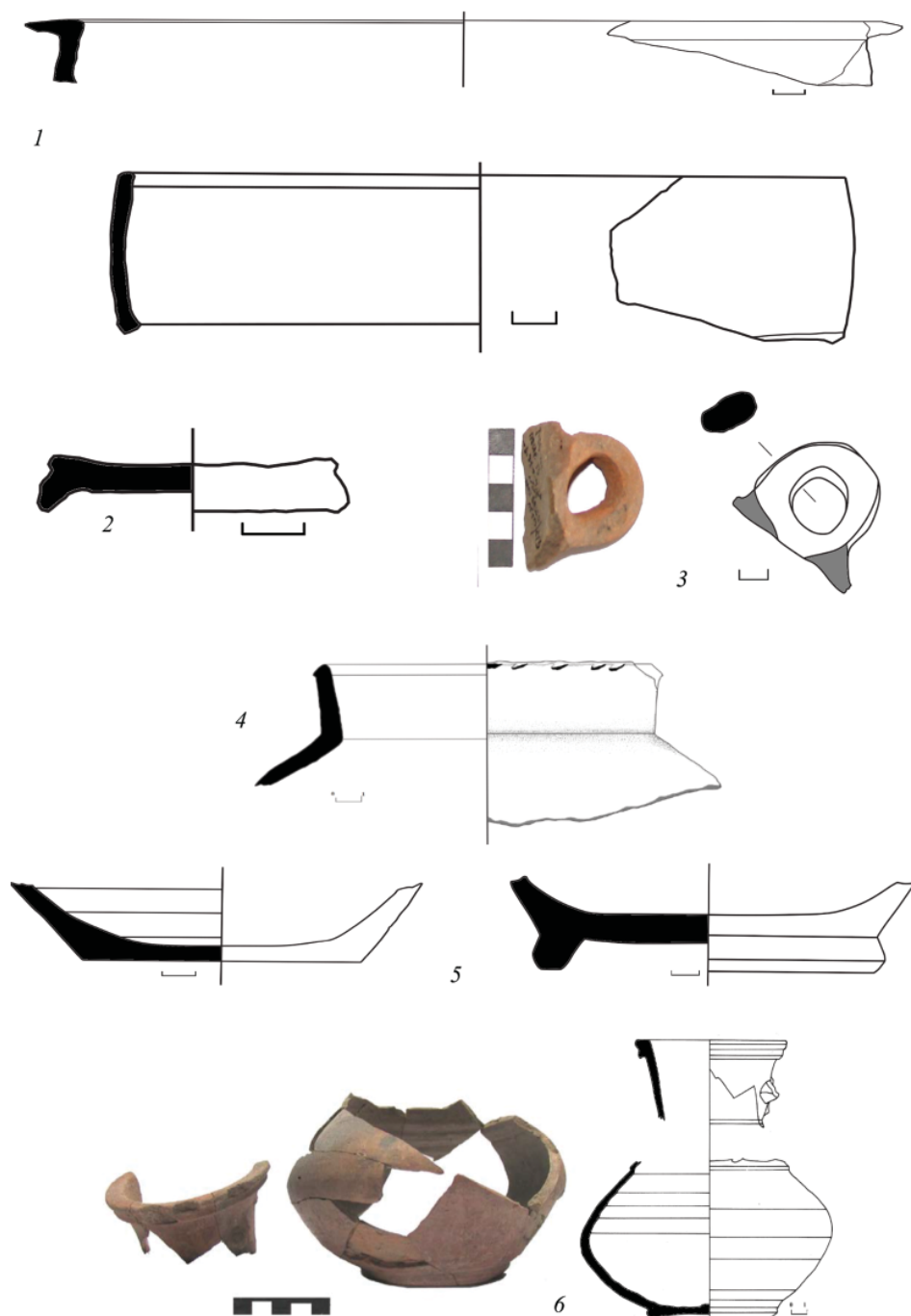

Рис. 10. 1 – фрагменты краснолаковых сосудов; 2 – дно краснолакового сосуда; 3 – петле-
видная ручка с частью стенки краснолакового сосуда; 4 – фрагмент горла сероглиняно-
го горшка; 5 – дно сероглиняного кружального сосуда; 6 – кружальный красноглиняный
кувшин

сосуда³¹. В результате реставрации была прослежена целая форма крупного лепного горшка-корчаги второго типа (рис. 11, 1). Его фрагменты располагались в придонной части подвала у северной стены на глубине³² -8,08—8,14 м³³. Горшок высотой 40 см, диаметр края – около 30 см. Тулово овоидной формы. Переход к горлу оформлен через ребро на внутренней стороне. Горло массивное, прямое, немного отогнуто наружу. Край его утолщен и слегка скошен на внешнюю сторону. Дно плоское, округлое. Глина черная, среднезернистая, с примесями извести, шамота.

Лепные горшки среднего размера представлены двумя фрагментами разных групп (рис. 11, 2, 4). Первая группа – горшки без выделенного горла с прямыми вертикальными стенками³⁴. Вторая – горшки с плавным переходом горла к тулову³⁵. Необходимо отметить, что на втором фрагменте на плечиках сохранился горизонтальный налп Е-образной формы (рис. 11, 2).

Такие формы лепной посуды характерны для городов Боспора в первые века н.э.³⁶ Также орнаментация сосудов по венчику насечками получает наибольшее распространение в I–IV вв. н.э. В раннеримский период преобладают небольшие и неглубокие вдавления³⁷. Таким образом, обнаруженные фрагменты лепной посуды не выходят за рамки предполагаемой датировки постройки 13.

Сероглиняная керамика (с лощением) представлена несколькими фрагментами (рис. 10; 11). Среди них можно выделить кувшин и фрагмент верхней части зооморфной ручки (рис. 11, 6–7).

Кружальный сероглиняный кувшин (рис. 11, 6) располагался у северной стены подвала, на расстоянии 1,4 м к востоку от СЗ угла (глубина -7,86 – -8,03 м). Имеет приземистое тулово шаровидной формы, высокое цилиндрическое горло. Венчик в сечении представляет валик, дно плоское, округлое; в месте перехода горла в тулово, на внешней стороне, проходит валик, ручка крепилась в верхней части горла и на плечиках. Внешняя поверхность сосуда залощена. Такая форма относится к меотской группе и датируется первыми веками нашей эры³⁸.

Также с I в. н.э. встречаются сосуды с зооморфными ручками, появление которых у местных племен Причерноморья связывают с сарматским влиянием³⁹. В рассматриваемой постройке был обнаружен фрагмент верхней части зооморфной ручки кружального сероглиняного кувшина с лощенной поверхностью (рис. 11, 7).

Кружальная керамика представлена несколькими фрагментами красноглиняных и светлоглиняных сосудов (кувшинов) (рис. 9; 10). Особо необходимо отметить реконструируемый красноглиняный кувшин (рис. 10, 6). Фрагменты сосуда располагались в придонной части подвала, на глубине -7,66 – -8,10 м. Горло

³¹ Арсеньева 1969, 180, 210, табл. II.11.

³² Глубины даны от основного репера городища Танаис – треугольный камень в основании каменной стены – III вв. н.э. в западной оборонительной стене основного четырехугольника городища.

³³ Арсеньева, Ильяшенко 2006.

³⁴ Арсеньева 1969, 181, 209, табл. I.13.

³⁵ Арсеньева 1969, 182, 210, табл. II.2.

³⁶ Арсеньева, Кастанаян 1984, 229–233.

³⁷ Арсеньева 1969, 203.

³⁸ Анфимов 1951, 172.

³⁹ Арсеньева, Кастанаян 1984, 232; Котин 2011, 145.

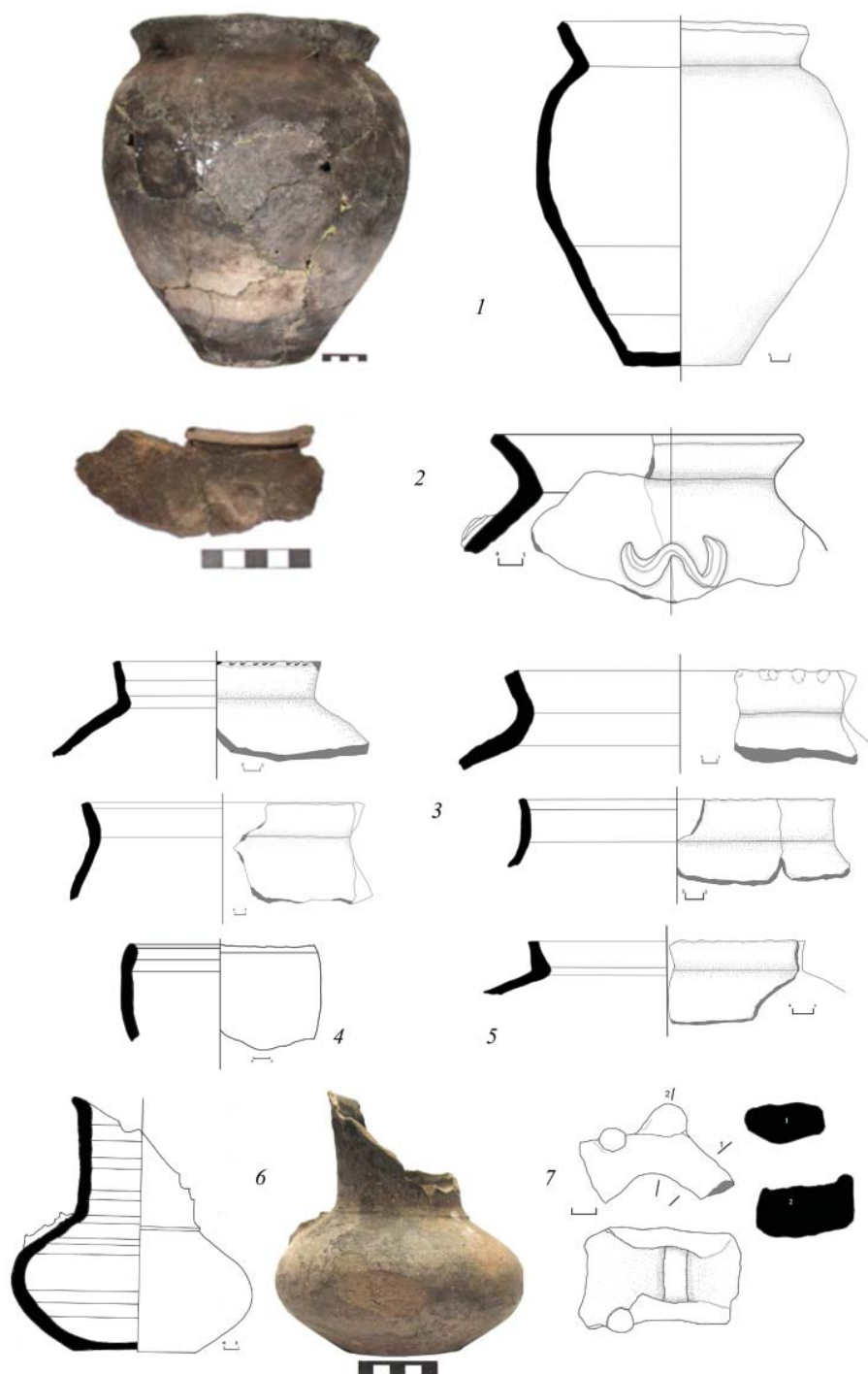

Рис. 11. 1 – крупный лепной горшок-корчага; 2–5 – фрагменты лепных сосудов; 6 – кру-
жальный сероглиняный кувшин; 7 – фрагмент зооморфной ручки кружального сероглиня-
ного кувшина (с лощением)

цилиндрическое, расширяется кверху. Венчик оформлен в виде подпрямоугольного валика, верхний край уплощен. Тулово приземистое, биконической формы. Ручка небольшая, овальная в сечении, без профилировки. Дно округлое, немного вогнуто внутрь, край дна оформлен в виде ложного кольцевого поддона. Глина мелкозернистая, плотная, красно-коричневая, с примесями белых и серых частиц. Внешняя поверхность покрыта коричневым лощением.

Таким образом, рассмотренный амфорный материал формы краснолаковой, лепной и кружальной посуды позволяет отнести существование постройки 13 к I – началу II в. н.э.

Подтверждением времени нивелировки постройки служит обнаруженный в верхнем горизонте сестерций Савромата I (93–123 гг. н.э.)⁴⁰. Монета плохо сохранилась. На аверсе можно проследить изображение курульного кресла, на реверсе – голова Траяна вправо. В.А. Анохин относит такие монеты ко второму выпуску седьмой серии. Они чекались в конце правления императора Траяна в период 113–115 гг. н.э.⁴¹

Подобная ситуация в южной части городища была выявлена еще на нескольких объектах раннеримского времени. Среди них можно выделить помещение 1 постройки⁷⁴², помещение 3 постройки⁴⁴³. Постройки были засыпаны темно-коричневым грунтом с мелкими и средними камнями, следов пожара не прослеживалось. В заполнении присутствовали фрагменты амфор колхидского производства типа В (по Д.Б. Шелову), – красноглиняных амфор II в. н.э. Время функционирования помещений подтверждают монеты второй четверти I – первой половины II в. н.э.

Примеры засыпки помещений в первой половине II в. н.э. встречались также при исследовании на других участках городища. В западной части на раскопе IV были выделен комплекс построек А, Б, В, Д, которые в конце I – начале II в. н.э. были засыпаны мусорным слоем I в. н.э. В заполнении встречались фрагменты псевдокосских амфор с двустольными ручками варианта С I (по С.Ю. Внукову), переходного варианта А/В (по Д.Б. Шелову), амфор типа А (по Д.Б. Шелову), типа С III (по С.Ю. Внукову). Также фрагменты лепных и кружальных сосудов, рыболовное грузило⁴⁴. Весь полученный материал позволяет относить существование комплекса к I – началу II в. н.э. Нивелировка поверхности связана с перестройкой города при Савромате I.

Исследование закрытых комплексов и построек, относящихся ко времени после разгрома Полемона, показывает наличие жилой застройки на основном четырехугольнике городища в первые века нашей эры. В конце I – начале II в. н.э. в Танаисе проводятся строительные восстановительные работы, проходит перепланировка города. Она проявляется в планомерной засыпи помещений раннеримского времени. Изучение подобных объектов позволяет говорить о сохранении общих принципов планировки города II–I вв. до н.э.

⁴⁰ Арсеньева, Fornasier 2003, табл. 190.

⁴¹ Анохин 1986, 104, 106.

⁴² Арсеньева 2002, 3–6.

⁴³ Арсеньева 1996, 8.

⁴⁴ Арсеньева, Науменко 2003, 12.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анфимов, Н.В. 1951: Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. *МИА* 23. М., 155–208.
- Арсеньева, Т.М. 1969: Лепная керамика Танаиса. П. Горшки. В сб.: Д.Б. Шелов (ред.), *Античные древности Подонья-Приазовья*. М., 173–220.
- Арсеньева, Т.М. 1996: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 1996 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ. 206/1.
- Арсеньева, Т.М. 1998: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 1998 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ. 227.
- Арсеньева, Т.М. 2002: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2002 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ. 212/1.
- Арсеньева, Т.М., Fornasier, J. 2003: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2003 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ. 213.
- Арсеньева, Т.М., Ильяшенко, С.М. 2006: *Отчет об археологических исследованиях на городище Танаис в 2006 году (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ. 243.
- Кастанян, Е.Г., Арсеньева, Т.М. 1984: Керамика. В кн.: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 229–233.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 1989: Раскопки Танаиса в 1981 – 1984 гг. *КСИА* 191, 75–82.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 1992: *Усадьбы Танаиса*. М.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2003: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2003 г. (Раскоп IV)*. АМЗТ НВФ. 213.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2010: Оборонительные укрепления Танаиса (по материалам раскопок 2003 – 2004 гг.). *ДБ* 7, 18–61.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А., Ильяшенко, С.М. 2011: Исследования на основном четырехугольнике городища в 2009 г. В сб.: В.Я. Кияшко (ред.), *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону*. 25. Азов, 129–140.
- Болтунова, А.И., Каменецкий, И.С., Деопик, Д.В. 1969: Раскопки западного района Танаиса 1957 – 1960. В сб.: Д.Б. Шелов (ред.), *Античные древности Подонья-Приазовья*. М., 6–97.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология)*. М.
- Внуков, С.Ю. 2013: Амфоры римского времени городища Кара-Тобе. *ДБ* 17, 21–55.
- Внуков, С.Ю. 2016: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36–47.
- Журавлёв, Д.В. 2006: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э.: по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины*. дис. на соиск. уч. степени к.и.н. М.
- Зеест, И.Б. 1960: *Керамическая тара Боспора*. (МИА 83). М.
- Ильяшенко, С.М. 2013: Южные ворота Танаиса. *Археологические записки* 8, 159–177.
- Каменецкий, И.С. 1963: Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. *КСИА* 94, 29–36.
- Книпович, Т.Н. 1949: *Танаис: историко-археологический очерк*. М.–Л.
- Котин, М. А. 2011: Сосуды с зооморфными ручками на Боспоре. В сб.: М.Ю. Вахтина (ред.), *Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.)*. СПб, 143–148.
- Матера, М. 2018: Об особенностях жизни в западном Танаисе после полемоновского разгрома. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и осо-*

бенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Ч. 1 СПб, 300–306.

- Науменко, С.А. 2006: Амфоры из закрытых комплексов Танаиса середины III в. н.э. В сб.: *Материалы Первой Абхазской международной конференции*. Сухум, 261–267.
- Цецхладзе, Г.Р. 1992: Производство амфорной тары в Колхиде. В сб.: В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.), *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов, 90–111.
- Шелов, Д. Б. 1963: Экономическая жизнь Танаиса. В сб.: А.И. Болтунова (ред.), *Античный город*. М., 115–132.
- Шелов, Д.Б. 1970: *Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.* М.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Шелов, Д.Б. 1978: Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. Античность и варварский мир: *КСИА* 156, 16–22.
- Arsen'eva, T., Fornasier, J. 2003: Archäologische Forschungen am Rande der griechischen Oikumene. 10 Jahre deutsch-russische Ausgrabungen in Tanais. Mit einem Beitrag von Michael Ulrich. *Eurasia Antiqua* 9, 237 – 279.

REFERENCES

- Anfimov, N.V. 1951: *Meoto-sarmatskiy mogil'nik u stanitsy Ust'-Labinskoy* [Meotian-Sarmatian burial near the village Ust-Labinsk]. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Studies on the Archaeology of the USSR] 23). Moscow, 155–208.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of the Bosporus]. Kiev.
- Arsen'eva, T., Fornasier, J. 2003: Archäologische Forschungen am Rande der griechischen Oikumene. 10 Jahre deutsch-russische Ausgrabungen in Tanais. Mit einem Beitrag von Michael Ulrich. *Eurasia Antiqua* 9, 237–279.
- Arsen'eva, T.M. 1969: Lepnaya keramika Tanaisa. II. Gorshki [Handmade pottery of Tanais. II. Pots]. In: D.B. Shelov (ed.), *Antichnye drevnosti Podon'ya-Priazov'ya* [Antiquities of Don and Azov regions]. Moscow, 173–220.
- Arsen'eva, T.M. 1996: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 1996 g. (Raskop XIX)* [Report on archaeological research in Tanais in 1996 (Trench XIX)]. Archaeological museum-reserve «Tanais».
- Arsen'eva, T.M. 1998: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 1998 g. (Raskop XIX)* [Report on archaeological research in Tanais in 1998 (Trench XIX)]. Archaeological museum-reserve «Tanais».
- Arsen'eva, T.M. 2002: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2002 g. (Raskop XIX)* [Report on archaeological research in Tanais in 2002 (Trench XIX)]. Archaeological museum-reserve «Tanais».
- Arsen'eva, T.M., Fornasier, J. 2003: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2003 g. (Raskop XIX)* [Report on archaeological research in Tanais in 2003 (Trench XIX)]. Archaeological museum-reserve «Tanais».
- Arsen'eva, T.M., Il'yashenko, S.M. 2006: *Otchet ob issledovaniya na gorodishche Tanais v 2006 g. (Raskop XIX)* [Report on archaeological research in Tanais in 2006 (Trench XIX)]. Archaeological museum-reserve «Tanais».
- Arsen'eva, T.M., Ilyashenko, S.M., Naumenko, S.A. 2011: Issledovaniya na osnovnom chetyrekhugolnike gorodishcha v 2009 g. [Research on the main quadrangle of the Settlement in 2009]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don]. 25. Azov, 129–140.
- Kastanayan, E.G., Arsen'eva, T.M., 1984: Keramika. Krasnolakovaya posuda. Lepnaya posuda. [Ceramics. Terra sigillata. Handmade pottery]. In: G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova,

- V.S. Dolgorukov (eds), *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [*Antique states of the Northern Black Sea Region*]. Moscow, 229–233.
- Arsen'eva, T.M., Naumenko, S.A. 1989: Raskopki Tanaisa v 1981–1984 gg. [Excavations at Tanais in 1981–1984]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 191, 75–82.
- Arsen'eva, T.M., Naumenko, S.A. 1992: *Usad'by Tanaisa* [Estates of Tanais]. Moscow.
- Arsen'eva, T.M., Naumenko, S.A. 2003: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2003 g. (Raskop IV)* [Report of archaeological research in Tanais in 2003 (Trench IV)]. Archaeological museum-reserve «Tanais».
- Arsen'eva, T.M., Naumenko, S.A. 2010: Oboronitelnye ukrepleniya Tanaisa (po materialam raskopok 2003–2004 gg.) [Fortifications of ancient Tanais (based on archaeological research in 2003–2004)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporus] 7, 18–61.
- Boltunova, A.I., Kameneckiy, I.S., Deopik, D.V. 1969: Raskopki zapadnogo rayona Tanaisa 1957–1960 gg. [Excavations of the Western region of Tanais 1957–1960]. In: D.B. Shelov (ed.), *Antichnye drevnosti Podon'ya-Priazov'ya* [Antiquities of Don and Azov regions]. Moscow, 6–97.
- Il'yashenko, S.M. 2013: Yuzhnye vorota Tanaisa [The southern gates of Tanais]. *Arkheologicheskie zapiski* [Archaeological notes] 8, 159–177.
- Kamenetskiy, I.S. 1963: Svetloglinyanye amfory s Nizhne-Gnilovskogo gorodishcha [Light-clay amphorae from Niznii Gnilovskiy settlement]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 94, 29–36.
- Knipovich, T.N. 1949: *Tanais: istoriko-arkheologicheskii ocherk* [Tanais. Historical and Archaeological Essay]. Moscow–Leningrad.
- Kotin, M. A. 2011: Sosudy s zoomorfnymi ruchkami na Bospore [Vessels with zoomorphic handles in Bosporus]. In: M.Yu. Vakhtina (ed.), *Bosporskiy fenomen. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Saint Petersburg, 22–25 noyabrya 2011 g.)* [The Bosporan Phenomenon. Materials of International scientific Conference (Saint Petersburg, 22–25 September 2011)]. Saint Petersburg, 143–148.
- Matera, M. 2018: Ob osobennostyakh zhizni v zapadnom Tanaise posle polemonovskogo razgroma [On the peculiarities of life in western Tanais after the defeat by Polemo]. In: Yu. Zuev, V.A. Hrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ch. 1* [The Bosporan Phenomenon. Materials of International scientific Conference]. Pt 1. Saint Petersburg, 300–306.
- Naumenko, S.A. 2006: Amfory iz zakrytykh kompleksov Tanaisa serediny III v. n.e. [Amphorae in closed complexes of Tanais of the end of the 1st – mid 3rd century AD]. In: *Materialy Pervoy Abkhazskoy mezhdunarodnoy konferentsii* [Materials of the First Abkhaz International Conference]. Sukhumi, 261–267.
- Shelov, D.B. 1963: Ekonomicheskaya zhizn' Tanaisa [The economic life of Tanais]. In: A.I. Boltunova (ed.), *Antichnyy gorod* [The antique City]. Moscow, 115–132.
- Shelov, D.B. 1970: *Tanais i Nizhniy Don v III–I vv. do n.e.* [Tanais and the Lower Don in the 3rd–1st Centuries BC]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [Tanais and Lower Don in the First Centuries of the New Era]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1978: Uzkogorlye svetloglinyanye amfory pervykh vekov nasher ery. Klassifikatsiya i khronologiya [Light-clay narrow-necked amphorae of the first centuries of AD. Classification and chronology]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 156, 16–22.
- Tsetshladze, G.R. 1992: Proizvodstvo amfornoy tary v Kolkhide [Production of amphorae in Colchis]. In: V.I. Kats, S.Yu. Monakhov (eds), *Grecheskie amfory. Problemy razvitiya*

- remesla i trgovli v antichnom mire [Greek amphorae. The problems of the development of crafts and trade in the ancient world]*. Saratov, 90–111.
- Vnukov, S.Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya) [The Black Sea amphorae of the 1st c. BC – the 2nd c. AD. (Morphology)]*. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2013: Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-Tobe [Amphorae of the Roman Period from the Site of Kara-Tobe]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosporus]* 17, 21–55.
- Vnukov, S.Yu. 2016: Eshche raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleyskikh) uzkogorlykh amfor [On the typology, evolution and chronology of lightclay (late heracleian) narrow-necked amphorae]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 2, 36–47.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora [Ceramic vessels of Bosporus]*. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations on the Archaeology of the USSR] 83). Moscow.
- Zhuravlyev, D.V. 2006: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e.: po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny: kand. dis. na soisk. uch. stepeni k.i.n. [Terra sigillata of the South-Western Crimea in the 1st–3rd centuries AD (finds from Late Skythian necropoleis of the Belbek-river valley): PhD Thesis]*. Moscow.

BUILDING 13 IN TANAIS OF THE POST-POLEMO PERIOD

Sergey M. Ilyashenko¹, Nadezhda N. Presnova²

¹ *Archaeological Museum-Reserve “Tanais”, Nedvigovka, Russia*
silyas@list.ru

² *Institute of Archeology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia*
nadezhda_presnova@mail.ru

Abstract. The article deals with the building 13. It was built in the first century AD, during the restoration of Tanais after its defeat by the Bosporan king Polemo, “because it would not obey him”. The Lower Don Archaeological Mission of RAS carried out its investigation during 2003 and 2006 field seasons. The building 13 located in the southern part of the city citadel (the trench XIX), near the southern gate. Because of works, the cellar was open and investigated. This cellar was cut down in a continental rock. Superstructures of the building has not been preserved. As well as many other objects of this time, the building 13 was destroyed. Local residents filled the cellar during the destruction of the town in the first half of the second century AD. The majority of the findings in the cellar’s filling are fragments of narrow necked light clay amphorae produced in Heraclea, pseudo-Koan amphorae with double-barreled handles, amphorae produced in Colchis and fragments of hand-made and pottery vessels made by grey clay. These findings dated by the 1st – the first half of the 2nd century AD. A sestertius of Sauromates I (93–123 AD) provides the lower date of the ground over the building. The coin was found in the upper level of the cellar’s filling. According to V. Anokhin, such coins were issued at the end of the reign of Trajan in 113–115 AD.

The study of such buildings helps to reconstruct the history of the city at post-Polemo period. This research indicates the following of the planning principles of the previous period during the first to early second centuries AD.

Keywords: archaeology, Tanais, site of ancient town, amphora, building, cellar, ceramics

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 126–139
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 126–139
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-126–139

СЛЕДЫ ОРТОГОНАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ В ВОСТОЧНОМ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ: АНТИЧНОСТЬ ИЛИ XIX ВЕК?

Н.В. Быковская¹, Т.Н. Смекалова²

¹ *Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, Керчь, Россия*
nvbykovskaya@gmail.com

² *Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь;*
НИЦ «Курчатовский институт, Москва, Россия
tnsmek@mail.ru

Аннотация. В фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника найдено новое неопровержимое доказательство того, что ортогональные системы межевания, простирающиеся на огромных территориях Восточного Крыма, не являются античными. Этот документ – хозяйственный план земель Керчь-Еникальского градоначальства, созданный не ранее 1887 г. на основе верстовой карты 1857 г. по съемке полковника Бетева 1837 г. (ВКИКМЗ, инв. № КМТИ – 2474). На плане нанесены границы размежевания 838 участков в основном по 12 десятин. Данная карта является кадастровым планом земель Керчь-Еникальского градоначальства и является документальным свидетельством того, что следы ортогонального межевания, видимые повсеместно в окрестностях Керчи, относятся к XIX в. В других частях Керченского полуострова и Северо-Западного Крыма во второй половине XIX в. были проведены подобные межевания, границы которых нанесены на верстовые карты конца столетия, и остатки которых заметны еще и сейчас на аэрофото- и космических снимках. При анализе видимых следов землепользования XIX в., необходимо не допускать безосновательных интерпретаций их как античных.

Ключевые слова: ортогональное межевание земель XIX в., хозяйственный план земель Керчь-Еникальского градоначальства, античное межевание

На равнинных пространствах Керченского п-ва, особенно в местах, не затронутых современной распашкой в его южной части к востоку от мыса Чауда, а

Данные об авторах: Быковская Наталья Владимировна – заместитель генерального директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника; Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, заведующий отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; ведущий специалист Национального исследовательского центра «Курчатовский институт».

Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ-КОМФИ, проект № 18-00-00486 «Зарождение и ранняя эволюция сельского хозяйства в равнинном и предгорном Крыму. Экономические модели и адаптационные стратегии древнего населения к изменяющимся природным, социальным и политическим условиям».

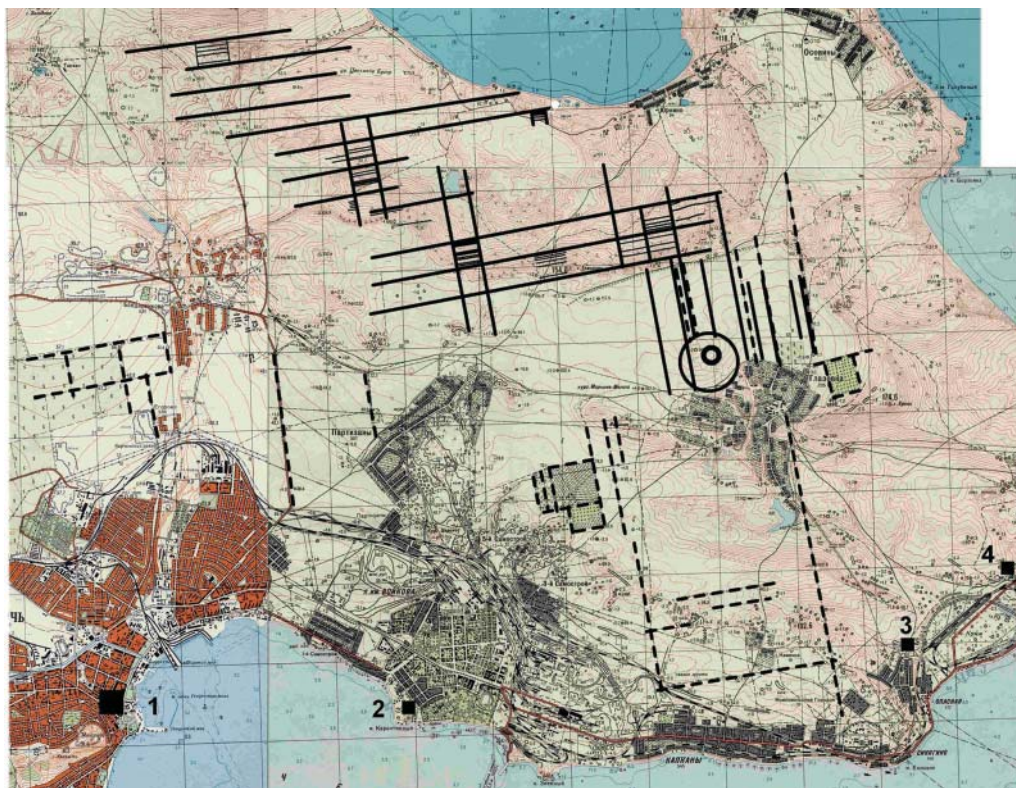

Рис 1. Следы ортогонального межевания в северо-восточной части Керченского п-ва на аэрофотографии 1940-х гг. из собрания Национального архива США в г. Колледж-Парке (NARA), аэрофотоснимках 1970-х гг. из архива аэрофото- и картографических документов ИА РАН в г. Москве, детальных картах, а также современных космических снимках. Сплошными линиями показано межевание, выявленное по аэрофотоснимкам, пунктирным – на карте 1957 г. (1:25000). Цифрами обозначены древние боспорские города: 1 – Пантикапей; 2 – Мирмекий, 3 – Парфений, 4 – Порфмий

также к северо-востоку от Керчи (рис. 1), сохранились следы обширного ортогонального межевания, просматривающегося на архивных и современных аэрофото- и космических снимках в виде взаимно параллельных и перпендикулярных темных линий, тянущихся на многие километры (рис. 2а). Эти линии, пересекая природные и антропогенные препятствия, делят землю на равные прямоугольные участки величинами 350–355 x 380–400 м. Подобное межевание просматривается на аэрофотографиях также и в Северо-Западном Крыму, в районе Евпатории, на черноморском побережье между озерами Донузлав и Сасык-Сиваш и на Тарханкутском п-ве. Здесь участки имеют размеры 250–255 x 420 и 350 x 350 м (рис. 3, а, б).

В силу ортогональности данных следов межевания, они издавна привлекали внимание исследователей-археологов, которые стремились увидеть в них античные межевые системы. Первыми на них обратили внимание А.Н. Щеглов и

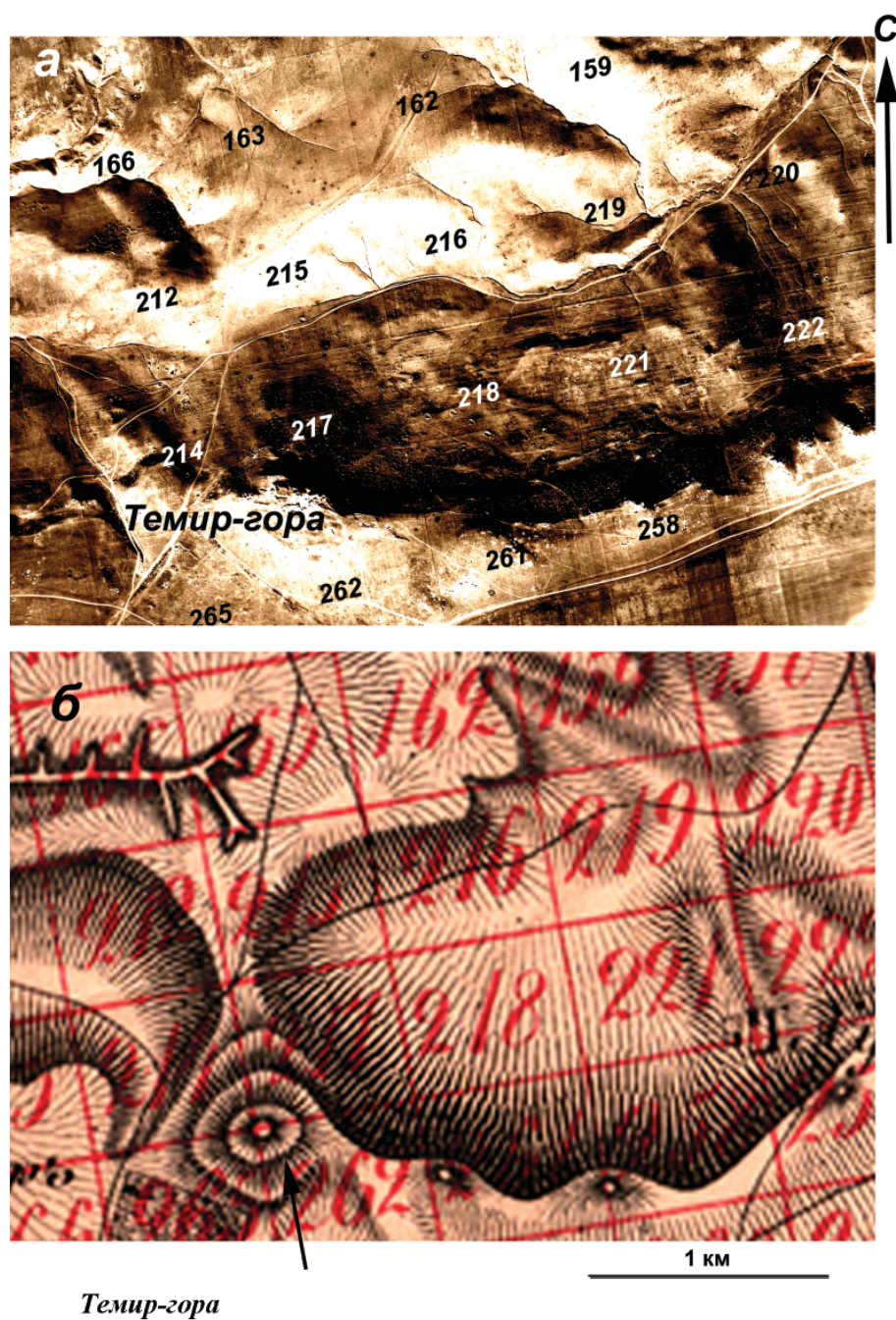

Рис. 2. *а* – Ортогональное межевание, видимое у Темир-Горы на Керченском п-ве на аэрофотоснимке, сделанном 19 ноября 1943 г. (NARA, GX4358, 37); *б* – тот же участок у Темир-горы, показанный на карте межевания Керчь-Еникальского градоначальства (см. также рис. 4)

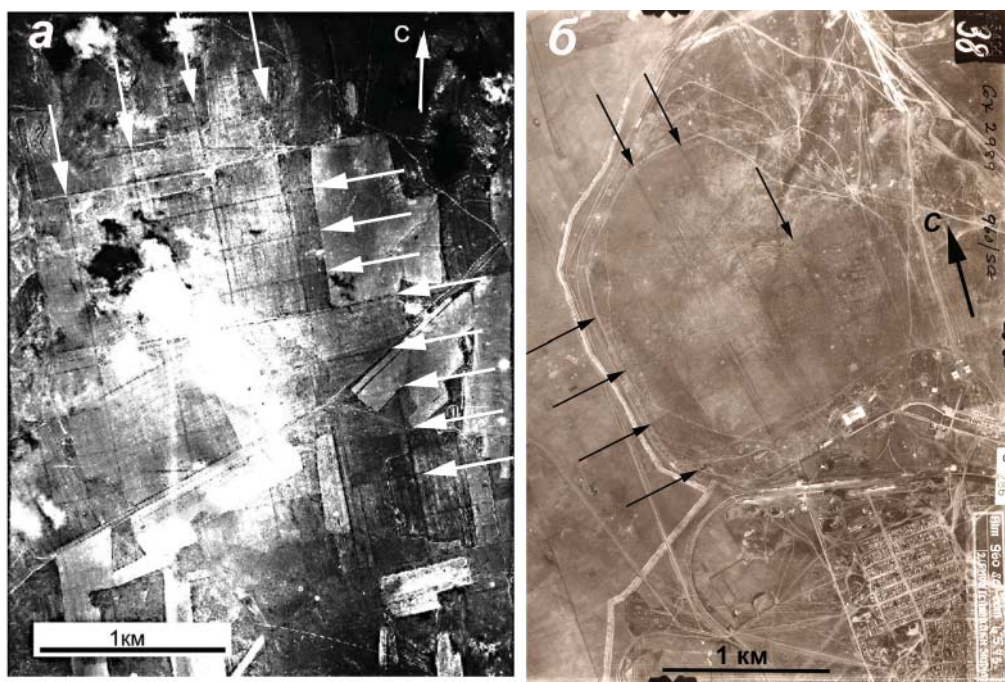

Рис. 3. Ортогональное межевание, видимое на аэрофотосъемке: *а* – в центральной части Тарханкутского п-ва на снимке из коллекции архива аэрофото- и картографических документов ИА РАН; *б* – на с-в окраине Евпатории, немецкий трофейный аэрофотоснимок, сделанный 6 мая 1943 г. из собрания NARA (GX2989 sg1, 38)

К.В. Шишкин при изучении аэрофотографий 1950–70-х гг. на территории Северо-Западного Крыма из собрания архива аэрофото- и картографических документов ИА РАН¹. Позднее, А.Н. Щеглов опубликовал более подробные схемы расположения систем межевания на Тарханкуте и на побережье от Донузлава до Евпатории, а также и некоторые аэрофотографии 1956 г., на которых четко видны прямоугольные участки размерами 420 x 250–255 м (площадью 10,5–10,71 га). А.Н. Щеглов трактовал эти следы как остатки античного межевания и поэтому заключил, что в Северо-Западном Крыму Херсонесом Таврическим были размежеваны огромные территории площадью более 40000 га². Г.М. Николаенко безоговорочно приняла гипотезу А.Н. Щеглова и включила его выводы в свой анализ херсонесской хоры³. Следы «античного» размежевания были выявлены также и на западном черноморском побережье Крыма в районе Качи по взаимно перпендикулярным линиям, нанесенным на верстовую карту конца XIX в.⁴

В 1978 г. Б.Г. Петерс опубликовал подобную схему ортогонального размежевания участков размерами 350–380 x 380–400 м в Восточном Крыму, к северу от Михайловского городища, которую ему удалось выявить по аэрофотоснимку

¹ Щеглов 1978, 98–100.

² Chicheglov 1992, 251–254.

³ Николаенко 1999, 105–106

⁴ Колтухов, Зубарь, Мыц 1991.

1972 г., а также непосредственно наблюдать на распаханном поле с вершины холма. Исследователь также высказал предположение об античном происхождении этой межевой системы⁵.

Не миновал соблазн связать с античностью следы прямоугольного межевания, видимые на аэрофотоснимках и детальных топографических картах Керченского п-ва также и одного из авторов данного сообщения. Так, Т.Н. Смекалова в 2005–2006 гг. опубликовала (в соавторстве) несколько статей⁶, посвященных следам якобы античного размежевания на Керченском и Тарханкутском п-вах⁷. Однако, после систематических археолого-геофизических разведок в Восточном и Северо-Западном Крыму, проводившихся Т.Н. Смекаловой в 2006–2013 гг., зародилось сомнение, переросшее затем в уверенность, что данный вид размежевания относится к XIX в.⁸ О позднем времени межевания говорят следующие факты:

1. Система ортогональных участков, выявленная в Северо-Западном Крыму А.Н. Щегловым, «укладывается» в прямоугольную сетку дорог, которая появляется на топографических картах только к концу XIX в. (т.н. верстовка).

2. Прямолинейные границы владений Поповых и Воронцовых на п-ве Тарханкут и система дорог, в которую вписывается система межевания, взаимосвязаны территориально и планировочно. Вероятно, ортогональное межевание на Тарханкуте было проведено в XIX в. на землях помещиков Поповых, Воронцовых и других для сдачи участков в аренду.

3. Об этом же красноречиво говорят и размеры участков на размежеванной территории, которые, в среднем, равны 394,5 x 277 м, а средняя площадь, таким образом, составляет 109276,5 кв. м, то есть почти точно равна 10 десятинам.

4. Античная усадьба Кипчак херсонесского типа, открытая А.Н. Щегловым и К.К. Шишкиным в 1981 г. в самом центре системы прямоугольных полей, и детально исследованная нами в 2011 г. с помощью магнитной съемки, имеет направление стен, отличное от направления межевой сети. Эта усадьба планировочно не была связана с системой ортогональных полей, что не типично для античного межевания⁹.

Новое неопровержимое доказательство того, что ортогональные системы межевания, простирающиеся на огромных территориях Восточного Крыма, не являются античными, было найдено Н.В. Быковской в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Речь идет о хозяйственном плане земель Керчь-Еникальского градоначальства, созданном не ранее 1887 г., построенном на основе верстовой карты 1857 г по съемке полковника Бетева 1837 г. (рис. 4)¹⁰. На этой карте красным суриком нанесены границы, полученные в результате размежевания 838 участков в основном по 12 десятин (13,11 га). Из них 99 участков, площади которых отличались от 12 десятин, вынесены в отдельную таблицу, в которой помещены номера участков и их площадь в десятинах и саженьях. Все

⁵ Петерс 1978, 119, 122, рис. 3.

⁶ Смекалова, Масленников, Смекалов 2005; Смекалова 2006; Смекалова, Смекалов 2006; Smekalova, Smekalov 2006.

⁷ По этим результатам С.Л. Смекаловым даже была оперативно защищена диссертация кандидата исторических наук (Смекалов 2005).

⁸ Смекалова, Кутайсов 2013, 160–161.

⁹ Смекалова, Кутайсов 2013, 160–161 рис. 3, 29–30.

¹⁰ ВКИКМЗ. Инв. № КМТИ – 2474.

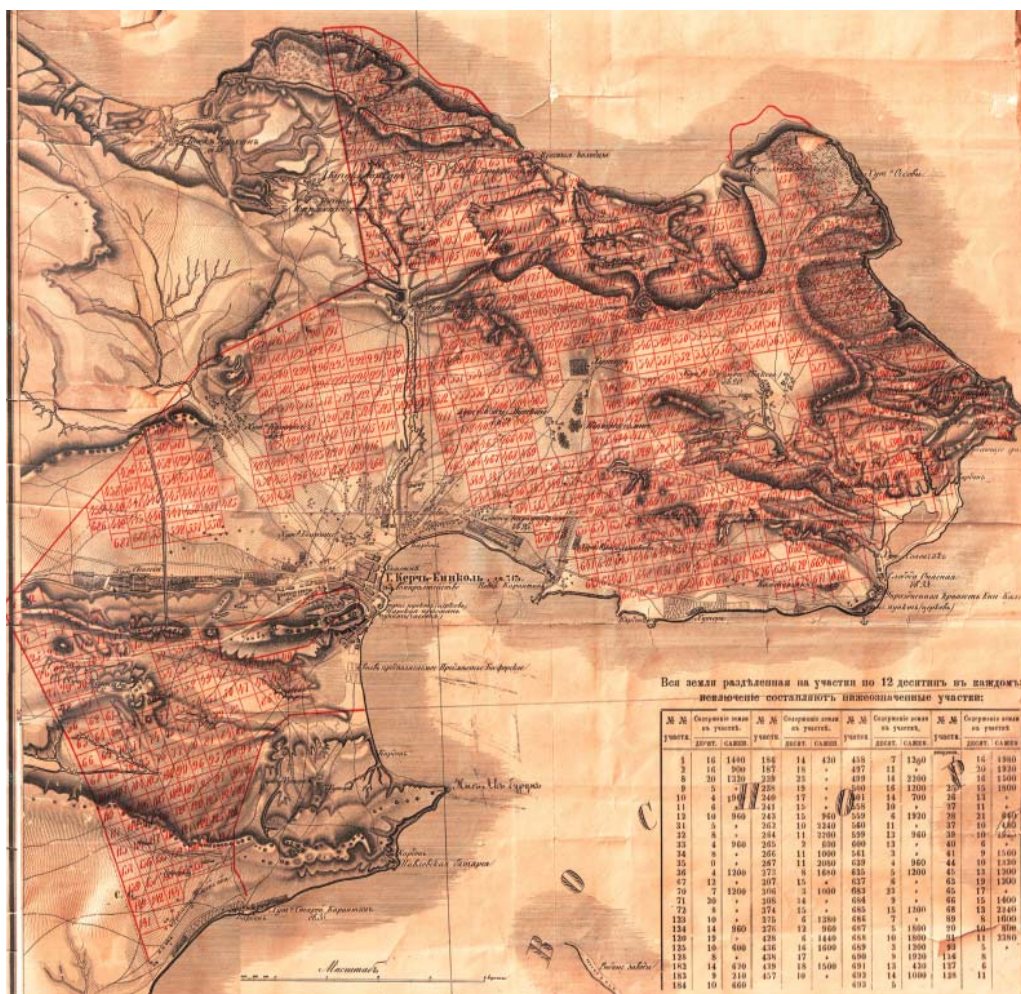

Рис. 4. Хозяйственный план земель Керченского градоначальства (после 1887 г.), построенный на основе верстовой карты 1857 г. по съемке полковника Бетева 1837 г. (ВКИКМЗ. Инв. № КМТИ – 2474). Публикуется впервые

участки пронумерованы отдельно для северной и южной частей (границей является холмистая гряда Юз-Оба). Таким образом, данная карта является кадастровым планом земель Керчь-Еникальского градоначальства¹¹.

¹¹ Представленный хозяйственный план земель Керчь-Еникальского градоначальства удивительным образом походит на план античной системы размежевания ближней хоры Херсонеса, а также находит отклик в херсонесской надписи IOSPE 403 с дополнениями, которая, как мы недавно установили, является переписью земель херсонесской хоры в приморской части Гераклеяского п-ва (Смекалова, Терехин 2018). В херсонесской надписи вначале перечисляются лица, владеющие единичными гражданскими наделами-гекаторюгами (квадратными 100-оргиевыми участками, 209,4 x 09,4 м или 4,3848 га), а затем – участками неправильной формы с точно подсчитанной площадью каждого (как это сделано и на хозяйственном плане Керчь-Еникальских земель). Сопоставление межевания земель Керчь-Еникальского градоначальства и херсонесской хоры на Гераклея-

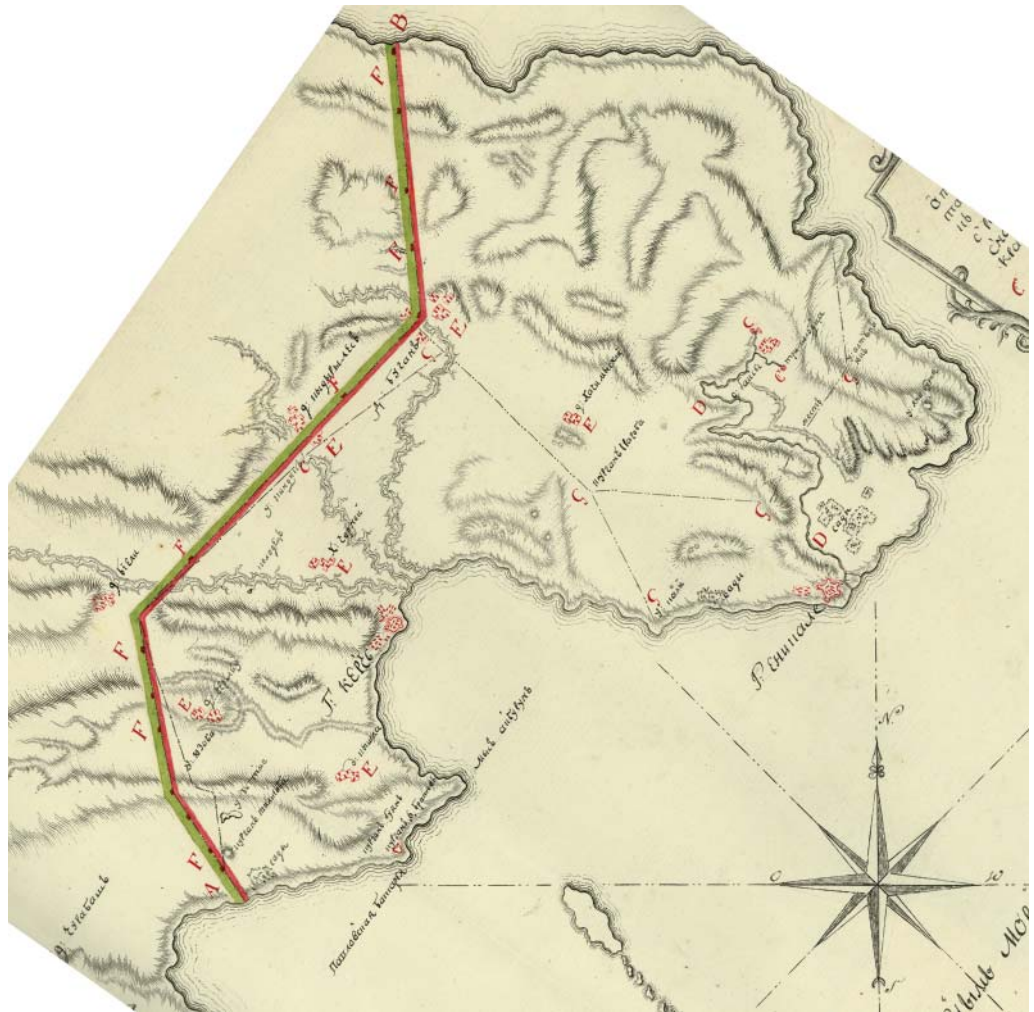

Рис. 5. Земля, прилегающая к Керчи и Еникале, отошедшая к России по Карасубазарскому 1772 г. и Кучук-Кайнарджийскому 1774 г. мирным договорам между Российской империей и Крымским ханством. Фрагмент карты, озаглавленной «Карта части полуострова Крым с показанием границы отведенной от татар земли к городам Еникале и Керчь которая сочинена 1772 года, генваря 2-го дни». На ней графически показана граница между городами Керчь и Еникале и владениями Крымского ханства, которая была закреплена союзным договором 1772 г. Из собрания РГВИА (Ф. 423. Оп. 1. Д. 21. Л. 1)

В 1887 г. все удобные для земледелия городские земли, были разделены на хозяйственные единицы – кварталы, площади кварталов – на 12-десятинные участки, а те, в свою очередь, на три поля, из которых одно предназначалось под рас-
ском п-ве вполне правомочно, так как их сельскохозяйственные площади почти точно совпадают (примерно по 12000 га), и принципы распределения земли и в том и другом случае были вполне демократическими.

пашку, другое – под сенокошение, третье – под выгон¹². Для размежевания земли из Симферополя прибыл таврический землемер Р.А. Вериге. Участки сдавались в аренду по очереди, так что часть их всегда находилась под паром. Для ведения земельного хозяйства при городской управе был создан земельный отдел, куда входили агроном, смотритель земель, стражники. На каждого из арендаторов в земельном отделе была заведена карточка с полной информацией о том, где находится арендуемый участок, какова его площадь, когда истекает срок аренды, как велик размер арендной платы.

Своими земельными владениями Керчь была обязана греческим переселенцам, которые в 1775 г. прибыли на Керченский полуостров. Согласно специальному указу Екатерины II, подкрепленному впоследствии другими актами, вся земля, прилегавшая к Керчи и Еникале, отошедшая к России по Карасубазарскому 1772 г. и Кучук-Кайнарджийскому 1774 г. мирным договорам между Российской империей и Крымским ханством (рис. 5), была закреплена за греческой общиной. При этом было поставлено условие, что не позволялось «...никому из иностранных покупать земли в отведенной для сего (т.е. греческого – *Н.Б.*, *Т.С.*) общества части».¹³ Площадь отведенных земель составила 11340 десятин (12389 га). В силу целого ряда причин центра греческой колонии из Керчи и Еникале не получилось. Поскольку после 1798 г. в последующие три десятилетия на постоянное жительство в Керчь прибыло всего лишь 30 греческих семей, 28 октября 1830 г. вся земля, дарованная некогда греческой общине, поступила в пользование всех горожан. К тому времени земля находилась в откупе, так что реально указ вступил в силу только в октябре 1833 г., и «вся оставшаяся от выгонов земля» была отдана в постоянное пользование «всех вообще городских обывателей»¹⁴.

Чуть раньше, а именно в 1821 г. эти земли вошли в состав учрежденного по указу Александра I Керчь-Еникальского градоначальства. Кроме Керчи и Еникале на землях градоначальства располагались многочисленные предместья и слободки: Старый Карантин, Солдатская слободка, Джарджава, Катерлес, Булганак, Аджимушкай, Осовины, Капканы и другие. Общая площадь градоначальства составляла в конце XIX – начале XX вв. около 15,5 тысяч десятин земли, из которых около 12 тысяч находились во владении города.

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. городская дума сдавала всю городскую землю в аренду с торгов на строго оговоренный срок одному откупщику, который, в свою очередь, за определенную плату переуступал право пользования отдельными участками менее состоятельным жителям градоначальства. Вот как, например, происходила эта процедура в 1857 г.

Согласно кондициям, вся городская хлебопахотная и сенокосная земля площадью свыше 8 тысяч десятин поступала в распоряжение откупщика на срок с 1 января 1858 г. по 1 января 1861 г. за цену «какая состоится на торгах и будет утверждена начальством». Все жители градоначальства с согласия откупщика имели право косить на этой земле сено, сеять хлеб, овощи, баштаны. Откупщик получал одну копну с каждых 6 собранных копен сена и одну копну – с 10 копен хлеба. Если за хлебопахотные земли взималась натуральная плата, то за баштаны

¹² Обзор деятельности (1888), 33.

¹³ Сафонов 1844, 212.

¹⁴ Полицейский листок (1885), 3.

Рис. 6. Следы межевания на территории между Чурубашским и Тобечикским озерами в восточной части Керченского п-ва. Верстовая карта 1926 г. (Л. XI, 30). Из собрания РГВИА (Ф. 386. Оп. 1. Д. 4916).

и земли, отведенные под овощные культуры, - денежная. Она составляла 10 рублей в год с десятины. Причем, натуральная плата вносилась после сбора урожая, а денежная – при отводе участка. Кроме того, откупщик, в случае, если арендатор пользовался городскими пастбищами, получал по 15 копеек с голов крупного рогатого скота, 25 копеек с лошади и 5 копеек с овцы.

Против системы отдачи всей городской земли одному лицу на откуп выступали не только простые горожане – арендаторы и жители поселков, вступавшие в арендные отношения с откупщиком и во многом зависевшие от него. Круг потенциальных откупщиков, которые могли принять участие в торгах и снять в откупное содержание всю землю, был невелик ввиду значительности платы, которая должна была быть внесена сразу. Участники торгов вполне могли договориться между собой о демпинговых ценах, что, по-видимому, иногда и случалось. 13 ок-

тября 1861 г. Керчь-Еникальская городская дума приняла решение о разделении городской земли на участки площадью от 6 до 15 десятин. Однако градоначальник посчитал нецелесообразным дробить землю на столь мелкие части и определил минимальный размер участка в 50 десятин, о чем и сделал соответствующее распоряжение во Временную межевую комиссию.

Эта мера, хотя и увеличила доходы города, но удовлетворить всех желающих взять землю в аренду непосредственно от городского общественного управления не могла. Посредническая роль состоятельных людей, которые наживались на аренде земли, сохранилась и в новых условиях. Подобное посредничество влекло за собой для рядовых арендаторов надбавку в 50–100% к цене, уплаченной самим откупщиком за городскую землю. Не изменило положения дел и последовавшее вскоре дробление земли на 25-десятинные участки¹⁵.

Более всего, однако, городское общественное управление беспокоило то, что земля подвергалась непрерывным, бесконтрольным запашкам, которые вели к ее истощению. В 1870-е гг. городская дума предприняла попытку ограничить хищническую эксплуатацию земли. По новым правилам участок сдавался в аренду не на три года, а на шесть лет с тем условием, чтобы в течение первых трех лет арендатор запахивал только одну половину поля, а затем другую. За невыполнение этого условия кондиции предусматривали штраф в размере 1 рубль за каждую запаханную сверх положенного десятину и даже прекращение аренды участка, причем в последнем случае арендная плата не возвращалась¹⁶.

Исходя из этого, в 1887 г. городское управление было вынуждено вновь изменить схему пользования землей, что отражено на хозяйственном плане (рис. 2). Введенный в 1887 г. порядок эксплуатации городских земель позволил в последующие несколько лет говорить об «эпохе полного благополучия» в земельном хозяйстве¹⁷. Однако рост городского населения и числа жителей градоначальства, желающих взять в аренду землю, привели к дальнейшему дроблению участков, которые, тем не менее, оставались в рамках межевой сетки, приведенной на хозяйственном плане 1887 г. (рис. 2).

Следы именно этого межевания мы видим и сейчас на аэрофото- и космических снимках бывших земель Керчь-Еникальского градоначальства. В других частях Керченского полуострова и Северо-Западного Крыма во второй половине XIX в., очевидно, было проведено подобное межевание, остатки которого заметны и сейчас.

Еще одним документом, зафиксировавшим процесс разделения земель, является верстовая карта, отпечатанная в двухцветном варианте в 1926 г.¹⁸, три листа которой (XI, 30; XII, 30, 31) отражают размежевание земель южной части Керченского п-ва на равные прямоугольные участки, хотя и не содержат никаких текстовых комментариев (рис. 6, 7). Этот вид межевания необходимо отличать от античного, характеризующегося особыми признаками¹⁹.

¹⁵ ГАРК. Ф. 348. Оп. 1. Ед. хр. 1706. Л. 6.

¹⁶ ГАРК. Ф. 455. Оп. 1. Ед.хр. 377. Л. 9-9об.

¹⁷ ГАРК. Ф. 455. Оп. 1. Ед.хр. 4467. Л. 10-14.

¹⁸ Место хранения – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 386. Оп. 1. Д. 4916.

¹⁹ Смекалова 2013; 2018; 2019.

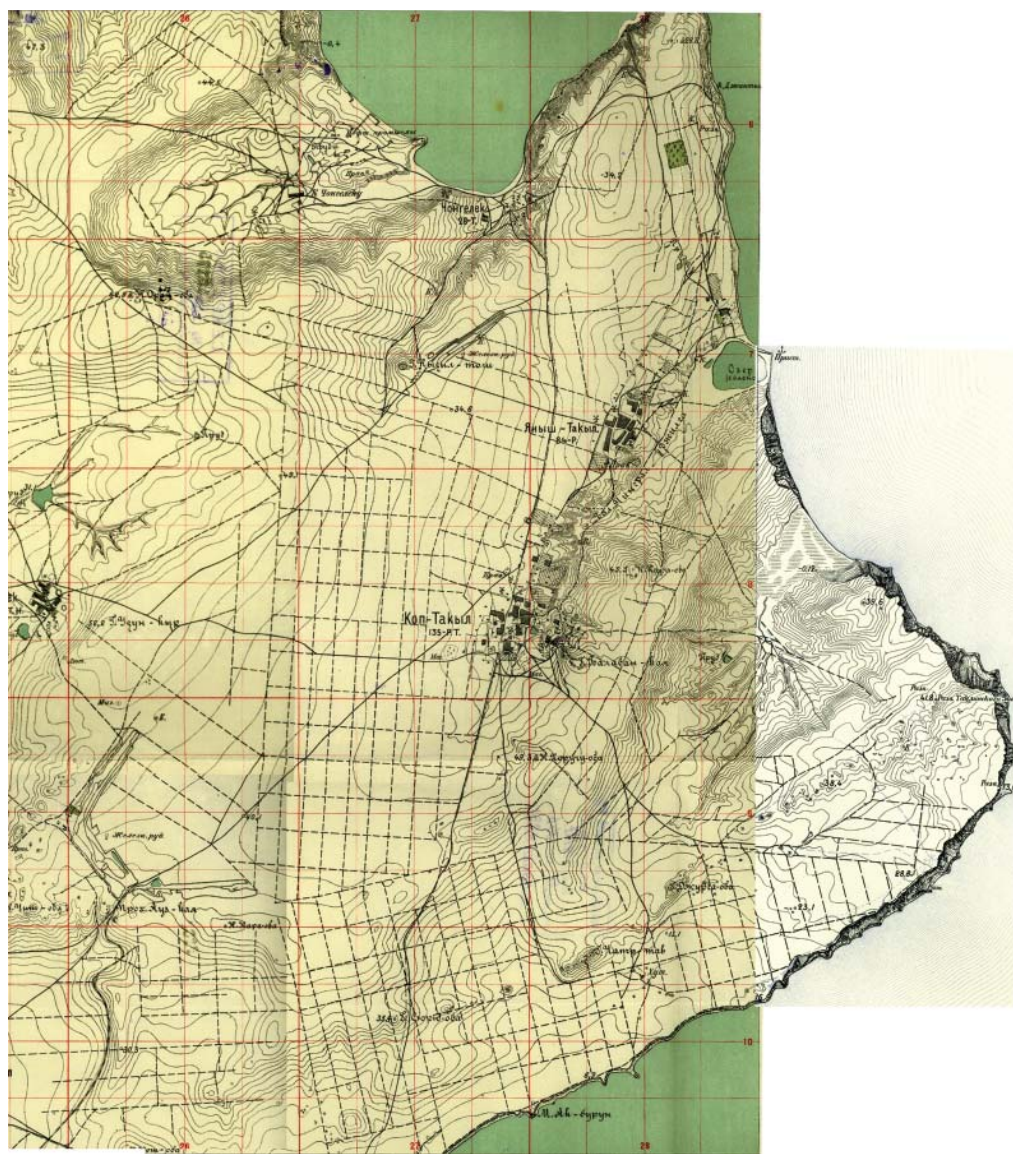

Рис. 7. Ю-В оконечность Керченского п-ва. На верстовую карту 1926 г. нанесены линии прямоугольного межевания земель (Л. XII, 30, 31). Из собрания РГВИА (Ф. 386. Оп. 1. Д. 4916).

Таким образом, следует заключить, что при анализе видимых на аэрофото- и космических снимках следов прошлого землепользования, необходимо очень внимательно относиться к их датировке и не допускать необоснованных интерпретаций их как античных.

ЛИТЕРАТУРА

- Колтухов, С.Г., Зубарь, В.М., Мыц, В.Л. 1991: Разведки в Юго-Западном Крыму. В сб.: С.Г. Колтухов (ред.), *Археологічні дослідження на Україні*. Київ, 23–24.
- Николаенко, Г.М. 1999: Херсонес Таврический и его хора. *ВДИ* 1, 97–120.
- Обзор деятельности Керчь-Еникальской городской управы и подведомственных ей частей городского общественного управления за время с 1885г. по 1888 г.* Керчь, 1888.
- Петерс, Б.Г. 1978: Михайловское городище античного времени. В сб.: В.В. Кропоткин (ред.), *Проблемы советской археологии*. М., 117–127.
- Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства*, № 21 от 23 мая 1865 г. Керчь.
- Сафонов, С. 1844: Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы. Исторический очерк. *ЗООИД* 1, 205–238.
- Смекалов, С.Л. 2005: *Древние антропогенные структуры Восточного Крыма: Геоинформационный и историко-картографический аспекты*: автореф. дисс. на соиск. ... к.и.н. Тула.
- Смекалова, Т.Н. 2006: Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе (Тарханкутский полуостров). *ДБ* 10, 389–415.
- Смекалова, Т.Н. 2013: Еще раз об античном наделе у мыса Ойрат с северо-западном Крыму. *ВДИ* 2, 127–147.
- Смекалова, Т.Н. 2018: К херсонесской надписи (IOSPE. P. 403). В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции «Боспорский феномен», ноябрь 2018 г.* Т. 2. СПб, 90–98.
- Смекалова, Т.Н. 2019: О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического. *ВДИ* 1 (в печати).
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2017: *Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность*. СПб. (Материалы к археологической карте Крыма. 18)
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2018: Роль херсонесского полиса в освоении Северо-Западной Таврики в эллинистическое время. *SP* 3, 353–370.
- Смекалова, Т.Н., Масленников, А.А., Смекалов, С.Л. 2005: Ортогональные системы размежевания земель европейского Боспора и природно-демографические факторы. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы Международной научной конференции*. СПб, 79–97.
- Смекалова, Т.Н., Смекалов, С.Л. 2006: Системы дорог и клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок. *Археологические вести* 13, 204–226.
- Смекалова, Т.Н., Терехин, Э.А. 2018: Новые данные о военной организации граждан Херсонеса Таврического, отраженной в структуре его земельного кадастра. *SP* 6, 89–105.
- Смекалова, Т.Н., Терехин, Э.А., Пасуманский, А.Е. 2018: Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования. *ВДИ* 2, 306–332.
- Chtcheglov, A. 1992: *Polis et chora*. Paris.
- Smekalova, T.N., Smekalov, S.L. 2006: Ancient roads and land division in the chora of the European Bosphoros and Chersonesos on the evidence of air photographs, mapping and surface surveys. In: P. Guldager Bilde, V.F. Stolba (eds.), *Surveying the Greek Chora. Black Sea Region in a Comparative Perspective*. Aarhus, 207–248.

REFERENCES

- Chtcheglov, A. 1992: *Polis et chora*. Paris.
- Koltukhov, S.G., Zubar', V.M., Myts, V.L. 1991: Razvedki v Yugo-Zapadnom Krymu [Archaeological surveys in South-Western Crimea]. *Archeologichni doslidzhennya na Ukraini* [Archaeological investigations in Ukraine]. Kiev, 23–24.
- Nikolaenko, G.M. 1999: Khersones Tavricheskiy i ego khora [Taurian Chersonesos and its chora]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 97–120.
- Obzor deyatel'nosti Kerch-Enikal'skoy gorodskoy upravy i podvedomstvennykh ey chastey gorodskogo obschestvennogo upravleniya za vrem'ya s 1885 po 1888*. [Review of the activities of Kerch-Enikale city government in 1885–1888]. Kerch, 1888.
- Peters, B.G. 1978: Mikhaylovskoe gorodishche antichnogo vremeni [Mikhaylovskoe Settlement of ancient Greek time]. In: V.V. Kropotkin (ed.), *Problemy sovetskoj arkheologii* [Problems of Soviet archaeology]. Moscow, 117–127.
- Politzeiskiy listok Kerch-Enikal'skogo gradonachal'stv*» [Police Bulletin of Kerch-Enikale city government] 21, 23rd of May 1865.
- Safonov, S. 1844: Ostatki grecheskikh legionov v Rossii ili nyneshnee naselenie Balaklavy. Istorieskiy ocherk [Remains of Greek legions in Russia or nowadays population of Balaklava. Historical Review]. *Zapiski Odesskogo Obschestva Istorii i Drevnostey* [Notes of Odessa Society of History and Antiquities] 1, 205–238.
- Smekalov, S.L. 2005: *Drevnie antropogennye struktury Vostochnogo Kryma: geoinformacionnyy i kartograficheskiy aspekt* [Ancient anthropogenic structures of the Eastern Crimea: Geoinformation and historical-mapping aspects]: PhD Thesis. Tula.
- Smekalova, T.N. 2006: Sravnenie ortogonal'nykh system razmezhvaniya zemel' na evropeiskom Bospore i v Khersonese (Tarkhankutskiy poluostrov) [Comparison of orthogonal systems of land division on the European Bosporos and in Chersonesos (Tarkhankut peninsula)]. *Bosporskie Drevnosti* [Bosporan Antiquities] 10, 389–415.
- Smekalova, T.N. 2013: Esche raz ob antichnom uchastke u mysy Oirat v Severo-Zapadnom Krymu [Once more on the ancient allotment near the Cape Oirat in the Northwestern Crimea]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 127–147.
- Smekalova, T.N. 2019: O velichinakh ploschadi i edinitsakh ee izmereniya na khore Khersonesa Tavricheskogo [Sizes of land plots and units of their measurements on the chora of Tauric Chersonesos]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1 (forthcoming).
- Smekalova, T.N., Kutaisov, V.A. 2017: *Arkheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnyy bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost'* [Archaeological Atlas of Northwestern Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Ancient Greek Period]. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma [Materials to the archaeological map of Crimea] 18). Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N., Kutaisov, V.A. 2018: Role of khersonesskogo polisa v osvoenii Severo-Zapadnoy Tavriki v ellinisticheskoe vremya [Role of Chersonessian polis in the development of Northwestern Tauris in Hellenistic Time]. *Stratum Plus* 3, 353–370.
- Smekalova, T.N., Maslennikov, A.A., Smekalov, S.L. 2005: Ortogonal'nye systemy razmezhvaniya zemel' evropeiskogo Bospora i prirodno-demograficheskie factory [Orthogonal systems of land division on the European Bosporos and natural-demographic factors]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy Phenomen: problema sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [The Bosporan Phenomenon: a problem of relations between written and archaeological source. Proceedings of the International Conference]. Saint Petersburg, 79–97.
- Smekalova, T.N., Smekalov, S.L. 2006: Ancient roads and land division in the chora of the European Bosporos and Chersonesos on the evidence of air photographs, mapping and surface

- surveys. In: P. Guldager Bilde, V.F. Stolba (ed.), *Surveying the Greek Chora. Black Sea Region in a Comparative Perspective*. Aarhus, 207–248.
- Smekalova, T.N., Smekalov, S.L. 2006: Sistema dorog i klerov gorodov evropeiskogo Bospora po dannym aerofotos'emki, kartografii i nazemnykh razvedok [System of roads and cleroi in the towns of the European Bosphoros basing on the evidences of aerial photography, mapping and surface surveys]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 13, 204–226.
- Smekalova, T.N., Terekhin, E.A. 2018. Novye dannye o voennoy organizatsii grazhdan Khersonesa Tavricheskogo, otrazhennoy v strukture ego zemel'nogo kadastra [New data about military organization of Chersonessian citizens, reflected in the structure of its land cadastre] *Stratum Plus* 6, 89–105.
- Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. 2018: Rekonstruktsiya antichnoy systemy mezhevaniya Khersonesa Tavricheskogo s ispol'zovaniem metodov distantsionnogo zondirovaniya [Reconstructing the ancient land division system of Tauric Chersonesos with the aid of remote sensing]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 114–140.

TRACES OF ORTHOGONAL LAND DIVISION IN THE EASTERN AND NORTHWESTERN CRIMEA: ANCIENT TIMES OR THE 19th CENTURY?

Natalya V. Bykovskaya¹, Tatiana N. Smekalova²

¹ Eastern-Crimean Historic-Cultural Museum-Reserve, Kerch, Russia
nvbykovskaya@gmail.com

² V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; National research center Kurchatov institute, Moscow, Russia
tnsmek@mail.ru

Abstract. The East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve (ECHCMR) possesses a new irrefutable evidence that the orthogonal systems of land division in the Eastern Crimea are not to be ancient. This document is the economic plan of the lands of the Kerch-Enikale city administration, created after 1887, based on the 1857 milestone map made after the Colonel Betev's 1837 plan (Inv. No. KMTI – 2474). The plan shows the boundaries of 838 plots by size of 12-dessiatinas (measure of land = 10,900 sq. meters or 2.7 acres). This cadastral plan of the Kerch-Enikale city administration provides the documentary evidence that traces of orthogonal land division near Kerch are dated back to the 19th century. Similar land division was carried out in other parts of the Kerch Peninsula and the Northwestern Crimea in the second half of the 19th century. The boundaries of plots are shown on the maps of the end of the 19th century, and their traces are visible even now on aerial photographs and satellite images. When analyzing the visible traces of land use in the 19th century, it is necessary to prevent their baseless interpretations as the ancient systems.

Keywords: orthogonal land division in the 19th century, economic plan of the land of the Kerch-Enikale city administration, ancient land division

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 140–152
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 140–152
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-140–152

ЭТЮД ПО НУМИЗМАТИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

III в. до н.э.

А.Е. Терещенко

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия
andrtereshhen@yandex.ru

Аннотация. Настоящая заметка представляет собой часть продолжающегося более обширного исследования, посвященного иконографии центральных божеств греческого пантеона, типологии и семантике их изображений на нумизматическом материале из Северного Причерноморья. В поле специального внимания автора находится образ Афины и его эволюция в сложный для региона период – во время кризиса III в. до н.э. Изображение Афины встречается в монетной чеканке пяти городов (Пантикапей, Феодосия, Ольвия, Херсонес, Тира), выпускавших в то время собственную монету. Предложен типологический каталог монетных выпусков; эмиссия каждого города анализируется с учетом историко-политических обстоятельств (дестабилизация обстановки в регионе, разграбление Херсонеса, стремление Феодосии к независимости и т.п.). Критически резюмируя гипотезы предшественников, автор обращает внимание на монетные надчеканки, не получившие доселе должного внимания исследователей, однако играющие важнейшую роль для верного понимания значения образа Афины в монетном деле Северного Причерноморья. Вопреки распространенной трактовке образа Афины как «защитницы и покровительницы» полиса, наделенной сотерическими функциями, автор приходит к выводу, что Афина как богиня мудрости выступает здесь скорее в роли гаранта финансового благополучия.

Ключевые слова: античная нумизматика, греческие монеты, Северное Причерноморье, Афина

Нам мало что известно по истории Северного Причерноморья III в. до н.э.; к сожалению, литературные и эпиграфические источники этого периода (особенно для второй половины III–II вв. до н.э.) чрезвычайно скудны и малоинформативны. В этой ситуации на первый план выходят вспомогательные дисциплины: например, нумизматика.

На сегодняшний день в отечественной научной литературе существует весьма обширный пласт исследований, посвященных различным аспектам монетного дела интересующего нас периода. Тем не менее такая важная тема, как эволюция пантеона греческих божеств в монетной типологии до сих пор не получила должного освещения¹.

Данные об авторе: Терещенко Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея.

¹ Едва ли не единственная работа, в которой была пунктуально прослежена и систематизирована иконография олимпийцев и младших богов в причерноморской чеканке, – каталог кн. А.А. Сибир-

В нашем случае речь пойдет об Афине. Изображение ее головы в III в. до н.э. появляется в монетной типологии сразу пяти полисов – Пантикапея, Феодосии, Херсонеса, Ольвии и Тиры; отметим, что в указанный период только эти города чеканили собственную монету в Северном Причерноморье.

Первые выпуски с головой Афины датируются следующим образом:

Пантикапей:

– Голова Афины вправо / молния. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΟΝΟΣ (табл. I, 1)². 240–230 гг. до н.э.³

– Голова Посейдона вправо. Надчеканка «голова Афины в коринфском шлеме вправо» / прора корабля влево. ΠΑΝΤΙ (табл. I, 2, 2a). 3-я четверть II в. до н.э.⁴

Феодосия:

– Голова Афины⁵ вправо / горит и палица. ΘΕΥ (табл. I, 6). 60^е – конец 50^х гг. III в. до н.э.⁶ Серия, в которую входит этот тип меди, завершает историю монетной чеканки Феодосии.

Херсонес:

ского (Catalogue des médailles du Bospore Cimmérien), отпечатанный в Петербурге в начале 1860-х гг., исчерпывающий для своего времени, но по понятным причинам устаревший и, помимо этого, представляющий собой чрезвычайную редкость.

² Фотографии монет взяты с сайтов <http://bosporan-kingdom.com>, <http://tauriscoins.ru>, <http://wildwinds.com>, <http://acsearch.info>.

³ Анохин 1986, 141, № 135. Предлагаемая здесь датировка В.А. Анохина, на наш взгляд, является наиболее адекватной.

⁴ Шелов 1956, 217, № 75.

⁵ Довольно любопытная идея относительно идентификации аверсного рисунка была выдвинута М.М. Чорефом, предположившим, что в действительности на рассматриваемых здесь феодосийских монетах изображена не Афина, но Арес. Исследователь справедливо указывает на отсутствие «тщательно завитых прядей, ниспадающих на шею и щеки, столь характерных для бюстов этого женского божества. Кроме того, у одной из фигур на феодосийской бронзе замечен очевидный кадык» [Чореф 2015, 106–107, рис. 2, 3]. В итоге автор на основании своей интерпретации аверсного рисунка предлагает пересмотреть датировку и отнести выпуск интересующих нас монет к эмиссии Митридата VI Евпатора [Чореф 2015, 108]. Действительно, несколько мужеподобный облик рассматриваемого персонажа с подчеркнуто массивным, тяжелым подбородком как будто бы свидетельствует в пользу гипотезы М.М. Чорефа. Более того, среди феодосийских выпусков начала IV в. до н.э. действительно встречаются драхмы с головой Ареса [Анохин 1986, таб. 2, 73; Терещенко 2016, 225–226, 216, таб. I, 18]. Таким образом, имеются как будто бы достаточно веские причины видеть на аверсе феодосийских тетрахапков изображения бога войны. Тем не менее, если взглянуть на раннее феодосийское серебро [см. напр.: Терещенко 2016, 216, таб. I, 8, 13], то с первого взгляда очевидно, что изображенный на нем профиль имеет мало общего с образом суровой, но прекрасной богини-воительницы. Недаром, как отмечает М.М. Чореф, Г. Келер, Т. Мионне, Б. Кене и А. Сибирский сочли рисунок на аверсе ранней феодосийской серебряной монеты, найденной в одном из курганов близ Феодосии, портретом мужчины [Чореф 2015, 106]. Вероятно, на монетном дворе Феодосии трудились не самые искусные резчики: например, для того, чтобы подчеркнуть, что на драхмах с Аресом представлено именно мужское божество, ему специально выгравировали бороду (правда, весьма сомнительного качества, более напоминающую какие-то отдельные, скверно наклеенные прядки). Если же взглянуть на изображения богини на монетах других северопричерноморских центров, то иные из них трудно охарактеризовать иначе как откровенное святотатство (см. напр.: таб. I, 3, 11–13, 17). В любом случае на сегодняшний день гипотеза М.М. Чорефа не подкреплена серьезными доказательствами, и до тех пор, пока не будут приведены более основательные доводы, стоит придерживаться традиционной идентификации рисунка на лицевой стороне феодосийских тетрахапков как головы Афины.

⁶ Гаврилов, Шонов 2007, 352.

Таблица I

1 – Пантикапей, 3-я четверть III в. до н.э. Медь, тетрахалк; 2, 2а – Пантикапей, 3-я четверть III в. до н.э. Медь, обол с надчеканкой в виде головы Афины; 3 – Пантикапей, 145–142 гг. до н.э. Серебро, диобол(?); 4 – Пантикапей, 110–108 гг. до н.э. Медь, тетрахалк (?); 5 – Пантикапей, 110–108 гг. до н.э. Медь, дихалк (?); 6 – Феодосия, 60-е – конец 50-х гг. до н.э. Медь, тетрахалк; 7 – Херсонес, ок. 4-й четверти III в. до н.э. Медь, дихалк; 8 – Херсонес, ок. 4-й четверти III в. до н.э. Медь, халк; 9 – Херсонес, ок. 2–3-й четверти II в. до н.э. Медь, халк; 10 – Ольвия, 260–250 гг. до н.э. Серебро, драхма с надчеканкой в виде головы Афины; 11 – Ольвия, 240–230 гг. до н.э. Медь, обол; 12 – Ольвия, 180–170 гг. до н.э. Медь, халк; 13 – Ольвия, 120–110 гг. до н.э. Медь, халк (?); 14 – Ольвия, 110–100 гг. до н.э. Серебро, дидрахма; 15 – Тира, начало второй четверти III в. до н.э. Медь, дихалк (?); 16 – Тира, вторая половина III в. до н.э. Медь, халк(?) с надчеканкой в виде головы Афины; 17 – Тира, вторая половина III в. до н.э. Медь, дихалк(?); 18 – Тира, вторая половина III в. до н.э. Медь, дихалк(?); 19 – Тира, 120–63 г. до н.э. Медь, дихалк(?); 20 – Пантикапей, 4-я четверть III в. до н.э., правление Гигиэнонта. Золото, статер; 21 – Тира, вторая половина III в. до н.э. Золото, статер. 21 – Амфиполис, 330–320 гг. до н.э., правление Александра III. Золото, статер; 22 – Феодосия, 60-е – конец 50-х гг. до н.э. Серебро, драхма; 23 – Феодосия, 60-е – конец 50-х гг. до н.э. Серебро, диобол; 24 – Ольвия, 310–280 гг. до н.э. Медь, обол; 25 – Пантикапей, 309–301/1 гг. до н.э. Медь, тетрахалк; 26 – Истрия, 2-я половина III в. до н.э. Медь, тетрахалк(?)

– Голова Афины в коринфском шлеме вправо / идущий грифон вправо. Сверху – ХЕР, внизу – НΡΑΚΛΕΙΟΥ (табл. I, 7). Ок. последней четверти III в. до н.э.⁷

– Голова Афины в коринфском шлеме вправо / стоящая Ника влево, слева – ХЕР, справа начало имени – ΑΠΟΛΛ- (табл. I, 8). Ок. последней четверти III в. до н.э.⁸

Ольвия:

– Голова Деметры вправо; надчеканка «голова Афины в коринфском шлеме вправо» / дельфин влево. Сверху – ΟΛΒΙ (табл. I, 10). 260–250 гг. до н.э.⁹

– Голова Деметры влево, рядом с ней голова Афины влево / горит и топор. Сверху – ΟΛΒΙΟ, внизу – ΔΙΟΣ (табл. I, 11). 240–230 гг. до н.э.¹⁰

Тира:

– Голова Афины в коринфском шлеме вправо / бодающий бык влево. Сверху – ΤΥΡΑ (табл. I, 15). Начало второй четверти III в. до н.э.¹¹

– Голова Деметры в покрывале вправо; надчеканка «голова Афины в коринфском шлеме вправо» / надпись ΤΥ–ΡΑ в венке из колосьев (табл. I, 16). Вторая половина III в. до н.э.¹²

– Голова Афины в коринфском шлеме вправо / надпись ΤΥ–ΡΑ в лавровом венке (табл. I, 17). Вторая половина III в. до н.э.¹³

– Голова Афины в коринфском шлеме вправо / надпись Τ–Υ/Ρ–Α. Между буквами сова анфас сидит на лежащем колосе¹⁴ (табл. I, 18). Вторая половина III в. до н.э.¹⁵

Прежде всего, отдельно обозначим следующие немаловажные моменты. В Пантикапее использование образа Афины в III в. до н.э. представляет собой единственный эпизод. Основной массив пантикапейских монет с Афиной приходится на вторую половину II в. до н.э. (табл. I, 3–5). Аналогична пантикапейской ситуация и в Херсонесе, хотя и во II в. до н.э. этот полис выпустил лишь один тип с головой богини (табл. I, 9).

На ольвийских монетах изображение Афины встречается только в виде надчеканок и как дополнительный дифферент (табл. I, 11). Лишь во II в. до н.э. голова Афины появляется уже в качестве основного сюжета на аверсах (табл. I, 12–14).

Наконец, Тире принадлежит наибольшее количество монетных типов с Афиной, которые приходятся на III в. до н.э. Правда, уже во II в. до н.э. полис выпустил только один тип монет подобного вида (табл. I, 19).

А.С. Русяева, первой обратившая внимание на массовое появление в чеканке полисов Северного Причерноморья изображения богини¹⁶, так прокомментировала

⁷ Туровский, Горбатов 2013, 105, № 191.

⁸ Туровский, Горбатов 2013, 106, № 193.

⁹ Анохин 2011, 72, № 410.

¹⁰ Анохин 2011, 74, № 425.

¹¹ Туровский, Колесниченко 2014, 265, № 24.

¹² Туровский, Колесниченко 2014, 265, № 24. Следует упомянуть, что Е.Я. Туровский и Е.А. Колесниченко указывают время выпуска обычного типа монет этого вида, без надчеканки.

¹³ Туровский, Колесниченко 2014, 265, № 28.

¹⁴ По В.А. Анохину, это не колос, а копье [Анохин 2011, 14, № 40].

¹⁵ Туровский, Колесниченко 2014, 265, № 28.

¹⁶ А.С. Русяева оставила без внимания Херсонес. Это объясняется тем, что она ориентировалась на датировки В.А. Анохина, который определяет время выпуска херсонесских монет с головой

вала ситуацию: «Примечательно, что на монетах Левкона II и Феодосии впервые в Боспорском государстве была представлена голова Афины – богини-защитницы с сотерическими атрибутами <...> В период кризиса в Тире она приобретает особый статус, очевидно, впервые возводится в ранг верховной защитницы полиса. Разные серии ольвийских монет имеют надчеканку “голова Афины” <...> Новые образы божеств с их сотерическими функциями удостоверяют наступившие изменения в Северном Причерноморье, стремление эллинов защитить с их помощью свои города от варварских вторжений и вернуть утраченные плодородные земли, которые были главной базой их экономического самообеспечения и процветания»¹⁷.

Несомненно, III в. до н.э., судя по археологическим данным и немногочисленным письменным свидетельствам, оказался нелегким периодом для всего региона. Общая дестабилизация военно-политической обстановки в Северо-Западном Причерноморье была вызвана кельтской¹⁸ и, возможно, сарматской угрозой. В Крыму подобные процессы были следствием скифских набегов – те, в свою очередь, оказались на полуострове, будучи вынуждены отступить туда под давлением сарматских племен. На конец первой трети III в. до н.э. приходится разгром и разорение хоры Херсонеса и Восточного Крыма¹⁹. Кроме того, в течение III в. в регионе произошли также некоторые природные изменения: климат постепенно становился более сухим, что также не могло не сказаться на сельском хозяйстве. В целом, как было справедливо замечено, «многочисленные засухи и войны – вот две взаимосвязанных причины, из-за которых города теряли свои хоры, а кочевники начали перемещаться по степным просторам поближе к античным городам в поисках добычи и взимания дани с обедневших греков»²⁰.

Однако насколько справедливы выводы А.С. Русяевой? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Прежде всего, отметим, что ни одно из изображений Афины в чеканке северопричерноморских полисов III в. до н.э. нельзя безоговорочно охарактеризовать как образ именно богини-воительницы, предводительницы в битве, поскольку совершенно отсутствует соответствующая атрибутика.

Может быть, определенный намек на какие-то военные победы содержит херсонесская медь, на реверсах которой представлена фигура Ники (табл. I, 8). Впро-

Афины первой трети II в. до н.э. [Анохин 2011, 120, № 785, 787].

¹⁷ Русяева 2005, 239–240. Кроме того, А.С. Русяева полагает, что «до конца правления Спартокидов именно Афина на троне с копьем и щитом стала одним из главных изображений на “царских” монетах – (табл. I, 20 – А.Т.), – тем самым как бы удостоверяя свою божественную силу и победу над врагами в тяжелые времена» [Русяева 2005, 239]. Однако исследовательница совершенно игнорирует тот факт, что данный тип золотых монет представляет собой подражание статерам Лисимаха, широко распространившимся по всему Причерноморью в посталександровское время [Карышковский 1977, 15–27]. Как представляется, в данном случае копирование сюжета было рассчитано прежде всего на повышение доверия к монете, подтверждения ее полноценности, поэтому семантическое значение образов на этих пантикапейских статерах для современников, скорее всего, отходило на задний план. Характерно, что такого же вида статеры, с изображением трона и сокращенной надписью «ΤΥ» под ним, чеканились и на монетном дворе Тиры (табл. I, 21).

¹⁸ Об этом, в частности, свидетельствует знаменитый ольвийский декрет в честь Протогена [IOSPE. I2, 32].

¹⁹ Виноградов, Щеглов 1990, 361–362; Зубарь, Русяева 2004, 118; Виноградов, Горончаровский 2009, 100–102.

²⁰ Зубарь, Русяева 2004, 119.

чем, даже и такое осторожное толкование вызывает большие сомнения – почему данный рисунок, если (!) он подразумевает воинскую доблесть херсонеситов, вдруг оказывается помещен на самый младший номинал? На наш взгляд, найти логическое обоснование этому поступку не представляется возможным.

В то же время совершенно очевидно, что внешний вид херсонесских халков является подражанием золотым статерам Александра Македонского (табл. I, 21) – не исключено, что таким способом правители полиса хотели повысить престиж мелкой монеты (отметим, что с середины III в. до н.э. статеры «александровского» типа вновь начали выпускаться в таких причерноморских городах, как, например, Истрия²¹ и Синопа²²).

Оружие как «сoterический атрибут богини-защитницы», по определению А.С. Русяевой²³, присутствует только на медных ободах Ольвии и тетрахаках Феодосии (табл. I, 6 и I, 11). Однако и в этих случаях представления исследовательницы не имеют ничего общего с действительностью.

Обратимся сначала к феодосийской чеканке. Не вызывает никакого сомнения, что оружие на интересующих нас тетрахаках – лук в колчане и палица – является атрибутами Геракла. Более того, в серии, куда входит медь этого вида, присутствуют серебряные драхмы типа «голова Геракла / палица. ΘΕΥΔΟ» (табл. I, 22). По мнению В.А. Анохина, эта серия была выпущена только благодаря Левкону II, который предоставил покоренному городу право монетной чеканки «в связи с какими-то обстоятельствами военного характера». Такой вывод объясняется якобы неким сходством феодосийской и левконовской «царской меди»²⁴.

В чем же состоит заявленное сходство? На наш взгляд, оно выражается только в соблюдении общих принципов оформления монеты: голова божества на лицевой стороне, на оборотной – атрибуты, символизирующие другое божество. В чеканке Феодосии это лук и палица Геракла, у Левкона II – перуны Зевса (табл. I, 1, 6). Бытующее же мнение о том, что изображения Афины на феодосийских и левконовских монетах полностью тождественны²⁵, также не вполне справедливо.

В целом можно вполне уверенно говорить о самостоятельности Феодосии – как в оформлении своих монет, так и в их чеканке. Еще в середине XX в. Д.Б. Шелов писал, что феодосийская эмиссия III в. до н.э. является своеобразным политическим актом, свидетельствующим «о сепаратистских тенденциях этого города»²⁶. Благодаря монетным находкам последних лет можно с большей долей уверенности предполагать, что попытка Феодосии обрести свой первоначальный статус – независимого и самостоятельного полиса – увенчалась, пусть ненадолго, полным успехом²⁷.

Итак, если мы допускаем свободу феодосийских монетариев в выборе типологии (а это едва ли было бы возможно, если бы указанный выпуск действительно

²¹ SNG Stanc. 186.

²² Newell 1918, 124; Hoover 2012, 383. Отметим, что в III в. до н.э. Синопа была одним из основных торговых партнеров Северного Причерноморья [Фурманская 1963, 44; Брашинский 1984, 182; Абрамзон 2010, 479; Монахов, Кузнецова 2016, 209].

²³ Русяева 2005, 239.

²⁴ Анохин 1999, 87–88.

²⁵ Шелов 1956, 173.

²⁶ Шелов 1956, 173.

²⁷ Терещенко 2009, 168–169.

санкционировался Левконом II), у нас появляются основания считать изображение Афины на тетрахаках скорее данью традиции (культ богини издревле существовал в Феодосии²⁸), нежели чем-то большим. Отражение же новых реалий следует видеть в появлении ранее не известных в монетном деле Феодосии персонажей – Геракла и Деметры (табл. I, 22, 23).

Несколько иначе обстоит дело с ольвийской чеканкой. Не будем пока затрагивать вопрос контрмаркирования, а сразу перейдем к оболам с парным изображением Деметры и Афины (табл. I, 11). Вот как трактует семантику этого сюжета А.С. Русяева: «Особенно интересна культовая взаимосвязь Деметры и Афины, нашедшая яркое и редчайшее отражение на одной из серий монет с совместным изображением голов этих богинь <...> на лицевой стороне и оружия на оборотной. Очевидно, этим самым сoterические функции обеих богинь усиливались и служили одной цели – защите полиса»²⁹.

Прежде всего необходимо заметить, что рисунок оборотной стороны – горит и топор – едва ли имеет отношение как к Деметре, так и к Афине, т.к. оба предмета изначально представляли собой реверсный сюжет наиболее массового типа ольвийской меди «голова речного божества Борисфена / ОЛВЮ. Горит и парадный топор» (табл. I, 24), выпускавшегося с 310 по 260 гг. до н.э.³⁰

Далее, исходя из особенностей рисунка на оболах с головой Афины, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в Ольвии Афина всегда пользовалась особенным почетом – достаточно вспомнить знаменитые ольвийские «ассы» начала V в. до н.э. с головой богини на аверсе. Однако в нашем случае – и это выглядит странным – изображение Афины больше похоже на привнесенный дополнительный дифференциал, нежели на органичную часть общей картины.

Во-вторых, обратим внимание на весьма любопытное замечание У.А. Олдфатера относительно взаимосвязи Афины и Деметры. Афина, по его наблюдению, «полностью чужда» древним хтоническим сельскохозяйственным богиням. В качестве примера и иллюстрации У.А. Олдфатер приводит параллельное существование в Афинах праздника Скирофорий, древнего обряда священной пахоты *Βουζύχαι* и элевсинских церемоний. «Похожим образом, – пишет он, – как кажется, можно объяснить древний дуализм культа в Мегарах, где с давних пор Афина и Деметра властвуют по раздельности на двух Акрополях города»³¹. Как видим, имеется противопоставление двух богинь, и кооперация между ними вряд ли возможна; функции их не пересекаются.

Для подтверждения этого тезиса обратимся к истории контрмаркирования ольвийской монеты. Впервые это происходит в конце первой трети III в. до н.э. с оболлами типа «голова Борисфена вправо / Горит и парадный топор. ОЛВЮ» (датируются 270–260 гг. до н.э.³²), на них ставится надчеканка – «виноградная гроздь». На смену этому типу приходят серебряные драхмы «голова Деметры

²⁸ Подтверждением тому служит, например, изображение головы Афины на лицевой стороне феодосийского серебра начала IV в. до н.э. [см.: Терещенко 2016, таб. I, 6–8, 13, 14, 19].

²⁹ Русяева 2005, 239.

³⁰ Анохин 2011, 58–72.

³¹ Oldfather 1896, 1999.

³² Анохин 2011, 72, № 72–74.

вправо / дельфин влево. ОЛВІО» (табл. I, 10) и медные оболы «голова Деметры влево / ОЛВІО. Горит и парадный топор»³³, контрмаркированные уже изображением головы Афины.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно предположить, что на монетах с парным изображением Деметры и Афины голова Афины представляет собой своеобразную надчеканку, в целях экономии времени и средств вырезанную прямо в штемпеле. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в эмиссии Пантикапея конца IV в. до н.э., где массово выпускались тетрагалки типа «голова безбородого сатира влево / голова льва влево, осетр. ΠΑΝ» с надчеканками в виде звезды на лицевой и горита на оборотной сторонах, в том числе врезанными в рабочую поверхность штемпелей (датируются эти монеты 309–302/1 гг. до н.э.³⁴; табл. I, 25). По всей видимости, ольвийские монетарии не просто переняли технический опыт соседей, но и творчески развили его. Поэтому, не желая, очевидно, портить лик Деметры, они (монетарии) немного сместили ее изображение к левому краю, а справа вырезали голову Афины, подразумевая в ней надчеканку.

Таким образом, предложенное А.С. Русяевой толкование семантики исследуемого сюжета на ольвийских ободах как «усиление сотерических функций, направленных на защиту полиса», не выдерживает никакой критики и должно быть отвергнуто.

Еще один красноречивый факт: несмотря на то, что на землях Ольвии даже в последней трети III в. до н.э. так и не был изжит страх перед кельтскими набегами³⁵, образ Афины использовался лишь в надчеканке, т.е. для решения исключительно финансовых вопросов.

Вернемся ненадолго в Восточный Крым. Как уже говорилось выше, среди пантикапейских монет III в. до н.э. имеются только два типа с Афиной – тетрагалк «царской» серии и надчеканка на полисной монете (табл. I, 1, 2, 2a). Рассмотрим сначала монеты Левкона II. Они составляют серию, включающую три номинала меди: ободы «голова Геракла в львиной шкуре вправо / палица, лук. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ», тетрагалки «голова Афины вправо / молния. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ» и диалки «щит, копье / меч. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ»³⁶.

Практически все отечественные исследователи предполагают, что выпуск «царских» монет носил какой-то специальный характер; при этом преобладает мнение о военном предназначении этой серии³⁷, и здесь мы сталкиваемся с обстоятельством, непосредственно касающимся нашей темы. Согласно мнению Ю.А. Виноградова, начиная с середины III в. до н.э. ситуация на Боспоре определенно улучшается, постепенно стабилизируется экономика и политическое положение государства³⁸. Напомним, что «царская» серия датируется 240–230 гг. до н.э.³⁹ Следовательно, даже если семантически изображение головы Афины на левконовских тетрагалках можно интерпретировать как завуалированное обращение к богине – покровительнице воинов, дарующей победы, то по времени

³³ Анохин 2011, 73, № 416.

³⁴ Терещенко 2013, 333.

³⁵ Виноградов 2006, 128.

³⁶ Анохин 1986, таб. 4, 134–136.

³⁷ Подробнее см.: Терещенко 2009, 170.

³⁸ Виноградов, Горончаровский 2009, 112.

³⁹ Анохин 1986, 141, № 134–136.

этот выпуск никак не коррелирует с драматическими событиями конца первой – второй четверти III в. до н.э. Таким образом, очевидно, что выпуск левконовской серии обусловлен совершенно иными причинами, не связанными с прямой скифской угрозой первой половины III в. до н.э.

Что касается надчеканки «голова Афины» на пантикапейской полисной монете, то картина здесь представляется достаточно ясной – таким способом обозначался новый (или подтверждался старый) номинал меди типа «голова Посейдона / прора. ΠΑΝΤΙ». С другой стороны, нельзя не упомянуть, что для этих же целей использовалось изображение головы бородатого сатира⁴⁰. При этом достаточно часто данные надчеканки встречаются вместе, что свидетельствует о довольно скромной роли Афины в монетном деле Пантикапея III в. до н.э.

На общем фоне вышеперечисленных полисов довольно ярко выделяется эмиссия Тиры. К сожалению, немногое известно об истории этого города вообще и в интересующий нас период в частности. Однако в научной литературе, посвященной истории Тиры, именно IV–III вв. до н.э. называется эпохой расцвета полиса⁴¹. По мнению Е.Я. Туровского и Е.А. Колесниченко, начало экономического кризиса в Тире, обусловленного ухудшившейся внешнеполитической ситуацией, приходится на середину III в. до н.э. Однако негативные процессы в монетном деле Тиры выглядят «...менее явно, чем в монетном деле более крупных соседей по региону: Боспора, Ольвии, Херсонеса»⁴². Более того, археологические находки говорят о том, что «в III–II вв. до н.э. этот центр (т.е. Тира – *Α. Τ.*) сохранил определенный экономический потенциал, а значит, и свою хору»⁴³.

Между тем голова Афины впервые появляется на тирских монетах именно в первой половине III в. до н.э., когда положение города было еще вполне благополучно. Таким образом, опровергается и второй тезис А.С. Русяевой, что в период кризиса в Тире Афина возводится в ранг верховной защитницы и спасительницы полиса.

Подводя итоги, мы можем говорить о том, что драматические события на территории Северного Причерноморья в конце первой – во второй четверти III в. до н.э. едва ли повлияли на выбор образа божества, представленного в это время на аверсах монет указанных полисов.

С другой стороны, чрезвычайно важным представляется тот факт, что рисунок «голова Афины» использовался в качестве сюжета при контрмаркировании в трех из пяти⁴⁴ городских чеканках: Пантикапее, Ольвии и Тире. Более того, аналогичные надчеканки присутствуют и на монетах Истрии, датируемых второй половиной III в. до н.э.⁴⁵

Таким образом, если судить по надчеканкам, то можно предполагать, что в III в. до н.э. почетная, но нелегкая обязанность покровительницы финансов в се-

⁴⁰ Анохин 1986, таб. 5, 153.

⁴¹ Карышковский, Клейман 1985, 60; Самойлова 1988, 42; Зубарь, Сон 2007, 119.

⁴² Туровский, Горбатов 2013, 262.

⁴³ Зубарь, Сон 2007, 141.

⁴⁴ Впрочем, возможно, что мы поступаем не вполне корректно, включая в этот ряд Феодосию, поскольку неизвестно, как развивалось бы ее монетное дело в случае продолжения независимой эмиссионной деятельности.

⁴⁵ SNG Stanc. 188, 189 (табл. I, 26).

веропричерноморских полисах была возложена в том числе⁴⁶ и на Афины. Вероятно, в этом сыграл свою роль ее статус как богини мудрости.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2010: Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. – III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении. *ПИФК* 1, 477–520.
- Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев.
- Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. Киев.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Брашинский, И.Б. 1984: Торговля. В кн.: Б.А. Рыбаков (гл. ред.), *Античные города Северного Причерноморья*. М., 174–186.
- Виноградов, Ю.А. 2006: *Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. – IV в. н.э.)*. СПб.
- Виноградов, Ю.А., Горончаровский, В.А. 2009: *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)*. СПб.
- Виноградов, Ю.Г., Щеглов, А.Н. 1990: Образование территориального Херсонесского государства. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 310–371.
- Гаврилов, А.В., Шонов, И.В. 2007: Поздняя чеканка Феодосии и пантеон Феодосийского полиса (по нумизматическим материалам одной усадьбы). В кн.: В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. 2. Санкт-Петербург, 346–357.
- Зубарь, В.М., Русяева, А.С. 2004: *На берегах Боспора Киммерийского*. Киев.
- Зубарь, В.М., Сон, Н.А. 2007: *Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху*. Симферополь.
- Карышковский, П.О. 1977: К вопросу об обращении статеров лисимаховского типа в Причерноморье. В кн.: В.А. Леквинадзе (ред.), *Нумизматический сборник (памяти Д.Г. Капанадзе)*. Тбилиси, 15–26.
- Карышковский, П.О., Клейман, И.Б. 1985: *Древний город Тира*. Киев.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В. 2016: Внешняя торговля Боспора в IV–II вв. до н.э. по данным керамических клейм. *Вопросы эпиграфики* 9, 199–216.
- Русяева, А.С. 2005: Отражение всеобщего кризиса III в. до н.э. в религиозной жизни эллинов Северного Причерноморья. В кн.: В.Н. Зинько (ред.-сост.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф: материалы VI Боспорских чтений*. Керчь, 236–240.
- 1988: *Тира в VI–I вв. до н.э.* Киев.
- Терещенко, А.Е. 2009: Ситуация на западных границах Боспорского царства в конце IV – III вв. до н.э. по материалам монетных находок. *Боспорские исследования* 21, 164–181.
- Терещенко, А.Е. 2013: Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV – конца III вв. до н.э. *Древности Боспора* 17, 325–344.
- Терещенко, А.Е. 2016: Монетное дело Феодосии конца V – начала IV вв. до н.э. *ПИФК* 4, 213–248.
- Туrowsкий, Е.Я., Горбатов, В.М. 2013: *Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определитель*. Симферополь.
- Туrowsкий, Е.Я., Колесниченко, Е.А. 2014: Хронология монет независимой (автономной) Тире. *Stratum plus* 3, 255–268.

⁴⁶ Данное уточнение необходимо, ибо сюжеты, используемые при контрмаркировании, были чрезвычайно разнообразны. Например, в херсонесской чеканке – это молния и дельфин [Анохин 2011, № 706], на пантикапейских монетах – уже упоминавшаяся «голова сатира», etc.

- Фурманская, А.И. 1963: Античный город Тира. В кн.: А.И. Болтунова (отв. ред.), *Античный город*. М., 40–50.
- Чореф, М.М. 2015: К истолкованию эмиссионных обозначений «ΘΕΥ» и «ΘΕΥΔΟ» на монетах феодосийского чекана. В кн.: С.Ю. Сапрыкин (ред.), *Причерноморье. История, политика, культура* 14 (5). Севастополь, 105–110.
- Шелов, Д.Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.
- Hoover, O.D. 2012: *Handbook of Coins of Northern and Central Anatolia, Pontos, Paphlagonia, Bithynia, Phrygia, Galatia, Lykaonia, and Kappadokia (with Kolchis and the Kimmerian Bosphoros), Fifth to First Centuries BC* (The Handbook of Greek Coinage Series 7). Lancaster–London.
- Newell, E.T. 1918: The Alexandrine Coinage of Sinope. *American Journal of Numismatics* 52, 117–127.
- Oldfather, W.A. 1896: Athena. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd II, 2, 1941–2020.
- SNG Stanc. – Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI. *The William Stancomb Collection of the Black Sea Region*. Oxford, 2000

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2010: Ekonomicheskie svyazi Bospora v VI v. do n. e. III v. n.e.: grecheskie monety v denezhnom obrashchenii [Bosporan economic relations in the 5th century BC to the 3rd century AD: Greek coins circulation]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 477–521.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of the Bosporan Kingdom]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [A History of Cimmerian Bosphorus]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog* [Ancient Coinage of the Northern Black Sea Region. Catalogue]. Kiev.
- Brashinskiy, I.B. 1984: Torgovlya [Commercial Relations]. In: B.A. Rybakov (ed.), *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient cities of the Northern Black Sea Region]. Moscow, 174–186.
- Choref, M.M. 2015: K istolkovaniyu emissionnykh oboznacheniy «ΘΕΥ» i «ΘΕΥΔΟ» na monetakh feodosiyskogo chekana [On the problem of interpretation of the inscriptions «ΘΕΥ» and «ΘΕΥΔΟ» presented on Theodosian coins]. In: S.Yu. Saprykin (ed.), *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura* [History, politics, and culture of the North Pontic Area] 14 (5). Sevastopol', 105–110.
- Furmanskaya, A.I. 1963: Antichnyy gorod Tira [The ancient city of Tyras]. In: A.I. Boltunova (ed.), *Antichnyy gorod* [A city in Antiquity]. Moscow, 40–50.
- Gavrilov, A.V., Shonov, I.V. 2007: Pozdnyaya chekanka Feodosii i panteon Feodosiyskogo polisa (po numizmaticheskim materialam odnoy usad'by) [The late Theodosian coinage and pantheon of the polis of Theodosia (after the materials of an estate)]. In: V.Yu. Zuev . et al. (ed.), *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok* [The Bosporan Phenomenon: sacral significance of the region, sites, artefacts]. Pt. 2, 346–357.
- Hoover, O.D. 2012: *Handbook of Coins of Northern and Central Anatolia, Pontos, Paphlagonia, Bithynia, Phrygia, Galatia, Lykaonia, and Kappadokia (with Kolchis and the Kimmerian Bosphoros), Fifth to First Centuries BC* (The Handbook of Greek Coinage Series 7). Lancaster–London.
- Karyshkovskiy, P.O. 1977: K voprosu ob obrashchenii staterov lisimakhovskogo tipa v Prichernomor'e [The issue on circulation of the Lysimachos' type staters in the Northern Black Sea Area]. In: V.A. Lekvinadze (ed.), *Numizmaticheskiy sbornik (pamyati D.G. Kapanadze)* [Numismatic Collection: In memoriam of D.G. Kapanadze]. Tbilisi, 15–26.

- Karyshkovskiy, P.O., Kleyman, I.B. 1985: *Drevniy gorod Tira* [The ancient city of Tyras]. Kiev.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2016: Vneshnyaya trgovlya Bospora v IV–II vv. do n.e. po dannym keramicheskikh kleym [Foreign trade of Bosphorus in 4th–2nd centuries BC as presented in pottery stamps]. *Voprosy epigrafiki* [The Problems of Epigraphy] 9, 199–216.
- Newell, E.T. 1918: The Alexandrine Coinage of Sinope. *American Journal of Numismatics* 52, 117–127.
- Oldfather, W.A. 1896: Athena. In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd II, 2, 1941–2020.
- Rusyaeva, A.S. 2005: Otrazhenie vseobshchego krizisa III v. do n. e. v religioznoy zhizni ellinov Severnogo Prichernomor'ya [The reflection of total crisis in the Greek religious life in the North Pontic Area]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Periody destabilizatsii, katastrof* [The Cimmerian Bosphorus and the barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages. Destabilization and catastrophes period]. (VI Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 236–240.
- Samoylova, T.L. 1988: Tira v VI–I vv. do n. e. [Tyras in the 4th–1st centuries BC]. Kiev.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n. e.* [The Coinage of the Bosporan Kingdom from the 6th to 2nd centuries BC]. Moscow.
- SNG Stanc. – Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI. *The William Stancomb Collection of the Black Sea Region*. Oxford, 2000
- Tereshchenko, A.E. 2009: Situatsiya na zapadnykh granitsakh Bosporskogo tsarstva v kontse IV – III vv. do n.e. po materialam monetnykh nakhodok. [Numismatic findings and situation along the Western border of the Bosporan Kingdom in the late 6th – 3rd century BC]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies] 21, 164–181.
- Tereshchenko, A.E. 2013: Klassifikatsiya i periodizatsiya kladov bosporskoy medi posledney treti IV–kontsa III vv. do n. e. [Classification and periodization of the Bosporan hoards of bronze coins in the period of the final trimester of 4th – late 3rd century BC]. *Drevnosti Bospora* [The Bosporan Antiquities] 17, 325–344.
- Tereshchenko, A.E. 2016: Monetnoe delo Feodosii kontsa V – nachala IV vv. do n. e. [Theodosian coinage of the late 5th – early 4th century BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological, and Cultural Studies] 4, 213–248.
- Turovskiy, E.Ya., Gorbatov, V.M. 2013: *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa: katalog-opredelitel'* [Coins of the Chersonese in the period of Antiquity and Middle Ages: a guide for identification]. Simferopol'.
- Turovskiy, E.Ya., Kolesnichenko, E.A. 2014: Khronologiya monet nezavisimoy (avtonomnoy) Tiry [Coins of the independent Tyras: A chronological issue]. *Stratum plus* 3, 255–268.
- Vinogradov, Yu.A. 2006: *Shchastlivyy gorod v voyne. Voennaya istoriya Ol'vii Pontiyskoy (VI v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Blessed City fights: military history of Pontic Olbia (6th century BC – 4th century AD)]. Saint Petersburg.
- Vinogradov, Yu.A., Goroncharovskiy, V.A. 2009: *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n. e. – seredina III v. n. e.)* [Military history and warfare of the Cimmerian Bosphorus in 6th century BC – mid 3rd century AD]. Saint Petersburg.
- Vinogradov, Yu.G., Shcheglov, A.N. 1990: Obrazovanie territorial'nogo Khersonesskogo gosudarstva [The formation of the territorial Chersonese state]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Economics, politics, and culture of the Hellenism]. Moscow, 310–371.
- Zubar, V.M., Rusyaeva, A.S. 2004: *Na beregakh Bospora Kimmeriyskogo* [On the Bosporan tides]. Kiev.
- Zubar, V.M., Son, N.A. 2007: *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu* [The North-Western Pontic Area in Antiquity]. Simferopol.

A SKETCH OF THE 3rd CENTURY BC NORTHERN PONTIC COINAGE

Andrey E. Tereshchenko

State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia
andrtereshhen@yandex.ru

Abstract. The paper is a part of a larger overview dedicated to the iconographical analysis of the Ancient Greek pantheon as presented in the coinage of the Northern Black Sea region. Author's special attention is drawn to the evolution of the image of Athena in a complicated period of the 3rd century BC crisis. The goddess's head is to be seen on the coins of five cities: those are Panticapaeum, Theodosia, Olbia, Chersonese, and Tyras, that were the only cities to mint coins of their own. Mintage of each of these cities is studied taking into consideration the historical and political context, i. e. inner disturbance, the Chersonese plunder, Theodosia's pursuit for independence etc. A typological catalogue is proposed. Critically summarizing the hypotheses of the predecessors, the author considers the coin countermarks that had either fallen out of view of scholars or been underestimated before to be of great importance for better understanding of Athena's hypostasis in the coinage of the Northern Black Sea region. Despite the traditional treatment of Athena as the patroness of polis, the *Soteria*, the author argues that Athena, as the goddess of wisdom, represents a guarantee for financial prosperity.

Keywords: ancient numismatics, Greek coinage, Northern Black Sea, Athena

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 153–170
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 153–170
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-153–170

УРБАНИСТИКА И ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФАНАГОРИИ

В.Д. Кузнецов, С.Н. Остапенко

*Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория»;
Институт археологии РАН, Москва, Россия
phanagor@mail.ru; osn-23@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены жилые дома, обнаруженные в процессе археологических исследований на раскопе «Нижний город» в Фанагории. Они дают основание говорить о том, что большинство домов имело трехчастное деление их плана – входной «вестибюль» и две комнаты, находящиеся по его обеим сторонам. Наряду с этим были распространены и многокомнатные дома, состоящие из четырех и более комнат. Кварталы Фанагории имели единую планировку, близкую к ориентации по сторонам света. Эта планировка сохранялась на протяжении всего периода средневековья.

Ключевые слова: археология, Фанагория, средневековые слои, хазары, домостроительство

Статья посвящена некоторым проблемам урбанистики и домостроительства Фанагории средневекового времени. Ее основу составляют результаты исследований, которые осуществляются на раскопе «Нижний город». Работа представляет собой подготовительный этап к полной публикации результатов археологических исследований средневековых слоев, которая будет представлена позднее. Раскоп находится, как следует из его названия, на нижнем плато городища, в непосредственной близости (почти вплотную) к юго-восточному углу раскопа «Центральный», который исследовался М.М. Кобылиной на протяжении многих лет¹. Открытые здесь на площади 575 кв. м. средневековые слои до сих пор являлись основой для суждения о планировке города и облике его жилых домов.

В течение последнего времени исследованиями в Фанагории были открыты на довольно большой площади (не менее 3000 кв. м. на раскопах «Верхний город» и «Нижний город» (рис. 1) средневековые слои, которые позволяют более предметно рассмотреть вопросы, связанные с урбанистикой города.

Данные об авторах: Кузнецов Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом классической археологии Института археологии РАН, директор Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория»; Остапенко Сергей Николаевич – сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН; заместитель директора Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория».

¹ Раскоп был засыпан в 1978 г. в результате волонтеристского решения директора совхоза «Залив» (пос. Приморский), которому было неизвестно слово «культура».

Рис. 1. Общий вид раскопа “Нижний город”

Рис. 2. Раскоп “Нижний город” с воздуха (фото с коптера)

Среди довольно значительного количества жилых домов, открытых за последние годы на раскопе «Нижний город», некоторые имеют относительно неплохую сохранность (рис. 2), что позволяет говорить об их планировке². Приведем описание нескольких из них (номера домов соответствует нумерации в полевых дневниках). Следует сказать, что в представленный план-схему раскопа «Нижний город» (рис. 3) вошли не все открытые здания. Это сделано для того, чтобы не перегружать его излишней информацией, которая помешает восприятию описываемых домов. В финальной публикации результатов исследований на раскопе «Нижний город», естественно, будет дана вся информация.

Дом 7 (рис. 3–5)

Он имеет прямоугольную форму и вытянут с севера на юг. От него сохранились остатки северной, восточной и западной внешних стен, а также стена-перегородка, делящая дом на две части. Южная стен не сохранилась. Внешние габариты здания имеют следующие параметры – 10,2×5,1 м (52 кв. м.). Стены сложены в два панциря с забутовкой в технике *opus spicatum*. Они сохранились на высоту в один ряд камней. Другими словами, речь идет о фундаментах под стены. Об этом говорит и их ширина – 0,8–0,85 м, тогда как ширина собственно стен обычно не превышает 0,6 м.

Дом разделен стеной-перегородкой на две комнаты. От нее сохранился каменный фундамент в один ряд камней шириной 0,5 м. Стена была сооружена из сырцовых кирпичей, от которых ничего не сохранилось. Северное помещение (№ 1) имеет размеры 3,5×4,3 м (площадь 15,05 кв. м.), южной (№ 2) – 5,4×4,3 м (площадь 23,2 кв. м.). Таким образом, общая жилая площадь дома равна не менее 38,25 кв. м.

У дома 7 был двор, который находился к востоку от него. Здесь в 1,3 м от восточной стены здания обнаружены два подпятных камня (расстояние между ними 1,65 м). Они свидетельствуют о том, что вдоль стены была сооружена крытая галерея, через которую можно было попасть в дом.

Дата: IX в. н.э.

Дом 10 (рис. 3–4, 6)

Этот жилой дом имеет для Фанагории очень неплохую сохранность. От него остались полностью три стены (восточная, южная и западная) и несколько камней северной. В плане дом имеет прямоугольную форму с небольшим отклонением от оси север–юг. По внешнему контуру он имеет размеры 16,6×5,5 м, общая площадь равна 91,3 кв. м. Стены сложены в технике *opus spicatum* («ёлочка»), в два панциря с забутовкой между ними мелкими камнями и иногда черепками. Стены сохранились в высоту от двух до пяти рядов камней, ширина стен – около 0,8 м. В углах дома были положены крупные грубо обработанные блоки ракушечника.

Вход в дом был устроен из внутреннего двора, который находился к западу от него. Вход вел в своеобразный вестибюль (пом. 2), из которого можно было попасть в две комнаты, находящиеся друг против друга. Можно полагать, что одна из них была жилой, а другая служила хозяйственным помещением и кухней.

² Информацию об уже опубликованных домах см.: Кузнецов, Голофаст 2010, 393–428; Кузнецов 2016, 308–319.

Рис. 3. План-схема раскопа “Нижний город” с указанием местоположения некоторых жилых домов

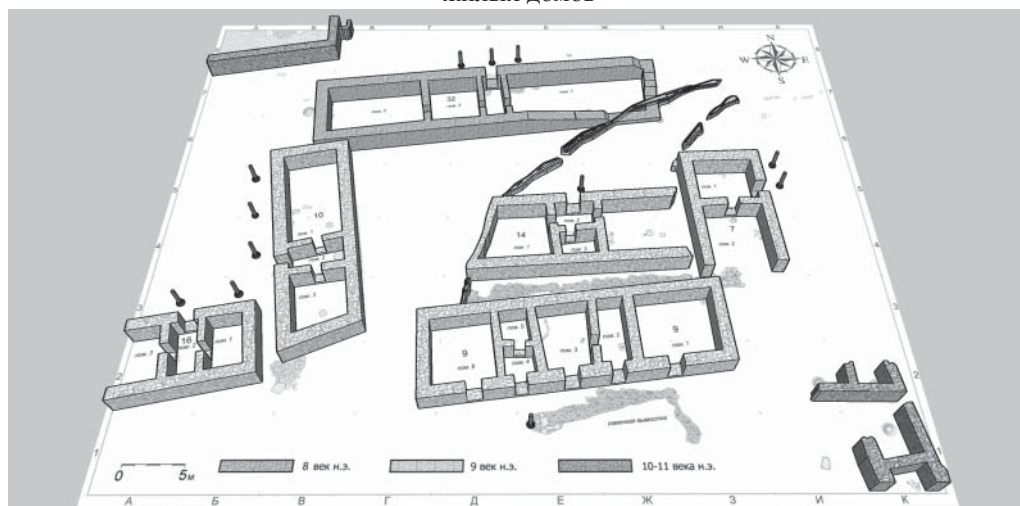

Рис. 4. Раскоп “Нижний город”. Аксонометрия

Рис. 5. Дом 7 (вид с С)

Рис. 6. Дом 10 (вид с С)

Таким образом, вся площадь дома разбита двумя стенами-перегородками на три помещения (№ 1–3). Фундаменты под них состоят из одного ряда камней, уложенных «ёлочкой» в два панциря с забутовкой, шириной 0,5 м. На этих фундаментах сооружены стены из сырцовых кирпичей. Помещение 1 (северное) имеет размеры 8,1×3,9 м (площадь 31,6 кв. м.). В помещении обнаружены три амфоры, нижняя круглая часть зернотерки и еще одна такая же, но разбитая половинка зернотерки.

Помещение 2 (среднее): образовано двумя стенами-перегородками. Его размеры 3,8×1,8 м, площадь 6,8 кв. м. У внутреннего фаса западной стены дома лежит плоский обработанный камень (размеры 0,6×0,35×0,14 м.). Он служил ступенькой перед дверью, ведущей из дома. С внешней же стороны западной стены дома и напротив описанного плоского камня обнаружен такой же обработанный блок ракушечника (размерами 0,6×0,5×0,12 м). Он лежит на 0,5–0,6 м выше уровня ступени внутри дома и служил ступенькой, положенной перед входом в здание.

Помещение 3 (южное): его размеры 3,75×3,8 м, площадь 14,25 кв. м. В нем обнаружены три амфоры и нижняя часть зернотерки.

В результате каких-то неблагоприятных обстоятельств дом 10 был на некоторое время оставлен его жителями. Затем жизнь в нем возобновилась. Во втором строительном периоде произошли некоторые перестройки: на северной перегородке была сооружена каменная стенка, в пом. 2 появились каменная ступа и два пифоса. Новая перегородка была сделана довольно грубо, в один камень, высотой в четыре ряда камней. Они лежат не на камнях предыдущей перегородки, но на слое земли толщиной 10–15 см. Высота стенки 0,57 м. С южной стороны к ней примыкает ступа, сделанная из обработанного уплощенного блока ракушечника вторичного использования. Размеры ступы 0,6×0,5×0,3 м. Сверху в нем сделано углубление конической формы глубиной до 27 см. Диаметр по верху 19–20 см. Между ступой и западной стеной дома втиснут пифос, у которого отсутствует венчик. Высота сосуда 0,75–0,8 м, максимальная ширина 0,65 м. Напротив него у восточной стены дома находится второй пифос. От него сохранилась потрескавшаяся нижняя половина, в которую провалилась верхняя часть. Сохранившийся *in situ* фрагмент имеет высоту 0,7 м, ширина около 0,9 м. Между вторым пифосом и новой стенкой-перегородкой оставлен проход шириной 0,65 м. Он делил дом во втором периоде на два помещения. Амфоры и зернотерки, которые упоминались выше, относятся к второму периоду жизни дома.

Дата: IX в. н.э.

Дом 14 (рис. 3–4, 7–10)

Определенный интерес вызывает один из фанагорийских домов (№ 14), внешний вид которого свидетельствует о неблагоприятных событиях, произошедших в городе в IX в. Он представляет собой многокомнатный жилой дом, ориентированный по странам света. От него сохранилось три комнаты, но совершенно очевидно, что изначально их было не менее четырех. Дело в том, что восточная стена дома (14/4) является не внешней стеной, но перегородкой. Об этом говорит ее ширина (0,5 м при ширине внешних стен 0,75–0,8 м), а также тот факт, что она была сложена в один ряд камней, на которых покоилась сырцовая стена. Такого рода внутренние стены-перегородки были очень распространены в Фанагории.

Рис. 7. Дом 14 (вид с СВ)

Рис. 8. Дом 14 (вид с ЮЗ)

Рис. 9. Дом 14. Западная стена дома второго строительного периода, переходящая в ограду двора

Рис. 10. Дом 14. Ограда двора (вид с ЮЗ)

Следовательно, за стеной 14/4 находилась четвертая комната дома, размеры (площадь) которой с восточной стороны ограничивалась домом 7.

Техника строительства дома 14 традиционна для домов Фанагории этого времени: стены сложены «ёлочкой» в два панциря с забутовкой посередине, шириной 0,75–0,8 м. К сожалению, сохранность их плохая – как правило, остался всего один ряд камней в каждой из стен. Перегородки в доме сооружены из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте, также сложенном «ёлочкой».

Специальное внимание нужно уделить западной стене дома (14/3). Прежде всего, она не выглядит как обычная внешняя стена дома, поскольку представляет собой, по сути дела, наспех сооруженную загородку вместо разрушенной стены. Цель состояла в том, чтобы срочно закрыть крайнее западное помещение после каких-то неблагоприятных событий, в результате которых пострадал описываемый дом. Новая стенка стыкуется с северной и южной стенами не под прямым углом, как это положено, но под тупым и острым углами соответственно. Ее направление не с севера на юг, но с северо-востока на юго-запад. Она сложена довольно беспорядочно и неаккуратно, хотя с внешней стороны строитель старался соблюсти некое подобие кладки в виде «ёлочки». Длина новой стенки 4,8 м, ширина 0,25–0,4 м (в зависимости от количества камней в каждом ряду).

Весьма интересен и такой факт: после стыковки с северной стеной дома (14/1) новая западная стена продолжается в виде дуги сначала в северо-восточном направлении, а затем – в восточном. Очевидно, что стена перешла в забор, ограждающий двор с западной стороны. Этот двор был ограничен с юга северной стеной дома 14, с северо-западной стороны – оградой, с восточной стороны – стеной дома 7. Кроме того, от СЗ угла дома 7 был сделана еще одна ограда, уже восточная. В результате этого двор сужался в северо-восточном направлении. В своей дальней от дома части, по всей видимости, он имел вход. Такие закругляющиеся ограды уже встречались в Фанагории на «Центральном раскопе».³

Разрушенная и наспех восстановленная западная стена дома, и необычная в плане ограда, которая нарушила квартальную структуру в этом месте, ставят вопрос о каком-то катастрофическом событии в жизни Фанагории, которое произошло в IX в. Переживший его хозяин дома 14, наспех восстановил частично разрушенное жилище и по-новому огородил свой двор, не обращая внимания на установившуюся городскую планировку.

Габариты дома по внешнему контуру – 9,7 x 6,0 м (более 58,2 кв. м.⁴; жилая площадь – более 30 кв. м.). Своим планом этот дом очень близок дому 9.⁵ В частности, здесь также имеется две очень маленькие комнаты, соединенные друг с другом, которые могли быть спальнями. В несохранившейся восточной части мог быть «вестибюль», служивший входом в дом и хозяйственное помещение с кухней. Из него можно было войти в несохранившееся восточное помещение. В западную комнату (пом. 1) и две небольших комнаты-спальни (пом. 2 и 3) можно было попасть со двора. Размеры всех этих комнат: пом. 1 – около 19 кв. м.; пом. 2 – 5,4 кв. м.; пом. 3 – 5,2 кв. м. Несохранившееся восточное помещение, по всей

³ Плетнева 2000, 147, рис. 103.

⁴ С учетом перестройки западной стены и уменьшением площади западной комнаты общая площадь дома на момент фиксации объекта стала равна примерно 55 кв. м.

⁵ Кузнецов 2016.

видимости, имело площадь около 20 кв. м. или чуть меньше (если не было прохода между домами 14 и 7, то не более 24 кв. м.).

Что же касается причин разрушения западной стены дома 14, то они остаются неизвестными: восстановление ее произошло в какой-то момент в IX в.

Дата: IX в. н.э.

Дом 16 (рис. 3–4, 11–12)

Еще один жилой дом раскопан не полностью, поскольку вне раскопа оказалась небольшая его часть с западной стороны. Дом имеет прямоугольную форму и вытянут с востока на запад с отклонением около 10^0 восточного конца к северу. Здание состоит, как минимум, из трех комнат (с востока на запад – пом. 1, 2 и 3). Внешние габариты дома внутри раскопа – $9,05 \times 5,3$ м., общая площадь по внешнему контуру превышает 48 кв. м. Стены сложены в технике *opus spicatum*, в два панциря с забутовкой из мелких камней. Они сохранились на высоту 2–5 рядов камней, ширина кладки 0,6–0,65 м. В углах дома положены довольно крупные камни. Кладка выполнена очень качественно, что свидетельствует об определенном уровне благосостояния владельца.

В северной стене здания (в 3,6 м от СВ угла) устроен вход в дом. Его ширина 0,8 м. Техника сооружения такова: в качестве основы под порог на уровне подошвы фундамента стены положены камни средних размеров. Собственно порог не сохранился. В качестве западного косяка прохода использован уплощенный обработанный блок ракушечника (размерами $0,65 \times 0,36 \times 0,12$ м), поставленный на ребро. Сверху на него поставлен также обработанный блок ракушечника в виде буквы «Г». Восточный косяк сложен из нескольких обработанных камней, один из которых крупный ($0,45 \times 0,4 \times 0,3$ м).

Внутренняя часть дома разделена двумя стенками-перегородками (ширина 0,45–0,5 м.) на три помещения. В высоту они имеют по одному ряду камней, сложенных «ёлочкой» в два панциря. Их ровная поверхность свидетельствует о том, что они служили фундаментами под стены из сырцовых кирпичей. Полы в помещениях не зафиксированы, но их уровень определяется небольшими плоскими камнями, положенными с обеих сторон перед дверями-проходами между комнатами. Они лежат на 8–10 см выше камней фундаментов стен-перегородок.

Комнаты в доме имеют следующие размеры: пом. 1 (восточное) – 12,6 кв. м. ($3,7 \times 3,4$ м), пом. 2 (центральное, «вестибюль») – 6,5 кв. м. ($3,8 \times 1,7$ м), пом. 3 (западное) – 9,65 кв. м. ($3,85 \times 2,5$ м.). Таким образом, общая площадь комнат попавшей в раскоп части дома равна 28,7 кв. м.

Дом 16 отличается определенной монументальностью, что видно по кладке из тщательно подобранных камней (в сравнении с некоторыми другими домами, в частности, на раскопе «Верхний город»). Отсюда можно сделать вывод, что он принадлежал довольно состоятельному человеку. Следует обратить внимание также и на то, что дом 16 имеет характерный для жилых домов план: вход в дом с внутреннего двора ведет в небольшое помещение типа вестибюля, из которого устроены проходы в две находящиеся напротив друг друга комнаты.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, касающееся домов 10 и 16: оно состоит в том, что выходы из обоих этих зданий находятся под углом в 45^0 друг к другу, т.е. ведут в один и тот же двор. (рис. 13) Это может означать только

Рис. 11. Дом 16 (вид с ЮЗ)

Рис. 12. Дом 16 (вид с СЗ)

Рис. 13. Дома 16 и 10 (вид с ЮЗ)

Рис. 14. Дом 32 (вид с ЮЗ)

Рис. 15. Дом 32 (вид с ЮВ)

одно: эти дома принадлежали людям, находящимся в родственных отношениях (например, отец и сын). Между этими домами находится узкий проулок шириной 1,35–1,4 м, который давал возможность жителям обоих хозяйств выхода на улицу. К этому нужно добавить, что дома 10 и 16 имеют идентичную ориентацию, в то же время несколько отличаясь в этом отношении от соседних домов.

Дата: IX в. н.э.

Дом 32 (рис. 3–4, 14–17)

Публикуемое здание представляет собой остатки жилого дома довольно больших размеров. Его размеры по внешнему контуру – 27,5 x 5,9 м (площадь 162 кв. м.). Дом имеет прямоугольную форму и состоит из четырех помещений, к которым с северной стороны примыкает внутренний двор. О наличии последнего свидетельствуют подпятные камни под деревянные столбы, которые держали крышу портика. Они отстоят от северной стены на расстоянии 1,9 м. С этой стороны фиксируется и вход в дом. С южной стороны вдоль дома проходила улица, на которую выходила его глухая стена. Своими длинными сторонами дом ориентирован с востока на запад с небольшим отклонением восточного конца к северу (примерно на 10^0).

Внешние стены дома сложены из камня в два панциря с забутовкой посередине между ними. Ширина стен 0,8–0,9 м, сохранилось до двух рядов камней. Камни панцирей средних размеров, в забутовках – мелкие. В основном использован ракушечник. В углах здания положены крупные уплощенные камни, из которых сохранилось два – под юго-восточным углом (1,15×0,9×0,4 м) и под юго-западным (1,2×1,0×0,4 м). Стены дома сложены в технике *opus spicatum* (или «ёлочкой»).

Помещение 1 имеет площадь 44 кв. м. В него можно было попасть из «вестибюля» (пом. 2). В нем обнаружены ступа и зернотерка. Последняя сохранилась полностью из двух камней, лежащих друг на друге. Как это следует из состава

Рис. 16. Дом 32 (вид с З)

Рис. 17. Дом 32. Вход в дом (вид с С)

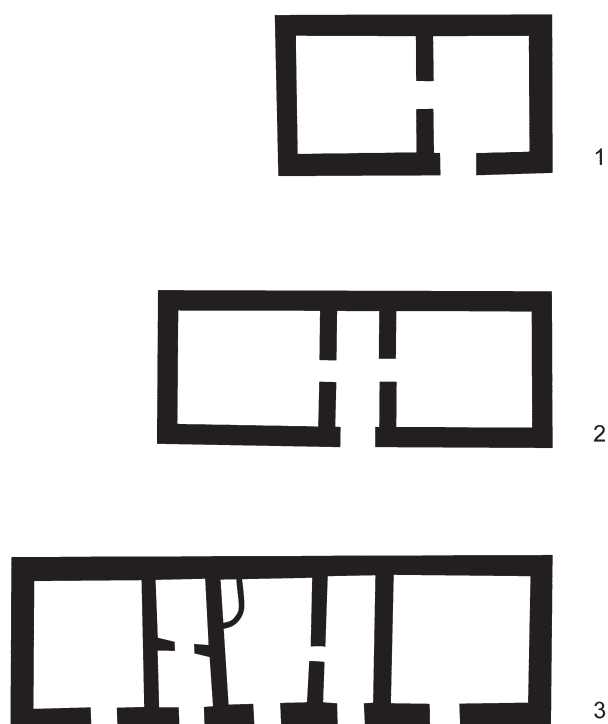

Рис. 18. Схема вариантов планировки жилых домов Фанагории

находок, помещение служило для хозяйственных целей и в качестве кухни-столовой. В пом. 2 можно было попасть сразу при входе в дом. Его площадь равна 6,3 кв. м. Из этого «вестибюля» можно было попасть только в пом. 1. Смежное пом. 3 было отгорожено от «вестибюля» глухой каменной стеной. Площадь этой комнаты равна 15,6 кв. м. Поскольку с северной, восточной и южной сторон пом. 3 фланкировано глухими стенами, то вход в него мог быть только из пом. 4. Отсюда следует вывод о том, что пом. 3, скорее всего, было спальней, в которую можно было попасть только из главной комнаты дома. Площадь пом. 4 – около 32 кв. м. Вход в него мог быть только с северной стороны, из внутреннего двора. Этот вход был отдельным, поскольку через «вестибюль» можно было попасть только в хозяйственную часть дома.

Дата: VIII в. н.э.

Краткое описание нескольких жилых домов, которое дано выше, предоставляет возможность сделать некоторые выводы об их планировке. К настоящему моменту можно выделить три варианта планировки домов. (рис. 18) Наиболее простым является дом, состоящий из двух помещений. К нему относится, в частности, дом 7. Однако нужно учитывать то обстоятельство, что этот дом имеет неполную сохранность. Поэтому не исключено, что он имел более диверсифи-

цированный план. Следующий вариант представляет собой наиболее типичный дом, характерный для Фанагории. Такой дом состоял из трех помещений – входного («вестибюля»), в которое вел вход со двора, и двух находящихся друг против друга комнат, одна из которых служила жилым помещением, а другая – хозяйственным, совмещенным с кухней-столовой. Третий тип жилого дома является развитым, усложненным вариантом предыдущего. В таком доме из «вестибюля» проход был сделан только в хозяйственную часть. В другую половину, которую можно назвать «приватной», можно было попасть только через отдельный вход со двора. В таких зданиях выделяются одна–две комнаты небольших размеров, которые изолированы от остальных помещений (дом 9), либо связаны с главной комнатой в доме (дом 32). Их с достаточной степенью уверенности можно считать спальными комнатами.

Попутно следует отметить реконструкцию средневековых домов Фанагории, которая дана в работах С.А. Плетневой. С ними трудно согласиться по следующим причинам. Во-первых, они показаны в виде одно- и двухкомнатных небольших построек, тогда как в действительности фанагорийские дома были больше по размерам и имели, как правило, не менее трех комнат. Во-вторых, вход в дома на реконструкции показан с торцевой стороны, что противоречит нашим данным: вход в дом был устроен со двора и всегда находился в боковой длинной стене.

Практически все открытые к настоящему моменту дома средневековой Фанагории имели дворы. Они могли иметь разные размеры. Вдоль длинной стены дома, фланкирующей двор, делался навес, опирающийся на деревянные столбы. Об их существовании говорят подпорные камни с углублением в центре, с канавкой для отвода из него воды. Таких подпорных камней в раскопе «Нижний город» найдено значительное количество. Из двора можно было войти в «вестибюль». Если дом имел сложный план, то существовали и другие двери, которые вели в ту или иную комнату.

Внешние стены домов сооружались из необработанных камней. Предположение о том, что верхние части стен могли быть возведены из сырцовых кирпичей пока не находит подтверждения.⁶ Более того, при вскрытии верхнего уровня культурного слоя средневекового времени были обнаружены мощные каменные завалы. Они представляют собой развалившиеся верхние части стен домов, после того как они были оставлены жителями. Этот факт является доказательством того, что внешние стены жилых домов были построены из камня. К этому можно добавить то, что невысокое качество сырцовых кирпичей позволяло сооружать из них только внутренние стены-перегородки. Они практически всегда сооружались из кирпичей на каменном фундаменте, сложенном в один ряд из небольших камней. Исключение делалось для комнат, которые хотели изолировать от других помещений. Этот факт является одним из критериев для того, чтобы считать их спальными помещениями или комнатами для детей.

По всей вероятности, общественные здания и некоторые богатые дома могли быть крыты черепицей, которая изредка встречается при раскопках. Ее редкость может объясняться, помимо прочего, и дороговизной этого строительного материала. Соответственно, после прекращения жизни дома черепица (даже в обломках)

⁶ Ср.: Кузнецов, Голофаст 2010, 409.

могла продаваться или использоваться вторично. Например, в античное время черепица считалась движимым имуществом. Поэтому при продаже дома она снималась хозяином с крыши и использовалась при покупке или строительстве нового дома.

Раннесредневековая Фанагория была построена по определенному плану. В этом можно видеть наследие античного времени.⁷ Однако утверждение, что дома рассматриваемого времени «выстроены на основе стен IV–V вв.» не имеет под собой никаких оснований.⁸ Ни дома раннесредневекового времени, ни планировочная сетка города этого времени никак не связаны с позднеантичными строениями и городским планом. Это особенно ясно видно на примере раскопа «Верхний город». Многочисленные перестройки в пределах одного столетия фиксируются и на раскопе «Нижний город»: в один момент на конкретном участке города может находиться жилой дом, а позднее в этом месте прокладывается улица. И наоборот.

Наконец, о размерах раннесредневековой Фанагории. Если о нижнем плато города мы можем более или менее уверенно говорить, что оно было застроено полностью (около 12 га или немного больше), то в отношении верхнего плато нужна определенная осторожность. Причина в том, что здесь исследования носили ограниченный характер. Но даже если считать, что и эта часть городища была полностью покрыта городскими кварталами, то вся площадь Фанагории не будет превышать 35–37 га. Поэтому вывод о том, что город занимал 50 га (имея размеры 800×700 м) представляется умозрительным, не связанным с реальной ситуацией.⁹

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецов, В.Д. 2016: Раннесредневековый дом в Фанагории. *ДБ* 20, 308–319.
- Кузнецов, В.Д., Голофаст, Л.А. 2010: Дома хазарского времени в Фанагории. *ПИФК* 1, 393–428.
- Плетнева, С.А. 2000: *Очерки хазарской археологии*. М.–Иерусалим.
- Плетнева, С.А. 2003: Фанагория. В сб.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.), *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века*. М., 179–183.
- Флеров, В.С. 2011: «Города» и «замки» Хазарского каганата. В кн.: *Археологическая реальность*. М.–Иерусалим.
- Чхаидзе, В.Н. 2018: Фанагория: дома и планировка провинциального византийского города. В сб.: В.В. Майко (ред.), *Археология античного и средневекового города*. Севастополь–Калининград, 296–307.

REFERENCES

- Chkhaidze, B.N. 2018: Fanagoriya: doma i planirovka provintsial'nogo vizantiyskogo goroda [Phanagoria: houses and city planning of a provincial Byzantine town]. In: V.V. Maiko (ed.), *Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda* [Archaeology of the Ancient and Middle Age City]. Sebastopol–Kaliningrad, 296–307.

⁷ Флеров 2011, 142.

⁸ Чхаидзе 2018, 297. Также произвольными нужно считать цифры, приведенные С.А. Плетневой (длина городища 1 км, ширина 170–200 м): Плетнева 2003, 179.

⁹ Чхаидзе 2018, 298.

- Flerov, V.S. 2011: "Goroda" i "zamki" Khazarskogo kaganata. *Arkheologicheskaya real'nost'* ["Cities" and "Castles" of the Khazar Empire. *Archaeological Reality*]. Moscow–Jerusalem.
- Kuznetsov, V.D. 2016: Rannesrednevekovyy dom v Fanagorii [A medieval house in Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 20, 308–319.
- Kuznetsov, V.D., Golofast, L.A. 2010: Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii [Houses of the Khazar Period in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 393–428.
- Pletneva, S.A. 2000: *Ocherki khazarskoy arkheologii* [Essays on Khazarian Archaeology]. Moscow–Jerusalem.
- Pletneva, S.A. 2003: Fanagoria [Phanagoria]. In: T.I. Makarova, S.A. Pletneva (eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomorye i Zakavkaz'e v epokhu srednevekovya. IV–XIII veka* [The Crimea, the South–Eastern Black Sea Coast and Transcaucasia in the Middle Age Period. 4th–13th centuries]. Moscow, 179–183.

URBANISTICS AND DOMESTIC BUILDING OF MEDIEVAL PHANAGORIA

Vladimir D. Kuznetsov, Sergey N. Ostapenko

*State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Phanagoria",
Institute of Archaeology, RAS, Moscow, Russia
phanagor@mail.ru; osn-23@mail.ru*

Abstract. The article deals with the Khazar houses discovered during the archaeological research at the "Lower Town" Site in Phanagoria. Most of the houses had a three-part division: the entrance hall and two rooms located on its both sides. Apart of three-room houses, multi-room houses consisting of four or more rooms were also common. The quarters of Phanagoria had a unified layout, close to orientation to the cardinal points. This layout was maintained throughout the entire period of the Middle Ages.

Keywords: archaeology, Phanagoria, medieval layers, Khazars, house building

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-171–185

СОЛИД ЛЬВА III ИСАВРА ИЗ ФАНАГОРИИ

М.Г. Абрамзон¹, С.Н. Остапенко²

¹ *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия*
abramzon-m@mail.ru

² *Институт археологии РАН, Москва, Россия*
sao_nasledie@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена новой редкой и важной находке византийского золота в Фанагории – солида Льва III Исавра (717–741 гг.) – во время продолжающихся раскопок хазарского квартала (раскоп «Нижний город») в 2018 г. В 2016 г. на раскопе «Нижний город» уже были найдены четыре монеты 8 в.: три византийских солида и аббасидский дирхам. Два солида Тиберия III Апсимара обнаружены при раскопках улицы, примыкающей с южной стороны к домам № 10 и 16. Третий солид – Константина V Копронима и Льва IV Хазара – происходит из дома № 20, примыкающего к северо-восточному углу дома № 10. Также, внутри дома № 16 в помещении 3 найден дирхам 168 г. х. – 784/785 г. халифа ал-Махди (775–785 гг.).¹ Эта совместная находка византийских солидов и аббасидского дирхама в Фанагории проливает новый свет на картину денежного обращения Хазарии в 8 в. и позволяет говорить о синхронном хождении на ее денежном рынке византийского золота и куфического серебра в последней четверти данного столетия.

Ключевые слова: Фанагория, Византия, денежное обращение, солиды, Лев III Исавр

1. ВИЗАНТИЙСКИЕ СОЛИДЫ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ФАНАГОРИИ

Как показывают нумизматические материалы из раскопок Фанагории, основу денежного обращения города в раннесредневековое время составляли монеты византийской чеканки². Часть находок представлена золотыми византийскими солидами; к настоящему моменту их перечень включает шесть экземпляров³, один

Данные об авторах: Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; Остапенко Сергей Николаевич – сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН.

¹ Абрамзон 2017, 53–55; Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 9, рис. 1. 1; 26, рис. 7. 19.

² Чхаидзе 2012, 208.

³ Золотой солид Зенона, найденный на раскопе «Центральный» в 1959 г. (Кропоткин 1962, 40, № 21; Abramzon 2011, 252–253, pl. 2, 1), мы в этот перечень не включаем согласно принятой в нумизматике традиции и рассматриваем как восточноримский чекан, а не византийский (ср. Чхаидзе 2012, 206, № 2). Между тем монеты восточноримских и византийских императоров обращались совмест-

Рис. 1. Византийские солиды из Фанагории: 1 – Юстиниан I, 538–565 гг.; 2–3 – Тиберий III Аппсимар, 698–705 гг.; 4 – Лев III и Константин V, 724–731 гг.; 5 – Константин V Копроним и Лев IV Хазар, 758–764 гг.

из которых принадлежит Юстиниану I, остальные – императорам, правившим в 8 в. (рис. 1):

1. Юстиниан I (527–565 гг.), солид 538–565 гг. (2006 г., раскоп «Верхний город», траншея 19 в.) (рис. 1, 1).⁴

2. Тиберий III Аппсимар (698–705 гг.), солид (2016 г., раскоп «Нижний город», кв. А1, шт. 14) (рис. 1, 2).⁵

3. Тиберий III Аппсимар (698–705 гг.), солид (2016 г., раскоп «Нижний город», кв. Б2, шт. 15) (рис. 1, 3).⁶

4. Лев III Исавр (717–741 гг.) и Константин V, солид 724–731 гг. (2018 г., раскоп «Нижний город», кв. Д8, шт. 18) (рис. 1, 4).

5. Константин V Копроним (741–775 гг.) и Лев IV Хазар, солид (приобретен Л.П. Харко в 1928 г.).⁷

6. Константин V Копроним (741–775 гг.) и Лев IV Хазар, солид 758–764 гг. (2016 г., раскоп «Нижний город», кв. В6/15) (рис. 1, 5).⁸

Денежное обращение Фанагории 8 в. представляет особый интерес для изучения экономики Хазарии: это столетие (как и следующее) – наиболее глухое время, когда экономические связи Византии с Восточной Европой и Закавказьем почти полностью прекратились⁹. Единичные византийские солиды 8 в. встречаются главным образом на территории Хазарского каганата, Северного Кавказа, Крыма и Подонья, а за пределами Хазарии – на черноморском побережье Кавка-

но, о чем свидетельствуют клады. См. Кропоткин 1962, 34, № 217 (Аркадий, Гонорий, Юстиниан I и др.), 220 (Валериан, Константин I, Констанций II, Гонорий, Лев I, Зенон, Анастасий, Юстиниан I); Фролова, Николаева 1978, 173–179.

⁴ Abramzon 2011, 264–265, pl. 2. 2; Абрамзон 2013, 33–36, цв. вкл. 7, 9.

⁵ Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 26, рис. 7, 3.

⁶ Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, рис. 7, 4.

⁷ Кропоткин 1962, 22, № 17; Коваленко 2015, 200, № 748.

⁸ Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 26, рис. 7, 5.

⁹ Соколова 1959, 60; Кропоткин 1962, 11.

за. Проникновение же солидов в этом столетии на Тамань, Северный Кавказ, в Крым и Подонье связано с укреплением политических и экономических отношений между Хазарией и Византийской империей. Золотые византийские монеты 8 в. зарегистрированы в восточной Таврике и более западных районах Крыма¹⁰. Активно они циркулируют на Тамани (см. рис. 5) и прилегающей к ней с юга территории; найдены они и в Фанагории – центре одной из важнейших провинций Хазарского каганата. 8 в. характеризуется почти полным прекращением зарытия кладов¹¹: известно всего 5 кладов на территории империи¹² и два клада золотых монет вне ее – из окрестностей станиц Крымская (1951–1952 гг.)¹³ и Анастасиевская (1989 г.)¹⁴. Все эти клады состоят из монет иконоборческого периода.

Настоящая статья посвящена новой редкой и важной находке византийского золота в Фанагории – солида Льва III Исавра (717–741 гг.) – во время продолжающихся раскопок хазарского квартала (раскоп «Нижний город») в 2018 г. (рис. 2). В полевом сезоне 2016 г. на раскопе «Нижний город» уже были найдены четыре монеты 8 в.: три византийских солида и аббасидский дирхам¹⁵. Два солида Тиберия III Апсимара обнаружены при раскопках улицы, примыкающей с южной стороны к домам № 10 и 16 (кв. А1/14 и Б2/15). Третий солид – Константина V Копронима и Льва IV Хазара – происходит из дома № 20 (кв. В6/15), примыкающего к северо-восточному углу дома № 10. Также, внутри дома № 16 в помещении 3 найден дирхам 168 г. х. – 784/785 г. халифа ал-Махди (775–785 гг.)¹⁶. Эта совместная находка византийских солидов и аббасидского дирхама в Фанагории проливает новый свет на картину денежного обращения Хазарии в 8 в. и позволяет говорить о синхронном хождении на ее денежном рынке византийского золота и куфического серебра в последней четверти данного столетия.¹⁷

При изучении археологии раннесредневековой Фанагории обращалось внимание на отсутствие в ее монетном комплексе монет второй половины 7 – первой половины 8 в. – времени активных отношений между Хазарией и Византией, в центре которых находились события, связанные с низложением и бегством в Фанагорию Юстиниана II¹⁸. Этот вывод строился на том, что до новейших раскопок (2015–2018 гг.) все учтенные прежде монеты не были связаны со средневековыми слоями и происходили большей частью из верхних перекопанных слоев.¹⁹ На-

¹⁰ Кропоткин 1962, 11.

¹¹ Соколова 1959, 58.

¹² Соколова 1959, 62.

¹³ Кропоткин 1962, 22, № 13.

¹⁴ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011.

¹⁵ Абрамзон, Остапенко 2016, 266–279; Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 10, рис. 2; 26, рис. 7, 3–5, 19.

¹⁶ Абрамзон 2017, 53–55; Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 9, рис. 1, 1; 26, рис. 7, 19.

¹⁷ Кроме того, в 8 в. Хазарии обращались немногочисленные золотые умаййадские и аббасидские динары и подражания им: со всей территории, повластей в это время Хазарскому каганату, известно всего 14 динаров Халифата и подражаний им из 9 местонахождений (Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 139).

¹⁸ Круглов 2005, 173–174.

¹⁹ Чхаидзе 2012, 206, прим. 31. Перечень византийских монет из Фанагории, составленный В.Н. Чхаидзе, включает десять экз., два из которых принадлежат Льву I Макелле и Зенону. Между тем чеканка последних традиционно рассматривается как позднеримская (см. RIC X), а византийская чеканка начинается с Анастасия (например, DOC I). С другой стороны, солид Зенона, снабженный граффито, конечно же находился в обращении вместе с византийскими солидами.

Рис. 2. А – солид Льва III и Константина V из Фанагории; Б – Раскоп «Нижний город» (2018 г.). Место находки солида Льва III.

ходки же фоллиса Константа II (641–668 гг.)²⁰ и солидов Тиберия III и Льва III непосредственно в гомогенном слое хазарского времени (раскоп «Нижний город») свидетельствуют, что это не так и никакой хронологической лакуны в материалах из Фанагории не существует.

²⁰ Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 26, рис. 7, 2.

2. НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Найденный солид Льва III и Константина V (рис. 4) отчеканен на монетном дворе Константинополя и относится к классу II, по классификации Ф. Грирсона²¹, и классу IIc, серии 5, по Ф. Фюэгу²².

ЛЕВ III (717–741)**Константинополь****Класс II. 720–732 гг.**

Л.с. [ϠNΛEO NPAΜCΛ] (Господин наш Лев вечный август многие лета) – легенда полностью срезана. Погрудное изображение Льва анфас. Император с короткой бородой, в короне с крестом, плаще (хламиде), с державой в правой руке и акакией в левой.

О.с. ϠNCOη[S ζΑηζΙηCΣM] (Господин наш Константин многие лета) – верхние части букв легенды срезаны. Погрудное изображение Константина, сына Льва, анфас. Он без бороды, в короне с крестом, плаще (хламиде), с державой в правой руке и акакией в левой.

Класс IIc. 725–732 гг.²³

Фюэг: серия 5. 724–731 гг.

№ описи Ф-18-48.

Диаметр 18 x 17 мм, вес 3,13, с.о. 6.

Л.с. Слева граффито – прямой крест.

О.с. Слева граффито – прямой крест.

Сохранность: слегка погнута.

Литература: *DOC* III/1, 244, no. 5.5, pl. I. 5.5; Füg 2007, 5.B.1.

Публикуемый солид Льва III заполняет лакуну в фанагорийских находках между монетами Тиберия III Апсимара и Константина V Копронима со Львом IV Хазаром. Монеты Льва III и Константина V относятся к первому периоду иконоборнического движения, которое началось в правление Льва III, запретившего поклонение иконам в 730 г., и закончилось в регентство Ирины при Константине VI, восстановившей в 787 г. право почитания христианских святынь. После победы иконопочитателей золотые монеты императоров-иконоборцев по-видимому изымались из обращения и переплавлялись. Отсюда находки солидов 8 в. на территории России и стран СНГ достаточно редки и ограничиваются единичными экземплярами. Крайне редко встречаются и клады с монетами 8 в. – не только в России, но и на всей территории бывшей Византии²⁴.

²¹ *DOC* III/1, 244, no. 5.5.

²² Füg 2007, 5.B.1.

²³ *DOC* III/1, 244.

²⁴ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 141.

Солид Льва III имеет граффити на обеих сторонах – прямой крест справа в поле (рис. 4). На солиде Константина V из раскопок 2016 г. тоже процарапано два граффити: на л.с. – тюркская руна, на о.с. – композиция из хазарских знаков, что свидетельствует об их нанесении во время хождения монеты в Хазарии²⁵. Был снабжен граффито и солид Зенона из раскопок 1959 г.²⁶ Исследователи Славянского клада полагали, что нанесение на солиды рунообразных знаков и тамг следует рассматривать как собственнические метки²⁷. Было также высказано мнение, что ряд граффити на солидах представляет христианские символы, что свидетельствует о нахождении монет в обращении среди грекоязычного населения Тамани и Крыма²⁸. Не исключено, что к ним можно отнести и кресты на публикуемом солиде Льва III из Фанагории, которые могли быть нанесены христианами-иконопочитателями на монету с образами императоров-иконоборцев. Прямые кресты встречаются на многих солидах из Славянского клада²⁹, в том числе – крест справа в поле на одном из входивших в него солидов Льва III. Однако сейчас признано, что большинство граффити Славянского клада было нанесено именно в Хазарии, что не исключает и крымское происхождение ряда знаков³⁰. По систематизации В.Е. Флеровой³¹, на которую опираются издатели Славянского клада, прямой и косой кресты относятся к граффити Хазарии.

Солиды Льва III и Константина V из Фанагории сильно обрезаны по краям. Большинство византийских солидов в разной степени также обрезаны, что является свидетельством обращения этих монет именно на территории империи, где существовала подобная мошенническая практика, вызванная значительными колебаниями веса (иногда до грамма) вследствие несовершенства техники монетной чеканки. Обрезывание краев монет было особенно выгодно чиновникам, купцам, менялам, сборщикам налогов; однако при этой операции как правило старались не заходить за ободок, ограничивающий монетное поле³². Фанагорийские экземпляры после обрезывания краев потеряли значительное количество драгоценного металла: солид Льва III – около грамма, солид Константин V и Льва IV – более 2 грамм, веся меньше половины первоначального веса.

3. ТОПОГРАФИЯ НАХОДОК ЗОЛОТЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ 8 В. (КРЫМ, ПРЕДКАВКАЗЬЕ, ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА)

Все найденные в Фанагории византийские солиды отчеканены на монетном дворе Константинополя, выпуски которого доминируют в находках византийского золота в на Кавказе и в Восточном Крыму на памятниках хазарского времени, что указывает на прямые связи этих областей с каганатом. Отмечено, что солиды, попадавшие к хазарам и другим народам за пределами Византийской империи в

²⁵ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 143–144.

²⁶ Абрамзон 2016; Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 12, рис. 3. 1.

²⁷ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 144.

²⁸ Семенов 1993, 95; Гурулева 2004, 438; 2009, 72–73; Чхаидзе 2012, 208–209.

²⁹ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 147–152, табл. 2, 2, 6, 23, 36, 47, 67, 71, 80, 105, 106, 109, 122, 131, 191, 201–203, 222, 223, 226, 235, 239.

³⁰ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 143.

³¹ Флерова 1997, 26–34.

³² Гурулева 2004, 439–400; 2009, 72; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 140–141.

качестве дипломатических даров, дани, выкупа за пленных и т.д., поступали прямо со столичного монетного двора³³.

Оба солида Тиберия III из Фанагории принадлежат к одному типу; один из них выпущен в пятой оффицине, другой – в шестой³⁴. Солиды этого императора крайне редки в Крыму, Предкавказье и на Северном Кавказе: нам известно всего пять находок его солидов вне территории Византии, ближайšie к Фанагории из которых происходят с черноморского побережья Кавказа (Пицунда и Сухум)³⁵ и Севастополя³⁶. Топография этих находок маркирует торговый и военный путь, по которому солиды Тиберия III распространялись от черноморского побережья Кавказа через Тамань в Крым. Солид Константина V из Фанагории относится к классу Пб (по Ф. Гриссону³⁷); монеты этого класса составляют абсолютное большинство в чеканке Константина и получили самое широкое распространение в Северном Причерноморье.

Так же, как и в Фанагории, в раннесредневековое время византийские монеты составляли основу денежного обращения и в Таматархе³⁸, и на всей остальной территории Таманского п-ва и дельты Кубани³⁹. В связи с фанагорийскими находками 2015–2018 гг. особый интерес представляет топография находок золотых византийских монет 8 в. в Темрюкском, Крымском, Анапском и Славянском районах Краснодарского края. Они зарегистрированы в Гаркуше (Патрее) – 7–8 вв.⁴⁰, станицах Курчанская⁴¹ и Варениковская⁴² (в обеих – монеты первой половины 8 в.). Особенно следует отметить упомянутый выше Славянский клад золотых монет 8 в., найденный рядом со ст. Анастасиевской в 1989 г. и включавший более 250 экз.⁴³, а также клад из около 30 солидов 8 в. из окрестностей ст. Крымской (1951–1952 гг.)⁴⁴. В состав обоих комплексов входили солиды Льва III и Константина V.

Солиды Льва III и Константина V преобладают среди всех золотых византийских монет, найденных на территории, контролируемой Хазарией в 8 в. Нам известно всего восемь единичных монет Льва III, пять из которых зарегистрированы на северо-западе Краснодарского края. Еще четыре экземпляра входили в состав Славянского клада. Золотые монеты Льва III встречаются в курганах Подонья⁴⁵ и Белгородчины⁴⁶ (здесь же зарегистрированы солиды Льва IV Хазара (775–780 гг.) с Константином VI⁴⁷). Солиды Константина V лидируют среди находок на территории Северного Причерноморья и прежде всего в Крыму и на Тамани. Вдоль черноморского побережья от Абхазии до Херсонеса зарегистрировано всего пол-

³³ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 140.

³⁴ 1) DOC 2/2, 626, no. 1d; 2) DOC 2/2, 626, no. 1e, XLI, 1c.

³⁵ Кропоткин 1962, 45, № 435 и 450.

³⁶ Петров 2014а, № 3.

³⁷ DOC 3/1, 301, no. 2f.1; 2.f.3; 2.g.2; 2.g.3.

³⁸ Чхаидзе 2008, 234–239.

³⁹ См. перечень находок, составленный В.Н. Чхаидзе (2012, 208).

⁴⁰ Кропоткин 1962, 21–22, 47, № 11, 27, 27.1; Чхаидзе 2012, 208.

⁴¹ Кропоткин 1962, 22, № 14.

⁴² Там же, 21, № 6.

⁴³ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011.

⁴⁴ Пахомов 1959 (VIII), 24, № 1951; Кропоткин 1962, 22, № 13.

⁴⁵ Кропоткин 1962, 27, № 84.

⁴⁶ Кропоткин 1962, 24, № 46 (вместе с солидом Феодосия III (716–717)).

⁴⁷ Кропоткин 1962, 24, № 45.

сотни единичных золотых византийских монет 8 в. из 24 местонахождений и два упомянутых клада, суммарно включавших более 270 солидов этого времени (см. табл. 1).

Таблица 1

НАХОДКИ ЗОЛОТЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ 8 В. В (КРЫМ, ТАМАНЬ, КУБАНЬ, ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА)

№ п/п	Место находки	Тиберий III (698–705)	Юстиниан II (705–711)	Вардан Филиппик (711–713)	Лев III (717–741)	Константин V (741–775)	Лев IV (775–780)	Константин VI и Ирина (780–797)	Всего
1	Севастополь ⁴⁸	1							1
2	Херсонес ⁴⁹					1			1
3	Алушта ⁵⁰					1			1
4	Дурмень ⁵¹					1			1
5	Планерское (Коктебель) ⁵²				1	4			5
6	Скалистое ⁵³			1		1			2
7	Судак ⁵⁴					12			12
8	Чуфут-Кале, Бахчисарай ⁵⁵					1			1
9	Гаркуша (Патрей) ⁵⁶					1			1
10	Фанагория ⁵⁷	2			1	2			5
11	Виноградный СВ 2 ⁵⁸					1			1
12	Таматарха ⁵⁹					2			2
13	Ст. Таманская ⁶⁰					1			1
14	Окрестности Тамани ⁶¹					3			3
15	Ст. Варениковская, Крымский р-н ⁶²				1				1

⁴⁸ 5-й км Балаклавского шоссе. См. Петров 2014а, № 3.

⁴⁹ Петров 2014а, № 40.

⁵⁰ Петров 2014а, № 42.

⁵¹ Кропоткин 1962, 33, № 205.

⁵² Кропоткин 1962, 33, № 212–214.

⁵³ Кропоткин 1962, 34, № 219а.

⁵⁴ Гурулева 2004, 430–431.

⁵⁵ Петров 2014а, № 25.

⁵⁶ Кропоткин 1962, 22, № 27, рис. 17, 17; Чхаидзе 2008, 236.

⁵⁷ 1) ГМИИ. Инв. № 4 (7т). Кропоткин 1962, 22, № 17; Коваленко 2015, 200, № 748; 2) Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 26, рис. 7, 5.

⁵⁸ Подражание. Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 12, рис. 3, 3; 28, № 6.

⁵⁹ 1) 1976 г.: Розов 1987, рис. 3; Чхаидзе 2008, 234–235, рис. 133, 1, 2) 2005 г.: Чхаидзе 2008, 234–235, рис. 133, 2.

⁶⁰ Кропоткин 1962, 22, № 27.

⁶¹ Пьянков, Юрченко 2015, 40–41, рис. 1, 1–3.

⁶² Пахомов 1940 (III), 32, № 795; Кропоткин 1962, 21, № 6.

16	Ст. Джигинская, Анапский р-н ⁶³				1				1
17	Ст. Крымская, Крымский р-н ⁶⁴		1		1				30+
18	Ст. Курчанская, Темрюкский р-н ⁶⁵				1				1
19	Ст. Анастасиевская ⁶⁶				4	230	7	1	242
20	Не извест. (Краснодарский край) ⁶⁷					3			3
21	Около г. Новороссийска ⁶⁸				1				1
22	Сочи ⁶⁹				1				1
23	Пицунда ⁷⁰	1	3						4
24	Сухуми ⁷¹	1							1
Итого:		5	4	1	12	264	7	1	322+

Топография находок византийского золота 8 в. (рис. 3) показывает, что солиды концентрируются прежде всего в городах и крепостях, расположенных вдоль черноморского побережья от Севастополя-Цхума до Херсонеса, откуда они проникают на византийскую и хазарскую периферию (Крым и Тамань). Обратим внимание на концентрацию находок на Тамани, отражающую ее роль перекрестка дорог, по которым шла транзитная торговля, и «моста», связывающего Кавказ и Крым. Через Предкавказье проходили пути⁷², ведущие на Тамань и в контролируемые каганатом степи Азово-Каспийского междуморья, Подонье и, наконец, степную Хазарию. Находка солидов Тиберия III, Льва III и Константина V в Фанагории, лежавшей на этом перекрестке торговых путей из Византии в Хазарию, тоже не является случайностью, как и то что они были найдены вместе с аббасидским дирхамом. Как известно, на рубеже 760–780-х гг. наблюдается активное распространение арабских монет, что связано с поражением Хазарского каганата в войнах с Арабским халифатом и утратой интереса к союзу с Византией⁷³. Существует мнение, что в это время завершается обращение византийских монет в Хазарском каганате. Однако материалы Крыма и Тамани свидетельствуют, что поступление византийских монет сюда продолжалось⁷⁴. Византийские и арабские

⁶³ Пахомов 1940 (III), 32, № 796; Кропоткин 1962, 21, № 8.

⁶⁴ В составе клада из ок. 30 солидов. См. Пахомов 1959 (VIII), 24, № 1951; Кропоткин 1962, 22, № 13.

⁶⁵ Пахомов 1940 (III), 31, № 791; 1949 (V), 31, № 1444; Кропоткин 1962, 22, № 14.

⁶⁶ В составе Славянского клада. См. Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, № 1–4 (Лев III), 5–234 (Константин V), № 235–241 (Лев IV), 242 (Константин VI и Ирина).

⁶⁷ Пьянков, Юрченко 2015, 41.

⁶⁸ Петров 2014б, № 33 (Лев III и Константин V).

⁶⁹ Пахомов 1949 (V), 31, № 1443; Кропоткин 1962, 22, № 23 (Лев III и Константин V).

⁷⁰ Кропоткин 1962, 45, № 435 (Тиберий III), 436 (Юстиниан II).

⁷¹ Кропоткин 1962, 45, № 450.

⁷² Современный маршрут вдоль черноморского побережья от Сухума, Пицунды, Сочи до ст. Раевской, откуда идет дорога на Крымск–Варениковскую–Джигинку–Старотитаровскую и далее на Сенной (Фанагорию) или Тамань (Таматарху) (а во всех этих пунктах найдены золотые солиды 8 в.) в целом совпадает с древними дорогами, ведущими к переправам в Крым. Другой путь лежал выше – мимо современных станиц Анастасиевская и Курчанская вдоль азовского побережья на Фонтал – к Ильичу, Гаркуше и т.д. И в этих пунктах зарегистрированы солиды 6–8 в.

⁷³ Чхаидзе 2012, 209 (с библиографией).

⁷⁴ Круглов 2004, 53.

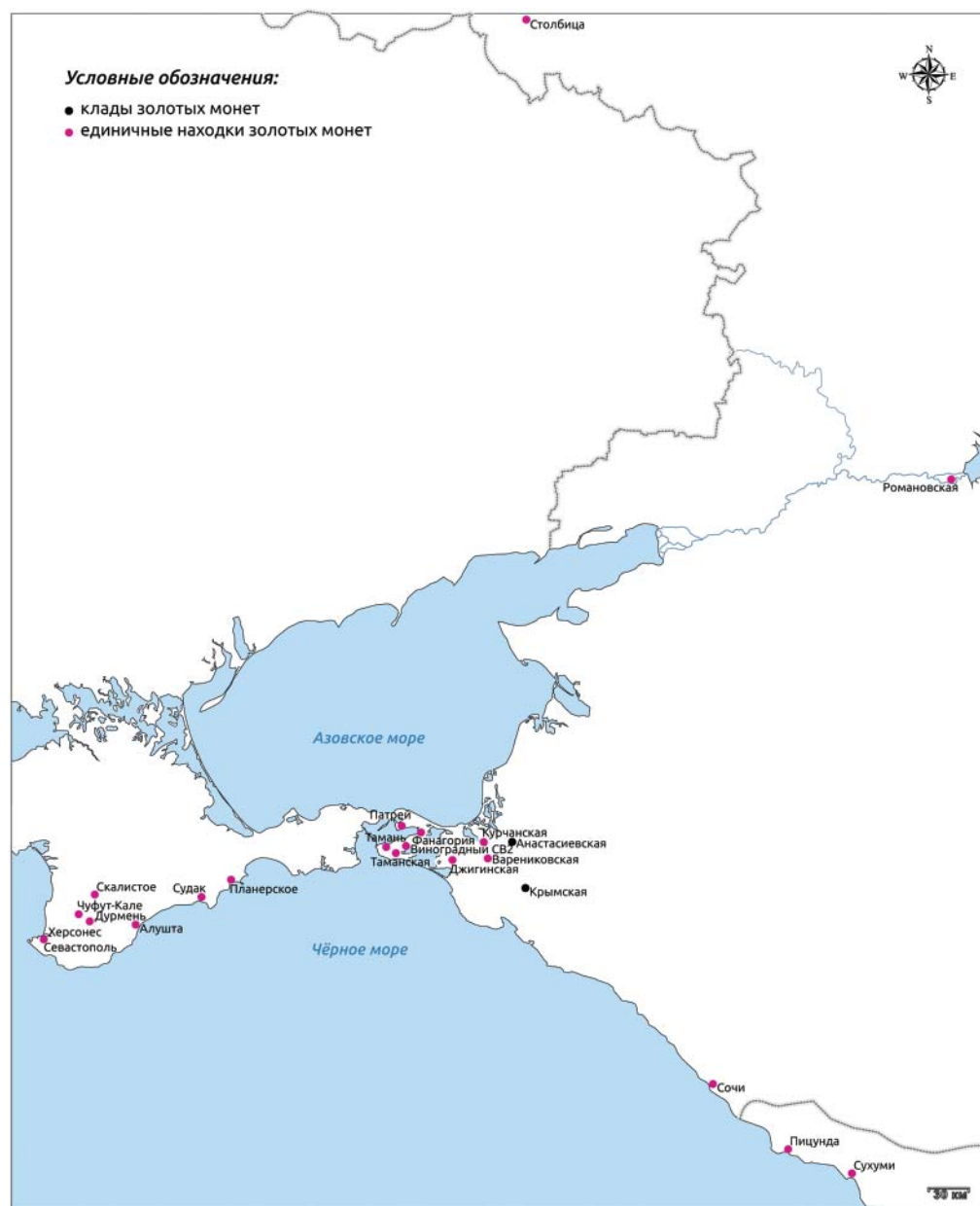

Рис. 3. Клады и единичные находки золотых византийских монет 8 в. (Крым, Подонье, Предкавказье, черноморское побережье Кавказа)

деньги 8 в. изредка пересекаются в кладах (клад из Бакла в Крыму⁷⁵, Славянский клад 1989 г, в котором солиды соседствовали с умайядскими и аббасидскими динарами и подражаниями⁷⁶). Известна находка солида Константина V совместно с аббасидским анонимным динаром времени ал-Мансура 755/756 г. в погребении в р-не Судака⁷⁷. Между тем совместные находки единичных солидов и дирхамов в остатках хазарских домов на городищах до сих пор не были зарегистрированы, и фанагорийские материалы впервые демонстрируют смешение солидов и дирхамов в повседневном денежном обращении в 8 в.

Итак, новые находки византийских золотых монет 8 в. в слоях Фанагории хазарского времени (раскоп «Нижний город») и некрополях поселений из ее окру- ги⁷⁸ расширяют представление о хазарской экономике. Солиды найдены в основном вдоль торгового пути, проходящего через Тамань и связывающего степную Хазарию с Крымом (а далее с Русью) и поселениями салтовского круга в Предкавказье и на Кавказе. Фанагория представляла один из важнейших транзитных пунктов этого пути, и находка в ее хазарском слое солидов и дирхамов 8 в. говорит о том, что в этом веке византийское золото и куфическое серебро обращались параллельно.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2013: Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок. *ПИФК* 2, 22–43.
- Абрамзон, М.Г. 2016: Золотые античные монеты с граффити на Боспоре. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум*. Керчь, 5–10. (Боспорские чтения XVI).
- Абрамзон, М.Г. 2017: Куфические дирхамы VIII–IX вв. из Фанагории. *Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Новгород, 18–22 апреля 2017 г. Тезисы докладов и сообщений*. СПб, 53–55.
- Абрамзон, М.Г., Остапенко, С.Н. 2016: Византийские солиды и аббасидский дирхам 8 в. из Фанагории. *ПИФК* 4, 266–279.
- Абрамзон, М.Г., Остапенко, С.Н., Сударев, Н.И. 2018: Раннесредневековые монеты на торговом пути через Фанагорию (находки 2015–2017 гг.). *Результаты археологических исследований* 3. М., 6–34. (Фанагория 6).
- Абрамзон, М.Г., Сударев, Н.И. 2017: Монеты из раскопок поселения Виноградный 7 (2016 г.), *ПИФК* 3, 371–391.
- Анфимов, И.Н. 1990: Клад золотых монет VIII века из г. Славянска-на-Кубани. *Кубанский краевед: ежегодник*. Краснодар, 218–229.
- Гурулева, В.В. 2004: Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке. *Сугдейский сборник*. Киев–Судак, 430–441.
- Гурулева, В.В. 2009: Византийские монеты из Славянского (Анастасиевского) клада в собрании Государственного Эрмитажа. *Материалы и исследования Отдела нумизматики*. СПб, 68–85. (ТГЭ XLVIII).

⁷⁵ Сидоренко 2002, 429–454.

⁷⁶ Анфимов 1990, 218–229; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 136–139.

⁷⁷ Кропоткин 1962, 34, № 213.

⁷⁸ Абрамзон, Остапенко 2016, 266–279; Абрамзон, Сударев 2017, 371–391; Абрамзон, Остапенко, Сударев 2017, 6–34.

- Гурулева, В.В., Кулешов, В.С., Юрченко, Т.В. 2011: Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада. *НЭ XVIII*, 136–186.
- Коваленко, С.А. 2015: *Византийские монеты в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина (Каталог коллекции)*. М.
- Кропоткин, В.В. 1962: *Клады византийских монет на территории СССР*. М. (САИ Е 4–4).
- Круглов, Е.В. 2004: Обращение византийских и арабских монет в Хазарском каганате в VIII в. и их датирующие возможности. *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений*. М., 52–54.
- Круглов, Е.В. 2005: Обращение византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях. *Византия: общество и церковь*. Армавир.
- Кузнецов, В.Д., Голофаст, Л.А. 2010: Дома хазарского времени в Фанагории. *ПИФК* 1, 393–429.
- Пахомов, Е.А. 1926–1966: *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. I–IX. Баку.
- Петров, И.В. 2014а: Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI–XIII вв. (Ч. 15. Крымский денежный рынок. VIII в. [Монеты]), *МЖЭО* 11/1, 48–53.
- Петров, И.В. 2014б: Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI–XIII вв. (Ч. 17. Тамань, Кубань, Черноморское Побережье Кавказа. VIII в. [Монеты]). *МЖЭО* 11/1, 56–66.
- Пьянков, А.В., Юрченко, Т.В. 2011: Византийские золотые монеты из новых поступлений Краснодарского музея-заповедника. *Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва–Коломна, 20–25 апреля 2015 г. Тезисы докладов и сообщений*. М., 40–42.
- Розов, В.Н. 1987: Византийские золотые монеты Таманского городища, in: *Культура и искусство Боспора*. М., 154–157. (СГМИИ 8).
- Семенов, А.И. 1993: О датирующих способностях византийских солидов VII–VIII вв. *Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов*. Краснодар.
- Сидоренко, В.А. 2002: Подражания аббасидским дирхамам и динарам в монетном обращении Таврики Хазарского времени. *МАИЭТ IX*, 429–454.
- Соколова, И. В. 1959: Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII–XI вв. *ВВ XV*, 50–63.
- Флерова, В.Е. 1997: *Граффити Хазарии*. М.
- Фролова, Н.А., Николаева, Э.Я. 1978: Ильичевский клад монет 1975 г. *ВВ* 39, 173–179.
- Чхаидзе, В.Н. 2008: *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. М.
- Чхаидзе, В.Н. 2012: *Фанагория в VI–X вв.* М.
- Abramzon, M. 2011: The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria. In: N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos* (Altertümer Phanagoreias 1). Göttingen, 251–274.
- Füeg, F. 2007: *Corpus of the Nomismata from Anastasius II to John I in Constantinople 713–976. Structure of the Issues, Corpus of Coins Finds, Contribution to the Iconographic and Monetary History*. Lancaster–London.

REFERENCES

- Abramzon, M. 2011: The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria. In: N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos* (Altertümer Phanagoreias. Bd. 1). Göttingen, 251–274.

- Abramzon, M.G. 2013: Zolotyie antichnye i vizantiyskie monety iz fanagoriyskikh nakhodok [Gold ancient and Byzantine coins found in Phanagoria]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 22–43.
- Abramzon, M.G. 2016: Zolotyie antichnye monety s graffiti na Bospore [Gold coins with graffiti in the Bospore]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium*. Kerch, 5–10. (Bosporskie chteniya [Bosporan Readings] XVI).
- Abramzon, M.G. 2017: Kuficheskie dirkhamy VIII–IX vv. iz Fanagorii [Kufic dirhams of 8th – 9th centuries from Phanagoria]. In: *Devyatnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Novgorod, 18–22 Aprelya 2017 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [Nineteenth all-Russian Numismatic Conference. Novgorod, 18–22 April 2017. Abstracts and papers]. Saint Petersburg, 53–55.
- Abramzon, M.G., Ostapenko, S.N. 2016: Vizantiyskie solidy i abbasidskiy dirkham 8 v. iz Fanagorii [Eight Century Byzantine solidi and Abbasid dirham from Phanagoria]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 266–279.
- Abramzon, M.G., Ostapenko, S.N., Sudarev, N.I. 2018: Rannesrednevekovye monety na torgovom puti cherez Fanagoriyu (nakhodki 2015–2017 gg.) [Early medieval coins on the trade route through Phanagoria (2015–2017 finds)]. *Rezultaty arkhеologicheskikh issledovaniy* [Results of archaeological research] 3. Moscow, 6–34. (Fanagoriya [Phanagoria] 6).
- Abramzon, M.G., Sudarev, N.I. 2017: Monety iz raskopok poseleniya Vinogradnyy 7 (2016 g.) [Coins from excavation at the Vinogradny 7 Settlement (2016)]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 371–391.
- Anfimov, I.N. 1990: Klad zolotykh monet VIII veka iz g. Slavyanska-na-Kubani [A Hoard of the eighth century gold coins from Slavyansk-on-Kuban]. In: *Kubanskiy kraeved: ezhegodnik* [Kuban local historian: Yearbook]. Krasnodar, 218–229.
- Chkhaidze, V.N. 2008: *Tamartarkha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove* [Tamartarcha, the early medieval town on the Taman Peninsula]. Moscow.
- Chkhaidze, V.N. 2012: *Fanagoriya v VI–X vv.* [Phanagoria in 6th – 10th centuries]. Moscow.
- Flerova, V.E. 1997: *Graffiti Khazarii* [Graffiti of the Khazar Khanate]. Moscow.
- Frolova, N.A., Nikolaeva, E.Ya. Il'ichevskiy klad monet 1975 g. [A coin hoard found at the Il'ichevskoe Settlement in 1975]. *Vizantiyskiy Vremennik* [The Byzantine Chronicle] 39, 173–179.
- Füeg, F. 2007: *Corpus of the Nomismata from Anastasius II to John I in Constantinople 713–976. Structure of the Issues, Corpus of Coins Finds, Contribution to the Iconographic and Monetary History*. Lancaster–London.
- Guruleva, V.V. 2004: Zolotyie monety Konstantina V (741–775), nayden nye v Sudake [Gold coins of Constantine V (741–775) found in Sudak]. *Sugdeyskiy Sbornik* [The Sougdaia Collection]. Kiev–Sudak, 430–441.
- Guruleva, V.V. 2009: Vizantiyskie monety iz Slavyanskogo (Anastasievskogo) klada v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Byzantine coins from the Slavyansk (Anastasievka) hoard in the State Hermitage]. In: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki* [Materials and studies of the Numismatic Department]. Saint Petersburg, 68–85. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] XLVIII).
- Gurulyeva, V.V., Kuleshov, V.S., Yurchenko, T.V. 2011: Monety iz Slavyanskogo (Anastasievskogo) klada [Coins from the Slavyansk (Anastasievka) hoard]. *Numizmatika i Epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] XVIII, 136–186.
- Kovalenko, S.A. 2015: *Vizantiyskie monety v sobhanii GMII im. A.S. Pushkina. Katalog kollektsii* [Byzantine coins in the Pushkin State Museum of Fine Arts. A Catalogue]. Moscow.

- Kropotkin, V.V. 1962: *Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR [Hoards of Byzantine coins on the territory of the USSR]*. Moscow. (Svod Arkheologicheskikh istochnikov [Set of Archaeological Sources] E 4–4).
- Kruglov, E.V. 2004: Obrashchenie vizantiyskikh i arabskikh monet v Khazarskom kaganate v VIII v. i ikh datiruyushchie vozmozhnosti [Byzantine and Arab coins circulation in the Khazar Khanate in the 8th century and their dating opportunities]. In: *Dvenadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva, 19–24 aprelya 2004 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy [Twelfth all-Russian Numismatic Conference. Moscow, 19–24 April 2003. Abstracts and papers]*. Moscow, 52–54.
- Kruglov, E.V. 2005: Obrashchenie vizantiyskikh monet VI–VIII vv. v vostochnoevropeyskikh stepyakh [Circulation of Byzantine coins of 6th – 8th centuries in East European steppes]. In: *Vizantiya: obshchestvo i tserkov' [The Byzantine Empire: Society and Church]*. Armavir.
- Kuznetsov, V.D., Golofast, L.A. 2010: Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii [Houses of Khazar time in Phanagoria]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* 1, 393–429.
- Pakhomov, E.A. 1926–1966: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus]*. I–IX. Baku.
- Petrov, I.V. 2014a: Topografiya kladov vostochnykh, vizantiyskikh, zapadnoevropeyskikh i drevnerusskikh monet the 6th – 13th centuries (Chast' 15. Krymskiy denezhnyy rynek. VIII v. [Monety]) [Topography of hoards of Eastern, Byzantine, Western European and Old Russian coins of the 6th – 13th centuries (Part 1 15. Crimean money market. The eighth century. [Coins])]. *Mezhdunarodnyy Zhurnal Eksperimental'nogo Obrazovaniya [International Journal of Experimental Education]* 11/1, 48–53.
- Petrov, I.V. 2014b: Topografiya kladov vostochnykh, vizantiyskikh, zapadnoevropeyskikh i drevnerusskikh monet VI–XIII vv. (Chast' 17. Taman', Kuban', Chernomorskoe Poberezh'e Kavkaza. VIII v. [Monety]) [Topography of hoards of Eastern, Byzantine, Western European and Old Russian coins of the 6th – 13th centuries (Part 17. Taman, Kuban, The Black Sea Coast of the Caucasus. The eighth century. [Coins])]. *Mezhdunarodnyy Zhurnal Eksperimental'nogo Obrazovaniya [International Journal of Experimental Education]* 11/1, 56–66.
- P'yankov, Yu.V., Yurchenko, T.V. 2011: Vizantiyskie zoloty monety iz novykh postupleniy Krasnodarskogo muzeya-zapovednika [Byzantine gold coins from new acquisitions of the Krasnodar Museum-Reserve]. In: *Vosemnadtsataya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva–Kolomna, 20–25 aprelya 2015 goda. Tezisy dokladov i soobshcheniy [Eighteenth all-Russian Numismatic Conference. Moscow–Kolomna, 20–25 April 2015. Abstracts and presentations]*. Moscow, 40–42.
- Rozov, V.N. 1987: Vizantiyskie zoloty monety Tamanskogo gorodishcha [Byzantine gold coins from the Taman Settlement]. In: *Kul'tura i iskusstvo Bospora [Culture and art of the Bosphorus]*. Moscow, 154–157. (Soobshcheniya Gosudarstvennogo Muzeya Izobrazitel'nykh Iskusstv im. A.S. Pushkina [Transactions of the Pushkin State Museum of Fine Arts] 8).
- Semenov, A.I. 1993: O datiruyushchih sposobnostyah vizantiyskikh solidov VII–VIII vv. [On the dating abilities of Byzantine solids from the 7th and 8th centuries]. In: *Vtoraya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov [The Second Kuban Archaeological Conference. Abstracts]*. Krasnodar.
- Sidorenko, V.A. 2002: Podrazhaniya abbasidskim dirkhamam i dinaram v monetnom obrashchenii Tavriki khazarskogo vremeni [Imitations of the Abbasid dirhams and dinars in the currency of the Taurica in the Khazar time]. *Materialy po Arkheologii, Istorii i etnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Taurica]* IX, 429–454.
- Sokolova, I.V. 1959: Klady vizantiyskikh monet kak istochnik dlya istorii Vizantii VIII–XI vv. *Vizantiyskiy Vremennik [The Byzantine Chronicle]* XV, 50–63.

A SOLIDUS OF LEO III THE ISAURIAN FROM PHANAGORIA

Mikhail G. Abramzon¹, Sergey N. Ostapenko²

¹ *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*
abramzon-m@mail.ru

² *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
sao_nasledie@mail.ru

Abstract. The article deals with a rare and important find of the Byzantine gold in Phanagoria, a solid of Leo III the “Isaurian” (717–741) found during the excavation of the Khazar quarter (“The Lower Town” Site) in 2018. In 2016, here four coins of 8th century have already been found: three Byzantine solids and the Abbasid dirham. Two solid of Tiberius III Apsimar, 698–705, were found during excavations of the street adjacent to the south side of Houses 10 and 16. A solid of Constantine V Copronymus with Leo IV Khazar, 741–775, comes from the House 20 adjacent to the northeast corner of the House 10. Apart from the solidi, a silver dirham of Al Mahdi, 775–785, was found on the floor of the House 6, in the Room 3. This join find of the Byzantine gold and Abbasid dirham expands our notion on the currency of Byzantine and Arab coins in the Khazarian Khanate during the 8th century. The uncovered coins demonstrate the short synchronous circulation of the Byzantine gold and Cufic silver in Khazaria during the last quarter of the 8th century. The publication of the coins enriches the database for the Byzantine and Cufic numismatics from the Russian South.

Keywords: Phanagoria, Byzantine Empire, currency, solidi

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 186–201
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 186–201
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-186–201

РЕМЕННАЯ ГАРНИТУРА С РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

О.С. Белявская

*Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, Уфа, Россия*
kracheva.olya@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены предметы ременной гарнитуры, обнаруженные в ходе раскопок ряда поселенческих памятников на территории Республики Башкортостан. Источниковой базой послужили материалы Ново-Турбаслинского II, Кушнаренковского, Романовского II, Янгантауского селищ, Кувыковского, Уяндыкского городищ и городища Уфа-I (Уфимское (Чертово) городище). Ременная гарнитура с данных памятников была проанализирована с точки зрения морфологии, типологии, датировки и аналогий. Значительная часть изделий имеет многочисленные параллели как на территории Предуралья, так и далеко за его пределами. Пряжка с Кувыковского городища благодаря насечкам на язычке, являющимся рудиментами зооморфных мотивов в виде звериных головок, близка крымским образцам пряжек, распространенным в V–VII вв. Наконечник с Ново-Турбаслинского II селища идентичен находке из крымской коллекции А.Л. Бертъе-Делагарда, датированной второй половиной VII в. Ряд предметов ременной гарнитуры представлены изделиями «геральдического стиля», получившими наибольшее распространение на обширных территориях в VI–VII вв. (Кушнаренково, Романовка, Янгантау). Поясному набору из погребения, совершенного в валу Уяндыкского городища, наиболее близкие аналогии были обнаружены в знаменитом кладе из Саркела. Проведенный анализ рассматриваемой категории находок в очередной раз подтверждает наличие в период раннего средневековья устойчивых связей населения Предуралья с Причерноморьем, Северным Кавказом, Прикамьем и Западной Сибирью.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, ременная гарнитура, морфология, типология, датировка

Предметы ременной гарнитуры, происходящие из раннесредневековых комплексов с обширных евразийских пространств, в силу своего краткого периода бытования традиционно рассматривают в научной среде в качестве надежных хронологических индикаторов. Не входят в число исключений и ременные принадлежности с территории современной Республики Башкортостан, не раз привлекавшиеся исследователями для построения относительных и абсолютных

Данные об авторе: Белявская Ольга Сергеевна – аспирантка Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук.

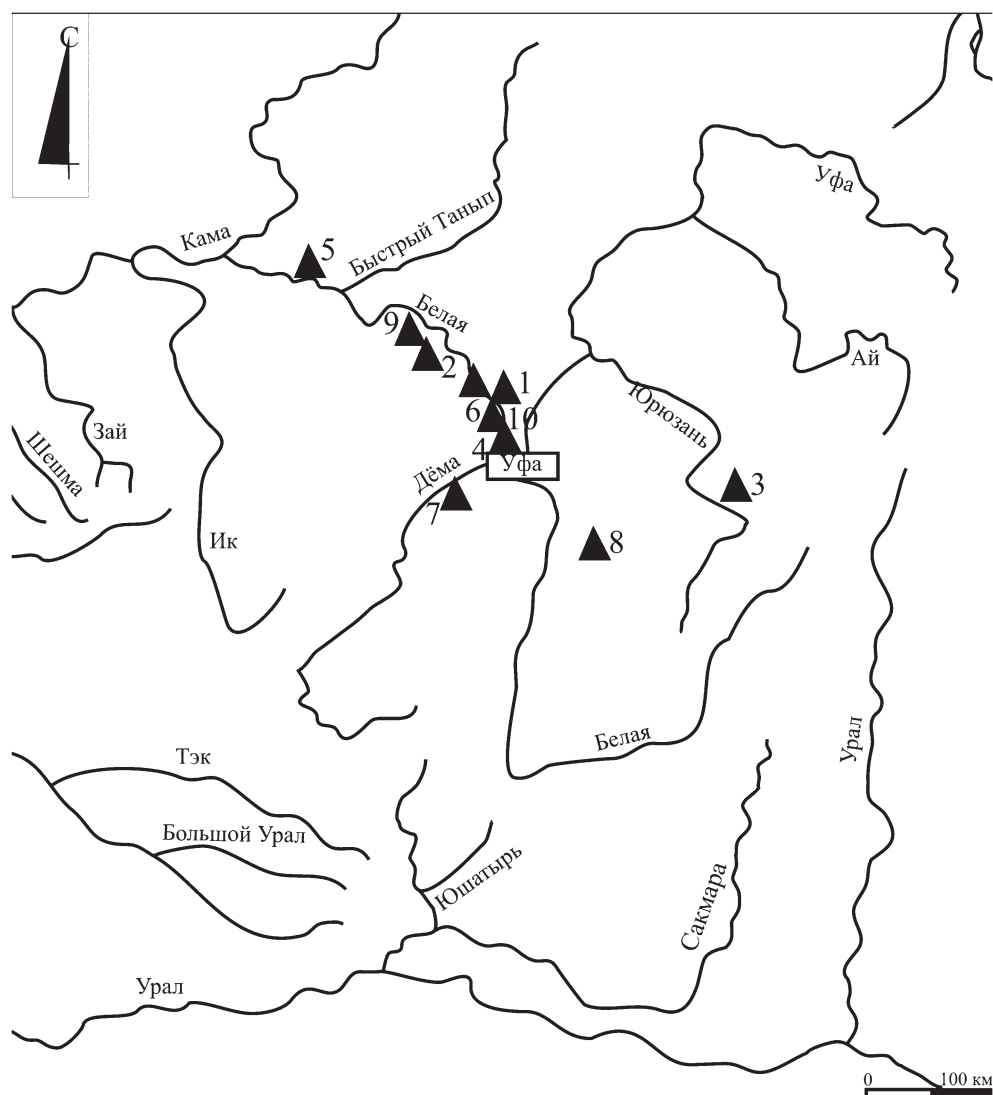

Рис. 1. Карта поселенческих памятников на территории Республики Башкортостан с находками ременной гарнитуры.

1 – Ново-Турбаслинское II селище; 2 – Кушнаренковское селище; 3 – Янгантауское селище; 4 – Уфимское (Чертово) городище; 5 – погребение, совершенное в валу Уяндыцкого городища; 6 – Кувыковское городище; 7 – Кара-Якуповское городище; 8 – Имендяшевское городище; 9 – Япарковское городище (Чертов городок); 10 – Романовское II селище

хронологических шкал¹. Стоит отметить, что наибольшего освещения в литературе получили детали ременных наборов из погребальных комплексов. Связано это зачастую с тем, что элементы ременной гарнитуры, обнаруженные на поселенческих памятниках, в силу своей «немассовости» не были опубликованы

¹ Амброз 1971; 1980; Ковалевская 1979; Богачев 1990; Гавритухин 2001.

авторами раскопок и «пылятся» сейчас в специализированных хранилищах, оставаясь доступными лишь работникам музейных фондов. Основной целью данного исследования является введение в научный оборот ранее неизвестных широкому кругу исследователей предметов ременной гарнитуры и их анализ с точки зрения морфологии, типологии и датировки. Источниковой базой для исследования послужили материалы Ново-Турбаслинского II, Кушнаренковского, Романовского II, Янгантауского селищ, Кувыковского, Уандыкского городищ и городища Уфа-I (Уфимское (Чертово) городище). В природно-географическом отношении данные памятники расположены в лесостепной и лесной зонах, ограниченных с запада и юга Камско-Бельским междуречьем, а с востока – массивом Уральских гор (рис. 1). Кроме того, ременная гарнитура была зафиксирована при раскопках Имендяшевского городища (Гафурийский район РБ), Япарковского городища (Кушнаренковский район РБ) (по одной пряжке) и Кара-Якуповского городища (Чишминский район РБ) (пряжка и наконечник). К сожалению, в настоящее время артефакты с указанных памятников утрачены, а об их существовании можно судить только по упоминаниям в полевых отчетах². Также не учтены материалы, полученные в ходе раскопок городища Уфа-II, т.к. ранее они рассмотрены в отдельной работе³.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, МОРФОЛОГИЯ И ТИПОЛОГИЯ РЕМЕННОЙ ГАРНИТУРЫ

При выделении типов были использованы классификационные схемы В.Б. Ковалевской⁴, А.И. Айбабина⁵, Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго⁶, И.О. Гавритухина и А.М. Обломского⁷, А.Г. Атавина⁸, Т.И. Останиной⁹, Ф.А. Сунгатова¹⁰.

Поясной наконечник с Ново-Турбаслинского II селища. Ново-Турбаслинское II селище находится в 1,5 км к северо-западу от д. Ново-Турбаслы Благовещенского района РБ, на краю правого берега старого русла р. Белой. Памятник был исследован в 1958 г. отрядом археологической экспедиции ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова. В ходе раскопок выявлены остатки 5 жилищ, содержащих фрагменты сосудов бахмутинского, романовского и кушнаренковского типов¹¹. Как отмечает Н.А. Мажитов, площадь Ново-Турбаслинского селища составляет около 1500 кв.м. Судя по плану раскопок, в 1958 г. был исследован участок, по своей площади не превышающий 1/10 части от общей площади поселения.

Ременная гарнитура представлена серебряным наконечником ремня U-образной формы. Лицевая часть наконечника декорирована орнаментом в виде

² Шокуров 1955. НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 21. №. 225; Матвеева 1963. НА АЛ БашГУ. Ф. 3; Матвеева 1966. НА АЛ БашГУ. Ф. 3. Д. 4; Мажитов 1990. НА АЛ БашГУ. Ф. 2. Д. 37.

³ Крапачева, Шамсутдинов 2017.

⁴ Ковалевская 1979; 2000.

⁵ Айбабин 1990.

⁶ Голдина, Водолаго 1990.

⁷ Гавритухин, Обломский 1996.

⁸ Атавин 1996.

⁹ Останина 1997.

¹⁰ Сунгатов 1998.

¹¹ Мажитов 1962.

четырёх кругов с «завихреньями», отделенных между собой горизонтальной полосой и окантовкой из зерни (рис. 2, 5). Впервые наконечник был опубликован Н.А. Мажитовым в 1962 г.¹²

Поясная накладка с Романовского II селища. Романовское II селище расположено в 1,5 км к северу от п. Романовка Уфимского района РБ, на второй надпойменной террасе старицы р. Белой, на небольшом мысу прямоугольной формы. Данный памятник, вместе с поселениями Романовка I, III–VIII, было открыто в 1959 г. Г.Н. Матюшиным, а в 1960 г. им же проводились первые раскопки. В 1961 г. поселение исследовалось экспедицией Башкирского государственного университета под руководством К.В. Сальникова, в 1965 г., 1968 и 1989 гг. – под руководством Г.И. Матвеевой, в 1968–1969 гг. – под руководством Г.Н. Матюшина. Общая площадь раскопок Романовского II селища составляет 1050 кв.м.¹³

Ременная гарнитура представлена обломком серебряной накладки Т-образной формы, крепление к ремню которой происходило при помощи штифта (рис. 2, 4). Впервые изделие было опубликовано в 2004 г. Г.И. Матвеевой¹⁴. Форма щитка накладки позволяет отнести изделие к Т-образным бляшкам 7 варианта по классификации А.И. Айбабина¹⁵, подтипу «б» типа 15 по классификации Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолага¹⁶, к группе А «Т-образные бляшки с пламенеvidной пластиной» по классификации И.О. Гавритухина и А.М. Обломского¹⁷, к типу XIII по классификации Ф.А. Сунгатова¹⁸.

Поясная накладка с Янгантауского селища. Янгантауское селище расположено на правом берегу р. Юрюзань, вблизи с. Янгантау Салаватского района РБ. В раскопе, заложенном в 1963 г. Н.А. Мажитовым, найдено большое количество обломков керамики. По сообщению исследователя, значительная часть сосудов изготовлена из глины с примесью песка или дресвы и украшена косыми насечками, образующими иногда елочный узор. Также встречены фрагменты сосудов кушнареновского типа и сосудов, изготовленных на гончарном круге. Общая площадь раскопок Янгантауского селища составляет 30 кв.м.¹⁹

Ременная гарнитура представлена бронзовой накладкой Т-образной формы с раздвоенным щитком и двумя круглыми прорезями; края Т-образного отростка выпуклые, между ними расположены две каннелюры; крепление происходило при помощи штифта (1 экз., рис. 2, 3). Изделие опубликовано впервые в данной статье. В соответствии с классификацией А.И. Айбабина, накладка относится к Т-образным бляшкам 6 варианта²⁰, к типу 29 – по классификации А.Г. Атавина²¹, к варианту «в» типа XXIII – по классификации Ф.А. Сунгатова²², к варианту «б» типа 2 группы Б «Т-образные бляшки с «рогатой» пластиной» (серия «Кав-

¹² Мажитов 1962.

¹³ Матвеева, Никитина 2015.

¹⁴ Матвеева 2004, 156, рис. 33, 15.

¹⁵ Айбабин 1990, 53.

¹⁶ Голдина, Водолага 1990, 81.

¹⁷ Гавритухин, Обломский 1996, 26–27.

¹⁸ Сунгатов 1998.

¹⁹ Мажитов 1964. НА АЛ БашГУ. Ф. 2, Д. 3.

²⁰ Айбабин 1990, 53.

²¹ Атавин 1996, 217.

²² Сунгатов 1998, 72.

Рис. 2. Ременная гарнитура, обнаруженная на поселенческих памятниках Республики Башкортостан.

1 – пряжка с Уфимского (Чертового) городища; 2 – накладка с Кушнаренковского селища; 3 – накладка с Янгантауского селища; 4 – накладка с Романовского II селища; 5 – наконечник с Ново-Турбаслинского II селища; 6 – пряжка с Кувыковского городища; 7–13 – ременной набор из погребения, совершенного в валу Уяндыкского городища

1 – по [Морозов, 2000]; 2 – по [Мажитов, 1959]; 5 – по [Матвеева, Никитина, 2015]; 6 – по [Генинг, 1977]; 3, 4, 7–13 – рисунки автора

каз») – по классификации И.О. Гавритухина и А.М. Обломского²³. В.Б. Ковалевской раздвоенный щиток накладок подобного типа охарактеризован как стилизация двух птичьих головок, смотрящих в разные стороны²⁴.

Поясная накладка с Кушнаренковского селища. Кушнаренковское селище находится на окраине одноименного села Кушнаренковского района РБ на мысе, образованном поймой левого берега р. Белой и правого берега р. Кудушлинки. В 1954–1955 гг. памятник был исследован А.П. Шокуровым²⁵, а в 1959 г. – объединенной экспедицией Казанского университета и Института антропологии Московского университета под руководством М.С. Акимовой²⁶. На территории

²³ Гавритухин, Обломский 1996, 26.

²⁴ Ковалевская 2000, 194.

²⁵ Шокуров 1955. НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 21. №. 225.

²⁶ Генинг 1977.

селища было обнаружено большое количество фрагментов керамики романовского, кушнаренковского, кара-якуповского, турбаслинского и бахмутинского типов, глиняные прясла, кости животных, наконечники стрел из кости и железа, стеклянные и сердоликовые бусы, бронзовые украшения. Общая площадь раскопок селища составляет 190 кв. м.²⁷

Ременная гарнитура представлена бронзовой накладкой (1 экз., рис. 2, 2) с двухскатной поверхностью; с четырьмя круглыми прорезями; с раздвоенным верхним и прямым нижним краями; крепление к ремню происходило при помощи штифта. Впервые изделие было опубликовано в работе В.Ф. Генинга в 1977 г.²⁸ Данная накладка по классификации Ф.А. Сунгатова, разработанной для деталей ременных наборов турбаслинской культуры, выделена в вариант «г» типа XVIII²⁹.

Поясная пряжка с городища Уфа-I. Городище Уфа-I (Уфимское (Чёртово) городище) расположено в восточной части г. Уфа на 180-метровой террасе правого берега р. Уфа, на территории санатория «Зеленая роща». Площадка памятника находится на узком мысе, с трех сторон она ограничена крутыми склонами террасы, а с напольной стороны защищена 86-метровым земляным валом. Впервые о городище упоминает П.С. Паласс, в 1894 г. небольшие раскопки на памятнике произвел Ф.Д. Нефедов, в 1910–1912 гг. городище раскапывала В.В. Гольмстен, в 1973 г. исследования проводил Ю.А. Морозов. Вещевой материал состоит из фрагментов керамики кара-абызской, бахмутинской и чияликской культур, костяных наконечников стрел и проколов, глиняных прясел, каменных пестов. Общая площадь раскопок Уфимского (Чертова) городища составляет 2193 кв. м.³⁰

Ременная гарнитура представлена бронзовой бесщитковой пряжкой с сегментовидной рамкой из утолщенного спереди, слегка подграненного, дрота; язычок пряжки плотно облегает рамку и имеет уступчик у основания (1 экз., рис. 2, 1). Впервые пряжка была опубликована в работе Ю.А. Морозова в 2000 г.³¹ Рассматриваемое изделие можно отнести ко II варианту 1 типа Отдела I по классификации В.Б. Ковалевской³², к варианту 2 типа 1 – по классификации Т.И. Останиной³³, к варианту «а» типа 1 – по классификации Ф.А. Сунгатова³⁴.

Поясная пряжка с Кувыковского городища. Кувыковское городище находится в 3 км к северу–северо-западу от д. Кувыково Кушнаренковского района РБ. Памятник расположен на стрелке, образованной двумя глубокими оврагами, по которым протекают ручьи. С напольной стороны площадка поселения защищена валом и рвом. Поселение было открыто в 1955 г. А.П. Шокуровым, в 1965 г. – исследовано Г.И. Матвеевой. Вещевой материал городища довольно разнообразен и состоит из обломков сосудов бахмутинского типа, глиняных и каменных пряслиц, костяных наконечников стрел, орудий труда и украшений костюмного комплекса³⁵.

²⁷ Шокуров 1955. НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 21. №. 225; Генинг 1977.

²⁸ Генинг 1977.

²⁹ Сунгатов 1998, 71.

³⁰ Морозов 2000.

³¹ Морозов 2000.

³² Ковалевская 1979, 15.

³³ Останина 1997, 64.

³⁴ Сунгатов 1998, 62.

³⁵ Шокуров 1955. НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 21. №. 225; Матвеева 1966. НА АЛ БашГУ. Ф. 3. Д. 4.

Ременная гарнитура представлена бронзовой пряжкой, состоящей из круглой, утолщенной спереди рамки; длинного хоботковидного язычка с тремя насечками у основания, щитка из согнутой пополам пластины подтреугольной формы; крепление пряжки к ремню происходило при помощи трех шпеньков с шляпками-полугорошинами (1 экз., рис. 2, б). Пряжка была обнаружена местным жителем на площадке городища и передана им для изучения в Отдел Археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН. Изделие опубликовано впервые в данной работе.

Поясной набор из погребения, совершенного в валу Уяндыкского городища. Уяндыкское городище расположено в 3 км к западу от д. Уяндык Илишевского района РБ. Памятник был исследован в 1972–1973 гг. В.А. Ивановым. Площадка городища, как отмечает исследователь, была распахана и полностью разрушена. В ходе разведки были собраны обломки керамики пьяноборской культуры и фрагмент нижней части глиняной антропоморфной фигурки. В целом, по мнению В.А. Иванова, время существования Уяндыкского городища приходится на конец ананьинской – начало пьяноборской эпохи³⁶.

Во время земляных работ по обустройству фермы местными жителями на площадке городища, в валу, было обнаружено детское погребение с остатками богатого поясного набора. Место захоронения осмотрено в 2001 г. В.В. Овсянниковым.

Полученные находки сданы на хранение в Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан. В состав обнаруженного пояса входили серебряные с позолотой пряжка, наконечник и пластина, бронзовые и серебряные с позолотой накладки разных типов, а также серебряная с позолотой пластина и бронзовый предмет неопределенного назначения. Предметы рассматриваемого ременного набора впервые опубликованы в данной работе. Ниже приводится их подробное описание на основании разработок В.Б. Ковалевской³⁷, Т.И. Макаровой и С.А. Плетневой³⁸, П.М. Кенько³⁹.

Поясная пряжка. Трехсоставная (рамка, язычок, щиток); треугольнорамчатая; с длинным полуовальным щитком; с коротким, слегка прогнутым в середине язычком. Рамка, язычок и щиток отлиты отдельно и соединены между собой с помощью шарнира. Щиток украшен орнаментом в виде широких завитков, соединяющихся у края щитка в сердцевидную фигуру. По обоим краям щитка расположен широкий рифленый бордюр. Крепление к ремню происходило при помощи трех штифтов (1 экз., рис. 2, 7).

Поясные накладки представлены двумя типами:

Тип 1. Пятиугольные, с параллельными боковыми сторонами; с симметричным орнаментом, основным мотивом которого являются стебли с завитками, соединенные с сердцевидными углублениями; крепление при помощи 3 штифтов с пластинами-заклепками.

Вариант а. С прямоугольной прорезью (4 экз., рис. 2, 12).

³⁶ Иванов 1976, 311–312.

³⁷ Ковалевская 1979.

³⁸ Макарова, Плетнева 1983.

³⁹ Кенько 2012.

Вариант б. Из цельной пластины; с рифленным ободком-полукругом (19 экз., рис. 2, 9).

Тип 2. Прямоугольные с полукруглым выступом и выемкой на противоположных концах; с симметричным орнаментом, основным мотивом которого являются стебли с завитками, соединенные с сердцевидными углублениями; крепление при помощи 3 штифтов с пластинами-заклепками (13 экз., рис. 2, 13).

Поясной наконечник. Состоит из двух частей – основы и подкладочной пластины. Форма пластин U-образная, с треугольной выемкой на верхнем конце; края внешней пластины оформлены в виде прямого бортика. Между собой пластины соединены при помощи пяти штифтов. Лицевая часть наконечника украшена симметричным орнаментом, основным мотивом которого являются стебли с завитками, соединенные с сердцевидными углублениями (1 экз., рис. 2, 8).

Пластина. Прямоугольной формы; из тонкого листа металла; с фрагментами растительного орнамента, основным мотивом которого является трилистник с штриховым обрамлением и боковыми ответвлениями в виде широко раскинутых листьев. Крепление происходило при помощи четырех штифтов, два из которых в настоящее время утеряны (1 экз., рис. 2, 11).

Предмет неопределенного назначения (подвеска?). Подтрапцевидной формы, с прямоугольным углублением (паз для вставки?), внутри которого имеется узкая прямоугольная прорезь. Края углубления украшены рубчатым орнаментом. На ручке (?) пирамидально расположены 6 полусфер; сама предполагаемая ручка обломана (1 экз., рис. 2, 10).

АНАЛОГИИ, ДАТИРОВКА, ВЫВОДЫ

Пряжки, подобные находке с городища Уфа-I, с язычком, имеющим уступчик у основания (рис. 2, 1), имеют широкое распространение как на территории Предуралья (Бахмутино, Бирск, Кара-Тамак, Старо-Кабаново, Никольские находки, городище Уфа-II и др.), так и далеко за его пределами. Данный тип датирован В.Б. Ковалевской в рамках III–V вв.⁴⁰, Т.И. Останиной – V в.⁴¹.

Пряжки, стилистически близкие находке с Кувыковского городища (рис. 2, б), в большом количестве обнаружены в Бирском могильнике (п. 50, п. 52, п. 81, п. 89, п. 126 и др.)⁴². Изделия с подобными обоймами, как отмечает А.К. Амброз, не имеют датированных южных аналогий, но благодаря насечкам на язычке – рудиментам зооморфных мотивов в виде звериных головок – сближаются с образцами пряжек из Керчи, Скалистого, Беляуса и др., распространенных на юге в V–VII вв.⁴³ На поздний характер представленных комплексов Бирского могильника указывают и другие находки: так, в п. 81 и п. 126 обнаружены крупные, немного выпуклые, ромбические накладки и большие наконечники ремней из согнутой пополам пластины, крепившиеся при помощи шпеньков-гвоздиков с массивными шляпками-полугорошинами; в п. 89 – янтарные и коралловые бусы, двухпластин-

⁴⁰ Ковалевская 1979, 15.

⁴¹ Останина 1997, 296.

⁴² Мажитов 1968.

⁴³ Амброз 1980; Айбабин 1990, 202, рис. 23.

чатые наконечники с двухскатной поверхностью, также украшенные крупными шляпками-полугорошинами⁴⁴.

Практические прямые аналогии изделию с Ново-Турбаслинского II селища (рис. 2, 5) были обнаружены в крымской коллекции А.Л. Бертъе-Делагарда, где помимо наконечника несколько иных пропорции находились Т-образная накладка и накладка в виде геральдического щита с зернью и стеклянными вставками, в совокупности своей датируемые второй половиной VII в.⁴⁵

Аналогии накладке с Кушнаренковского селища (рис. 2, 2) зафиксированы в Бахмутинском могильнике (раскопки М.С. Смирнова, 1921 г., ОФ 258 НМ РБ)⁴⁶, в к. 13/2 Ново-Турбаслинского могильника⁴⁷ (ОФ 17046/62 НМ РБ), в Новиковском погребении на территории г. Уфа (Башкортостан)⁴⁸, в п. 191 Армиевского могильника (Пензенская область)⁴⁹, в п. 15 Ахмыловского могильника (Марий Эл)⁵⁰, в п. 17 Веселовского могильника (Удмуртия)⁵¹, в к. 1/12 у хут. Малаи (Краснодарский край)⁵². Накладки данного типа датированы Н.А. Мажитовым VI–VII вв.⁵³, А.В. Богачевым – третьей четвертью VI в.⁵⁴, И.О. Гавритухиным – последней третью VI – началом VII в.⁵⁵

Аналогии накладке с Романовского II селища (рис. 2, 4) зафиксированы в п. 401, п. 417, п. 419, п. 430 Бирского⁵⁶, п. 10 (раскоп 2) Манянского, в к. 46 Лагеревского могильников (Башкортостан)⁵⁷, в п. 13, п. 170, п. 212 Неволинского и п. 2 Агафоново I могильников (Удмуртия)⁵⁸, в Лихачевском могильнике (Тюменская область)⁵⁹, в керченских комплексах (Крым)⁶⁰, в могильнике Таш-Тюбе (Киргизия)⁶¹. Данный тип датирован А.К. Амброзом VII в.⁶², Р.Д. Голдиной – VI–VII вв.⁶³, Г.И. Матвеевой – второй половиной VI–VII вв.⁶⁴, Ф.А. Сунгатовым время бытования накладок в рамках турбаслинской культуры определено VII – началом VIII в.⁶⁵

Наиболее близкие аналогии накладке с Янгантауского селища (рис. 2, 3) обнаружены в п. 8 Шареевского могильника⁶⁶, в Бахмутинском могильнике (рас-

⁴⁴ Мажитов 1968, 125, табл. 6, 14, 16, 22; Амброз 1980, 23–24; Мاستыкова 2009, 95–98, 104–105.

⁴⁵ Айбабин 1985, 198, рис. 8.

⁴⁶ Смирнов 1921.

⁴⁷ Мажитов 1959, 128–129.

⁴⁸ Голдина 2012, 271, табл. 225, 1.

⁴⁹ Богачев 1992, 150–151, рис. 26.

⁵⁰ Гавритухин 2001, 73, рис. 5, 8, 9.

⁵¹ Голдина 2012, 370, табл. 224, 21.

⁵² Лимберис, Марченко 2011, 428, рис. 9, 3, 8.

⁵³ Мажитов 1959, 141.

⁵⁴ Богачев 1992, 151–152, рис. 26.

⁵⁵ Гавритухин 2001, 36–39.

⁵⁶ Мажитов 1986.

⁵⁷ Мажитов 1981, 15, рис. 7, 7; 23, рис. 11, 4.

⁵⁸ Голдина, Водолаго 1990, 128, табл. XXXI, 51; Голдина 2012, 266, табл. 121, 8; 368, табл. 222, 1.

⁵⁹ Гавритухин, Обломский 1996, 215, рис. 37, 10, 15.

⁶⁰ Айбабин 1990, 229, рис. 50, 23.

⁶¹ Савинов 1984, табл. II, 4.

⁶² Амброз 1971, 115, рис. 5, 41.

⁶³ Голдина, Водолаго 1990, 164, табл. LXVII, 44; Голдина 2012, 351–352.

⁶⁴ Матвеева 2004, 52.

⁶⁵ Сунгатов 1998, 85–88.

⁶⁶ Матвеева 1968.

копки М.С. Смирнова, 1921 г., ОФ 261 НМ РБ)⁶⁷, в Новиковском погребении (Башкортостан)⁶⁸, в п. 191 Армиевского могильника (Пензенская область)⁶⁹, Урынском кладе (Пермский край), Гапоновском кладе (Курская область), Волчихенском могильнике (Мордовия), Подболотьевском могильнике (Владимирская область), в могильнике у с. Игрень (Украина), в могильнике у с. Камунта (Северная Осетия)⁷⁰, в к. 13/6 у хут. Малаи (Краснодарский край)⁷¹, в склепе № 34 в Чуфут-Кале (Крым)⁷². Рассматриваемый тип датирован А.В. Богачевым третьей четвертью VI в.⁷³, А.Г. Атавиным – второй половиной VI – первой половиной VII в.⁷⁴, И.О. Гавритухиным – концом VI – началом VII в.⁷⁵

Стоит отметить, что накладка, обнаруженная на Янгантауском селище, равно как и накладка с Кушнаренковского селища, по ряду признаков (скупая прорезная орнаментация, подпрямоугольный щиток и др.), в соответствии с наблюдениями И.О. Гавритухина, могут быть отнесены к византийско-понтийскому кругу геральдических ременных гарнитур, в то время накладка с Романовского II селища стилистически тяготеет уже к приуральско-сибирским образцам⁷⁶. Как отмечает В.Б. Ковалевская, основной очаг наибольшей концентрации Т-образных накладок с щитками, содержащими в своей основе мотив в виде птичьих головок, приходится на Предкавказье, и рассматривать их следует в контексте связей населения Восточной Европы с крупнейшими государствами – Византией и Ираном⁷⁷. В свою очередь П.П. Азбелевым Т-образные накладки в целом отнесены к категории сибирских элементов восточноевропейского геральдического стиля. По мнению исследователя, данные изделия воспроизводят обычные для памятников древнетюркской эпохи и предтюркского времени поясной крюк с перекалиной на загнутом конце и прямоугольной рамкой на противоположном, а их распространение в восточноевропейских комплексах связано с последствиями тюркской экспансии эпохи Первого каганата⁷⁸.

Поясной набор из погребения, совершенного в валу Уяндыкского городища (рис. 2, 7–13), на наш взгляд, стилистически связан с ременной гарнитурой салтовского круга. В частности, близкие аналогии были обнаружены в богатом кладе на территории Саркела, подробно рассмотренном в работе Т.И. Макаровой и С.А. Плетневой⁷⁹. В силу того, что находки в погребении на Уяндыке не были зафиксированы *in situ*, нельзя с полной уверенностью определить его внешний вид. Можно лишь только предположить, основываясь на данных реконструкции пояса из Саркела⁸⁰, что уяндыкский поясной набор состоял из основного ремня, укра-

⁶⁷ Смирнов 1921.

⁶⁸ Голдина 2012, 271, табл. 225, 5.

⁶⁹ Богачев 1992, 151–152, рис. 26.

⁷⁰ Голдина 1985, таб. LIV; Гавритухин, Обломский 1996, 216, рис. 38.

⁷¹ Атавин 1996, 259, табл. 22, 6, 7.

⁷² Айбабин 1990, 229, рис. 50, 22.

⁷³ Богачев 1992, 151–152.

⁷⁴ Атавин 1996, 226.

⁷⁵ Гавритухин 2001, 36–39.

⁷⁶ Гавритухин 1996, 123–125.

⁷⁷ Ковалевская 2000, 194–195.

⁷⁸ Азбелев 1993.

⁷⁹ Макарова, Плетнева 1983.

⁸⁰ Макарова, Плетнева 1983, 64, рис. 3.

шенного накладками типа 1-а и типа 1-б. Через прямоугольные прорезы накладок типа 1-а могли быть прикреплены дополнительные ремешки (не менее четырех), основа которых была покрыта накладками типа 2, а концы ремешком – украшены наконечником, пластиной и подвеской. О связях населения Предуралья с Хазарским каганатом, начиная уже со второй половины VII в., свидетельствуют находки характерных гончарных сосудов с ручками (погребение на ул. Карла Маркса, г. Уфа, городище Уфа-II), а также наличие каменных склепов и катакомб с дромосами на территории г. Уфа⁸¹. Касательно находок с Уяндыкского городища: вопрос о их датировки можно решить опять же при помощи саркельских аналогий, отнесенных А.В. Комаром к поздневалтовскому горизонту и датированных им второй половиной X – началом XI в.⁸²

ЛИТЕРАТУРА

- Азбелев, П.П. 1993: Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля. *Петербургский археологический вестник* 3, 89–93.
- Айбабин, А.И. 1985: Погребение хазарского воина. *СА* 3, 191–205.
- Айбабин, А.И. 1990: Хронология могильников Крыма позднееримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ* 1, 3–86, 175–241.
- Амброз, А.К. 1971: Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I. *СА* 2, 96–123.
- Амброз, А.К. 1980: Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. В сб.: С.А. Плетнева (ред.), *Средневековые древности евразийских степей*. М., 3–56.
- Атавин, А.Г. 1996: Погребений VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья. В сб.: Д.А. Сташенков (ред.), *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара, 208–264.
- Белявская, О.С., Проценко, А.С. 2018: Керамический комплекс Городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху Средневековья (по материалам раскопок 2017 года). В сб.: А.И. Уразова (ред.), *Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур*. Уфа, 204–224.
- Богачёв, А.В. 1992: *Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья)*. Самара.
- Булычев, Н.И. 1902: *Древности из Восточной России*. М.
- Гавритухин, И.О. 1996: К изучению ремешковых гарнитур Поволжья VI–VII вв. В сб.: Д.А. Сташенков (ред.), *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара, 115–133.
- Гавритухин, И.О., Обломский, А.М. 1996: *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. М.
- Гавритухин, И.О. 2001. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек. В сб.: Д.А. Сташенков (ред.), *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма)*. Т. 2. Самара, 31–86.
- Генинг, В.Ф. 1977: Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII в. н.э.). В сб.: Р.Г. Кузеев (ред.), *Исследования по археологии Южного Урала*. Уфа, 90–135.
- Голдина, Р.Д. 1985. *Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье*. Иркутск.
- Голдина, Р.Д., Водолаго, Н.В. 1990: *Могильники неволинской культуры в Приуралье*. Иркутск.
- Голдина, Р.Д. 2012: *Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье*. Ижевск.

⁸¹ Ахмеров 1970; Овсянников 1992; Сунгатов 1998; Комар 1999, 112; Белявская, Проценко 2018.

⁸² Комар 1999, 130–132.

- Иванов, В.А. 1976: Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени. *СА* 3, 308–312.
- Ковалевская, В.Б. 1979: *Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки*. М.
- Ковалевская, В.Б. 2000: *Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии*. М.
- Комар, А.В. 1999: Предсалтовский и раннесалтовский горизонт Восточной Европы (вопросы хронологии). *Vita antique* 2, 111–136.
- Кенько, П.М. 2012: *Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.)*. Минск.
- Крапачева, О.С., Шамсутдинов, М.Р. 2017: Металлическая ременная гарнитура городища Уфа-II. В сб.: Э.В. Камалеев (ред.), *Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность*. Уфа, 69–77.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2011: Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья. В сб.: О.В. Шаров (ред.), *Петербургский апокриф. Послание от Марка*. Кишинев, 417–441.
- Макарова, Т.И., Плетнева, С.А. 1983: Пояс знатного воина из Саркела. *СА* 2, 62–76.
- Мажитов, Н.А. 1959: Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. В сб.: А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев (ред.), *Башкирский археологический сборник*. Уфа, 114–142.
- Мажитов, Н.А. 1962: Поселение Ново-Турбаслинское II. В сб.: Р.Г. Кузеев (ред.), *АЭБ*. Уфа, 151–162.
- Мажитов Н.А. 1964: *Научный отчет об археологических исследованиях в северо-восточных районах БАССР за 1963 г.* НА АЛ БашГУ. Ф. 2, Д. 3.
- Мажитов, Н.А. 1968: *Бахмутинская культура: этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры*. М.
- Мажитов, Н.А. 1981: *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.* М.
- Мажитов, Н.А. 1986: *Отчет об итогах раскопок на Бирском могильнике в 1985 году*. НА АЛ БашГУ. Ф. 2, Д. 21.
- Мажитов, Н.А. 1990: *Об итогах раскопок 1989 года на Имендяшевском городище в Гафуринском районе Башкирской АССР*. НА АЛ БашГУ. Ф. 2, Д. 37.
- Мастыкова, А.В. 2009: *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.*
- Матвеева, Г.И. 1963: *Отчет археологической экспедиции Башкирского государственного университета за 1962 год*. НА АЛ БашГУ. Ф. 3.
- Матвеева, Г.И. 1966: *Отчет Археологической экспедиции Башкирского университета за 1965 год*. НА АЛ БашГУ. Ф. 3, Д. 4.
- Матвеева, Г.И. 1968, Шареевский могильник. *Учёные записки Башкирского государственного университета* 7, 5–20.
- Матвеева, Г.И. 2004: *Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именковская культура*. Самара.
- Матвеева, Г. И., Никитина, А.В. 2015: Особенности памятников романовского типа эпохи Великого переселения народов на примере материалов исследования селища Романовка-II 1989 года. *Вояджер: мир и человек. Теоретический и научно-методический журнал* 6, 52–77.
- Морозов, Ю.А. 2000: Исследования Уфимского городища. *УАВ* 2, 145–154.
- Останина, Т.И. 1997: *Население Среднего Прикамья в III–V вв.* Ижевск.
- Савинов, Д.Г. 1984. *Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху*. Л.
- Смирнов, М.С. 1921: *Отчеты о произведенных раскопках в 1920–1921 гг. близ г. Стерлитамака*. НА ИИЯЛ УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. №. 81.
- Сунгатов, Ф.А. 1998: *Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.)*. Уфа.
- Шокуров, А.П. 1955: *Отчет Бельского отряда об археологической работе летом 1955 г. в Кушнаренковском районе Башкирской АССР*. НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 21. №. 225.

REFERENCES

- Azbelev, P.P. 1993: Sibirskie elementy vostochnoevropeyskogo geraldicheskogo stilya [Siberian elements of the Eastern European heraldic style]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik* [The St. Petersburg archaeological Herald] 3, 89–93.
- Aybabin, A.I. 1985: Pogrebenie khazarskogo voina [Burial of the Khazar warrior]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology] 3, 191–205.
- Aybabin, A.I. 1990: Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of the burial grounds of the Crimea late Roman and early medieval times]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and Ethnography of Tauria] 1, 3–86, 175–241.
- Ambroz, A.K. 1971: Problemy rannesrednevekovoy khronologii Vostochnoy Evropy. Ch. I. [Problems of early medieval chronology of Eastern Europe. P.I]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology] 2, 96–123.
- Ambroz, A.K. 1980: Birskiy mogil'nik i problemy khronologii Priural'ya v IV–VII vv. [Birskiy the mound and the problem of the chronology of the Urals in 4th–7th centuries]. In: S.A. Pletneva (red), *Srednevekovye drevnosti evraziyskikh stepey* [Medieval antiquities of the Eurasian steppes]. Moscow, 3–56.
- Atavin, A.G. 1996: Pogrebeniya VII–nachala VIII vv. iz Vostochnogo Priazov'ya [The burials of 7th–beginning 8th centuries from Eastern Azov]. In: D.A. Stashenkov (ed.), *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny i tysyacheletiya n.e.* [Culture of The Eurasian steppes of the second half of the First Millennium AD]. Samara, 208–264.
- Belyavskaya, O.S., Protsenko, A.S. 2018: Keramicheskii kompleks Gorodishcha Ufa-II kak otrazhenie etnokul'turnykh protsessov v epokhu Srednevekov'ya (po materialam raskopok 2017 goda) [Ancient settlement ceramic complex Ufa-II as a reflection of ethno-cultural processes in the era of Middle Ages (according to the excavations in 2017)]. In: A.I. Urazova (ed.), *Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur* [Ancient and medieval societies of Eurasia: crossroads of cultures]. Ufa, 204–224.
- Bogachyov, A.V. 1992: *Protsedurno-metodicheskie aspekty arkheologicheskogo datirovaniya (na materialakh poyasnykh naborov IV–VIII vv. Srednego Povolzh'ya)* [Procedural and methodical aspects of archaeological dating (on materials of waist sets of 4th–8th centuries of the Middle Volga region)] Samara.
- Bulychov, N.I. 1902: *Drevnosti iz Vostochnoy Rossii* [Antiquities from Eastern Russia]. Moscow.
- Gavritukhin, I.O. 1996: K izucheniyu remennykh garnitur Povolzh'ya VI–VII vv. [To the study of the belt sets of the Volga region 6th–7th centuries]. In: D.A. Stashenkov (ed.), *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny i tysyacheletiya n.e.* [Culture of The Eurasian steppes of the second half of the First Millennium AD]. Samara, 115–133.
- Gavritukhin, I.O., Oblomskiy, A.M. 1996: *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst* [Gapon treasure and its cultural and historical context]. Moscow.
- Gavritukhin, I.O. 2001: Evolyutsiya vostochnoevropeyskikh psevdopryazhek [Evolution of Eastern European Pseudo-Buckles]. In: D.A. Stashenkov (ed.), *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n.e. (iz istorii kostyuma)* [Culture of The Eurasian steppes of the second half of the First Millennium AD (from the history of culture)] Vol. 2. Samara, 31–86.
- Gening, V.F. 1977: Pamyatniki u s. Kushnarenkovo na r. Beloy (VI–VII v. n. e.) [Monuments near the village of Kushnarenkovo on the Belaya River (6th–7th centuries)]. In: R.G. Kuzeev (ed.), *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala* [Research of archeology of Southern Urals]. Ufa, 90–135.
- Goldina, R.D. 1985: *Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [Lomovatovsky culture in the Upper Kama region]. Irkutsk.

- Goldina, R.D., Vodolago, N.V. 1990: *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e*. [Burial grounds Nevolinsky culture in the Urals]. Irkutsk.
- Goldina, R.D. 2012: *Nevolinskiy mogil'nik VII–IX vv. v Permskom Predural'e*. [Nevolinsky burial ground of the 7th–9th century in Perm Urals]. Izhevsk.
- Ivanov, V.A. 1976: Glinyanye antropomorfnye figurki anan'insko-p'yanoborskogo vremeni. [The clay anthropomorphic figurines ananyinsky-pyanoborsky time]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology] 3, 308–312.
- Kovalevskaya, V.B. 1979: *Poyasnye nabory Evrazii IV–IX vv. Pryazhki* [Belt garniture of Eurasia 4th–9th centuries. Buckle]. Moscow.
- Kovalevskaya, V.B. 2000: Komp'yuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii [Computer processing of mass archaeological material from early medieval monuments of Eurasia].
- Komar, A.V. 1999: Predsaltovskiy i rannesaltovskiy gorizont Vostochnoy Evropy (voprosy khronologii) [Pre-Saltovo and early Saltovo horizon of Eastern Europe (questions of chronology)]. *Vita antiqua* 2, 111–136.
- Kenko, P.M. 2012: *Poyasnaya garnitura s territorii Belarusi (I–XIII vv.)* [Belt garniture from the territory of Belarus (1st–13th centuries.)]. Minsk.
- Krapacheva, O.S., Shamsutdinov, M.R. 2017: Metallicheskaya remennaya garnitura gorodishcha Ufa-II. In: E.V. Kamaleev (ed.), *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennost'* [Ethnoses and cultures of the Ural-Volga region: history and modernity]. Ufa, 69–77.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2011: Pogrebeniya epohi velikogo pereseleniya narodov i rannego srednevekov'ya iz kurganov stepnogo Prikuban'ya. In: O.V. Sharov (ed.), *Peterburgskiy apokrif. Poslanie ot Marka* [Petersburg apocrypha. Message from Mark]. Kishinev, 417–441.
- Makarova, T.I., Pletneva, S.A. 1983: Poyas znatnogo voina iz Sarkela [The belt of the noble warrior from Sarkel]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology] 2, 62–76.
- Mazhitov, N.A. 1959: Kurgannyi mogil'nik v derevne Novo-Turbasly [Burial mound in the village of Novo-Turbasly]. In: R.G. Kuzeev (ed.), *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik* [Bashkir Archaeological Collection] Ufa, 114–142.
- Mazhitov, N.A. 1964: *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v severo-vostochnykh rayonakh Bashkirskoy avtonomnoy sotsialisticheskoy respubliki za 1963 g.* [Scientific report on excavations in northeastern district of Bashkir Autonomous Socialist Republic in 1970 year]. Nauchnyy arkhiv arkheologicheskoy laboratorii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Archive of archaeological laboratory Bashkir State University]. Fund. 2. File 3.
- Mazhitov, N.A. 1962: Poselenie Novo-Turbaslinskoe II [Settlement Novo-Turbaslinskoe II]. In: R.G. Kuzeev (ed.), *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and ethnography of Bashkiria]. Ufa, 151–162.
- Mazhitov, N.A. 1968: *Bakhmutinskaya kul'tura: etnicheskaya istoriya naseleniya Severnoy Bashkirii serediny I tysyacheletiya nashey ery* [Bachmutsky culture: ethnic history of the population of Northern Bashkiria the middle of the First Millennium AD]. Moscow.
- Mazhitov, N.A. 1981: *Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [The mounds of the South Urals off the 8th–12th centuries]. Moscow.
- Mazhitov, N.A. 1986: *Otchet ob itogakh raskopok na Birskom mogil'nike v 1985 godu* [Report on the results of excavations at the Birk burial ground in 1985 year]. Nauchnyy arkhiv arkheologicheskoy laboratorii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Archive of Archaeological laboratory Bashkir State University]. F. 2. File 21.
- Mazhitov, N.A. 1990: *Ob itogakh raskopok 1989 goda na Imendyashevskom gorodishche v Gafuriyskom rajone Bashkirskoy ASSR* [On the results of the 1989 excavation at Imendyashevo settlement in Gafuriyski district of Bashkir Autonomous Socialist Republic]. Nauchnyy

- arkhiv arkheologicheskoy laboratorii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Archive of Archaeological laboratory Bashkir State University]. F. 2. File 37.
- Mastykova, A.V. 2009: *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV–seredine VI v.* [Female costume of Central and Western Ciscaucasia at the end of the 4th –the middle of the 6th century]. Moscow.
- Matveeva, G.I. 1963: *Otchet arkheologicheskoy ekspeditsii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta za 1962 god* [Report of the archaeological mission of the Bashkir State University for 1962]. Nauchnyy arkhiv arkheologicheskoy laboratorii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Archive of Archaeological laboratory Bashkir State University]. F. 3.
- Matveeva, G.I. 1966: *Otchet arkheologicheskoy ekspeditsii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta za 1965 god* [Report of the archaeological mission of the Bashkir state University for 1965]. Nauchnyy arkhiv arheologicheskoy laboratorii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Archive of Archaeological laboratory Bashkir State University]. F. 3. File 4.
- Matveeva, G.I. 1968: Shareyevskiy mogil'nik [Shareevsky burial ground]. *Uchonyye zapiski Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Bashkir State University] 7, 5–20.
- Matveeva, G.I. 2004: *Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaya kul'tura* [Middle Volga region in 4th –7th centuries: Imenkov culture]. Samara.
- Matveeva, G. I., Nikitina, A.V. 2015: Osobennosti pamyatnikov romanovskogo tipa epohi Velikogo pereseleniya narodov na primere materialov issledovaniya selishcha Romanovka-II 1989 goda [Features of Romanov monuments of the era of the great migration of peoples on the example of the study of the village Romanovka-II in 1989]. *Voyadzher: mir i chelovek* [Voyager: the world and a man] 6, 52–77.
- Morozov, Yu.A. 2000: Issledovaniya Ufimskogo gorodishcha [Researches of the Ufa settlement]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa archaeological Herald] 2, 145–154.
- Ostanina, T.I. 1997: *Naselenie Srednego Priam'ya v III–V vv.* [The Population of the Middle Kama region in the 3rd –5th centuries]. Izhevsk.
- Savinov, D.G. 1984. *Narody Yuzhnou Sibiri v drevnetyurkskuyu epohu* [Peoples of southern Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad.
- Smirnov, M.S. 1921: *Otchety o proizvedennykh raskopkakh v 1920–1921 gg. bliz g. Sterlitamaka* [Report on works conducted near Sterlitamak in 1920–1921]. Scientific Archives of Ufa Federal Research Center of RAS. F. 3. Inv. 5. No. 81.
- Sungatov, F.A. 1998: *Turbaslinskaya kul'tura (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov V–VIII vv. n.e.)* [Turbaslinsky culture (on materials of the funerary monuments of the 5th–8th centuries AD)]. Ufa.
- Shokurov, A.P. 1955: *Otchet Bel'skogo otryada ob arkheologicheskoy rabote letom 1955 g. v Kushnarenkovskom rayone Bashkirskoy ASSR* [The report of the Belski group on archaeological work in the summer of 1955 in the Kushnarenkovo district of Bashkir Autonomous Socialist Republic]. Scientific Archives of Ufa Federal Research Center of RAS. F. 3. Inv. 21. №. 225.

BELT SETS FROM EARLY MEDIEVAL SETTLEMENTS IN BASHKORTOSTAN

Olga S. Belyavskaya

*Institution of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of
Russian Academy of Science, Ufa, Russia
krapacheva.olya@mail.ru*

Abstract. The article discusses belt items found during the excavations of a number of monuments of the settlement in the territory of the Republic of Bashkortostan. The base source were the materials of Novo-Turbaslynski II, Kushnarenkovski, Romanovski II, Yangantauski villages, Kuvikovski, Uyandykski hill-forts and the ancient settlement Ufa-I. Morphology, typology, dating and analogies for belt garniture have been analyzed. A significant part of the products has numerous analogies both in the Urals and far beyond. Kuvikovski settlement buckle due to the notches on the tongue is close to the Crimean specimens of buckles common in 5th–7th centuries, which are the vestiges of zoomorphic motivations in the form of animal heads, and the tip with Novo-Turbaslynski II settlement is identical to the Crimean discovery from A. L. Berthier-Garde's collection dating from the second half of the 7th century. A number of belt garniture items is present as product of the "heraldic" style, which is widely used in the Eurasian areas in 6th–7th centuries (Kushnarenkovo, Romanovka, Yangantau). To the belt garniture from the burial made in the rampart of the Uyandyk settlement, the closest analogies were found in the well-known treasure from Sarkel. The analysis of the considered category of finds once again confirms the existence of stable relations between the population of the Urals and the Black sea, the Northern Caucasus, the Kama Region and Western Siberia in the early middle ages.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, belt set, morphology, typology, dating

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 202–226
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 202–226
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-202–226

РАННЕМУСУЛЬМАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ В ДЕРБЕНТЕ (БАБ АЛ-АБВАБЕ)¹

М.С. Гаджиев, А.И. Таймазов, А.Л. Будайчиев, А.М. Абдулаев, А.К. Абиев

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия*
murgadj@rambler.ru, taymazov_artur@mail.ru, arseneihae@yandex.ru,
realhigh87@mail.ru, abiev-ak@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена результатам спасательных археологических работ, проведенных на раскопе XXXIII, расположенном за пределами средневекового *шахристана* Дербента (араб. Баб ал-абваб), в 130 м от северной оборонительной стены города. В итоге исследований были вскрыты культурные слои (четыре слоя общей толщиной около 2,4 м), включающие фрагменты средневековой поливной и неполивной керамики, стеклянных сосудов и браслетов, медные монеты и другие находки, относящиеся к арабскому и предмонгольскому периодам (VIII – нач. XIII в.).

В раскопе были выявлены средневековые мусульманские захоронения двух периодов: XV–XVII вв. (погребения 1 и 2 в каменных ящиках) и кон. VIII – нач./сер. IX в. (погр. 3–26). Данные раннемусульманские погребения были совершены после отложения слоя 4 – в начальный и средний период отложения слоя 3.

Выявленные раннемусульманские захоронения представляют три типа погребальных конструкций: 1) подбойные могилы (14 погребений); большинство подбоев имели заклады из сырцовых блоков; 2) грунтовые ямы (9 погребений); 3) грунтовая яма, обложенная сырцовыми блоками (погр. 9).

Стратиграфическая позиция погребений, датировка слоев 3 и 4 соответственно VIII в. и IX–X вв., позволяет датировать выявленный могильник узким хронологическим диапазоном – кон. VIII – нач./сер. IX в. Такая датировка могильника, расположенного в зоне *дар ал-харб* («территория войны»), соответствует сложившейся после 764 г. спокойной ситуации на арабо-хазарском пограничье. Выявленный некрополь является наиболее ранним датированным мусульманским могильником в Дербенте и на Кавказе.

Ключевые слова: Восточный Кавказ, Дагестан, Дербент, Баб ал-абваб, мусульманский погребальный обряд, ранний мусульманский могильник

Данные об авторах: Гаджиев Муртазали Серажутдинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; Таймазов Артур Исрапилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; Будайчиев Арсен Лахманович – младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; Абдулаев Абдула Магомедович – младший научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; Абиев Аскерхан Камалович – младший научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

¹ В основе статьи доклад, прочитанный на XXX Крупновских чтениях по археологии Северного Кавказа (Геберда, 23–29 апреля 2018 г.) (Гаджиев, Таймазов, Будайчиев, Абдуллаев, Абиев 2018, 422–425).

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБНАРУЖЕНИЯ МОГИЛЬНИКА

В августе-сентябре 2015 г. Дербентская новостроечная археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН провела археологические раскопки в г. Дербенте на участке строительства в средней части современного города за северной оборонительной стеной сер. VI в. н.э.², т.е. за пределами средневекового города (*шахристана*). Заложенный здесь раскоп XXXIII (8х5 м) располагался в 130 м к СЗ от башни № 15 (по нумерации Е.А. Пахомова) северной городской стены (рис. 1). Территория строительства ранее подвергалась активному хозяйственному воздействию и верхние слои (слои 1 и 2) были нарушены поздними перекопами. В результате работ на раскопе были выявлены культурные напластования (до 2,4 м), хорошо датируемые арабским, сельджукским и предмонгольским периодами (VIII – нач. XIII в.) и фиксирующие расположение здесь свалок бытовых отходов, вынесенных за пределы *шахристана*³. В ходе работ на раскопе были выявлены средневековые мусульманские захоронения двух хронологических периодов: XV–XVII вв. (впущенные в слой предмонгольского времени погребения 1 и 2 в каменных ящиках) и конца VIII–IX вв. (погребения 3–26). В настоящей публикации характеризуются раннемусульманские захоронения (рис. 2, 3).

2. ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

Выявленные могилы, будучи впущенными в культурный слой, представляющий собой средней плотности суглинок, фиксировались только на их нижнем уровне в предматериковом или материковом слое. Вследствие этого верхние части входных ям подбойных захоронений и могильных ям грунтовых погребений, так же как и своды подбойных камер были разрушены в неплотном, неустойчивом грунте. В силу особенностей грунта сохранность костных остатков всех погребенных была неудовлетворительная, определялась только возрастная категория погребенных.

Погребение 3 (рис. 4, 1), очевидно, было совершено в простой удлиненной грунтовой яме с закругленными углами, ориентированной по линии восток–запад. Размеры ямы: 137×38 см. Погребенный (ребенок) лежал вытянуто на правом боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища. Часть нижних конечностей отсутствовала. На дне погребения у темени найдена бронзовая фигурная 8-лепестковая накладка с округлым отверстием по центру (рис. 4, 1а). Лепестки оформлены небольшими круглыми углублениями, d=1,6 см, d отверстия – 4,5 мм, толщина – 2,5 мм.

Погребение 4 (рис. 4, 2), очевидно, было совершено в простой грунтовой яме трапецевидной формы. Размеры ямы: 63×36 см. Погребенный (младенец) лежал вытянуто на правом боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, кости рук располагались вдоль туловища, кости ног ниже колен отсутствовали.

² О времени строительства стены см.: Гаджиев 2006, 77–94; Gadjiev 2008, 1–15.

³ Гаджиев, Таймазов, Будайчиев, Абдуллаев, Абиев 2017, 177–201.

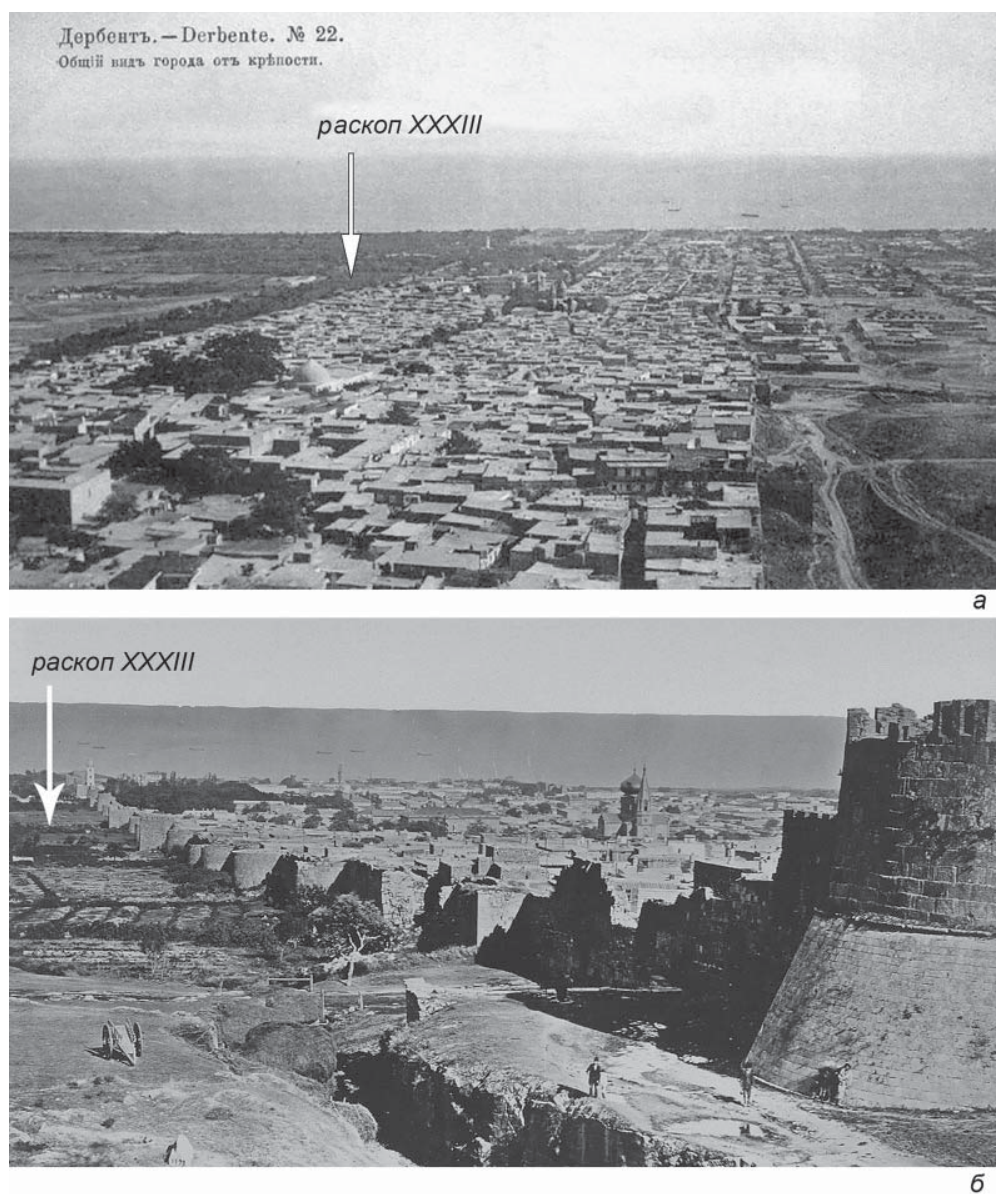

Рис. 1. Вид Дербента с указанием местоположения раскопа XXXIII: а – с цитадели Нарын-кала (почтовая открытка нач. XX в.), б – с запада с видом северной городской стены (фотография Д.И. Ермакова, кон. XIX в.)

Погребение 5 (рис. 4, 3) было совершено в подбойной могиле. Входная удлиненная прямоугольная яма была ориентирована по оси восток-запад, размеры ямы 173×37 см. Подбой находился в боковой южной стенке входной ямы. Вход в подбой был заложен однорядной кладкой из нестандартных сырцовых блоков. Свод подбоя у этого погребения, как и у других, не сохранился. Подбойная камера

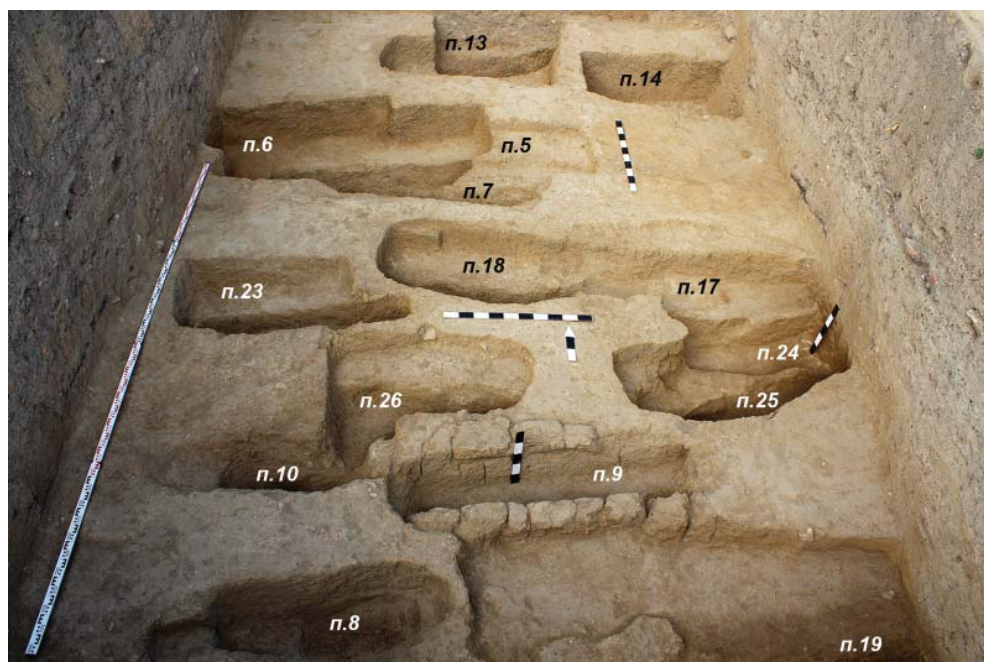

Рис. 2. Дербент. Раскоп XXXIII. Общий вид с юга после расчистки погребений

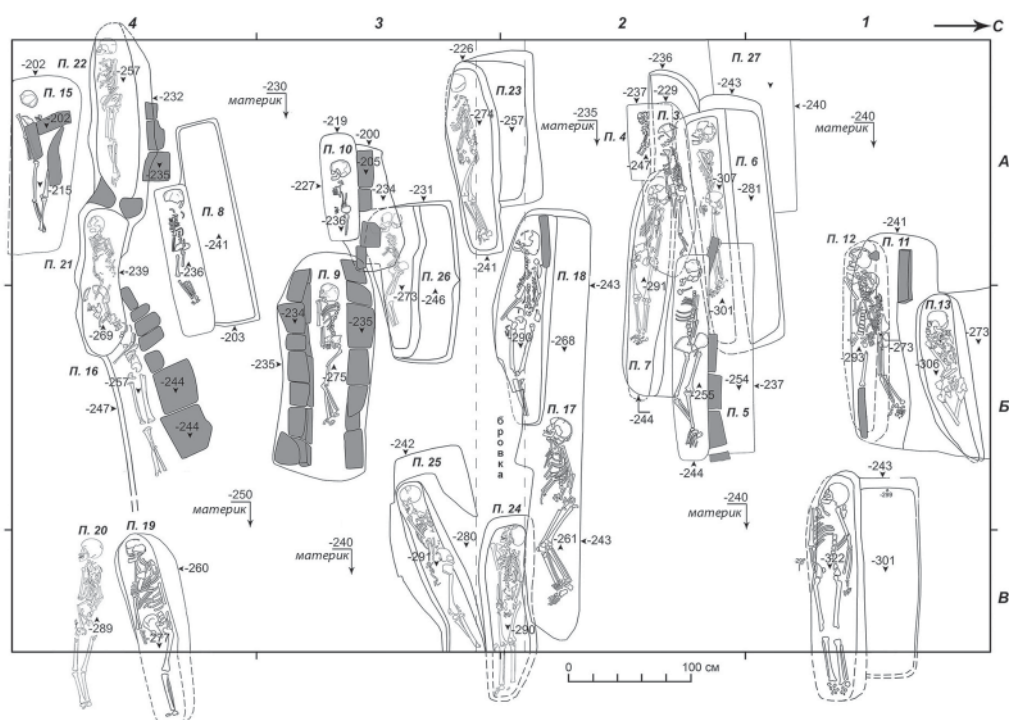

Рис. 3. Дербент. Раскоп XXXIII. Общий план погребений 3-27

имела узкую вытянутую подпрямоугольную форму со скругленными углами. Ее дно располагалось на 2–4 см ниже дна ямы. Размеры подбоя: 168×29 см. Погребенный (взрослый) лежал вытянуто на правом боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях и ступнями сведены вместе.

Погребение 6 (рис. 4, 4) было совершено в подбойной могиле. Входная яма имела удлиненную прямоугольную форму и немного покатые стенки. Размеры ямы: 208×30 см, на уровне дна – 188×27 см. Подбой был устроен в боковой южной стенке входной ямы. Вход в подбой был заложен однорядной кладкой (длинной 188 см) из нестандартных сырцовых кирпичеобразных блоков (36×32×9 см, 30×26×9 см), поставленных на ребро. Стенки узкой длинной подбойной камеры подпрямоугольной формы имели легкую покатость. Размеры подбоя: 197×35 см, на уровне дна – 184×20–26 см. Дно подбойной камеры находилось на 20–27 см ниже дна от входной ямы. Погребенный (подросток) лежал вытянуто на правом боку, головой на юго-запад–запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, ноги были вытянуты.

Погребение 7 (рис. 5, 1) было совершено в подбойной могиле. Длина входной ямы, ориентированной длинной осью по линии восток–запад с незначительным отклонением, составляла около 180 см, прослеженная ширина – не менее 30 см. Подбой располагался в боковой южной стенке входной ямы и был заложен кладкой из нестандартных подпрямоугольных сырцовых блоков, которые опрокинулись и лежали горизонтально над погребением. Дно подбоя находилось на 21–23 см ниже дна входной ямы. Камера имела узковытянутую овальную форму. Длина подбоя – 183 см, прослеженная ширина – 30–38 см. Погребенный (ребенок) лежал вытянуто на правом боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты.

Погребение № 8 (рис. 5, 2) было совершено в подбойной могиле. Входная яма имела вытянутую прямоугольную форму со слегка закругленными углами и была ориентирована длинной осью по линии северо-восток–восток – юго-запад–запад. Размеры ее 167×33 см. Подбой был устроен в южной продольной стенке со смещением к восточной поперечной стенке. Дно подбоя располагалось на 5–7 см выше дна входной ямы. Закладные сырцовые блоки не зафиксированы – возможно, подбой имел заклад из несохранившихся деревянных плах. Подбой имел в плане удлиненную прямоугольную форму с закругленными углами, его размеры – 122×29 см. Погребенный (ребенок) лежал на правом боку, головой на юго-запад – запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях.

Погребение 9 (рис. 5, 3) представляло собой захоронение в удлиненной подпрямоугольной грунтовой яме, обложенной по продольным сторонам нестандартными сырцовыми кирпичеобразными блоками, образующими гробницу. Яма длинной осью ориентирована по линии восток–запад с незначительным отклонением. Размеры ямы: 183×73 см. Северная и южная стенки имеют два ряда кладки: нижний ряд блоков положен на ребро, верхний – лежит плашмя. Ширина стен 15–20 см, высота – 40 см, длина южной стенки 160 см, а северной – 168 см. Ширина межстенного пространства в среднем 34 см. Возможно, гробница перекрывалась несохранившимися деревянными плахами. Погребенный (взрослый) лежал вы-

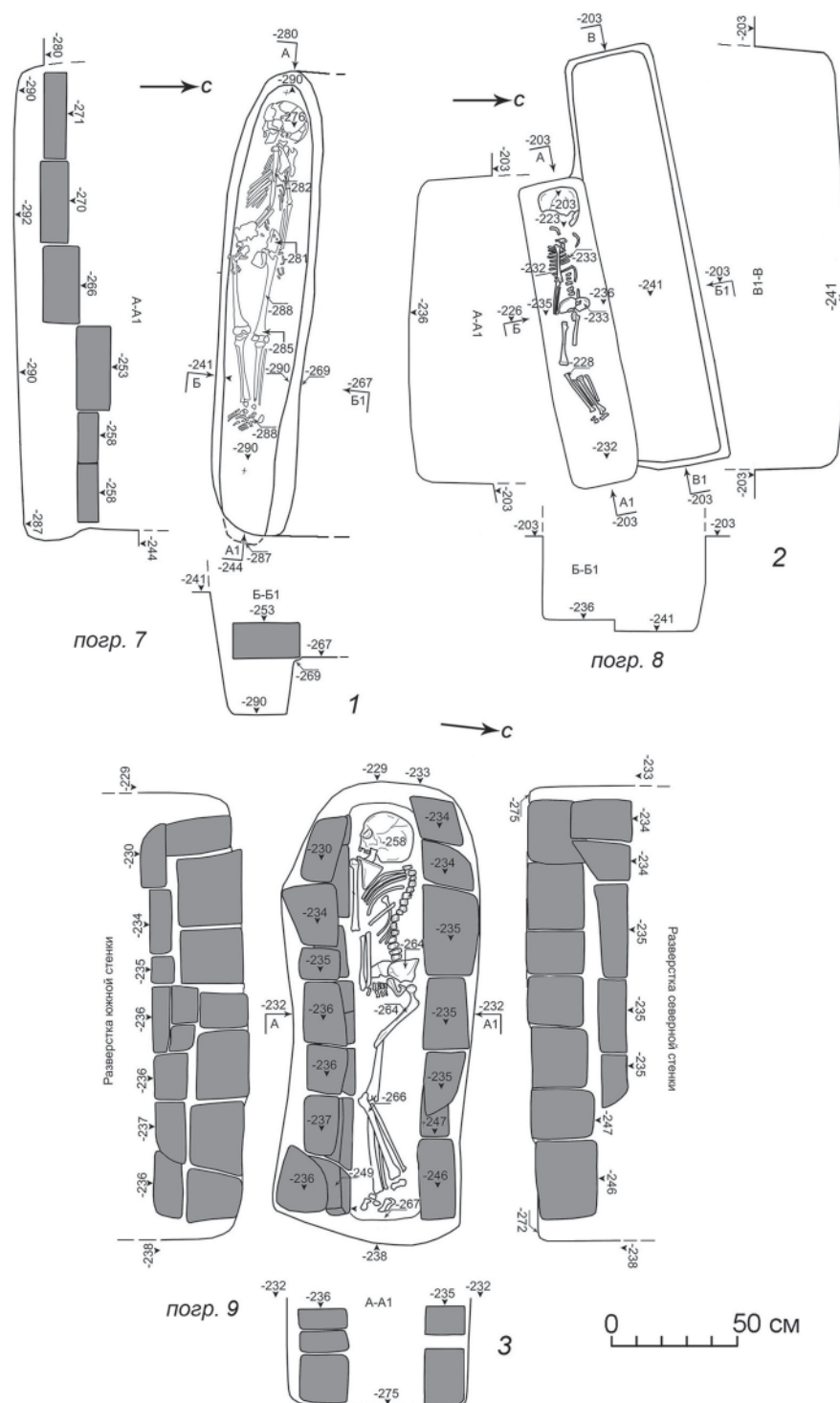

Рис. 5. Дербент. Раскоп XXXIII. Погребения 7-9. Планы и разрезы

тянуто на правом боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях.

Погребение 10 (рис. 6, 1) было совершено в подбойной могиле. Входная яма погребения имела неправильную удлиненную форму и ориентирована центральной осью по линии восток-запад. Размеры: 107×21–36 см. Подбой был сделан в южной продольной стенке входной ямы и заложен однорядной стенкой из четырех нестандартных сырцовых кирпичевидных прямоугольных блоков. Контуры подбоя слабо прослеживались в западной части; восточная часть подбоя была разрушена погребением 9 (рис. 3). Вероятно, подбой имел узкую вытянутую прямоугольную форму с закругленными углами. Ширина подбоя 23–29 см, примерная длина – 112 см. Дно подбоя находилось на 1–2 см ниже дна входной ямы. Погребенный (младенец) лежал вытянуто на правом боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, кости нижних конечностей не сохранились (кроме левой бедренной кости) в результате потревоженности погребением 9.

Погребение 11 (рис. 6, 2) было совершено в подбойной могиле. Входная яма имела удлиненную подпрямоугольную форму с закругленными углами и была ориентирована по оси восток-запад. Ее примерные размеры: 175×20–32 см. Подбой находился в боковой южной стенке входной ямы. Вход в него был заложен стенкой из нестандартных сырцовых блоков, от которых *in situ* остался один, поставленный на ребро у изголовья погребенного, остальные распавшиеся блоки заклада представляли глиняную массу на дне входной ямы. Дно подбоя располагалось на 6–7 см ниже дна входной ямы. Подбой имел в плане удлиненную прямоугольную яму с закругленными углами. Размеры: около 170×35–45 см. Погребенный (ребенок) лежал на правом боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях.

Погребение 12 (рис. 6, 3) находилось непосредственно под погребением 11 и было совершено в подбойной могиле, которая была частично разрушена вышележащим захоронением. Входная яма погребения имела удлиненную подпрямоугольную форму с закругленными углами, ориентированную по оси восток-запад, с примерными размерами 175×40 см. Подбой находился в боковой южной стенке входной ямы. Следов заклада не зафиксировано, кроме лежавшего в ногах погребенного расплывшегося тонкого и длинного сырцового блока (40×6×8 см). Дно подбоя располагалось на 15–17 см ниже дна входной ямы. Подбой имел в плане удлиненно-овальную форму размерами 162×29–37 см. Погребенный (подросток) лежал вытянуто на спине, головой на запад, лицевыми костями на юг, нижние конечности отсутствовали, за исключением одной левой бедренной кости.

Погребение 13 (рис. 6, 4) располагалось вплотную к северу от погребения 11 и представляло собой захоронение в подбойной могиле, которое было перекрыто глиняным массивом, образовавшимся от распавшихся сырцовых блоков (рис. 6, 2). Примерные размеры входной ямы, уходившей в северный борт раскопа, – 135×30 см. Подбой, устроенный в продольной южной стенке ямы, имел удлиненно-овальную форму, сужался к ногам погребенного и был ориентирован длинной осью по линии северо-восток-восток – юго-запад-запад. Дно подбоя располагалось на 33 см ниже дна входной ямы. Длина подбоя – 136 см, ширина – 25 (по дну) – 40 (по верху) см. Погребенный (ребенок) лежал на спине с легким поворотом на правый бок, головой на юго-запад-запад, лицевыми костями на юг. Левая рука была согнута в локте и лежала на

Рис. 6. Дербент. Раскоп XXXIII. Погребения 10-13. Планы и разрезы

туловище, плечевая кость правой руки также лежала на туловище, ноги скрещены чуть выше колен. Кости голени отсутствовали.

Погребение 14 (рис. 7, 1) было совершено в подбойной могиле. Восточная часть ямы уходила в восточный борт раскопа. Очевидно, что яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами и слегка наклонными бортами. Примерные размеры входной ямы, ориентированной по оси восток-запад, – 172–178×40–45 см. Подбой, устроенный в продольной южной стенке ямы, имел удлиненно-овальную форму и также был ориентирован длинной осью по линии восток-запад. Дно подбоя располагалось на 20–21 см ниже дна входной ямы. Длина подбоя – 136 см, ширина – 25 (по дну) – 40 (по верху) см. По-видимому, вход был заложен кладкой из плохо сохранившихся сырцовых кирпичеобразных блоков, которые опрокинулись в подбой и перекрыли погребение в виде оплывших кусков глинобита. Погребенный (взрослый) лежал вытянуто на спине, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты.

Погребение 15 (рис. 7, 2), примыкавшее к южной стенке раскопа и частично поврежденное перекопом(?), очевидно, было совершено в подпрямоугольной(?) грунтовой яме с закругленными углами, контуры которой прослеживались слабо. Яма ориентирована длинной осью по линии восток-запад, ее размеры – 142×50 см. Погребение в центральной части перекрывали три удлиненных узких сырцовых блока размерами 28×13×6,5 см, 28×10×10 см, 48×10×10 см, при этом следов входной ямы не зафиксировано. Погребенный (подросток) лежал на спине, головой на запад, правая рука располагалась вдоль туловища, ноги были скрещены на уровне голеностопа.

Погребение 16 (рис. 7, 3) было совершено в подбойной могиле. Контуры входной ямы и подбоя не прослеживались. Захоронение было ориентировано длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. На наличие подбоя указывало расположение вдоль скелета погребенного с северо-западной стороны нескольких горизонтально лежавших сырцовых блоков, фиксирующих существовавший заклад в погребальную камеру. Погребенный (подросток) лежал вытянуто на правом боку головой на юго-запад, лицевыми костями на юго-восток, ноги вытянуты и перекрещены на уровне голеней.

Погребение 17 (рис. 7, 4), вероятно, было совершено в грунтовой яме, пятно которой хорошо прослеживалось, хотя голени погребенного были перекрыты двумя горизонтально лежавшими сырцовыми кирпичеобразными блоками (размеры: 35×22×12 см, 39×28×12 см). Яма, ориентированная по оси восток-запад, имела удлиненную форму, восточный ее край был закруглен, северный нарушен входной ямой погребения 18 (рис. 3). Длина ямы – около 190 см, ширина – 38–45 см. Погребенный (взрослый) лежал на правом боку головой на запад, лицевыми костями на юг, руки вытянуты вдоль тела и слегка согнуты в локтевых суставах, ноги подогнуты в коленях.

Погребение 18 (рис. 8, 1) было совершено в подбойной могиле. Входная яма, ориентированная по оси восток-запад, имела узкую удлиненную прямоугольную форму; длина ее – около 170 см, ширина – 28 см. Подбой был устроен в продольной южной стенке ямы. Вход в него был заложен крупными сырцовыми кирпичевидными блоками, которые обвалились в камеру и перекрывали погребение. Еще два крупных сырцовых блока (37×25×16 см, 32×23×18 см) лежали на дне входной ямы у северо-западного угла. Подбой имел узкую удлиненную форму

длиной 164 см и шириной 35 см, ориентирован по линии восток-запад. Дно подбойной камеры находилось ниже уровня входной ямы на 20–23 см. Погребенный (взрослый) лежал вытянуто на боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки были расположены вдоль туловища, ноги были вытянуты и слегка согнуты в коленях.

Погребение 19 (рис. 8, 2), вероятно, было совершено в узкой длинной грунтовой яме с закругленными углами. Контур ямы, ориентированной по оси северо-восток-восток – юго-запад-запад, фиксируется в западной половине могилы. С северо-западной стороны вдоль ямы зафиксирована ступенька-плечико шириной 9–14 см. Длина ямы, очевидно, была около 160 см, ширина – 34 см, с учетом ступеньки – 44–48 см. Погребенный (взрослый) лежал вытянуто на левом боку, головой на юго-запад-запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища.

Погребение 20 (рис. 8, 3), очевидно, было совершено в узкой грунтовой яме. Контуры и форма ямы не зафиксированы. Погребенный (подросток) лежал вытянуто на правом боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища.

Погребение 21 (рис. 8, 4) было совершено в удлинённо-овальной грунтовой яме, ориентированной по линии восток-запад. Погребенный (ребенок) лежал вытянуто на спине, головой на запад, лицевыми костями на юг, правая рука вытянута вдоль туловища, левая рука слегка согнута в локте. Кости ног имели плохую сохранность и, судя по сохранившимся фрагментам и тлену, конечности были слегка согнуты в коленях.

Погребение 22 (рис. 8, 5) было совершено в удлиненной овальной яме с немногими продольными бортами. Могильная яма, ориентированная по оси восток-запад, на нижнем уровне была завалены сырцовыми кусками, под которыми и был выявлен скелет погребенного. Распавшиеся куски зафиксированы также вдоль восточной и южной стенок ямы, возможно, отмечая наличие заплечиков и несохранившееся древесное перекрытие. Следов входной ямы не выявлено. Длина могильной ямы на уровне дна – около 145 см, ширина на уровне дна – 32–35 см, ширина на уровне возможных плечиков – около 50 см. Дно ямы было ниже уровня вероятных заплечиков на 24–26 см. Погребенный (ребенок) лежал вытянуто на правом боку головой на запад, лицевыми костями на юг, правая рука вытянута вдоль туловища, левая рука слегка согнута в локте. Ноги вытянуты и перекрещены в голенях.

Погребение 23 (рис. 9, 1) было совершено в подбойной могиле. Входная яма, ориентированная по линии восток-запад, имела удлиненную прямоугольную форму и покатые борта. Длина ямы – около 150 см, ширина – 30–40 см. Подбой располагался в боковой южной стенке входной ямы. Он имел узкую удлиненную овальную форму, слегка покатые стенки и был ориентирован по оси восток-запад. Длина подбоя по дну – 148 см, длина по верху – 158 см, ширина 28–45 см. Дно подбойной камеры находилось ниже уровня входной ямы на 18 см. Погребенный (подросток) лежал вытянуто на правом боку, головой на запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях.

Погребение 24 (рис. 9, 2) было совершено в ориентированной по оси восток-запад подпрямоугольной грунтовой яме со слегка наклонными стенками и закругленными углами. Восточный край ямы уходил в восточный борт раскопа. Яма

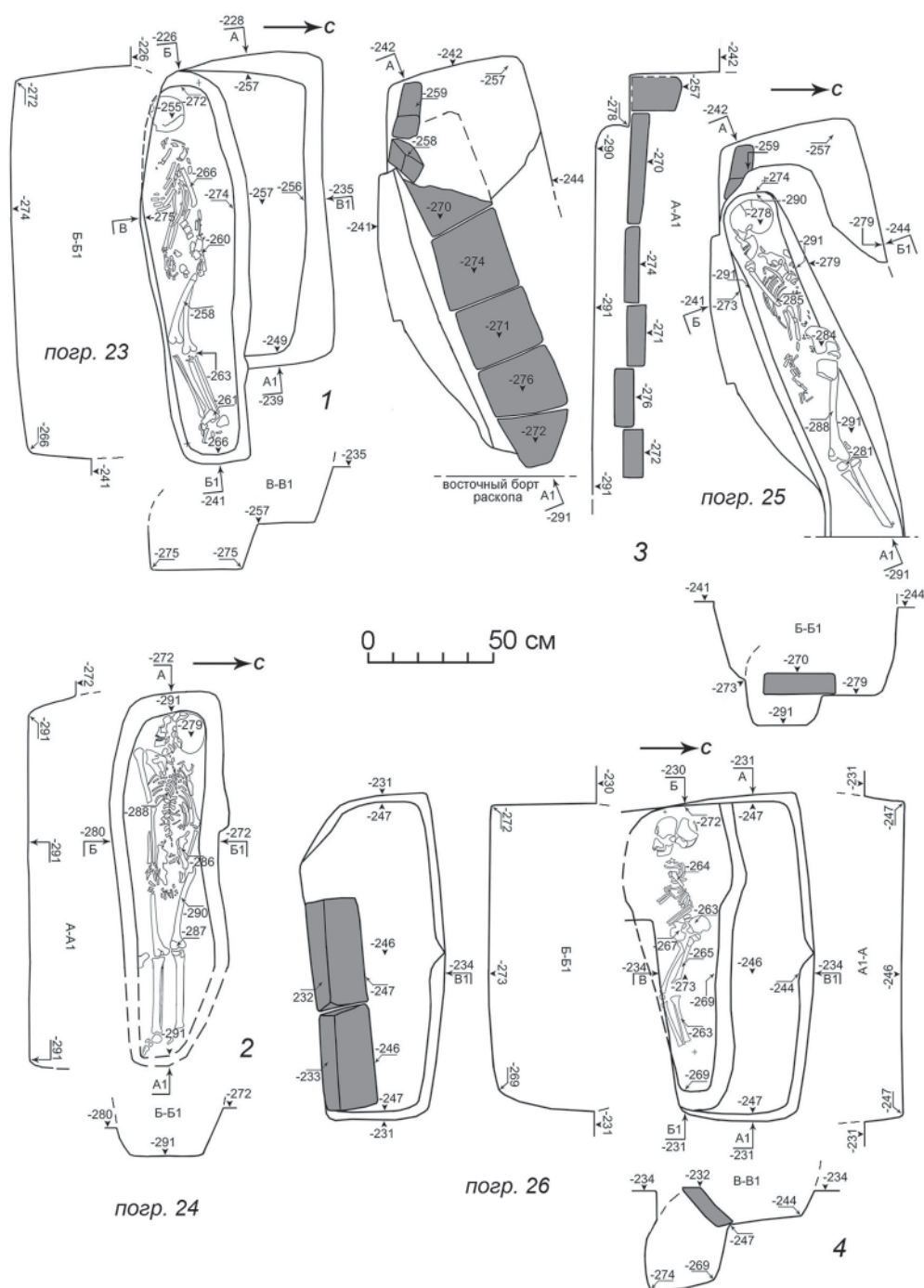

Рис. 9. Дербент. Раскоп XXXIII. Погребения 23-26. Планы и разрезы

имела длину около 150 см при ширине по дну около 30 см. Погребенный (подросток) лежал вытянуто на животе (первоначально, очевидно, на правом боку) головой на запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты.

Погребение 25 (рис. 9, 3) было совершено в подбойной могиле. Восточный край могилы уходил в восточный борт раскопа. Входная яма, ориентированная по оси северо-восток-восток – юго-запад-запад и имевшая, очевидно, подпрямоугольную форму, частично разрушена погребением 24. Подбой был сделан в южной продольной стенке и имел узкую вытянутую подпрямоугольную форму с закругленными углами и чуть наклонными продольными бортами. Длина подбоя – около 160 см, ширина – 30–36 см. Вход в подбой был заложен нестандартными сырцовыми кирпичеобразными блоками различного размера, обрушившимися и лежавшими горизонтально над погребением в подбойной камере, при этом край блоков лежал на краю дна входной ямы. Дно подбойной камеры находилось ниже уровня входной ямы на 12 см. Погребенный (взрослый) лежал вытянуто на правом боку, головой на юго-запад-запад, лицевыми костями на юг, руки расположены вдоль туловища, правая нога слегка согнута; кости левой ноги отсутствовали. Сохранность скелета плохая.

Погребение 26 (рис. 9, 4) было совершено в подбойной могиле. Входная яма имела удлиненную подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии восток-запад. Борты ямы имели легкий наклон, дно было слегка наклонено в сторону подбойной камеры. Размеры входной ямы: длина – 100 (по дну) – 128 см, ширина – 27–33 см. Подбой располагался в южной стенке входной ямы и был заложен двумя плохо сохранившимися сырцовыми кирпичами размерами 41×20×10 см и 38×20×9 см, представляющими полуформатный «сасанидский» кирпич. Подбойная камера, ориентированная по линии восток-запад, имела удлиненную, сужающуюся в ногах форму с немного наклонным дном (перепад 5 см), продольной северной и поперечной восточной стенками, размерами 113 (дно) – 123×14 (в ногах) – 40 см. Дно подбоя находилось ниже дна входной ямы на 22–27 см. Погребенный (ребенок) лежал вытянуто на правом боку головой на запад, лицевыми костями на юг, руки согнуты в локтях, ноги слегка согнуты в коленях.

3. ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ И ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Выявленные захоронения представляют три типа погребальных конструкций:
тип 1 – подбойные могилы (14 погребений) с узкой входной ямой; подбой устраивался в южной продольной стенке входной ямы немного ниже ее дна; большинство подбоев имели заклады из сырцовых блоков, которые устанавливались, судя по зафиксированным случаям, или наклонно, или вертикально; в некоторых случаях для заклада, возможно, использовались доски;

тип 2 – узкие, удлиненные грунтовые ямы подпрямоугольной с закругленными углами, реже овальной формы (9 погребений); вероятно, ямы имели заплечики для перекрытия захоронения;

тип 3 – грунтовая яма, обложенная вдоль продольных стенок сырцовыми блоками (погр. 9), поверх которых, вероятно, шло дощатое перекрытие.

Погребения в равном количестве представляют захоронения детей (8 погр.), подростков (7 погр.) и взрослых (7 погр.) при двух младенцах. Возрастной зависимости от типа погребения не наблюдается; даже младенцы похоронены в разных типах погребений: один – в яме, другой – в подбое. Замечается некоторая зависимость от глубины погребения (несмотря на то, что верхние части могильных ям не сохранились): погребения младенцев и детей залегают, как правило, выше погребений подростков и взрослых.

Погребения ориентированы по оси восток-запад, иногда с незначительным отклонением к югу, головой на запад. Захоронения безынвентарные. Большинство погребенных лежали в вытянутом положении на правом боку (17 погр.), 6 погребенных – на спине, 1 – на животе (первоначально, очевидно, на правом боку). Руки вытянуты вдоль туловища, иногда слегка согнуты в локтях, ноги также вытянуты и в некоторых случаях немного подогнуты в коленях; в трех случаях (погр. 15, 16, 22) наблюдалось перекрещивание костей конечностей на уровне голеней или голеностопа, вероятно, указывающее на перевязку ног покойника. Черепа погребенных обращены лицевыми костями исключительно в южную сторону.

Обращение лица на юг – в сторону священной Мекки, с соблюдением *киблы* – это показательная, маркирующая черта мусульманского погребального обряда⁴, которая вместе с другими характерными деталями, такими, как западная ориентировка погребальных сооружений и захоронений, захоронение в подбойной могиле (араб. *lahd* ‘могильная ниша’) или простой яме (яме с заплечиками – араб. *shiqq / shaqq* ‘траншея’), подбой в южной стенке, вытянутое положение на правом боку, безынвентарность, позволяет считать, что данные захоронения совершены по нормам мусульманского обряда погребения⁵.

Наблюдаемые скученность захоронений и их частое наложение могут указывать на отсутствие над погребениями специальных долговременных мемориальных памятников, что отвечало раннеисламским нормам. Отметим, что в слое 3, с уровня (начальная и средняя фазы) которого осуществлялись захоронения, наблюдались не только прослойки материкового выкида, очевидно, фиксирующие сооружение могильной ямы, но и развалившиеся (расплывшиеся) остатки сырцовых кирпичей или блоков, подобных использованным в закладах подбоев. Здесь отметим, что по раннеисламским нормам допускалось использование необожженного кирпича (араб. *labin*) для заклада и для сооружения непритязательного, низкого (высотой в четыре пальца) холмика (араб. *sanam*) для отметки места могилы (без эпитафии и указания имени умершего или пассажей из Корана), тогда как использование более прочного обожженного кирпича (араб. *adjurr*) не рекомендовалось, поскольку это считалось первым шагом на пути к сооружению стационарного мемориального памятника, что находилось под строгим запретом⁶. Исследователями отмечалась также ассоциация обожженного кирпича с огнем и, следовательно, с адом⁷.

Представленная вариабельность погребальных сооружений (араб. *al-qabr* ‘могила’) характерна для мусульманского погребального обряда с периода ранне-

⁴ Al-Misri 1994, 238–239; Petersen 2013, 248–249.

⁵ Petersen 2013, 246–249; Обряды похорон в Исламе ...

⁶ Sourdel-Thoumine, Linant de Bellefonds 1978, 355; Funerals: According to the Qur'an and Sunnah.

⁷ Petersen 2013, 247.

го ислама, на что неоднократно обращали внимание исследователи⁸. Захоронение не в подбое-нише (тип 1 – *lahd*), являвшемся предпочтительным (считается, что в такой могиле был погребен пророк Мухаммад), а в простой яме с заплечиками (тип 2 – *shaqq*) допускалось, если почва была неустойчивой, рыхлой, сыпучей, что могло привести к разрушению могильной ниши⁹. То же объяснение применимо и к типу 3, при котором роль заплечиков выполняли уложенные в яме вдоль продольных бортов сырцовые кирпичеподобные блоки. Отметим, что подобные могилы с использованием сырцового кирпича в различных вариациях широко представлены, например, в раннемусульманском могильнике Миздакхана близ городища Гяур-кала (Хорезм)¹⁰.

4. СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА.

Описанные погребения, как отмечалось, фиксировались только на их нижнем (придонном) уровне, будучи впущенными в предматериковый слой 4 и в материковую почву. Судя по выкидам материка, наблюдаемым вместе с разложившимися сырцовыми блоками/кирпичами на границе слоя 4 и вышележащего слоя 3, а также на нижнем и среднем уровнях слоя 3, выявленные погребения были осуществлены в период после завершения отложения слоя 4 и в начальный – средний период отложения слоя 3. Абсолютная датировка данных слоев и, соответственно, выявленного могильника, определяется комплексом находок из слоев 4 и 3, включавшим керамику, нумизматический материал и др.

В керамическом комплексе предматерикового слоя 4 (толщиной до 50 см) не представлены глазурованная керамика¹¹, которая появляется в Дербенте в кон. VIII – нач. IX в.¹², а также стеклянные браслеты, характерные для сельджукского и предмонгольского времени (XI – нач. XIII в.). Среди керамики слоя выделим фрагменты венчиков сероглиняных горшка (рис. 10, 1) и котлов (рис. 10, 5–7), красно- и коричневоглиняных мисок (рис. 10, 2–4), горловин красноглиняных тарных сосудов (рис. 10, 8, 9), горловин и ручек красно- (рис. 10, 11), коричнево- (рис. 10, 13) и сероглиняного (рис. 10, 12) кувшинов, горлышка коричневоглиняного сферокона (рис. 10, 14), красноглиняных крышек (рис. 10, 15–16).

Среди индивидуальных находок обращают внимание фрагмент бронзового зеркала(?) с радиально расходящимися лучами (рис. 11, 13), бронзовые головная булавка (рис. 11, 12), поясные наконечник (рис. 11, 10) и накладка (рис. 11, 11). Названные предметы ременной гарнитуры укладываются в ряд подобных изделий VIII–IX вв. (салтовский горизонт). Слой 4 четко датируется по монетным находкам VIII веком: из него происходит 17 медных монет, из которых 8 определенных¹³ (рис. 11, 1–9). Они обнимают период от 720-х гг. до 770-х гг. и представлены

⁸ Sourdel-Thoumine, Linant de Bellefonds 1978, 352–355; Халикова 1986; Васильев 2007; Gleize, Mendisco, Pemonge, Hubert, Groppi, Houix, Deguilloux, Breuil 2016, 4–5.

⁹ Al-Nawawi 1980, 252.

¹⁰ Ягодин, Ходжайов 1970, 51–57, рис. 22.

¹¹ Единственный фрагмент (№ 923) представляет стенку с шишечкой красноглиняного кувшина, покрытого глухой темно-бирюзовой поливой по непокрытому черепку и представляющему образец керамики позднеасанидского – раннеарабского времени.

¹² Гаджиев, Кузеева 2017, 426–428.

¹³ Монеты любезно определены Г.В. Злобиным, которому выражаем свою признательность.

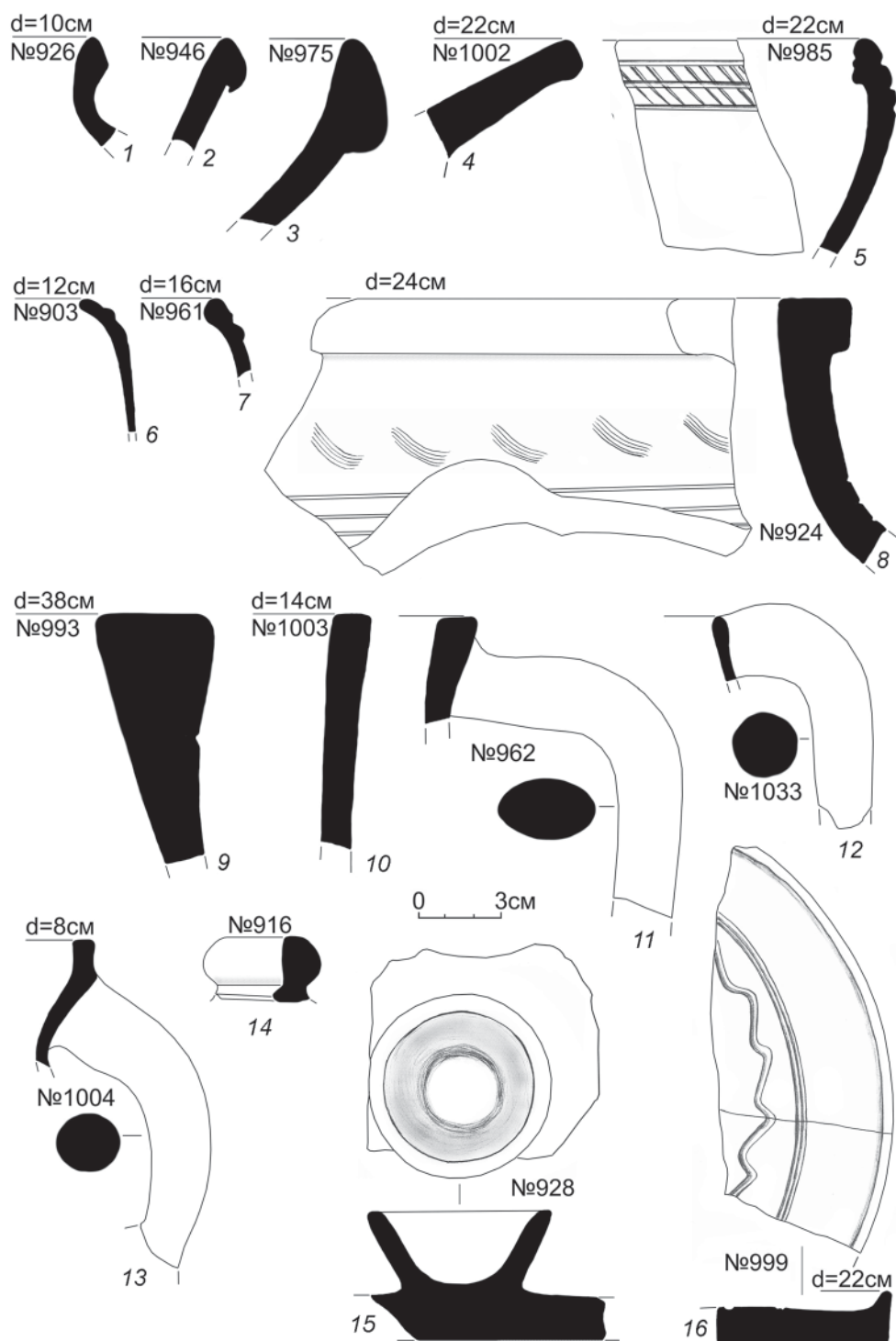

Рис. 10. Дербент. Раскоп XXXIII. Керамика из слоя 4

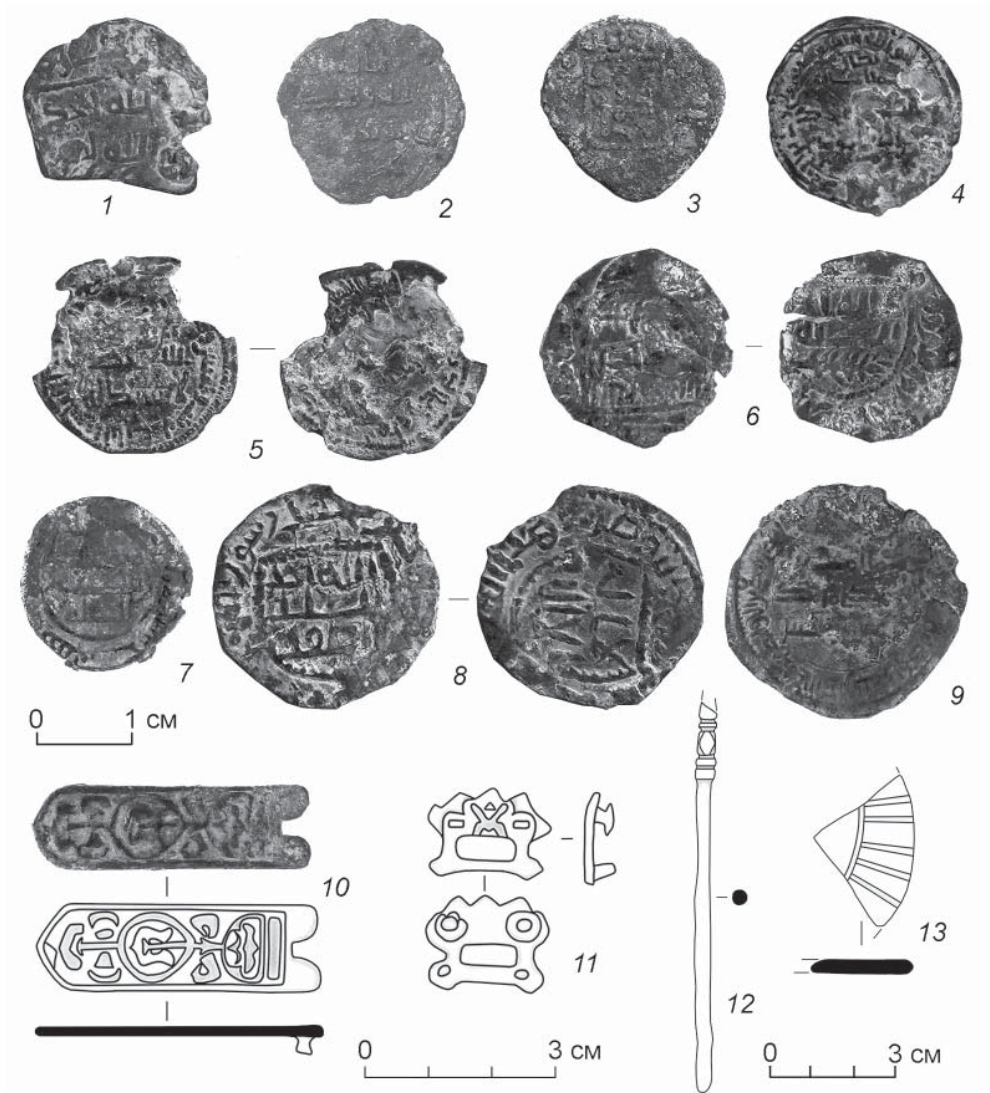

Рис. 11. Дербент. Раскоп XXXIII. Слой 4.
Монеты (1-9) и индивидуальные находки (10-13)

следующими экземплярами: фельс чекана ал-Баба (Дербент) 104(9) г.х./722 (727) г.; фельс чекана ал-Баба (Дербент) 113 г.х./731 г.; фельс, вероятно, чекана наместника Арминийи и Азербайджана Марвана б. Мухаммада (732–744); фельс чекана наместника Марвана б. Мухаммада (732–744) 121–122 г.х./738–9 гг.; два фельса чекана наместника Арминийи и Азербайджана Баккара б. Муслима ал-Укайли (769–771) 153 г.х./770–1 г.; две монеты ранних Аббасидов¹⁴.

¹⁴ Гаджиев, Таймазов, Будаичиев, Абдуллаев, Абиев 2017, 184–185; Гаджиев, Кузеева 2017, 426–428.

Датировка слоя 4, таким образом, определяет нижнюю хронологическую границу (*terminus post quem*) погребений – это конец VIII века.

С перекрывающим слоем 3 стратиграфически связано появление и функционирование открытого могильника. На границе слоев 3 и 4 фиксировались отдельные могильные пятна, выкиды материкового грунта, очевидно, образовавшиеся при рытье могил; в нижней и средней зонах слоя 3 также наблюдались прослойки материкового грунта и распавшиеся сырцовые кирпичи или блоки (подобные использованным в закладах подбоев), которые, по всей видимости, будучи маркерами, отмечали местонахождение погребений (см. выше). При этом отметим, что в самом слое 3 не наблюдались могильные пятна вследствие характера слоя, представлявшего серый, рыхлый суглинок, насыщенный древесными угольками, органическими и зольными прослойками, костями животных, фрагментами керамической посуды, битого кирпича¹⁵. Отметим также отсутствие в заполнении могильных ям показательных материалов IX–X вв. и, в частности, фрагментов поливной керамики.

Керамический комплекс слоя 3 представителен и включает как неполивную (столовую, кухонную, тарную), так и показательную глазурованную керамику, относящуюся к IX–X вв.¹⁶ Последняя представлена почти исключительно чашами с полихромной росписью (желтая, зеленая, марганцевая краски)¹⁷; несколько экземпляров представляют монохромную керамику с глухой зеленой поливой по непокрытому черепку, причем все фрагменты принадлежат кувшинам. Среди большого количества индивидуальных находок (53 экз.) выделим 7 медных монет, из которых 2 определимых, происходящих из нижней и средней частей слоя – это соответственно медный фельс чекана ал-Баба (Дербент) 178 г.х./794–5 г. и медная монета ранних Аббасидов (750–830 гг.)¹⁸. При этом отметим, что слой 3 перекрыт слоем 2, содержащим показательные материалы сельджукского и предмонгольского периодов X(XI)–XII вв.¹⁹

Таким образом, стратиграфическое положение слоя 3, его керамический комплекс и нумизматическая коллекция, датировки нижележащего слоя 4 и вышележащего слоя 2 позволяют отнести формирование слоя к IX в., возможно, немного шире – к IX – нач./сер. X в. Эта дата определяет *terminus ante quem* выявленных раннемусульманских погребений. Стратиграфическая позиция данных захоронений, учитывая датировку слоя 4 VIII веком, а слоя 3 – IX–X вв., позволяет отнести их к узкому временному диапазону – в рамках кон. VIII – сер. IX в.

5. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ МОГИЛЬНИКА И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Выявленный раннемусульманский могильник находится за пределами *шах-ристана*, ограниченного северной и южной оборонительными стенами Дербента (араб. Баб ал-абваб), а именно к северу от северной городской стены. В период арабских завоеваний и распространения ислама на Восточном Кавказе территория

¹⁵ Гаджиев, Таймазов, Будаичев, Абдуллаев, Абиев 2017, 182.

¹⁶ Там же, 182–184, рис. 8–12.

¹⁷ Гаджиев, Кузеева 2017, 426–428, рис. 1.

¹⁸ Гаджиев, Таймазов, Будаичев, Абдуллаев, Абиев 2017, 182–184, рис. 6, 13–35.

¹⁹ Там же, 180–181, рис. 3–6А.

к северу от Дербента представляла зону, именуемую в письменных источниках *дар ал-харб* – «территория войны» (или *дар ал-куфр* – «территория неверия») ²⁰. Такой статус эта область, куда отправлялись из города отряды «воителей за веру», сохраняла с начала первого появления здесь арабских войск в сер. VII в. на протяжении всех арабо-хазарских войн и, очевидно, вплоть до нач. IX в. Последний крупный акт арабо-хазарских войн, нашедший отражение в нарративных источниках, произошёл в 763–764 гг., когда хазарское войско во главе с полководцем Рас-тарханом (у Йакуби; Ас-тархан ал-Хварезми – у Табари, Раж-тархан – у Гевонда) подвергло разорению Албанию (Арран) и Картли (Восточная Грузия) ²¹. После этого ситуация на арабо-хазарской границе начала стабилизироваться. А при халифе Харун-ар-Рашиде (786-809) в начале 790-х гг. были проведены крупные реставрационно-фортификационные работы на Дербентском оборонительном комплексе, как об этом можно судить по надписи 176 г.х./792 г. ²².

Исключение составил эпизод, не связанный с арабо-хазарским противостоянием, – это вторжение хазар через Дербент в 799/800 г., вызванное междоусобицей среди арабской элиты Кавказа: между новым наместником Арминий и Азербайджана Саидом ал-Бахили и правителями Баб ал-абваба (Дербента) – представителями знатного арабского рода *ансаров* (сподвижников пророка Мухаммада) ас-Сулами, призвавшими на помощь хазар ²³. В итоге халиф Харун ар-Рашид «послал Хузайму ибн Хазима и Йазиду ибн Мазйада в Арминию, чтобы они исправили то, что испортил Саид [ал-Бахили]. Они разбили хазар. [Затем] был укреплен проход [Баб ал-абваба]» ²⁴.

Основанная на приведенных археологических данных абсолютная хронология могильника, расположенного в зоне *дар ал-харб* («территории войны»), соответствует сложившейся после 764 г. спокойной обстановке на арабо-хазарском пограничье – после этих событий боевые столкновения у северной городской стены Дербента, судя по данным письменных источников, надолго прекратились. Такая ситуация обусловила возникновение мусульманского некрополя Баб ал-абваба, расположенного за пределами города к северу от городских укреплений. Время вскоре после приведенной даты можно считать отправным для начала формирования северного городского мусульманского могильника. Эта территория позднее будет активно использоваться под некрополь: в XI–XII вв. он займет практически все прилегающее к северной городской стене пространство от ворот Баб ал-джихад (тюрк. Кийамат-капы) до приморской зоны на протяжении почти 2 км – на известной гравюре Адама Олеария (1637 г.), изображающей Дербент с северо-западной стороны, вдоль северной городской стены раскинулось обширное кладбище с саркофагообразными надмогильными памятниками XI–XII вв., которые зафиксированы и в прибрежной зоне ²⁵. От этого могильника, помимо периодически находимых отдельных «саркофагов», к настоящему времени сохранился единственный участок – это почитаемая группа захоронений Кырхляр (перс. Чэхэл-танан) ²⁶.

²⁰ Abel 1965, 126.

²¹ Семенов 2009, 140–143; там же библиография.

²² Gadjev, Shikhsaidov 2002, 3-10; Гаджиев, Шихсаидов 2005, 196–202.

²³ Ибн ал-Асир 1940, 34–35; Шихсаидов 1986, 80.

²⁴ Шихсаидов 1986, 80.

²⁵ Гаджиев, Таймазов, Будаичиев, Абиев, Абдулаев, Магомедов 2018,

²⁶ Аликберов 2014, 370-391; Гаджиев 2018, 13–15.

Новооткрытый некрополь является наиболее ранним датированным мусульманским могильником в Дербенте. Более ранние мусульманские захоронения, предшествующие обнаруженному могильнику и относящиеся к сер. VII–VIII вв., когда ситуация в дербентском пограничье (араб. *сагр*; в источниках – «пограничная область ал-Баба») была напряженной и у северной стены Дербента происходили периодические военные столкновения, не позволявшие разместить здесь городской некрополь, могут располагаться к югу от южной городской стены Дербента в зоне *дар ал-ислам* или *дар ал-сулх* («территория договора») / *дар ал-ахд* («территория мира»).

ЛИТЕРАТУРА

- Аликберов, А.К. 2014: Средневековый культовый комплекс Кырхляр в Дербенте: устные предания и письменные источники о сорока «мучениках за веру». В сб.: А.В. Седов (ред.), *Исследования по Аравии и исламу: Сборник статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского*. М., 370–391.
- Васильев, В.Д. 2007: *Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование)*. Астрахань.
- Гаджиев, М.С. 2006: Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат. *ВИИАЭ* 1, 77–94.
- Гаджиев, М.С. 2018: Поселение Пирмешки и его некрополь. *История, археология и этнография Кавказа* 2, 10–22.
- Гаджиев, М.С., Кузеева, З.З. 2018: О хронологии ранней глазурованной керамики Дербента. В сб.: *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.* (XXX Крупновские чтения). Карачаевск, 426–428.
- Гаджиев, М.С., Таймазов, А.И., Будаичиев, А.Л., Абдуллаев, А.М., Абиев, А.К. 2017: Спасательные археологические исследования в Дербенте в 2015 году: раскоп XXXIII. *ВИИАЭ* 1, 177–201.
- Гаджиев, М.С., Таймазов, А.И., Будаичиев, А.Л., Абдуллаев, А.М., Абиев, А.К. 2018: Открытие и исследование раннемусульманского некрополя в Дербенте. В сб.: *XXX Крупновские чтения*. Карачаевск, 422–425.
- Гаджиев, М.С., Таймазов, А.И., Будаичиев, А.Л., Абиев, А.К., Абдуллаев, А.М., Магомедов, Ю.А. 2019: Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента. *Вестник Кемеровского государственного университета*. (в печати).
- Гаджиев, М.С., Шихсаидов, А.Р. 2005: Сведения Дербенд-наме о Харун ар-Рашиде и новооткрытая официальная арабская надпись 176 г. хиджры. В сб.: *Древности Кавказа и Ближнего Востока. Сб. статей, посвященный 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева*. Махачкала, 196–202.
- Ибн ал-Асир 1940: *Материалы по истории Азербайджана из «Тарих-ал-камиль» (Полного свода истории)*. Баку.
- Обряды похорон в Исламе, в соответствии с Кораном и Сунной. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islamtv.ru/books-39.html>.
- Семенов, И.Г. 2009: Внешняя политика хазарского каганата во второй половине VIII века. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология* 1(56), 140–146.
- Халикова, Е.А. 1986: *Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в.* Казань.

- Шихсаидов, А.Р. 1986: Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа. В сб.: Д.И. Онаева, И.А. Товстых (сост.), *Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма*. М., 66–87.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. 1970. *Некрополь древнего Миздакхана*. Ташкент.
- Abel, A. 1960: Dār al-Islām, In: In: H.A.R. Gibb et al. (ed.), *Encyclopædia of Islam*. Vol. II. Leiden, 126.
- Funerals: According to the Qur'an and Sunnah*, <http://sunnahonline.com/library/fiqh-and-sunnah/276-funerals-according-to-the-quran-and-sunnah>. Дата обращения 20.08.2018.
- Gadjiev, M.S. 2008: On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex. *Iran and the Caucasus* 12.1, 1–15.
- Gadjiev, M., Shikhsaidov, A. 2002: The Darband-nāma on Hārūn Al-Rashīd and a Newly Discovered Arabic Inscription from A.H. 176. *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research* 8.3, 3–10
- Gleize, Y., Mendisco, F., Pemonge, M.-H., Hubert, C., Groppi, A., Houix, B., Deguilloux, M.-F., Breuil, J.-Y. 2016: Early Medieval Muslim Graves in France: First Archaeological, Anthropological and Palaeogenomic Evidence. *PLoS ONE* 11(2), <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0148583>.
- al-Misri, Ahmad ibn Naqib 1994: *Reliance of the traveler: A classic manual of Islamic Sacred Law*. Beltsville.
- Al-Nawawi, Abu Zakariyya Yahya Muhyi-al-Din 1980: Al-Majmu' sharh al-Muhadhdhab. Vol. 2. Beirut: Dar Ehia Al-Tourath Al-Arabi. Cit. In: *The lahd (niche) and shaqq (trench) in the grave*, <https://islamqa.info/en/103880>
- Petersen, A. 2013: The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World. In: L.N. Stutz, S. Tarlow (ed.), *The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial*. Oxford, 241–258.
- Sourdel-Thoumine, J., Linant de Bellefonds, Y. 1997: Kabr – tomb. In: H.A.R. Gibb et al. (ed.), *Encyclopedia of Islam. New edition*. Vol. IV. *Third impression*. Leiden, 352–355.

REFERENCES

- Abel, A. 1960: Dār al-Islām, In: H.A.R. Gibb et al. (ed.), *Encyclopædia of Islam*. Vol. II. Leiden, 126.
- Alikberov, A.K. 2014: Srednevekovyy kultovyy kompleks Kyrkhlyar v Derbente: ustnye predaniya i pismennye istochniki o soroka «muchenikakh za veru» [The medieval cult complex Kyrkhlyar in Derbent: oral legends and written sources about forty “martyrs for belief”]. In A.V. Sedov (ed.), *Issledovaniya po Aravii i islamu: Sbornik statei v chest' 70-letiya Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo* [Researches on Arabia and Islam: The collection of articles in honor of Mikhail Borisovich Piotrovsky's 70 anniversary]. Moscow, 370–391.
- Funerals: According to the Qur'an and Sunnah*, <http://sunnahonline.com/library/fiqh-and-sunnah/276-funerals-according-to-the-quran-and-sunnah>
- Gadjiev, M.S. 2008: On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex. *Iran and the Caucasus* 12.1, 1–15.
- Gadjiev, M., Shikhsaidov, A. 2002: The Darband-nāma on Hārūn Al-Rashīd and a Newly Discovered Arabic Inscription from A.H. 176. *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research* 8.3, 3–10.
- Gadzhiev, M.S. 2006: Opredelenie absolyutnoy daty stroitel'stva tsitadeli i severnoy gorodskoy steny Derbenta i proizvedennykh trudozatrata [Definition of absolute date of construction of a citadel and northern city wall of Derbent and the labor expenses]. *Vestnik Instituta istorii, arkhologii i etnografii* [Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography] 1, 77–94.

- Gadzhiev, M.S. 2018: Poselenie Pirmeshki i ego nekropol' (Pirmeshki settlement and its cemetery). *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, archeology and ethnography of the Caucasus] 2, 10–22.
- Gadzhiev, M.S., Kuzeeva, Z.Z. 2018: O khronologii ranney glazurovannoy keramiki Derbenta [About chronology of early glazed pottery of Derbent]. In: *Kavkaz v sisteme kulturnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [The Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages. Proceedings of the International scientific conference]. Karachaevsk, April 22–29, 2018. (XXX Krupnovskie chteniya [Krupnov Readings]). Karachaevsk, 426–428.
- Gadzhiev, M.S., Taymazov, A.I., Budaychiev, A.L., Abdulaev, A.M., Abiev, A.K. 2006: Spasatel'nye arkheologicheskie issledovaniya v Derbente v 2015 godu: raskop XXXIII [Rescue archaeological investigations in Derbent in 2015: excavation area XXXIII]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography] 1, 177–201.
- Gadzhiev, M.S., Taymazov, A.I., Budaychiev, A.L., Abdulaev, A.M., Abiev, A.K. 2018: Otkrytie i issledovanie rannemusul'manskogo nekropolya v Derbente [Discovery and research of an early Muslim necropolis in Derbent]. In: *XXX Krupnovskie chteniya* [Krupnov Readings]. Karachaevsk, 422–425.
- Gadzhiev, M.S., Taymazov, A.I., Budaychiev, A.L., Abdulaev, A.M., Abiev, A.K., Magomedov, Yu.A. 2019: Razvedochnye arkheologicheskie raboty u severnoy oboronitel'noy steny v primorskoy chasti Derbenta [Prospecting archaeological works at the northern defensive wall in the seaside part of Derbent]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. (Forthcoming).
- Gleize, Y., Mendisco, F., Pemonge, M.-H., Hubert, C., Groppi, A., Houix, B., Deguilloux, M.-F., Breuil, J.-Y. 2016: Early Medieval Muslim Graves in France: First Archaeological, Anthropological and Palaeogenomic Evidence. *PLoS ONE* 11(2): e0148583. 2016: 1-13, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0148583>
- Ibn al-Asir 1940: *Materialy po istorii Azerbaydzhana iz "Tarikh-al-kamil"* (Polnogo svoda istorii) [Materials on the history of Azerbaijan from "Tarikh-al-kamil" (The Complete History)]. Baku.
- Khalikova, E.A. 1986: *Musul'manskie nekropoli Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v.* [Muslim cemeteries in Volga Bulgaria in the 10th – early 13th centuries]. Kazan.
- Al-Misri, Ahmad ibn Naqib 1994: *Reliance of the traveler: A classic manual of Islamic Sacred Law*. Beltsville.
- Al-Nawawi, Abu Zakariyya Yahya Muhyi-al-Din 1980: *Al-Majmu' sharh al-Muhadhdhab*. Vol. 2. Beirut.
- Obryady pokhoron v Islame, v sootvetstvi s Koranom i Sunnoy* [Funeral ceremonies in Islam according to the Qur'an and Sunnah], <http://islamtv.ru/books-39.html>
- Petersen, A. 2013: The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World. In: L.N. Stutz, S. Tarlow (ed.), *The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial*. Oxford, 241–258.
- Semyonov, I.G. 2009: Vneshnyaya politika khazarskogo kaganata vo vtoroy polovine VIII veka [Foreign policy of Khazar Khanate in the second half of the 8th century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific sheets of the Belgorod state university. Series: History. Political science] 1(56), 140–146.
- Shikhsaidov, A.R. 1986: Kniga at-Tabari "Istoriya poslannikov i carey" o narodakh Severnogo Kavkaza [At-Tabari's book "History of the Prophets and Kings" about the people of the North Caucasus]. In: D.I. Onaeva, I.A. Tovstikh (sost.), *Pamyatniki istorii i literatury*

- Vostoka. Period feodalizma [Monuments of history and literatures of the East. Feudalism period]*. Moscow, 66–87.
- Sourdel-Thoumine, J., Linant de Bellefonds, Y. 1997: Kabr – tomb. In: H.A.R. Gibb et al. (ed.), *Encyclopedia of Islam. New edition*. Vol. IV. Third impression. Leiden, 352–355.
- Vasil'ev, V.D. 2007: *Islamizatsiya i pogrebal'nye obryady v Zolotoy Orde (arkheologo-statisticheskoe issledovanie)*. [Islamization and funeral ceremonies in the Golden Horde (an archaeological and statistical research)]. Astrakhan.
- Jagodin V.N., Khodzhayov T.K. 1970. *Nekropol' drevnego Mizdakhana*. [Necropolis of ancient Mizdakhhan]. Tashkent.

EARLY MUSLIM CEMETERY IN DERBENT (BAB AL-ABWAB)

Murtazali S. Gadjiev, Artur I. Taymazov, Arsen L. Budaychiev,
Abdula M. Abdulaev, Askerkhan K. Abiev

*Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala, Russia*
murgadj@rambler.ru; taymazov_artur@mail.ru; arseneihae@yandex.ru;
realhigh87@mail.ru; abiev-ak@yandex.ru

Abstract. Article is devoted to results of rescue archaeological researches on the locus XXXIII located outside medieval *shahristan* of Derbent (Arab. Bab al-abwab) – 130 m from a northern city defensive wall. Cultural layers (layers 1–4 up to 2,4 m thick) including fragments of medieval pottery, the copper coins, fragments of glass vessels and bracelets, etc. of the Arab and Pre-Mongol periods (the 8th – beginning of the 13th century), have been excavated.

Medieval Muslim burials of two periods have been discovered: of the 15th–17th centuries (burials 1, 2 in stone cists) and of the end of the 8th – beginning of the 9th century (burials 3–26). These early Muslim burials have been made after the end of formation of a layer 4 and in the initial and average stage of a layer 3.

These early Muslim burials represent three types of graves: 1) undercuts (14 graves); the majority of them had the closing wall of adobe blocks; 2) pit graves (9 graves); 3) pit grave with the longitudinal walls of adobe blocks (grave 9).

Stratigraphic situation of these burials, dating of layers 3 and 4 respectively the 8th century and the 9–10 centuries, date the revealed burial ground narrow chronological range – the end of the 8th – the beginning of the 9th century. Such dating of the cemetery located in “territory of war” (*dar al-harb*) corresponds to the quiet situation on an Arab-Khazar border zone which has developed after 764 AD. The discovered necropolis is the earliest dated Muslim burial ground in Derbent.

Keywords: East Caucasus, Dagestan, Derbent, Bab al-abwab, Muslim funeral ceremony, early Muslim cemetery

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 227–237
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 227–237
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-227–237

ХРАМ В СЕЛЕ ПШОУХУА

С.М. Сакания¹, Г.В. Требелева²

¹ *Абхазский институт гуманитарных исследований Абхазской академии наук,
Сухум, Абхазия
zaza37273@mail.ru*

² *Институт Археологии РАН, Москва, Россия
trgv@mail.ru*

Аннотация. Храм Пшоухуа представляет собой остатки стен прямоугольного сооружения с полукруглой вписанной апсидой. Наружные размеры памятника: ширина – около 11 м, длина с притвором – 13 м. Ширина основного зала – 4,2 м, длина вместе с апсидой – 8,4 м.

К основному нефу с юга и с севера пристроены отдельные помещения разных размеров: северная пристройка по длине короче южной, а южная равна основной длине храма. Стены и церкви, и пристройки сильно разрушены. С запада к церкви пристроен классический открытый притвор с каменными скамьями вдоль южной и северной стен. Храм и его пристройки возведены из бута с двусторонней облицовкой известняковыми блоками и плитами.

Внутри сооружения по всему периметру сохранились каменные скамьи. У входа в притвор археологами был обнаружен массивный блок в виде пятигранника, на плоскости которого контррельефно дано изображение креста.

Археологическая работа, которая пока еще не завершена, выявила, что храм страдал от огня как минимум два раза. Притвор к церкви был пристроен во время первого пожара, при котором величина слоя горения доходила до 2 см. Во время второго горения, в результате которого мощность зольника составила до 10 см, вместе с храмом сгорел и притвор. Вероятно, возникновение второго слоя горения связано хронологически с турецкой экспансией, потому что после этого пожара культовое сооружение не возрождалось.

Ключевые слова: Абхазия, храмы, Гагрский район, Пшоухуа, базилика

Храм Пшоухуа исследовался в 2004–2005 гг. абхазскими археологами. Он находится в одноименном селе, расположенном в горной местности, на левом берегу р. Псоу. Путь к населенному пункту и церкви начинается от пограничного моста в низовье р. Псоу. Дорога сперва идет вверх по речной долине, затем, на восьмом километре, сворачивает вправо, к северо-востоку, откуда и начинается

Данные об авторах: Требелева Галина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук; Сакания Сурам Михайлович – научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований Абхазской академии наук.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16–21–12001/17–ОГОН а(м).

подъем к центру села Пшоухуа. Расстояние от поворота до здания администрации – 5 км. Дорога доходит до северо-восточной окраины села: расстояние от центра до окраины – 2,5 км. От окраины села к холмистой горе, на которой расположен памятник, в северо-восточном направлении проходит ведущая в глубь горного массива старая дорога лесозаготовителей, проложенная в 1940–1950 гг. Через полтора километра пути на подъеме находится развилка, от которой дорога резко сворачивает на запад, в сторону храма, и через 250 м подводит к развалинам средневековой церкви.

Храм находится в центре южной части окаймленного вековыми деревьями обширного плато, которое за последние 20–30 лет заросло буками и ольхой. Плато с запада, юга и севера заканчивается крутыми обрывами глубиной 30–50 м, и единственная дорога, по которой можно подойти к культовому сооружению, расположена с востока от развилки. Абсолютная высота плато, на котором стоит церковь – 586 м.

Памятник сильно пострадал за прошедшие века. В XX в. рабочие в поисках клада пытались разбить церковь бульдозером, а строительный материал развалин постройки использовали при прокладке лесозаготовительной дороги. К моменту визуального исследования храм был сильно разрушенным и заросшим.

В культовом сооружении отсутствовал свод, южная стена была опрокинута и разбита на большие фрагменты, апсидная часть проломлена. Отсутствовала также часть стены, где должно было находиться алтарное окно. Небольшие фрагменты стен виднелись из-под завала на западной стороне.

Храм имел с севера и юга пристройки разного размера. С западной стороны к церкви был пристроен притвор. Визуально наблюдались фрагменты стен, притвор же визуально не отмечался, но в последующие годы во время археологической расчистки (руководитель экспедиции С.М. Сакания) был обнаружен и зафиксирован. Северная стена сооружения с дверным проемом сохранилась на высоту до 2,5–3 м, а после археологической расчистки ее высота превысила 4 м.

Церковь представляет собой прямоугольное снаружи сооружение с полукруглой апсидой внутри. Апсидное полукружье вписано в общий прямоугольник храма. Стены базилики сложены из больших белых тесаных известняковых плит с обильной забутовкой между ними.

Внешние размеры церкви: 11×12,2 м. Внутренние размеры основного нефа храма: длина – 8,4 м, ширина – 4,2 м.

Применяемые для строительства блоки имели неодинаковые размеры, то есть различные ширину, длину, и высоту. Все они были хорошо подогнаны, отлично обработаны и сложены горизонтальными рядами регулярной кладкой. Межблочная известковая забутовка также была качественной, и в ее составе можно было заметить одну особенность. Дело в том, что в забутовке применялся, как и везде в средневековом зодчестве Абхазии, битый камень, как наполнитель. Но, в отличие от других изученных памятников, в этом храме в забутовке визуально не зафиксировано наличие битой черепицы и черепков, что для Абхазии большая редкость.

После расчистки изнутри и снаружи небольшого фрагмента в западной части южной стены основного нефа была установлена высота ее сохранности – 1,2 м.

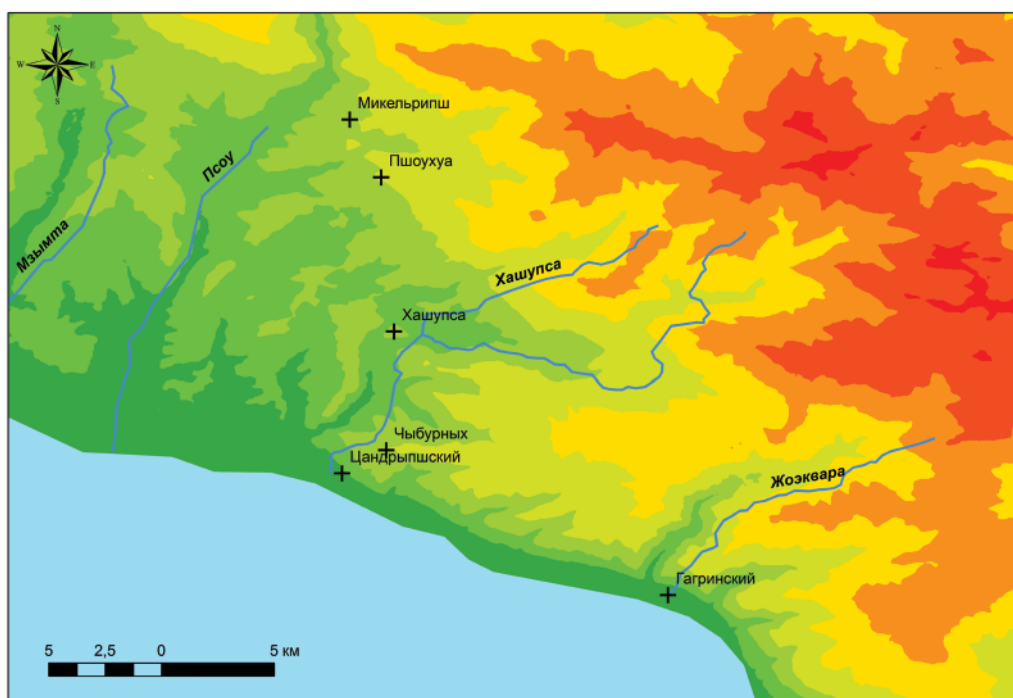

Рис. 1. Карта храмов Гагрского района Республики Абхазия

Западная стена основного нефа сохранилась на разную высоту. До расчистки северная часть западной стены визуально наблюдалась на высоту до 1,5 м, южный сектор этой же стены находился на уровне завала. После археологической расчистки было установлено, что северная часть западной стены имеет высоту 2,5 м, а ее южная часть – 1,2 м.

В процессе археологической расчистки также выявили наличие дверного проема в западной стене. Безусловно, догадки о том, что дверной проем должен находиться в этой части сооружения, присутствовали, но только после расчистки появилась возможность точно установить и его наличие, и его размеры.

Ширина дверного проема составляет 1,35 м, толщина стены у проема – 0,95 м. Кладка проема выполнена большими, вертикально стоящими каменными плитами с известняковой забутовкой. Лучше и качественнее сохранилась его северная часть. Кладка южной части проема сохранилась гораздо хуже: облицовочные блоки потревожены. Корни деревьев, растения и черный гумус проникли в скрепляющий раствор и разрушили его, и потому некоторые блоки проема сейчас стоят только за счет собственной тяжести, а не за счет раствора.

Как было отмечено выше, во время археологической расчистки было обнаружено наличие у храма Пшоухуа притвора, который также имеет свою специфику. Во-первых, его ширина меньше ширины основного нефа памятника, тогда как у других церквей в Абхазии, за редким исключением, эти размеры совпадают. Ширина же притвора этого памятника на уровне пола равна ширине дверного проема.

Во-вторых, в рассматриваемом притворе у северной и южной стен имеются скамьи. Скамья на северной стене притвора сильно разрушена, разобрана, и ее с большим трудом можно проследить и выявить размеры. На южной стене притвора скамья лучше сохранилась, хорошо читается, кладка мало потревожена: разрушена лишь западная ее часть вместе со стеной. Ширина скамьи в притворе равна 40 см, высота от пола также около 40 см.

В притворе был обнаружен мощный слой горения – следы большого пожара. В верхних слоях до слоя пепелища были выявлены в большом количестве битые кровельные черепицы трех типов. Предварительно все типы черепиц можно отнести к раннему средневековью, возможно, к X в. Все они – хорошей прожарки, крепкие, красного цвета, на некоторых возможно наличие ангоба, бортики – среднего размера. Некоторые черепицы – прямые вертикальные, некоторые – несколько наклонены в сторону, почти у всех – низкие поперечные бортики прямоугольной формы. Из всех зафиксированных черепиц только на одной, возможно, есть штамп мастера, по форме напоминающий букву «С».

Зольник пепелища достигает толщины до 10 см. Так откуда же взялся такой мощный пласт, что могло гореть таким образом, чтобы оставить десятисантиметровый слой золы без углей? Безусловно, можно предположить, что пол притвора был деревянным, брусчатым, иначе такой массивный слой горения не образовался бы.

Под слоем пепелища были обнаружены две большие каменные необработанные плиты разной толщины. Ниже этих камней слой пепелища не распространялся. Под одной плитой был найден фрагмент черепка с рельефным орнаментом: нанесенными косыми и прямыми насечками разной ширины. Сравнительный анализ показал, что этот черепок мог появиться до VIII в.

Вследствие археологической расчистки выяснилось, что скамья северной стены притвора была разобрана после пожара, поскольку, если бы она была разрушена до пожара, то на ней были бы видны следы горения. Ввиду того, что следов горения здесь не наблюдается, как на южной стороне, становится понятно, что камни были растащены уже после пожара.

Толщина стен притвора – чуть более 85 см. Каменные плиты северной стены от корней деревьев несколько сдвинуты и смещены.

С северной стороны притвора было обнаружено захоронение. Найденный костяк очень деформирован: череп, ребра, кости рук сильно разрушены и смещены, кости ног сохранились лучше. Интересно, что у правой ноги, чуть ниже колена, был найден железный небольшой нож. В районе колена был обнаружен также кусочек тонкого стекла. Структура стекла и его тонкость, наличие небольшого железного ножа говорят о раннесредневековом времени погребения и самого сооружения. На южной стороне притвора в других квадратах также были обнаружены погребения, но их вскрывать не стали. Эти костяки были закрыты необработанными известняковыми плитами.

Археологическая расчистка наружной части основного нефа показала, что храм не имеет цокольной кладки. Притвор построен гораздо позже, чем церковь. Стены храма и притвора не перевязаны, фундаменты – разной глубины, и они также не перевязаны. Толщина стен у них разная, что говорит о разновременности обоих сооружений. Слой горения притвора заходит внутрь храма. Мощность слоя

горения и в притворе, и в нефе одинаковая, цвет зольника и его структура в обоих помещениях также совпадает.

На западной стороне притвора – снаружи, по осевой линии храма, была найдена пятигранная каменная плита с контррельефным изображением креста. Ширина основания плиты – 60 см, толщина у оснований – 25 см. Высота боковых граней – 40 см, высота по центру – 50 см. Крест врезан в плоскость плиты, рукава креста слегка расширены. Вертикальная его перекладина на концах имеет одинаковые размеры – по 4 см. Общая высота изображенного креста – 24 см, ширина – 20 см, углубление – 1 см. Ширина горизонтальных рукавов – по 3 см.

При рассмотрении места находки этого камня, его конфигурации и его близости к входу в притвор создается впечатление, что камень был включен в центр на лицевой стороне в подсводную арку притвора. Безусловно, можно также предположить, что камень является надмогильной стелой-памятником.

После наружной расчистки была начата археологическая работа внутри церкви. В процессе работы было выявлено, что свод постройки обвалился целиком внутрь храма и покрыл собой все пространство. В слое раскопа четко читается наличие кровельной черепицы. Как было отмечено выше, все черепицы имеют одинаковую форму и конфигурацию, при этом можно выделить три типа. Два имеют схожие черты, третий – ближе к полуовальному типу. По цвету и консистенции все черепицы близки друг другу и все они – хорошего обжига.

Под черепичным слоем находится большой слой каменного завала; в некоторых местах создается впечатление, что здесь были клиновидные подсводные камни. Весь каменный завал находится в слое горения. Дальнейшая расчистка показала интересные детали: под мощным зольником был выявлен слой, где пол храма выровнен мелким гравием и слабым известковым раствором, то есть под деревянным полом помещение церкви было выровнено. Такое выравнивание в помещении притвора не было зафиксировано.

Под слоем гравия также был обнаружен тонкий слой горения, означающий, что изучаемый памятник горел два раза. Раннее горение оставило зольник мощностью до 2 см, несопоставимый с более поздним горением, где мощность зольника составляет до 10 см. У входа в помещения храма в слое горения было найдено два фрагмента железных пластин, имеющих несколько вогнутую форму.

В северо-западной части нефа храма выявлен грабительский раскоп. Позже он был частично завален, но следы разрушения четко сохранились. Расчистка этого квадрата показала, что грабители прошли слою естественного разрушения и даже пробили пол церкви. В поисках драгоценностей они выкопали яму глубиной больше, чем фундамент самого памятника.

Наша расчистка показала, что фундамент базилики состоит из двух рядов известняковых блоков. Интересно, что фундаментные блоки скреплены глинистым раствором. Применение же глинистого раствора в строительстве культовых и иных сооружений в Абхазии не зафиксировано, и в этом плане данный памятник является уникальным. В последующие годы, когда продолжится археологическое изучение храма, нужно будет уделить особое внимание фундаменту постройки и технологии его возведения.

В архитектуре нефа церкви особо нужно подчеркнуть наличие солей на обеих западных стенах. Более того, эти скамьи имеют свое продолжение и на южной, и

на северной стене храма. Во многих местах известняковые блоки солеи поломаны. Можно предположить, что это – результат вторичного горения. В будущем при исследовании нужно будет обратить внимание на то, была ли возведена солея до первого пожара. Внутри храма ниже второго слоя горения идет материковый слой, состоящий из крепкого твердого глинозема.

В углах внутри сооружения с юга и запада имеются выступы прямоугольной формы. Мы предполагаем, что это – пристенные пилястры. Пилястры на западной стене, возможно, были связаны между собой подсводной аркой. В местах завала кладка строительных плит и блоков хорошо сохранилась. Верхние ряды кладок частично упали со стены, частично – сильно разрушились от горения и мороза.

В главном нефе, как было отмечено, северная стена находится в более или менее лучшей сохранности: ее высота от уровня завала – до 2–2,5 м. Недалеко от входа в церковь, ближе к апсидному полукружью на северной стене, имеется дверной проем. Он сильно обветшал, и установить его параметры до археологической расчистки этой части храма невозможно. Однако удалось выяснить, что от главного входа этот дверной проем расположен на расстоянии 4,2 м.

На сегодня визуально не фиксируется наличие пристенной пилястры, но ее присутствие можно предположить, поскольку на западной стене и на западной стороне северной стены пристенная пилястра имеется. Соответственно, на восточной стороне северная стена должна иметь аналогичную конструкцию.

Расстояние между пилястрами на западной стене – 3,75 м, что соответствует расстоянию от углового пилястра до дверного проема на северной стене памятника. Размеры этого дверного проема – около 1,2 м.

Интересно, что именно у дверного проема начинается апсидное полукружье, соответствующее алтарю культового сооружения. В этой части стена базилики сильно повреждена, ближе к центру – совсем разрушена и завалена обломками, и проследить полукруг довольно сложно. Южный участок его слабо прослеживается также из-за сильного разрушения. Но тем не менее проследить полукружье фрагментами представлялось возможным, что и было нами выполнено. В итоге выяснилось, что алтарный полукруг в храме Пшоухуа не полуциркульный, а напоминает по форме подкову, то есть его края заходят за линию диаметра и зауживают западную сторону алтаря. Центральная часть алтарного полукружья сильно разрушена, и потому мы можем только предположить наличие в ней алтарного окна.

Что касается пристроек к основному объему церкви, то можно отметить, что с севера и юга к центральному нефу примыкают помещения разных размеров.

Северная пристройка наиболее разрушена, визуально можно фиксировать только отдельные участки стены. Общая ее длина снаружи – около 6,3 м, ширина этого помещения также приблизительно и может равняться 3,5 м. Без археологической расчистки установить одновременность постройки с храмом не представляется возможным.

На южной стороне к центральному нефу пристроено узкое помещение на всю длину храма. С западной стороны снаружи была произведена расчистка, обнажившая кладку стены. Стена сильно повреждена, но дает все же возможность проследить на некоторых участках ровную горизонтальную линию кладки. Четко прослеживается, что стены храма и пристройки не перевязаны. Снаружи вплотную к этой стене расположены нескрытые погребения.

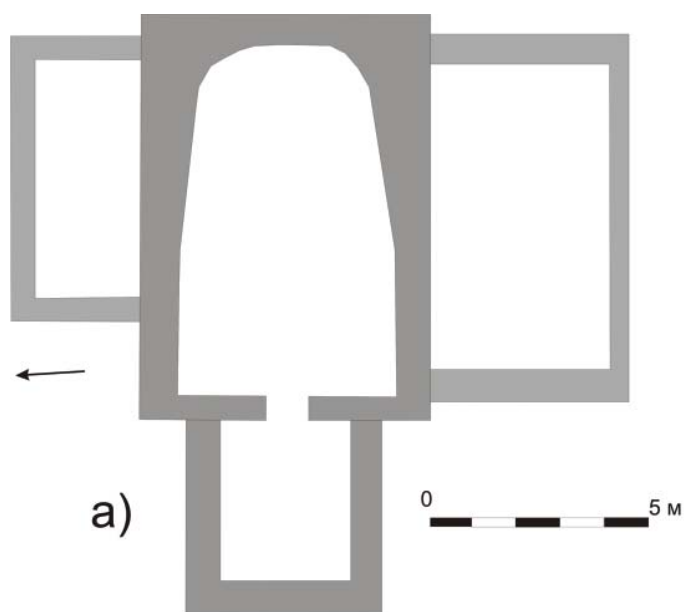

Рис. 2. А – план храма Пшоухуа; Б – вид на храм Пшоухуа с запада

На южной стороне помещения имеются следы дверного проема. Эта часть стены не была зачищена, поскольку проем располагался за пределами изучаемого квадрата.

Небольшая зачистка показала, что южная сторона церкви сильно повреждена. Как мы выяснили, это разрушение произвели лесозаготовители из Тбилиси в конце 1940-х гг. Они пытались уничтожить памятник бульдозером, при этом разрушили северную пристройку церкви и проломили центральную часть апсидного полукружия. Северную же часть стены храма и апсиды бульдозер не смог разрушить, и потому они сохранились.

Большие фрагменты разрушенных южной стены и пристройки находятся рядом с памятником. Южная стена центрального нефа сохранилась на высоту около 1 м, вместе с разрушенной частью – 1,3 м. Что касается южной пристройки, то кладка стены на этом участке, вероятно, сохранилась на высоту 30–40 см, то есть фактически в сохранности остался один ряд кладки.

Южная пристройка, как и северная, построена с применением известняковых блоков и плит. Строительный материал добывался недалеко от самого храма: восточнее памятника, в 500 м от него, имеется место выхода плитняка известняковой породы.

Вопрос датировки этого храма остается открытым. Безусловно, для предварительной датировки нужно произвести сравнительный анализ памятника с культовыми постройками, имеющимися в этом регионе.

По нашему мнению, к церкви Пшоухуа наиболее близок храм в крепости Абаата в Гаграх. Для сравнения, Гагрский храм, как и базилика в Пшоухуа, имеет неф с боковыми пристройками, только без западного притвора. Его апсидное полукружие так же, как и в Пшоухуа, вписано в общий прямоугольник храма. С севера у Гагрской церкви имеется укороченная пристройка, с южной стороны – пристройка на всю длину. В ее строительстве применялись большие известняковые облицовочные блоки и плиты, между камнями облицовки – забутовка с известковым раствором. На западной стене храма в крепости Абаата снаружи, в кладке стены, на облицовочном камне имеется рельефное изображение креста мальтийского типа в круге.

На сегодняшний день известно, что Гагрская церковь датируется согласно двум версиям. Первая принадлежит грузинской исследовательнице М. Дидебулизе¹, и по ее данным сооружение датируется V – началом VI в. Вторая версия датировки принадлежит Ю.Н. Воронову². Остальные исследователи Гагрского храма чаще всего принимают одну из двух версий без какой-либо дополнительной аргументации.

Ю.Н. Воронов в вопросах датировки исходил из того, что храмы с вписанными в общий прямоугольник апсидами пришли из Грузии, и поскольку грузинское влияние на Абхазию распространяется после X в., то, соответственно, такая форма не могла появиться раньше этого времени. Поэтому Ю.Н. Воронов датирует этот храм X–XII вв.

Разумеется, мы не можем согласиться с этой датировкой без соответствующего анализа хотя бы потому, что на сопредельной Абхазии территории, в Мегрелии

¹ Дидебулидзе 1977, 16–26.

² Воронов 1978.

в западной Грузии, имеется храм с вписанной апсидой, датируемый V–VI вв. Хочется отметить, что в указанный период эта территория находилась под влиянием Византии – так же, как и Абхазия, и потому версию Воронова невозможно принять безоговорочно.

Что же касается первой версии, то она более обоснована, поскольку М. Дидебулизе пользовалась научными данными археоманитных исследований. В вопросе датировки памятника с ней согласна и исследовательница христианских памятников Абхазии Л.Г. Хрушкова³, которая также считает, что Гагрский храм построен в конце V – начале VI в. Безусловно, обе исследовательницы отмечали, что этот храм был перестроен в XIX в.

Второй памятник, близко расположенный к церкви Пшоухуа, – храм в поселке Цандрипш. Он изучался в 1980-е гг. исследовательницей Л.Г. Хрушковой. На основании археологического материала и сравнительного анализа формы памятника Л.Г. Хрушкова пришла к выводу, что Цандрипшский храм относится к VI в. Эта церковь реставрировалась в конце VII – начале VIII в., в эпоху Абхазского царства.

Цандрипшский храм – базиликальный, трехнефный, с нартексом на западной стороне, с притвором. Каждый неф на востоке заканчивается алтарным полукружьем. Снаружи апсидная часть в этом храме выступает граненой формой. Центральный неф и апсида шире и выше боковых. Алтарная часть освещена широкими алтарными окнами византийского типа. Боковые алтари имеют по одному широкому окну.

Стена северного нефа почти разрушена, местами сохранилась кладка до 1 м высотой. Лучшее всего сохранились восточная часть центрального нефа и южный неф. Западная стена сохранена на высоту свода, и в ней имеются три окна, расположенных в форме горки.

В кладке колонн и стен отчетливо видны поздние новоделы эпохи средневековья. Именно во время реставрации многие мраморные плиты оказались во вторичном использовании. В кладке стен местами применяются чередования кирпичной кладки с блоками. Эта ранневизантийская техника кладки не встречается в церкви Пшоухуа.

В Цандрипшском храме в западной части при выведении арочного навершия в оконных проемах применялась кирпичная, но чаще всего – черепичная кладка. Все черепицы – разных форм, но всегда – тонкие, с высокими бортиками.

Во время второго строительного периода центральный неф был несколько сужен, и потому в нем появились дополнительные опоры, которые были прислонены к уже существовавшим. Это было сделано для того, чтобы заменить стропильное перекрытие сводчатым.

Подобного в архитектуре памятника Пшоухуа мы не встречаем, но интересен тот факт, что после перестройки взамен существовавшего нартекса и наружного притвора появляется новый притвор, который по размерам уже центрального нефа. В храме Пшоухуа притвор появляется после первого пожара: возможно, после первого горения храм был заново отремонтирован или отреставрирован, и потому мы наблюдаем в Пшоухуа появление во втором или в третьем строительном периоде притвора. И он так же, как и в Цандрипшской церкви, уже, чем главный неф.

³ Хрушкова 2002, 75–77, 98–99.

При сравнении близлежащих памятников с храмом Пшоухуа можно отметить несомненные совпадения: близость строительного материала и схожесть кладки блоков и плит при возведении стен храмов, а также обильное применение известкового раствора с примесью песка в 7 и 35%. Первый показатель явно соответствует времени основания храма, второй – времени его перестройки.

Таким образом, можно констатировать, что храм Пшоухуа относится к достаточно распространенному в Абхазии типу храмов – однефной базилике с прямоугольной внутри и полукруглой снаружи вписанной апсидой. Время сооружения храма можно отнести, скорее всего, к VI–VII вв., а время окончательного разрушения и прекращения функционирования – к периоду турецкой экспансии.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронов, Ю.Н. 1978: *В мире архитектурных памятников Абхазии*. М.
Дидебулидзе, М. 1977: Церковь в Старой Гагре. *Дзеглис Мегобари* 45, 16–26.
Хрушкова, Л.Г. 2002: *Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья*. М.

REFERENCES

- Didebulidze, M. 1977: Tserkov' v Staroy Gagre [Church in Old Gagra]. *Dzeglis Megobari* 45, 16–26.
Khrushkova, L.G. 2002: *Rannekhristianskie pamyatniki Vostochnogo Prichernomor'ya* [Early Christian sites of the Eastern Black Sea Region]. Moscow.
Voronov, Yu.N. 1978: *V mire arkhitekturnykh pamyatnikov Abkhazii* [In the world of architectural monuments of Abkhazia]. Moscow.

THE TEMPLE IN THE VILLAGE OF PSHOUHUA

Suram M. Sakania¹, Galina V. Trebeleva²

¹ *Abkhaz Institute of Humanitarian Studies of the Abkhaz Academy of Sciences, Sukhumi, Abkhazia*
zaza37273@mail.ru

² *Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia*
trgv@mail.ru

Abstract. The temple represents the remains of the walls of the rectangular building with the semicircular apse. The external dimensions of the temple are as following: the width is about 11 m, the length with the porch – 13 m. The width of the main hall is 4,2 m, the length together with the apse – 8,4 m. Differently sized separate rooms adjoined to the main nave from the South and the North. The Northern outbuilding is shorter than the South one and the South outbuilding is equal to the length of the temple. The walls of the temple and the outbuildings are badly damaged. A classic open porch with stone benches along the North and South walls is attached to the temple from the West. The temple and its various outbuildings were built by bout with double-sided coating made of limestone blocks and slabs. The stone benches are preserved inside the temple along its perimeter. At the entrance to the porch archaeologists had found a massive block in the shape of a pentahedron with a counter – relief image of the cross.

Archaeological work (it is still incomplete) revealed that the temple suffered from the fire at least twice. At the first fire the burnt layer of the porch was two centimeters. After the second fire when the layer was up to ten centimeters the porch had burned down together with the temple. The second layer of combustion is probably connected with the Turkish expansion because after that the Church was not revived.

Keywords: Abkhazia, temples, Gagra region, Pshouhua, basilica

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 238–257
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 238–257
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-238–257

МЕМФИС И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Р.А. Орехов

Центр египтологических исследований РАН, Москва, Россия
radamant67@mail.ru

Аннотация. Основание и становление древнейшей столицы Египта Мемфиса относятся к числу загадок египтологии, которые еще только ждут своего разрешения. Основная трудность, с которой сталкиваются ученые, состоит в том, что вплоть до сегодняшнего дня отсутствует достаточное количество аутентичного археологического материала. Поэтому зачастую исследователи, как и сто лет назад, вынуждены опираться в своих построениях на так называемую статическую модель Геродота, которую историограф описал во второй главе своего «египетского логоса» (Herod. II, 99). В частности, основываясь на данном свидетельстве, немецкий египтолог К. Зете в 1905 г. разработал теорию, согласно которой царь Менес около 3000 г. до н. э. основал Мемфис в апексе дельты Нила. К. Зете полагал, что в результате победы могущественного верхнеегипетского царства над нижним, располагавшимся в Дельте, образовалось единое централизованное государство, а ставка царей из верхнеегипетского Абидоса (Тина) переместилась на север, в крепость Белые стены, которая и стала ядром будущей столицы. Однако с накоплением новой, преимущественно археологической, информации в XX и в начале XXI в. многие выводы и предположения германского исследователя стали нуждаться в существенной корректировке. В частности, современные специалисты совсем иначе интерпретируют сущность и роль раннего египетского государства и, соответственно, Мемфиса как его предполагаемой столицы. Отдельные аспекты этой темы и будут затронуты в данной статье.

Ключевые слова: Мемфис, Абидос, Геродот, К.Зете, происхождение египетского государства, Верхний Египет, Нижний Египет

Данные об авторе: Орехов Роман Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН.

Основание и становление древнейшей столицы Египта Мемфиса относятся к числу загадок египтологии, которые еще только ждут своего разрешения. Основная трудность, с которой сталкиваются ученые, состоит в том, что вплоть до сегодняшнего дня отсутствует достаточное количество аутентичного археологического материала. Поэтому исследователи, как и сто лет назад, зачастую вынуждены опираться в своих построениях на «статическую» модель Геродота, которую историограф описал во второй главе своей «Истории», так называемом «египетском логосе»¹. Напомним, что согласно Геродоту, первый египетский царь Мин (в Геродотовом написании – τοῦ Μίνω или τῷ Μίνω) основал город на стыке дельты и долины Нила, отведя реку в восточном направлении при помощи плотины. На освободившемся пространстве он и воздвиг город. Однако если мы примем на веру данный факт, то появление города в столь необычном месте и в столь отдаленное время будет неизбежно пересекаться с другой не менее значимой проблемой, а именно, уровнем развития египетского государства, которому были по плечу столь неординарные градостроительные решения.

В частности, на основании свидетельства античного историографа выдающийся германский египтолог К.Зете еще в 1905 году разработал теорию, согласно которой царь Мин/Менес² около 3000 г. до н. э. основал город в апексе дельты Нила³. В задачу этого центра входил контроль за присоединенными северными территориями и торговыми путями, которые шли на восток. К. Зете полагал, что в результате победы могущественного верхнеегипетского царства над нижним, которое располагалось в дельте, образовалось двуединое централизованное государство, а ставка царей из верхнеегипетского Абидоса/Тина переместилась на север, в крепость «Белые стены», которая и стала ядром будущей столицы. Другими словами, «Белые стены» стали одновременно столицей объединенного Египта и раннего египетского государства. На месте «Белых стен» впоследствии вырос знаменитый Мемфис.

Теория К. Зете, чей авторитет в науке всегда был и остается весьма высоким, продолжает до сего дня оказывать серьезное влияние на исследователей. Но если для своего времени она была новаторской и учитывала весь доступный археологический и эпиграфический материал, то с накоплением новой преимущественно археологической информации в XX и в начале XXI в., многие выводы и предположения германского исследователя стали нуждаться в существенной корректировке. В частности, археологами стала совсем иначе трактоваться роль раннего египетского государства, соответственно, и Мемфиса как его предполагаемой столицы. Более того, основание Мемфиса, как оно описано у Геродота, предполагает достаточно высокий уровень развития, как общества, его мобилизационных возможностей, так и специфических знаний в области гидротехнического строительства. Могло ли это произойти в эпоху, когда государство только-только начинало складываться?

Поэтому основная задача нашего исследования - показать, что могло представлять собой это «государство», и как современные археологи смотрят на природу его возникновения.

¹ Herod. II, 99.

² Под именем Мина (или Менеса), вероятно, следует понимать одного из правителей I династии Абидоса (Тина) – Хора Нармера или Хора Аха (Крол 2005, 47-48; Heagy 2014, 59–92).

³ Sethe 1905.

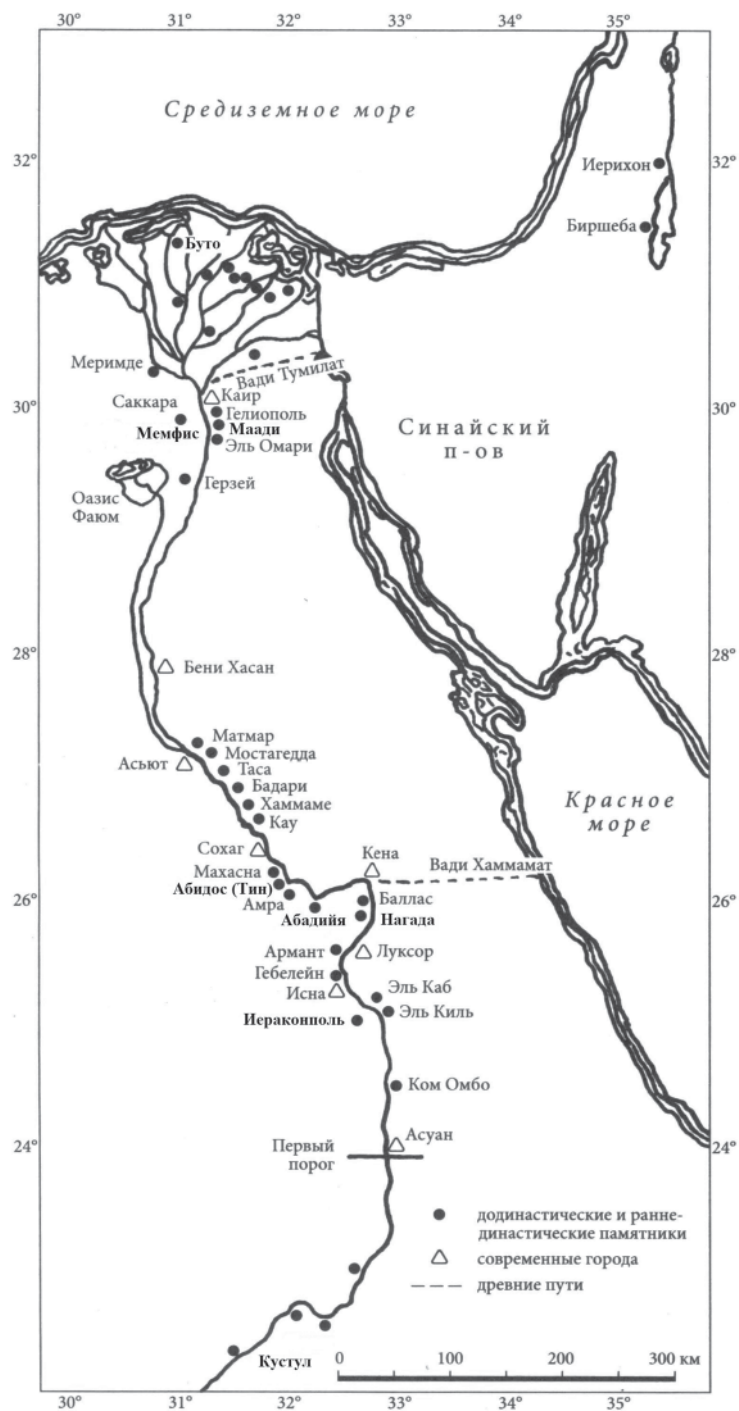

Рис. 1. Долина и дельта Нила накануне образования египетского государства

В настоящем исследовании применяется следующая хронологическая шкала:

Ранний додинастический период (ок. 4000–3900 гг. до н. э.);

Средний додинастический период (ок. 3900–3650 гг. до н. э.);

Поздний додинастический период (ок. 3650–3300 гг. до н. э.);

Завершающий этап додинастического периода (ок. 3300–3100 гг. до н. э. (эти периоды совпадают с Бадарийским периодом и периодами Нагада I, II, III));

Раннее царство (ок. 3100–2686 гг. до н. э.);

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические и изобразительные источники, относящиеся как к додинастическому, так и к раннединастическому периодам, позволяют говорить с высокой долей уверенности о том, что возникновение государства в долине Нила сопровождалось непрекращающимися военными конфликтами⁴. Именно военный конфликт, направленный на завоевание территории, вызывает к жизни основное условие для возникновения государства – монополию на физическое принуждение, которой обладают вождь и окружающая его правящая элита⁵.

Однако основным препятствием к установлению этой монополии являются родственные связи, которые лежат в основе функционирования любого вождества, т.е. потестарной организации, предшествующей государству. М. Кампано полагает, что в обществах, в основе жизнедеятельности которых лежат родственные связи, существуют определенные ограничения, препятствующие возникновению значительного социального неравенства. В такого рода обществах, которые группируются под общим названием вождеств, лидерство представляет собой функцию социального престижа. Лидер не может выйти за рамки, которыми общество, основанное на родственных связях, ограничивает возможности возникновения социального неравенства и монополии на физическое насилие. При этом эти ограничения действуют лишь внутри общества, построенного на принципах родственных связей, но не в отношении соседних, неродственных обществ, которые воспринимаются как «не-мы», «иные», «чужие». Применительно к ним действуют иные социальные нормы, среди которых была и монополия одного или немногих на физическое насилие. Таким образом, по мнению исследователя, искать истоки возникновения государства следует в отношениях между догосударственными образованиями⁶.

Относительно причин военных конфликтов существуют разнообразные точки зрения. Так, Ж. Монне-Салех считает, что в основе такого конфликта лежала возникшая в результате процесса аридизации пустыни нужда кочевников-скотоводов в пастбищах Дельты, заселенной земледельцами-потомками Бадарийской и Амратской культур⁷. По мнению исследовательницы, финальный этап этого процесса изображен на булаве фараона Скорпиона (рис. 2). Однако в настоящее время нет никаких надежных археологических данных, которые подтверждали бы теорию конфликта между двумя антагонистическими этническими группами – номадами Верхнего Египта и оседлыми земледельцами Низовья. Напротив, данные

⁴ Campagno 2004, 690.

⁵ Campagno 2004, 691.

⁶ Campagno 2000, 40.

⁷ Monnet-Saleh 1986, 237.

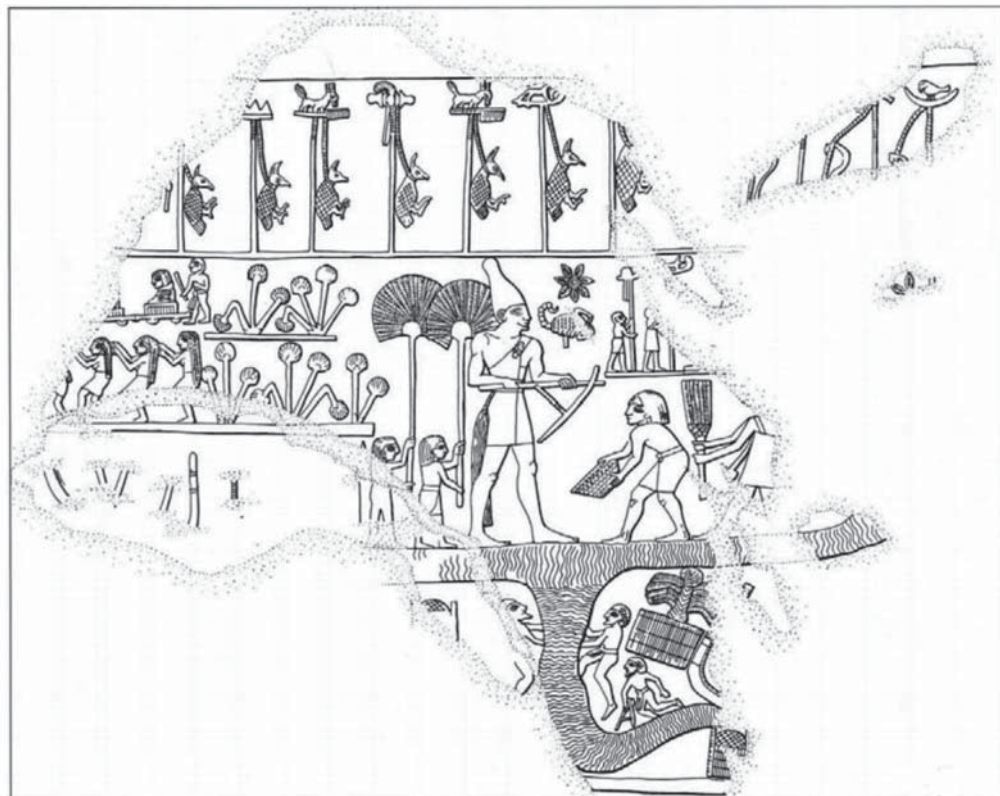

Рис. 2. Верхнеегипетский вождь Скорпион проводит символическую борозду, открывая сезон сельскохозяйственных работ. В верхнем регистре изображены штандарты богов Верхнего Египта, на которых висят птицы с заломленными крыльями, символизирующие покоренное население Дельты (по Arnold 1999, fig. 53)

археологических раскопок в Иераконполе свидетельствуют о том, что местное население сочетало оба типа хозяйствования: отгонное скотоводство и земледелие⁸.

Согласно другой теории (т.н. *circumscription theory*), предложенной исследователями К. Бард и Р. Карнейро, основной причиной вооруженного конфликта была нехватка земли, которую испытывали правители и растущее население протогосударственного образования с центром в Иераконполе. Стремясь расширить свои владения, правители Иераконполя неизбежно вступали в конфликт с соседними политиями в Абидосе и Нагаде (рис. 1). По мнению исследователей, если в период поздней культуры Нагада II в вооруженный конфликт были втянуты вождества на территории Верхнего Египта, то в последующий период Нагада III он охватил уже пространство всей долины Нила и Дельты и в конечном итоге привел к возникновению единого государства⁹.

⁸ Campagno 2004, 692.

⁹ Bard, Carneiro 1989, 693.

Наконец, согласно третьей точке зрения, вооруженные конфликты были вызваны усилившимся соперничеством между верхнеегипетскими политиями за монопольный контроль над торговыми путями, связывавшими Египет с отдаленными регионами Ближнего Востока и Африки¹⁰. Начиная с периода Нагада II, через поселение в Маади, расположенное в апексе Дельты, устанавливаются торговые отношения, связавшие Нижний Египет и регион Палестины. Через Буто морским путем доставлялись товары с территории современной Сирии. Благодаря активной торговле, которая велась между Дельтой и Передней Азией, Иераконполь, Абидос и Нагада имели возможность получать товары не только из Ханаана, но и из Месопотамии, Элама и даже Афганистана¹¹. На юге догосударственные формирования Верхнего Египта имели доступ к африканским товарам благодаря торговле с нубийскими племенами группы С. Из этих отдаленных регионов в долину Нила поступали в первую очередь «экзотические» товары, а также сырьевые материалы для их изготовления (лазурит, обсидиан, медь, слоновая кость и др.)¹².

В силу того, что эти товары поступали в Верхний Египет из отдаленных стран, их количество было весьма ограниченным, а стоимость, соответственно, очень высока. Они становились предметами престижа, обладание которыми значительно повышало социальный статус¹³. Поэтому, полагает М. Кампано, в обществе, где правитель и окружающая его элита в силу определенных ограничений, характерных для социальной организации по типу вождества, лишены монополии на физическое насилие, явное для всех обладание дорогими и экзотическими товарами являлось едва ли не единственным знаком привилегированного положения в обществе¹⁴.

Развивая свою мысль об экзотических товарах, М. Кампано приходит к заключению, что стремление обладать ими – штучными предметами, изготовленными из ценных материалов, доставлявшимися из дальних стран, а также сырьевыми материалами для производства статусных предметов – было причиной множества вооруженных конфликтов начиная с периода Нагада II¹⁵. Поэтому различные догосударственные образования Верхнего Египта стремились установить монопольный контроль над торговыми путями, по которым престижные товары поступали в долину Нила. М. Кампано также отмечает, что потребность в этих товарах нисколько не снижалась, т.к. спустя определенное время после того, как они оказывались в долине Нила, их захоранивали вместе с их обладателями¹⁶; причем в могилу эти предметы клали в большем количестве и лучшего качества, чем те, что оставляли в мире живых¹⁷. Другую часть престижных товаров элита распределяла между рядовыми членами сообщества в целях сохранения видимости равенства и укрепления лояльности¹⁸.

¹⁰ Campagno 2004, 694–695.

¹¹ Campagno 2000, 40.

¹² Campagno 2004, 694–695.

¹³ Campagno 2004, 695.

¹⁴ Campagno 2000, 41.

¹⁵ Campagno 2000, 41.

¹⁶ Campagno 2000, 42.

¹⁷ Campagno 2004, 696.

¹⁸ Campagno 2004, 695.

Основными свидетельствами конфликтов периода Нагада II являются различные виды наступательного и оборонительного оружия, обнаруженного в погребениях; археологические свидетельства постройки оборонительных стен; изобразительные данные¹⁹. Поначалу основным объектом грабительских набегов становились те территории, которые находились ближе к торговым путям. Вскоре, однако, на смену грабительским набегам приходят походы, направленные на полное подчинение территорий, имевших преимущество в получении предметов престижа благодаря своему местоположению²⁰. А это в свою очередь приводит к возникновению принципиально новых, государственных по своей сути отношений, построенных не на внутриклановых родственных связях; отношений, при которых возникает монополия на насилие победителя в отношении побежденных, т.е. основная отличительная черта государства.

Центрами возникновения означенных государственных отношений стали Иераконполь, Нагада, Абидос в Верхнем Египте и, возможно, Кустул в Нубии. Спустя непродолжительное время, в период Нагада IIс они вступают в конфликтные отношения друг с другом, однако это уже был конфликт между отдельными государствами. Таким образом, объединение Египта, по сути, нельзя рассматривать как рождение государства, возникшее, по меньшей мере, за столетие до этого²¹. Как считает М. Кампано, на этом этапе предельно меркантильная в своей основе цель обладания предметами престижа получает идеологическое обоснование. Экспансия на соседние территории теперь воспринималась как распространение мирового порядка *маат* на земли, подвластные хаосу²². Важную роль для функционирования вновь возникших государственных формирований имела дань, поступающая с покоренных территорий. Она позволяла элите содержать ремесленников, жрецов, чиновников²³.

Отметим, что подход М. Кампано, несмотря на то, что исследователь максимально учитывает в своих построениях археологический материал, представляется немного наивным. В условиях, когда человек выживает в условиях не привычной для себя природной среды нильской долины, предметы престижа отходят для него явно на второй план. Единственным исключением могут являться предметы магического или ритуального характера, которые легитимизируют власть жреца или правителя²⁴.

Реконструкция постепенного развития египетского общества в период Нагада I–III и постепенного развития государственных отношений также дана в работах Т. Вилкинсона. Исследователь считает, что гробничная архитектура, размер гробницы, местоположение захоронения вкупе с находками, сделанными при раскопках погребений, датированных периодом Нагада I – ранней Нагады II на некрополях Абидоса, Абадийи, Нагады и Иераконполя, свидетельствует о том, что в этих погребениях были захоронены представители правящей элиты, чья политическая и экономическая власть находит отражение в обладании статусными

¹⁹ Campagno 2000, 43.

²⁰ Campagno 2004, 697.

²¹ Campagno 2000, 43–44.

²² Campagno 2004, 699–700.

²³ Campagno 2000, 44.

²⁴ О данных предметах мы хорошо знаем из современных традиций Африки (Синицына 1997).

предметами²⁵. Т. Вилкинсон считает маловероятным, что каждая из четырех политий управляла обширной территорией: на это указывает тот факт, что Абидос и Абадия, например, располагались слишком близко друг к другу²⁶.

Следующий серьезный этап на пути объединения Египта – период Нагада IIb. Этим периодом датируется упадок элитного некрополя в Абадиейе. Вероятно, как считает ученый, Абадия была подчинена соседним Абидосом²⁷. Однако и сам Абидос явно переживал не самые лучшие времена. По мнению Т. Вилкинсона, Абидос попал в зависимость от правителей Нагады. Об этом, в частности, может косвенно свидетельствовать прекращение захоронений на Кладбище U в Абидосе почти на всем протяжении Нагады II²⁸. В свою очередь в Нагаде именно в этот период возникает элитный участок некрополя – Кладбище T. Первые захоронения здесь датируются периодом Нагада IIb.

Как считает Т. Вилкинсон, более быстрые темпы, которыми в Нагаде шел процесс усложнения социальной структуры общества, а также доминирование Нагады над окрестными политиями в период Нагада II объясняются прямым доступом к полезным ископаемым и в первую очередь золотым копям восточной пустыни²⁹.

Периодом Нагада IIc датируются погребения на элитном Кладбище T, которые по своей архитектуре, размерам и местоположению явно предназначались для местных правителей. Например, могила T5 имела размеры 11 кв. м. Могильная яма была обложена сырцовыми кирпичами. В ней было обнаружено пять каменных и более 40 керамических сосудов, а также бусы из малахита³⁰. В погребении T29 была найдена импортированная из Месопотамии цилиндрическая печать, что свидетельствует о развитии властных отношений в обществе Нагада.

В Иераконполе в период Нагада II захоронения элиты перемещаются из Участка 6 ближе к обрабатываемой почве. Новое кладбище элиты известно, прежде всего, благодаря Гробнице 100. Изображения на стенах этой гробницы свидетельствуют о том, что в Иераконполе быстрыми темпами шел процесс создания царской идеологии (рис. 3а-б)³¹.

Рис. 3а. Фрагмент росписи из Гробницы 100 в Иераконполе, на котором, вероятно, показан сбор дани с покоренных территорий (Seidlmayer 2010, fig. 25)

²⁵ Wilkinson 2000, 381.

²⁶ Wilkinson 2000, 381.

²⁷ Wilkinson 2000, 382.

²⁸ Wilkinson 2000, 382.

²⁹ Wilkinson 2000, 382.

³⁰ Wilkinson 2000, 384.

³¹ Wilkinson 2000, 384.

Рис. 36. Роспись в Гробнице 100, деталь (Seidlmayer 2010, fig. 26)

Как полагает Т. Вилкинсон, быстрый процесс расслоения общества и выделения правящей элиты в Иераконполе, как и в Нагаде, определялся близостью к торговым путям. Через Вади-Аббад регион был связан с золотоносными районами восточной пустыни. Иераконполь также находился вблизи торговых путей, по которым шли товары из Нубии и Сахары³².

В период Нагада II Абадийа утрачивает свою роль одного из центров формирования протогосударства. Эту же роль, похоже, на время утрачивает и Абидос. Здесь на некогда элитном участке кладбища было обнаружено лишь несколько погребений с заупокойным инвентарем, который явно указывает на более низкий социальный статус погребенных по сравнению с теми, кто был здесь погребен в период Нагада I³³.

³² Wilkinson 2000, 384.

³³ Wilkinson 2000, 384.

В Гебелейне, зажатом между Нагадой и Иераконполем, как полагает Т. Вилкинсон, возникает еще один центр складывания раннегосударственных отношений. Подтверждением тому служит датируемый периодом Нагада Пс фрагмент льняной ткани, на котором были изображены сцены, схожие своей иконографией и сюжетами с росписями могилы 100. По мнению Т. Вилкинсона, умерший, в погребении которого находилась эта ткань, вероятно, был правителем. Об этом, в частности, свидетельствует изображение на ткани сцены гарпунирования бегемота. В период I династии гарпунирование бегемота было ритуальным действием, которое являлось частью одного из царских праздников³⁴.

Для реконструкции процесса политогенеза в регионе Верхнего Египта важное значение, по мнению Т. Вилкинсона, также имеют наскальные изображения, которые были найдены при строительстве дороги Луксор-Фаршут в западной пустыне. На основании анализа палеографии и иконографии изображения были датированы временем ранней Нагады III (Нагада IIIa1–a2). Наиболее интересные изображения были обнаружены в местности Гебель-Таути. Набор сюжетов: пленники, царские геральдические животные – сокол, скорпион, слон, стоящий на холмах – характерен для позднединастического времени. Местоположение изображений на скалах Гебель-Таути позволяет предположить, что здесь запечатлена военная победа, одержанная Абидосом над Нагадой³⁵. Исследователь считает, что дорога по западной пустыне была проложена Абидосом с целью получить доступ к экзотическим престижным товарам Африки в обход Нагады³⁶. Кроме того, юг Верхнего Египта мог интересовать Абидос как рынок для сбыта товаров, поступающих, опять-таки минуя Нагаду, из Нижнего Египта и Леванта. Именно эта политика экономической и политической экспансии Абидоса в конце концов, как считает Т. Вилкинсон, и привела к созданию единого государства.

Несколько иначе на процесс складывания единого государства смотрит австралийская исследовательница К. Кёллер. Так, полемизируя с устоявшейся в науке концепцией В. Кайзера³⁷, она полагает, что в свете новых археологических открытий идея о том, что экспансия носителей культуры Нагада на север была главной предпосылкой объединения страны, представляется более чем проблематичной³⁸. По ее мнению, существуют два основных подхода к проблеме объединения, различающиеся в первую очередь источниками, на которых они основываются. Один апеллирует главным образом к нарративным и изобразительным источникам, которые дают все основания для того, чтобы предполагать насильственный способ объединения страны под властью одного правителя, другой – к источникам археологическим, которые позволяют реконструировать постепенный процесс формирования египетского общества и культуры в ходе складывания государства. Исследовательница указывает на важность совмещения этих двух подходов, что дает возможность взглянуть на формирование единого государства как на процесс многовекторный и многофакторный, движущие силы которого были различными в разные периоды времени.

³⁴ Wilkinson 2000, 385.

³⁵ Wilkinson 2000, 386.

³⁶ Wilkinson 2000, 386.

³⁷ Более подробно о концепции В. Кайзера см.: Kaiser 1957; 1959; 1960; 1961; 1964.

³⁸ Köhler 2008, 520–521.

Рис. 4. Очень часто сюжет палетки Нармера (0 дин.) интерпретируется исследователями как окончательное покорение верхнеегипетским правителем земель дельты. Однако возникает закономерный вопрос, почему данная палетка была посвящена царем в храм Хора в Иераконполе, который отстоит весьма значительно от земель Низовья (Quibell 1900, pl. XXIX)

К. Кёлер указывает на то обстоятельство, что концепция экспансии носителей культуры Нагада сформировалась до и после Второй мировой войны и основывалась, прежде всего, на анализе письменных источников, которые рассматривали Египет до объединения как страну, состоявшую из двух враждебных друг другу царств (см. выше концепцию К. Зете!). Процесс объединения воспринимался в общих чертах таким, каким он изображен на палетке Нармера, которого отождествляли с Менесом (рис. 4).

По мнению В. Кайзера, процесс культурной экспансии культуры Нагада предшествовал экспансии политической. Последняя, по мнению ученого, проходила в форме краткосрочных рейдов верхнеегипетских правителей, направленных на уничтожение отдельных поселений Дельты, как, например, Маади, или же хорошо спланированных операций, в ходе которых огню и мечу предавалась значительная территория Нижнего Египта³⁹. Однако К. Кёлер высказывает сомнения

³⁹ Kaiser 1957; 1959; 1960; 1961; 1964.

относительно организационного ресурса правителей долины для подготовки и проведения столь масштабных и дальних военных операций.

Например, изучение археологических материалов, обнаруженных при раскопках верхнеегипетских поселений позднего неолита – раннего энеолита, привели археологов Р. Фридман и Д. Холмс к выводу о том, что в Верхнем Египте не существовало единой культуры, последовательно и единообразно развивавшейся во всем регионе в амратское, герзейское и додинастическое время, скорее всего, это была культура с большим числом локальных вариантов⁴⁰. Таким образом, делает вывод К. Кёлер, прежняя точка зрения о существовании гомогенной культуры Нагада на всем пространстве Верхнего Египта выглядит ныне весьма спорной⁴¹.

Также, по мнению К. Кёлер, Нижний Египет додинастического периода представлял собой регион, культуры которого постепенно развивались от неолита и энеолита к раннему бронзовому веку без какого-либо политического, военного или прямого культурного влияния с юга. Из-за протяженности территории, которая разделяла Верхний Египет и Дельту, а также из-за отсутствия сравнительного материала из региона Среднего Египта сложилось представление о том, что в Дельте в додинастический период сформировалась совершенно отличная от остального Египта материальная культура. Тем не менее, при детальном рассмотрении она по многим признакам демонстрирует высокую степень единообразия с культурами Верхнего Египта⁴².

К. Кёлер полагает, что погребальные обряды Верхнего и Нижнего Египта периода раннего энеолита сложно сравнивать из-за разного объема данных: 15 тыс. погребений периода Нагада I–IIa и всего 600 захоронений, раскопанных в Дельте. Тем не менее, как пишет исследовательница, в обоих регионах умершие в основном похоронены в простых могилах, в скорченном положении, накрытые плетеной из тростника циновкой или шкурой животного в сопровождении приношений, таких как сосуды для пищи, орудия, украшения. Все это позволяет К. Кёлер говорить о том, что в обоих регионах Египта господствовала схожая концепция посмертного существования, которая, в частности, требовала обеспечения умершего едой и личными вещами⁴³. Исследовательница также считает, что нельзя с полным основанием говорить о том, что нижнеегипетское общество в период раннего энеолита было эгалитарным, основываясь лишь на том, что некрополи культуры Буто-Маади беднее, чем одновременные им могильники культуры Нагада. Размеры поселения Маади, налаженная торговля с Левантом, развитая специализация ремесла и спрос на элитарные товары из Верхнего Египта, такие как, например, каменные ромбовидные ножи или ножи в виде рыбьего хвоста, свидетельствуют в пользу того, что население Дельты было организовано в стратифицированное общество типа вождества⁴⁴.

По мнению К. Кёлер, утвердившаяся в египтологии точка зрения о различиях между культурами Верхнего и Нижнего Египта в додинастический период во многом является перенесением идеологической схемы позднегипетских письменных

⁴⁰ Holmes, Friedman 1989; 1994.

⁴¹ Köhler 2008, 523.

⁴² Köhler 2008, 523–524.

⁴³ Köhler 2008, 526.

⁴⁴ Köhler 2008, 527.

источников о противостоянии двух частей страны, Гора и Сета, красной и белой корон, Буто и Иераконполя и т.д.⁴⁵ Эта позиция, однако, не имеет надежных археологических доказательств. Кроме того, те данные исследований, которые имелись в распоряжении ученых до недавнего времени, имели один существенный недостаток, который существенно ограничивал возможности проведения сравнительного анализа культур Верхнего Египта и Дельты: культура Нагада была известна по преимуществу благодаря материалам, полученным из раскопок некрополей, в то время как информация о материальной культуре Буто-Маади основывалась в первую очередь на данных, полученных в результате археологических раскопок поселений.

Таким образом, К. Кёлер приходит к выводу о том, что гипотеза В. Кайзера об экспансии культуры Нагада на север умозрительна и противоречит многим фактам, которые были получены в результате археологических исследований последних десятилетий⁴⁶. Напротив, К. Келер считает, что различные регионы Египта развивались постепенно под влиянием соседних культур и различных экологических условий. Река, соединявшая Египет на всем его протяжении, была главным средством передвижения людей, товаров и идей. Тем не менее, огромные пространства, которые разделяли Юг и Север, объясняют различия в материальных культурах противоположных концов страны, причем эти различия усиливались в зависимости от степени удаленности культур друг от друга⁴⁷.

Уже в раннем энеолите начинается формирование региональных центров, политий, таких как Абидос, Иераконполь, Нагада, Абадия на юге и Буто, Маади на севере. Здесь начинают складываться местные элиты, контролировавшие ремесленное производство и торговлю как ремесленными товарами для повседневного пользования на внутреннем рынке, так и «статусными» товарами для торговли с элитами других центров⁴⁸. В этом отношении политики Верхнего Египта имели два явных преимущества перед протогосударственными формированиями Дельты, связанных с их географическим положением. С одной стороны, они не были изолированы друг от друга, как региональные центры Дельты, где многочисленные русла Нила создавали серьезные препятствия для торгового обмена особенно в период разлива реки; с другой – протогосударственные образования Верхнего Египта имели прямой доступ к сырьевым источникам восточной пустыни. Кстати, именно этим обстоятельством К. Кёлер объясняет тот факт, что в погребениях на некрополях Дельты значительно реже, чем в одновременных им захоронениях Верхнего Египта встречаются «статусные» предметы. Они производились по большей части в Верхнем Египте, где их могло приобрести и положить в могилу значительно большее число людей, нежели в Дельте, расположенной за сотни километров оттуда. Таким образом, «бедность» сопровождающего инвентаря в погребениях Дельты, по мнению К. Кёлер, не может считаться аргументом в пользу более низкого уровня социального развития, «эгалитарности» общества в Дельте⁴⁹.

⁴⁵ Köhler 2008, 517.

⁴⁶ Köhler 2008, 532.

⁴⁷ Köhler 2008, 532.

⁴⁸ Köhler 2008, 533.

⁴⁹ Köhler 2008, 533.

Рис. 5. Пример статусного предмета – нож из Джебель эль-Арака, кость гиппопотама, кремнь (Лувр, происхождение неизвестно, фото автора)

Территориальная близость верхнеегипетских политий друг к другу, с другой стороны, была, вероятно, причиной соперничества, которое, скорее всего, выливалось в открытое вооруженное противостояние. К концу энеолита в результате этого противостояния количество политий сократилось до трех: Иераконполя, Нагады и Абидоса, территории которых при этом расширились⁵⁰. В этот период возникают первые крупномасштабные постройки из сырцового кирпича, происходит формирование чиновничьего аппарата. По мнению К. Кёлер, применительно к Иераконполю, Нагаде и Абидосу можно говорить о возникновении в период позднего энеолита городов-государств или протоцарств⁵¹.

⁵⁰ Köhler 2008, 534.

⁵¹ Köhler 2008, 534.

Таким образом, процесс образования единого государства в долине Нила шел по двум направлениям, которые были тесно переплетены друг с другом. С одной стороны, шел процесс усложнения социальной структуры общества, возникновения и развития протогосударственных образований, с другой – происходило создание единого египетского государства от Средиземного моря до 1 порога⁵².

Таковым в общих чертах в представлении ведущих археологов был исторический фон, когда на границе Верхнего и Нижнего Египта, на границе дельты и долины появилась новая египетская столица. Постараемся насколько это возможно дать оценку этим взглядам. Разумеется, мы исходим из того, что все вышеперечисленное – это только гипотезы, которые опираются на богатый археологический материал последнего времени, поэтому их необходимо учитывать, когда мы начинаем говорить о Мемфисе. Не все эти взгляды и суждения представляются равноценными. Прежде всего, на передний план в них выдвигаются факторы торговли и борьбы за природные ресурсы. Начнем с торговой теории.

Если допустить справедливость гипотезы о торговле на дальние расстояния как решающем факторе в образовании египетского государства, то Мемфис в таком случае неизбежно будет восприниматься как торговый посредник не только между севером и югом страны, но и между Египтом и Азией. Британский исследователь Т. Вилкинсон, как уже было отмечено, считает, что одним из основных факторов объединения Египта было именно стремление верхнеегипетских правителей к монополизации контроля над торговыми путями, особенно теми, что вели за пределы Египта. Подобное выгодное географическое положение могло в значительной мере повлиять на выбор места для новой столицы⁵³.

Однако данный подход представляется маловероятным по ряду причин. Прежде всего, золото, которое по мысли исследователя способствовало формированию элит и расслоению племенного общества, не являлось признаком богатства и состоятельности, а было, скорее всего, просто монополией вождей на изготовление статусных и культовых предметов. Эти предметы носил либо сам вождь, ритуальный правитель, либо его приближенные или даже жрецы. Мы хорошо знаем, что в более позднее время золотом могли просто награждать за доблесть или службу. Подлинным богатством всегда были земля и скот, как источники жертвоприношений и пропитания населения. Золото становится серьезным экономическим фактором только тогда, когда оно действительно выступает как средство обмена. Но для этого необходимо, как минимум, чтобы экономика достигла достаточно высокого уровня развития и у людей появилась бы потребность в обмене, потребность в накоплении богатства. Однако эта потребность возникает не тогда, когда людям не достаёт элементарных жизненных ресурсов и оно просто борется за свое выживание, или ощущает нехватку каких-то статусных предметов. Статусные иноземные предметы, о которых пишут многие исследователи, представляют собой единичные экземпляры (рис. 5). А значит, и контакты, в результате которых они появлялись в могилах знати, также были единичными, например, в процессе миграций культур и не являлись факторами полноценной торговли. Можно ли вообще предполагать полноценную торговую индустрию в то далекое время? Последнее касается не только теории Т. Вилкинсона, но и теории М. Кампаньо. В са-

⁵² Köhler 2008, 536.

⁵³ Wilkinson 2001, 360.

мом деле, потребность в предметах «не первой необходимости» (non-subsistence goods), а также неравное распределение в обществе проявляются в погребениях, датированных периодами Нагада I и, особенно, Нагада II⁵⁴. Однако делать на основании этого вывод, что означенные предметы стали в конечном итоге причиной борьбы за торговые пути, по которым эти предметы попадали в нильскую долину, является большой натяжкой.

Приведем другой пример. Как явствует из отчёта Германского археологического института в Каире, в погребальных сооружениях т.н. кладбища «В» в Умм-эль-Каабе (Абидос) при изготовлении потолочных и межкомнатных перекрытий использовалась не местная, а привозная хвойная древесина⁵⁵. На этом основании некоторые исследователи пришли к выводу, что проникновение культуры Нагада в северо-восточный район Дельты было связано с захватом рынков сырья, преимущественно синайской меди и ливанской древесины⁵⁶. Если учесть, что качественная ливанская древесина использовалась преимущественно в царских погребениях эпохи Раннего царства, а медь была необходима для производства орудий с целью обработки этой древесины, можно ли заключить на основании этого, что проникновение культуры Нагада (в её поздней фазе) на территорию Дельты было продиктовано нуждами торговли?

Еще в 1920-е гг. египтологам стало очевидно, что материалы раскопок малочисленных археологических памятников Дельты не дают подтверждений для собственно египетской модели сложения единого государства в результате завоевания Севера Югом, т.к. в Нижнем Египте не было в додинастический период никакого крупного протогосударственного образования, равного Иераконполю, Абидосу или Нагаде, которое могло бы соперничать с политиями Верхнего Египта⁵⁷. Если любая верхнеегипетская полития обладала на тот момент более развитой военной организацией, то она вообще могла не принимать в расчет более слабого соперника, не говоря уже о том, чтобы воспринимать его как торгового посредника. Поэтому концепции К. Бард, К. Кёлер, Ж. Монне-Салех, а в чем-то и В. Кайзера представляются более взвешенными и соответствующими реальному положению дел.

Представляется, что все же ближе к истине те исследователи, которые связывают объединение страны и образование первого государства в масштабах всей нильской долины с борьбой за природные ресурсы, главным образом за пастбища, скот и плодородную землю. Суммируя данные геологических исследований последних лет в Дельте, К. Бутцер приходит к следующим выводам: осадконакопление в Дельте началось не ранее 6500–5500 гг. до н. э., после того как понизились уровень моря и уровень разлива Нила; для создания плодородного слоя понадобилось не менее 200 лет (а то и больше!);⁵⁸ исходя из этого, маловероятно, что в Дельте когда либо будут найдены остатки поселений старше, чем 5000 г. до н. э.; примерно с этого времени начинается заселение Дельты выходцами из высыхающей Ливийской пустыни и переселенцами из Леванта; вместе с первыми посе-

⁵⁴ Bard 1989, 224.

⁵⁵ Kaiser, Dreyer 1982, 213–215.

⁵⁶ Helck 1990, 112; Endesfelder 1993, 190–191.

⁵⁷ Butzer 2002, 83.

⁵⁸ Прусаков 2010, 85.

ленцами в Дельту проникают domesticiрованные животные и растения⁵⁹. Скорее всего, именно наличие пастбищ и плодородной земли стимулировало абидосских правителей к проникновению в северные области Египта. При этом если мы допустим серьезный экологический сдвиг, например, недостаточные разливы реки в долине, то фактор наличия полноценных угодий в Низовье будет играть важную стабилизирующую роль. Не в этом ли кроется роль региона будущего Мемфиса? Другими словами, при наличии столичного центра на юге, северный район воспринимался абидосскими царями именно как экономический резерв!

Мы не знаем, когда именно царская ставка окончательно покинула Абидос и переместилась в Нижний Египет. Как полагает германский археолог Г. Дрейер, пересмотревший устаревшую теорию У. Эмери, даже первые царские захоронения (?) появляются в районе исторического Мемфиса только в начале II династии⁶⁰. Прежде здесь располагался лишь некрополь знати. Это могли быть царские чиновники, отвечавшие за посреднические торговые операции, а могли быть и просто наместники вновь присоединенных территорий, что само по себе вовсе не свидетельствует о наличии крупного столичного города. А если это так, то роль Тина/Абидоса сохранялась как минимум на протяжении всей I династии, если не позже. Значит, информация Геродота не так уж и безукоризненна. Мог ли Мемфис быть крупным городом, а тем более столицей в момент образования государства фараонов? Почему концепция К. Зете представляется с этой позиции весьма уязвимой? Потому что объединение как таковое, предполагает взаимодействие действительно равных соперников, в противном случае это просто присоединение!

Очевидно, что древний столичный центр в Иераконполе и Абидосе еще долго сохранял свое значение, и только начало крупномасштабного пирамидного строительства в Древнем царстве позволит сконцентрировать в Нижнем Египте впечатляющие экономические и строительные ресурсы, которые и позволят стимулировать процессы урбанизации региона Мемфиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Крол, А.А. 2005: *Египет первых фараонов*. М.
Прусаков, Д.Б. 2009: *Древний Египет: почва цивилизации (этюды о неолитической революции)*. М.
Arnold, D. 1999: Royal Reliefs. In: J.P. O'Neill (ed.), *Egyptian Art in the Age of the Pyramids*. New York.

⁵⁹ Butzer 2002, 93.

⁶⁰ Как считает крупный германский археолог Г. Дрейер, подлинные захоронения правителей первых двух династий находились в Абидосе (местечке Умм-эль-Кааб). Противоположного мнения придерживался У. Эмери. По мнению Г. Дрейера, большинство гробниц Саккары, основного некрополя Мемфиса, принадлежало высокопоставленным чиновникам и царицам, умершим раньше своих царственных супругов. (см.: Dreyer 2003, 73). В свое время Г.Юнкер провидчески заметил: «Назначение кладбища в Северной Саккаре еще остается сомнительным, так как один считает его царским кладбищем, а другой видит в его масштабах гробницы высших должностных лиц. Только одно можно смело утверждать: либо это кладбище царей I династии, либо их высших должностных лиц, и невозможно, чтобы одна гробница принадлежала царю, а другая – подданному, хотя бы это был даже и везир» (Junker 1955, 10). В самом деле, царей в Египте всегда хоронили отдельно от их подчиненных! Данное обстоятельство свидетельствует о том, что статус предполагаемого столичного центра в Нижнем Египте был еще весьма неопределенным.

- Bard, K. 1989: The Evolution of Social Complexity in Predynastic Egypt: An Analysis of the Naqada Cemeteries". *Journal of Mediterranean Archaeology* 2, 223–248.
- Bard, K., Carneiro, R.L. 1989: Patterns of Predynastic Settlement Location, Social Evolution and the Circumscription Theory. *Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et égyptologie, Lille* 11, 15–23.
- Butzer, K.W. 2002: Geoarchaeological implications of recent research in the Nile Delta, In Egypt and the Levant. In: E.C.M. Van den Brink, T.E. Levy (eds.), *Interrelations from the 4th through the early Third Millennium BCE*. London–New York, 83–97.
- Campagno, M. 2000: Kinship and the Emergence of the State in Egypt. *Bulletin of the Australian Center for Egyptology, Sydney* 11, 35–47.
- Campagno, M. 2004: In the Beginning was the War. Conflict and the Emergence of the Egyptian State Egypt at its Origins. In: S. Hendrickx, R.F. Friedman, K.M. Cialowicz, M. Chlodnicki (eds.), *Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference "Origins of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*. Krakow, 28th August – 1st September 2002. Leuven, 689–703.
- Dreyer, G. 2003: The Tombs of the First and Second Dynasties at Abydos and Saqqara. In: Z. Hawass (ed.), *The Treasures of the Pyramids*. Turin, 62–77.
- Endesfelder, E. 1993: Überlegungen zur ersten Reichseinigung in Ägypten. In: E. Kormysheva (ed.), *Ancient Egypt and Kush*. Moscow, 174–200.
- Heagy, T. C. 2014: Who was Menes? *Archéo-Nil: Revue de la société pour l'étude des cultures prépharaoniques de la vallée du Nil. Prédynastique et premières dynasties égyptiennes. Nouvelles perspectives de recherches*. Janvier 24. Paris, 59–92.
- Helck, W. 1990: Gedanken zur Entstehung des altägyptischen Staates. In: B. Schmitz, A. Eggbrecht (eds.), *Festschrift Jürgen von Beckerat. Zum 70. Geburtstag am 19. Februar 1990*. Hildesheim, 97–118.
- Holmes, D.L., Friedman, R.F. 1989: The Badari Region Revisited. *Nyame Akuma* 31, 15–19.
- Holmes, D.L., Friedman, R.F. 1994: Survey and Test Excavations in the Badari Region, Egypt. *Proceedings of the Prehistoric Society* 60, 105–142.
- Junker, H. 1955: *Giza XII. Schlußband mit Zusammenfassungen und Gesamtverzeichnissen von Band I–XII*. Vienna.
- Kaiser, W. 1957: Zur inneren Chronologie der Naqadakultur. *Archaeologia Geographica* 6, 69–77.
- Kaiser, W. 1959: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 84, 119–132.
- Kaiser, W. 1960: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 85, 118–137.
- Kaiser, W. 1961: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 86, 39–61.
- Kaiser, W. 1964: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 91, 86–125.
- Kaiser, W., Dreyer, G. 1982: Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof. II. Vorbericht. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 38, 211–269.
- Köhler, C. 2008: The Interaction between and the Roles of Upper and Lower Egypt in the Formation of the Egyptian State. In: B. Midant-Reynes, Y. Tristant (eds.), *Egypt at its origins 2. Proceedings of the International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*, Toulouse (France), 5th–8th September 2005 (*Orientalia Lovaniensia Analecta* 172). Leuven, 513–540.
- Monnet-Saleh, J. 1986: Interprétation globale des documents concernant l'unification de l'Égypte (suite). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 86, 227–238.
- Seidlmayer, S. 2010: Die Entstehung des Staats bis zur 2. Dynastie. In: R. Schulz, M. Seidel (eds.), *Ägypten: die Welt der Pharaonen*. Köln, 25–39.
- Sethé, K. 1905: *Menes und Gründung von Memphis. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens III*. Leipzig.

- Quibell, J.E. 1900: *Hierakonpolis*. Part I. London.
- Wilkinson, T.A.H. 2000: Political Unification: Towards a Reconstruction. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 56, 377–395.
- Wilkinson, T.A.H. 2001: *Early Dynastic Egypt*. London.

REFERENCES

- Arnold, D. 1999: Royal Reliefs. In: J.P. O'Neill (ed.), *Egyptian Art in the Age of the Pyramids*. New York.
- Bard, K. 1989: The Evolution of Social Complexity in Predynastic Egypt: An Analysis of the Naqada Cemeteries". *Journal of Mediterranean Archaeology* 2, 223–248.
- Bard, K., Carneiro, R.L. 1989: Patterns of Predynastic Settlement Location, Social Evolution and the Circumscription Theory. *Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et égyptologie, Lille* 11, 15–23.
- Butzer, K.W. 2002: Geoarchaeological implications of recent research in the Nile Delta, In Egypt and the Levant. In: E.C.M. Van den Brink, T.E. Levy (eds.), *Interrelations from the 4th through the early Third Millennium BCE*. London–New York, 83–97.
- Campagno, M. 2000: Kinship and the Emergence of the State in Egypt. *Bulletin of the Australian Center for Egyptology, Sydney* 11, 35–47.
- Campagno, M. 2004: In the Beginning was the War. Conflict and the Emergence of the Egyptian State Egypt at its Origins. In: S. Hendrickx, R.F. Friedman, K.M. Cialowicz, M. Chlodnicki (eds.), *Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference "Origins of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*. Krakow, 28th August – 1st September 2002. Leuven, 689–703.
- Dreyer, G. 2003: The Tombs of the First and Second Dynasties at Abydos and Saqqara. In: Z. Hawass (ed.), *The Treasures of the Pyramids*. Turin, 62–77.
- Heagy, T. C. 2014: Who was Menes? *Archéo-Nil: Revue de la société pour l'étude des cultures prépharaoniques de la vallée du Nil. Prédynastique et premières dynasties égyptiennes. Nouvelles perspectives de recherches*. Janvier 24. Paris, 59–92.
- Helck, W. 1990: Gedanken zur Entstehung des altägyptischen Staates. In: B. Schmitz, A. Eggbrecht (eds.), *Festschrift Jurgen von Beckerat. Zum 70. Geburtstag am 19. Februar 1990*. Hildesheim, 97–118.
- Holmes, D.L., Friedman, R.F. 1989: The Badari Region Revisited. *Nyame Akuma* 31, 15–19.
- Holmes, D.L., Friedman, R.F. 1994: Survey and Test Excavations in the Badari Region, Egypt. *Proceedings of the Prehistoric Society* 60, 105–142.
- Junker, H. 1955: *Gîza XII. Schlußband mit Zusammenfassungen und Gesamtverzeichnissen von Band I-XII*. Vienna.
- Kaiser, W. 1957: Zur inneren Chronologie der Naqadakultur. *Archaeologia Geographica* 6, 69–77.
- Kaiser, W. 1959: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 84, 119–132.
- Kaiser, W. 1960: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 85, 118–137.
- Kaiser, W. 1961: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 86, 39–61.
- Kaiser, W. 1964: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 91, 86–125.
- Kaiser, W., Dreyer, G. 1982: Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof. II. Vorbericht. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 38, 211–269.
- Köhler, C. 2008: The Interaction between and the Roles of Upper and Lower Egypt in the Formation of the Egyptian State. In: B. Midant-Reynes, Y. Tristant (eds.), *Egypt at its origins 2. Proceedings of the International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*, Toulouse (France), 5th–8th September 2005 (*Orientalia Lovaniensia Analecta* 172). Leuven, 513–540.

- Krol, A.A. 2005: *Egipet pervykh faraonov* [The Egypt of the first pharaohs]. Moscow.
- Monnet-Saleh, J. 1986: Interprétation globale des documents concernant l'unification de l'Égypte (suite). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 86, 227–238.
- Prusakov, D.B. 2009: Drevniy Egipet: pochva tsivilizatsii (etiud o neoliticheskoy revoliutsii [Ancient Egypt: the soil of civilization (study of the Neolithic revolution)]). Moscow.
- Quibell, J.E. 1900: *Hierakonpolis*. Part I. London.
- Seidlmayer, S. 2010: Die Entstehung des Staats bis zur 2. Dynastie. In: R. Schulz, M. Seidel (eds.), *Ägypten: die Welt der Pharaonen*. Köln, 25–39.
- Sethe, K. 1905: *Menes und Gründung von Memphis. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens III*. Leipzig.
- Wilkinson, T.A.H. 2000: Political Unification: Towards a Reconstruction. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 56, 377–395.
- Wilkinson, T.A.H. 2001: *Early Dynastic Egypt*. London.
- Endesfelder, E. 1993: Überlegungen zur ersten Reichseinigung in Ägypten. In: E. Kormysheva (ed.), *Ancient Egypt and Kush*. Moscow, 174–200.

MEMPHIS AND FORMATION OF THE EGYPTIAN STATE

Roman A. Orekhov

Center for Egyptological Studies RAS, Moscow, Russia
radamant67@mail.ru

Abstract. The foundation and formation of Memphis, the earliest capital of Egypt, are among the mysteries of Egyptology that are still awaiting for their solution. The main difficulty that the researchers have been facing up to nowadays is the lack of archaeological material. That is why the modern scholars, just like a hundred years ago, often have to rely in their research on written sources, particularly — Herodotus' "Egyptian Logos", where he describes the so-called static model (Herod. II, 99). Basing on this model, the German Egyptologist K. Sethe in 1905 developed a theory, according to which Memphis had been founded in the apex of the Nile delta around 3000 BC by the king Menes. K. Sethe believed the united centralized state had emerged as a result of the victory of the powerful Upper Egyptian kingdom over the Lower Egyptian one that had been located in the Delta, and it is when the royal headquarters had moved from Upper Egyptian Abydos (Thin) to the northern White Walls fortress, which had become a core of the future capital. However, once the 20th and the beginning of the 21st century brought a lot of newer, mostly archaeological, data, the conclusions and suggestions of the German Egyptologist now need corrections. In particular, modern researchers understand the nature and role of the early Egyptian state and Memphis as its supposed capital the very different way. Some aspects of this issue will be covered in this article.

Keywords: Memphis, Abydos, Herodotus, K. Sethe, the origin of the Egyptian state, Upper Egypt, Lower Egypt

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 258–271
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 258–271
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-258–271

ЭПИТАФИЯ ЛЕВКИЮ ИЗ КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ (CIR0695): МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

А.Г. Авдеев

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
avdey57@mail.ru

Аннотация. В статье публикуется уникальный эпиграфический памятник, происходящий из Троицкого Макарьева Калязина монастыря, – белокаменное надгробие с эпитафией монаха Левкия, погибшего во время разорения обители отрядом Александра-Юзефа Лисовского. На основании Кормовой книги, составленной в этой обители, восстанавливается утраченная на надгробии дата смерти Левкия и, соответственно, штурм монастыря, – 6 мая 1610 г. Устанавливается, что в 1586–1608 гг. Левкий был игуменом обители, но в последние годы жизни жил в ней на покое. В статье реконструированы события, приведшие к разорению монастыря, а также впервые публикуется отрывок из Синодика Костромского Анастасиина Богоявленского монастыря, в котором поименно перечисляются защитники Калязина монастыря, убитые «лисовчиками».

Ключевые слова: эпиграфика Московской Руси, Троицкий Макарьев Калязин монастырь, Смутное время, Давид Жеребцов, Иван Щербатов, Александр-Юзеф Лисовский

Данные об авторе: Авдеев Александр Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Статья написана при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA и Фонда Развития ПСТГУ в рамках исследовательского проекта «Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum»: [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cir.rssda.su>. Научный руководитель проекта – А.Г. Авдеев, технический руководитель – Ю.М. Свойский. Автор выражает глубокую благодарность директору Калязинского краеведческого музея С.В. Мокровой и заведующему отделом хранения архитектурных архивов ГНИМА им. А.В. Щусева А.А. Оксенюку за помощь в работе.

Статья – скромный дар моему другу Алексею Андреевичу Завойкину, с которым вместе ходили в археологический кружок под руководством замечательного археолога и педагога Бориса Георгиевича Петерса, вместе учились на кафедре истории Древнего мира Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и прошли не через одну археологическую экспедицию в Крыму. Хочется пожелать юбиляру хранить ученый задор юности и умножать научную мудрость, а также открытия новых страниц истории и археологии Северного Причерноморья.

В настоящее время в научный оборот введено значительное количество lapidарных надписей Московской Руси, но их значение как массового источника по различным аспектам истории и культуры конца XV–XVII вв. осознается далеко не всеми исследователями, которые отдают предпочтение традиционным памятникам книжности – летописям, синодикам, житиям святых, актовым материалам и др. Эпиграфический материал почти не привлекается и в исследованиях по истории Смутного времени. Одним из исключений является статья А.А. Зимина, попытавшегося определить время сражения у села Николы на реке Вырке (1607) по дате гибели князя Ю.Ю. Мещерского, вырезанной на его надгробии¹. Впрочем, значение многих надписей становится ясным при проведении комплексного анализа с другими категориями источников.

Одним из интереснейших эпиграфических памятников Смутного времени является фрагмент белокаменной намогильной плиты с эпитафией, сообщающей о смерти Левкия во время разорения Троицкого Макарьево Калязина монастыря отрядом Александра Юзефа Лисовского, одного из наиболее жестоких «полевых командиров» Смутного времени.

Впервые данное надгробие отмечено в «Русском провинциальном некрополе» как реально существующее и датировано 1610 г.², скорее всего, на основании упоминания имени Левкия во фрагменте Синодика Костромского Богоявленского монастыря, изданного в 1837 г.³ Во время работ 1652–1654 гг. по сооружению Троицкого собора Калязина монастыря плита была распиlena по длине на две неравные части; каменщики также отрезали ее наверху с первой строкой эпитафии и уложили в кладку апсиды трапезной над основным фрагментом надгробия. Здесь плита была обнаружена в 1940 г. во время подготовки Троицкого собора к взрыву (рис. 1). В процессе выемки из кладки нижняя часть плиты была разбита на три части, а ее верхняя часть – утеряна. Сохранившиеся фрагменты были переданы в Калязинский краеведческий музей им. И.Ф. Никольского (инв. № КЗМ КП 1538) (рис. 2, 3) и ранее не публиковалась, если не считать фотографии в популярном буклете с описанием достопримечательностей Калязина⁴.

Плита была документирована 29 апреля 2018 г. в ходе работ по созданию Корпуса русских надписей (CIR); код документирования OG0849, код надписи CIR0685. Операторы документирования: С. Пешков, А. Клейменов, А. Пешков, Д. Анисимова. Авторы описания памятника и палеографического комментария: А.Г. Авдеев, О.Н. Радеева.

¹ См. Зимин 1963, 210.

² [Шереметевский] 1914, 479.

³ Исторические известия 1837, 45.

⁴ Чертовских 2010, 25 (фото).

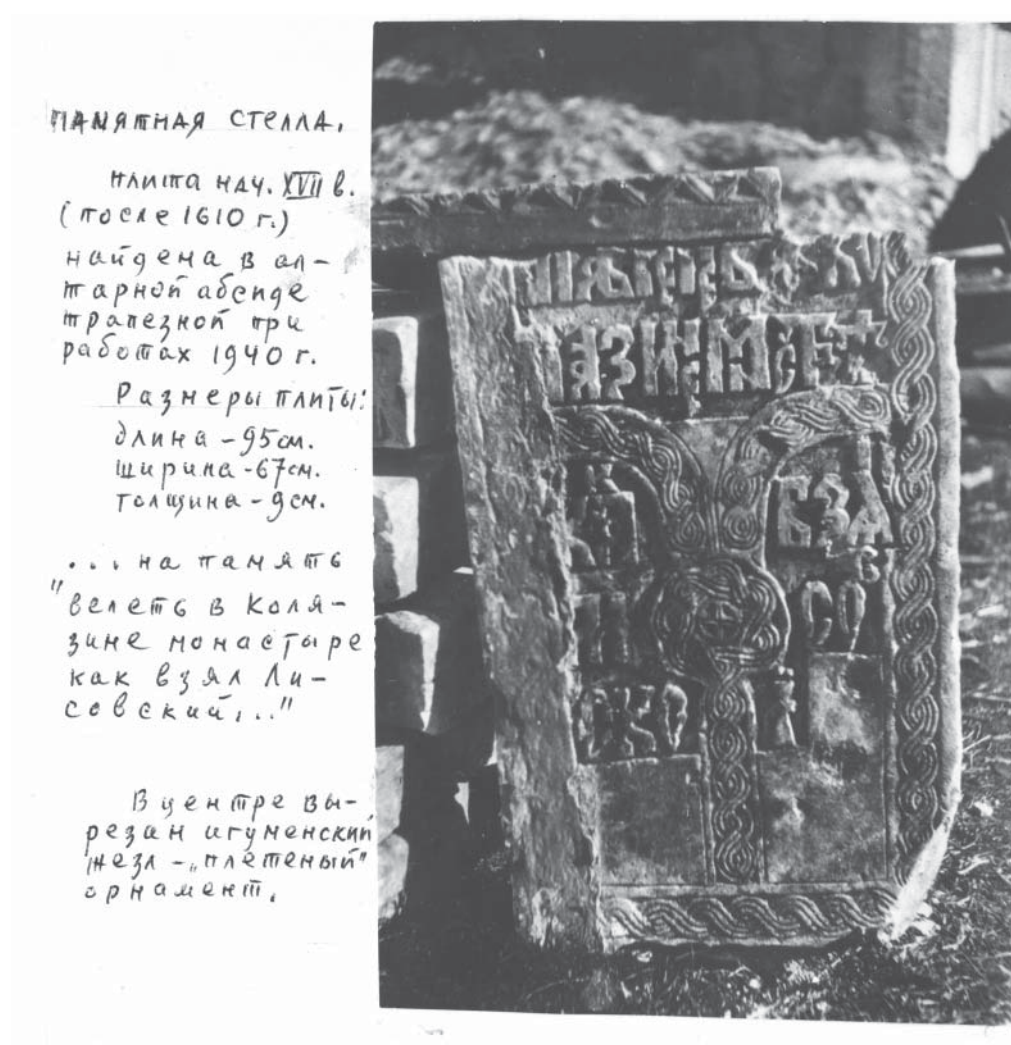

Рис. 1. Белокаменное надгробие с эпитафией Левкию в кладке алтарной апсиды трапезной Троицкого собора Калязина монастыря. Фото. ГНИМА им. А.В. Шусева. Отдел хранения архитектурных архивов. Ф. 52. Оп. 1. Д. 28. КПоф 4804/28. Карт. 1

Описание носителя. Нижняя часть белокаменной надгробной плиты трапециевидной формы, украшенная по периметру плетеным узором в три перевива. Длина плиты 94 см, ширина в изголовьи 68 см, в изножьи 61 см, высота 9 см. В центральной части плиты вырезана розетка, окруженная плетеным узором в 7 перевивов. В центре розетки вырезан круг с изображением четырехконечного креста в центре. От нижней части плиты отходит центральная тяга, от центральной части отходят два боковые тяги, смыкающиеся у розетки. Тяги составлены из плетеного орнамента: центральная – в 5 звеньев, боковые – в 6. Узор отделен от поля врезной рамкой. Верхняя и нижняя части плиты спилены. На поверхности плиты немногочисленные выбоины. На левой и правой боковых гранях плиты

сохранились остатки орнамента в виде ряда крупных равносторонних треугольников, орнаментированных по контуру двойными врезными полосами. Вершины треугольников попеременно обращены вершинами вверх и вниз. В целом данные черты орнаментации характерны для плит конца XVI – начала XVII в.⁵, в то время как украшение центра розетки четырехконечных крестом в известной степени является уникальным для этого времени.

Описание надписи. Эпиграфическое поле, занимающее верхнюю и нижнюю части плиты, разделено боковыми тягами. Надпись в 6 строк, из которых утрачена одна. Обронная резьба, выполненная путем выборки фона вокруг границ букв. Надпись выполнена по графье.

Рис. 2. Белокаменное надгробие с эпитафией Левкию. Общий вид. ККМ

⁵ Вишневский 2013, 132, 136–137.

Транскрипция надписи:

[ЛѢТА 7118 МАИЯ В 6 ДЕНЬ ПРЕСТАВИС]
 РА РА^К Б[Ж]ЕИ ЛЕВ[КН] РА В КО
 ЛАЗНИИ МНСТР^К
 (КОКОВЫЕ ТЯГИ)
 К^КА (КОКОВЫЕ ТЯГИ) ВЗ^А
 ЛН (РОЗЕТКА) С^О
 СКО (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЯГА) І

Особенности структуры. В эпитафии присутствует указание на благую кончину Левкия («преставился раб Божий»), но факт его насильственной смерти не отражен, хотя, что необычно для старорусских эпитафий, упоминается факт взятия Калязина монастыря Лисовским. Не упоминается иноческий сан Левкия.

Рис. 3. Белокаменное надгробие с эпитафией Левкию. Верхняя грань. ККМ

Палеографический комментарий. Эпиграфический полуустав высокого качества с обилием лигатур. Диакритика нерегулярная, разделение на слова отсутствует. Шрифт надписи имеет тенденцию к вычурности начертаний букв: верхняя перекладина букв **Л** (стк. 4) и **Л** (стк. 3, 5) завершена зигзагообразным украшением, окончание нижней петли буквы **З** (стк. 3, 4) выполнено в виде вертикально стоящего треугольника, концы перекладин букв **Т** и **К** (стк. 3) украшены завитками, буква **І** (стк. 6) перехвачена в центре шаровидным утолщением. Выносная буква **Ъ** (стк. 1, 5) в виде двух изолированных петель.

Лигатуры: стк. 2 — **лк** в слове «**рлк**» (не исключено лигирование словосочетания «**рлк** **[КЖ]и**»), **лв** в словосочетании «**лв****[ки]****лв**»; стк. 3 — **ли** и **ни** в слове «(Ко)**лиазни**», **ми** и **тр** в слове «**мнстрѣ**»; стк. 5 — **ли** в слове «**лиѡ**(ской)».

Контрактуры: **мнстрѣ** (стк. 3).

Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: **кл** (стк. 4). Оформление окончаний строк с помощью выносных букв: **лиѡ**(ской) (стк. 5).

Ошибка резчика: едва намеченное титло в слове «**мнстрѣ**» (стк. 3).

Филологический комментарий. Сокращенное написание сочетаний «согласный + Ъ» или «согласный + Ь»: **кл** (стк. 4). В слове «**лиѡ**(ской)» (стк. 5–6) И-десятичное играет роль И-краткого. Варьирование Е и Ё: **в** **колизни** **мнстрѣ** (стк. 2–3). Личные имена. Обыденное написание календарного имени «Левкій»: «**лв****[ки]****лв**» (стк. 2).

Как уже говорилось, по упоминанию имени Лисовского эпитафия может быть датирована 1610 г., однако для определения точной даты смерти Левкия принципиальное значение имеет день взятия «лисовчиками» Калязина монастыря. Из Бельского летописца известно, что Лисовский, проведший зиму в Суздалье, двинулся к Калязину монастырю весной⁶. Согласно Мартину Бера, Лисовский «оставил Суздаль в мае месяце, и, сделав большой круг, вышел к Пскову»⁷. Автор пользовался григорианским календарем, и, следовательно, выдвижение «лисовчиков» на Псков началось не ранее 21 апреля по принятому на Руси юлианскому стилю. Н.М. Карамзин принял датировку М. Бера, отметив лишь, что по пути на Псков отряд Лисовского сжег и разграбил Калязин монастырь⁸. Мнению Н.М. Карамзина следовал и польский историк М.Г. Дзядушский⁹. Вероятно, впервые майскую датировку событий предложил безымянный автор исторического описания Калязина монастыря, изданного в 1853 г. Но он сослался на «Историю Смутного времени» Д.П. Бутурлина¹⁰, где точная дата разорения обители отсутствует. В исторических сочинениях, изданных позднее, дата разорения обители не указывается¹¹. В современной историографии принята дата 2 мая 1610 г.¹², однако ее источник не указывается. Точную датировку событий дает Кормовая книга Калязина монастыря, где под 2 мая записана соборная панихида «**по дѣдѣ оу жерлицѣ**», а

⁶ ПСРЛ. 34, 254.

⁷ Бер 1859, 107.

⁸ Карамзин 1829, 163, прим. 12.

⁹ Dzeduszycki, 1843, 72–73.

¹⁰ Описание Троицкого Калязина монастыря (1853), 62–63.

¹¹ Бутурлин 1846, 130; Макарий (Булгаков) 1996, 134; Лебедев 1867, 10–11; Павел (Крылов, 1897, 29.

¹² Леонтьев 2017, 123; Зорин 2017, 94.

под 6 мая – соборная панихида «по оуби́и́и ѿно́кѣ въ кола́зникѣ»¹³. Таким образом, датой гибели Левкия является 6 мая 7118/1610 г.

Просопографический комментарий. 2. лѣв[кн]и. В современной историографии Левкий отождествлен с неназванным по имени игуменом, согласно Новому летописцу убитым во время разорения Калязина монастыря «лисовчиками». Вероятнее всего, это представления восходит к «Спискам настоятелей» П.М. Строева, где указано, что игумен Левкий был убит в 1610 г.¹⁴

Тем не менее, вопрос о времени игуменства Левкия не решается столь однозначно. Самая ранняя дата его настоятельства (отмеченная П.М. Строевым) относится к 1 августа 1598 г., когда настоятель поставил подпись под соборным решением об избрании Бориса Годунова на царство¹⁵. В списке игуменов Калязина монастыря А.Н. Лебедев упоминает Левкия под 1606 г.¹⁶ Эти же данные повторил иером. Павел (Крылов)¹⁷. В актах Калязина монастыря игумен Левкий упоминается дважды – под 29 июня 1599 г. и в 1605/1606 г.¹⁸

Я.В. Леонтьев обратил внимание на то, что в апреле-мае 1609 г. настоятелем монастыря был «тушинский» игумен Феодосий, который с появлением под Калязинским монастырем М.В. Скопина-Шуйского «каким-то образом был сведен с игуменства и замещен игуменом Левкием»¹⁹. Однако смена настоятеля без благословения епархиального архиерея не была каноничной, тем более, что архиепископ Тверской и Кашинский Феоктист в 1606 г. был отправлен в Тушинский лагерь и спустя два года при попытке к бегству убит. Вопрос о том, кто возглавлял Тверскую кафедру в 1608–1613 гг. не решается однозначно. В современной историографии преобладает точка зрения, видимо, восходящая к митр. Макарию (Булгакову), что кафедра вдовствовала вплоть до 1613 г.²⁰ Однако архиеп. Григорий (Постников), возглавлявший в 1831–1848 гг. Тверскую епархию, отметил, что в 1608 г. патриарх Гермоген рукоположил в епископы Тверские и Кашинские Пафнутия²¹, но в Утвержденной грамоте об избрании Михаила Федоровича на царство его подписи нет²². Согласно же П.М. Строеву, Пафнутий был хиротонисан в архиепископы Тверские и Кашинские в 1620 г. из игуменов Нижегородского Дудина монастыря²³. По мнению прот. К.К. Чередеева, после гибели Феоктиста местоблюстителем Тверской кафедры был назначен архиепископ Архангельского собора Арсений Элассонский²⁴. Ряду историков первой половины XIX в. пребывание Арсения Элассонского на Тверской кафедре казалось сомнительным²⁵. Тем не менее, пребывание Арсения Элассонского на Тверской кафедре подтверждались источниками, известными еще прот. К.К. Чередееву, – надписью на антиминсе из

¹³ ТГОМ КЗМ ОФ. № 909. Л. 205 об., 209.

¹⁴ Строев 1877, 448.

¹⁵ АИ. II (1836), 47, № 7.

¹⁶ Лебедев 1867, 113.

¹⁷ Павел (Крылов) 1897, 100.

¹⁸ АТКМ, 114, № 114; 193–194, № 188.

¹⁹ Леонтьев, 2017, 160–161.

²⁰ Макарий (Булгаков), митр. 1996, 128; ср. Леонтьев 2017, 160; Устинова 2018, 96.

²¹ [Григорий] 1891, 31.

²² УГ, 75.

²³ Строев 1877, 443.

²⁴ Череев 1859, 72–73.

²⁵ Амвросий (Орнатский) 137; [Григорий] 1891, 31.

Тверского Оршина монастыря, датированном 15 марта 1613 г.²⁶, и Соборной грамотой русских иерархов, данной в июле того же года Строгановым, где Арсений подписался с титулом «архиепископ Архангельский и Тверский и Кашинский»²⁷. Их аутентичность подтвердила публикация в 1899 г. «Слова на успение блаженнейшего отца нашего Арсения, архиепископа Суздальского», созданного на греческом языке в первой половине XVII в., где сообщается, что святитель, будучи «в Твери на епископии соборную церковь во имя Преображения <...> древнюю и пришедшую в упадок <...> устроил и возобновил <...> и назначил к ней протоппа и священников, и протодиакона, и иеродиакона, клириков, и певцов, и чтецов <...> и после возобновления этой соборной церкви <...> он прожил там на архиепископии не много времени: сначала два года и десять месяцев, а вторично около двух месяцев»²⁸. В 1615 г. Арсений был рукоположен в архиепископы Суздальские и Тарусские и, следовательно, начало его управления Тверской епархией не может быть датировано ранее марта 1613 г.²⁹ Таким образом, у нас нет достоверных сведений о назначениях архиереев на Тверскую кафедру с 1608 по март 1613 г. и, следовательно, любые смены настоятелей монастырей в этот период были невозможны.

Поименный список воевод и иноков Калязина монастыря, убитых «лисовчиками» известен из Синодика Костромского Богоявленского Анастасиина монастыря. Впервые известие об этой записи появилось в изданном в 1837 г. очерке истории Богоявленской обители³⁰. С тех пор обращение к этому известию стало общим местом в трудах по истории Калязина монастыря³¹. Однако в данной публикации были указаны только имена воевод с ошибкой, приведшей к появлению «братьев»-воевод Ильи и Григория, а среди погибших иноков указан только Никон и общее количество — 68 человек. Более точное изложение этой записи, приведенное И.В. Баженовым, — «воевода Давид Жеребцов, князь Иван, Григорий и 68 человек монастырской братии»³² — позднейшим исследователям осталось неизвестным.

Приведем запись в Синодике полностью³³:

ИВѢТННЫЕ ѿ ГДРѢВЫ НЗМѢННИКОВЪ И ѿ ЛНГѢСКИ ЛНДѢ ВЪ КОЛѢЗНИКѢ
МНТРѢ . ВОЕВОДЫ . ДАВЫДА ЖЕРЕБЦОВА³⁴ . КНѢЗЯ ИВАННА . ГРИГОРѢ .
БРАТА . ИНОКА , НИКОНА . ИНОКА , ЛЕКІЯ . ИНО , ПАКІЯ . ИНО , ІОНУ
 . ИНО СЕРГІА . СЦЕННОИНОКА КИРИЛА . СЦЕННОИНОКА ДІАКОНА , ІОНУФА .
СЦЕННОИНОКА , НАСАФА . СЦЕННОИНОКА , ДІОНИСІА , СЦЕННОИНОКА БАНА ,

²⁶ Упоминается также: Веригин 1913, 14.

²⁷ ААЭ. III (1856), 7, № 5.

²⁸ Дмитриевский 1899, 297–298.

²⁹ Ср.: Маштафаров, Флоря 2001, 442–443. Тем не менее, в Утвержденной грамоте об избрании Михаила Федоровича на царство (май 1613) Арсений подписался с титулом «архиепископ Архангельский» (УГ, 76).

³⁰ Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX в. (1837), 45.

³¹ Лебедев 1867, 10–11; Павел (Крылов) 1897, 29; Леонтьев 2017, 123; [Димитрий (Самбикин)] 1908, 52.

³² Баженов 1897, прил., 102.

³³ ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 560. Л. 175 об. – 176.

³⁴ В рукописи вписано другим почерком над строкой.

⁴⁰ ПСРЛ. 34 (1978), 254.

ними крѣпко» (НЛ), но «лисовчики» «монастырь взяша взятъемъ» (НЛ) «и многое кровопролитие и поруганье над крестьяны учинили» (БЛ): «воеводу ж Давыда Жеребцова и игумена и братью и всѣхъ людей побиша» (НЛ), а «монастырь выжгоша» (НЛ).

В разрядах Смутного времени назначения воевод под Калязин монастырь отсутствуют⁴¹, но из названных в Синодике имен отождествлению поддаются два. Первый, как уже говорилось выше, это – Давыд Жеребцов. Второй воевода в списке – князь Иван Андреевич Щербатов, который, согласно родословным росписям этого рода, поданным в Рязрядный приказ в 1682 и 1686 гг., был убит поляками в Калязине монастыре. Помимо брата Михаила, иных братьев он не имел⁴². Личность третьего воеводы, Григория, идентифицировать не удастся. Имена воевод в Синодике перечислены с нарушением местнического порядка, что позволяет говорить о том, что князь Иван Щербатов и Григорий были воеводами в Кашине и руководили обороной Калязина монастыря, а Давыд Жеребцов вел отряд на помощь осажденным.

Поскольку Синодик Калязина монастыря разделяет по времени гибель Д.В. Жеребцова и разорение обители «лисовчиками», совмещение источников позволяет восстановить следующую последовательность событий. При подходе к Калязину монастырю Лисовский разделил отряд, оставив казаков Просовецкого в засаде на подходе к обители, сам же во главе основных сил начал ее осаду. М. Дзядушский дополнил скупые строки летописей яркими подробностями, взятыми из польских источников, которые сообщают, что Д. Жеребцов вел к Калязину монастырю 13-тысячное войско⁴³. Исходный пункт его маршрута неизвестен. Одно из последних упоминаний воеводы относится к концу февраля – началу марта 1610 г., когда он освобождал от отрядов Сапеги Дмитров⁴⁴. На подступах к обители 2 мая русское войско было внезапно атаковано численно уступавшими (по данным М. Дзядушского) казаками и рассеяно «по лесам и бездорожьям», а плененный Д. Жеребцов был обезглавлен по приказу Лисовского как «изменник и предатель».

Державший оборону обители князь Иван Щербатов участвовал в боях – в 1589 г. он был назначен к участию в шведском походе, в 1604 г. вместе с братом Михаилом был послан против Лжедмитрия I, в марте 1608 г. участвовал в осаде Калуги⁴⁵, но управленческого и командного опыта не имел. Монастырь – надо воздать должное его защитникам – выдержал четырехдневную осаду и был взят штурмом только 6 мая. М.Г. Дзядушский, восторгавшийся зверствами Лисовского в Московии, отмечает, что игумен с братией и множество пленных защитников были выведены на берег Волги и изрублены казаками, так что ее воды покраснели от обилия крови⁴⁶. Синодик Костромского Богоявленского монастыря дополняет картину погрома известием о шести иноках, зарезанных «лисовчиками» в монастырской больнице.

⁴¹ Белокуров 1907.

⁴² Родословная князей Щербатовых (1789), 23.

⁴³ А.В. Зорин небезосновательно считает, что численность русского войска в польских источниках сильно завышена (Зорин 2017, 94).

⁴⁴ Леонтьев 2017, 122.

⁴⁵ БС. 1, 256, 275; 2, 58.

⁴⁶ Dzieduszycki 1843, 73.

«Лисовчики» взяли в обители богатую добычу – «многоцѣлебная мощи чудотворца Макарія Колязинскаго изъ раки серебряные повергоша на землю, и раку разсѣкоша» (НЛ), «чюдотворных икон оклады и приклады пограбили, и казну великую и несметную всю взяли» (БЛ). Шведский историк Юхан Видекинд, издавший в начале 60-х гг. XVII в. «Историю десятилетней шведско-московитской войны», уточнил, что в руки к «лисовчикам» попали 60 тысяч золотом или (в латинском варианте книги) шесть бочек с золотом⁴⁷. Я.В. Леонтьев считает, что добычей «лисовчиков» стали также богатые богослужебные одеяния, незадолго до этого пожалованные в обитель Василием Шуйским⁴⁸.

Таким образом, надгробие с эпитафией Левкию в комплексе с иными источниками дополняет одну из трагических страниц истории Троицкого Макарьева Калязина монастыря в Смутное время.

ЛИТЕРАТУРА

- Амвросий (Орнатский), иером. 1807: *История Российской иерархии*. I. М.
- Баженов, И.В. 1897: Сорок два старинных сборника Костромского Богоявленского монастыря. В сб.: *Костромская старина*. 4. Кострома, 68–219.
- Белокуров С.А. 1907: *Разрядные записи за Смутное время (7113–7123 гг.)*. М.
- Бер, М. 1859: *Летопись Московская*. В кн.: Н.Г. Устрялов (изд.), *Сказания современников о Димитрии Самозванце*. 1. Изд. 3-е. СПб, 11–143.
- Бутурлин, Д.П., 1846: *История Смутного времени в России в начале XVII века*, 3. СПб.
- Видекинд, Ю. 2000: *История десятилетней шведско-московитской войны*. М.
- Вишневский, В.И. 2013: Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология. В сб.: *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара*. 9. М., 125–139.
- [Григорий, митр.] 1891: *Тверские епископы. Материалы для истории Русской Церкви*. Тверь.
- [Димитрий (Самбикин), архиеп.] 1908: *Тверской патерик. Краткие сведения о местно чтимых святыях*. Казань.
- Дмитриевский, А. 1899: Арсений, архиепископ Елассонский (Суздальский тож), и его вновь открытые исторические мемуары. В сб.: *Труды КДА* 1, 268–299.
- Зимин, А.А. 1963: К изучению восстания Болотникова. В сб.: В.И. Шунков (ред.), *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова*. М., 203–212.
- Зорин, А.В. 2017: *Лисовчики. Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени*. М.
- Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX в. (1837)*. СПб.
- Карамзин, Н.М. 1829: *История государства Российского*. XII. СПб.
- «Кормовая книга» Колязина монастыря (1892). Тверь.
- Лебедев, А.Н. 1867: *Описание Троицкого Калязина мужского первоклассного монастыря Тверской епархии*. Ярославль.
- Леонтьев, Я.В. 2017: «Ближней приятель, боярин и воевода»: М. В. Скопин-Шуйский и его армия. М.
- Макарий (Булгаков), митр. 1996: *История Русской церкви* VI. 1. М.

⁴⁷ Видекинд 2000, 116.

⁴⁸ Леонтьев 2017, 173.

- Маштафаров, А.В., Флоря, Б.Н., 2001: Арсений Элассонский. В кн.: *ПЭ*. III. М., 442–443. *Описание Троицкого Колязина монастыря* (1853). Тверь.
- Павел (Крылов), иером. 1897: *Троицкий Колязин первоклассный мужской монастырь*. Калязин.
- Родословная князей Щербатовых (1789). В кн.: *ДРВ* IX. М., 1–190.
- Строев, П.М. 1877: *Список иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви*. СПб.
- Устинова, И.А. 2018: Архиерейский корпус Русской Церкви в 1598–1619 гг.: состав и динамика. В сб.: К.А. Аверьянов (ред.), *Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия. Материалы конференции, посвященной 400-летию Деулинского перемирия*. М., 92–98.
- Чередеев, К. прот., 1859: *Биографии Тверских иерархов от начала существования Архиерейской кафедры в г. Твери и до ныне*. Тверь.
- Чертовских, Е.В. 2010: *Калязин*. Б. м.
- [Шереметевский, В.Н.] 1914: *Русский провинциальный некрополь*. 1. М.
- Dzieduszycki, M.Hr. 1843: *Krótki rys dziejów i spraw Lisowszyków*. I. Lwow.

REFERENCES

- Amvrosy (Ornatsky), hierom. 1807: *Istoriya Rossiyskoy ierarhii*. [*The History of the Russian hierarchies*]. I. Moscow.
- Bazhenov, I.V. 1897: Sorok dva starinnykh sbornika Kostromskogo Bogoyavlenskogo monastyrya [Forty-two ancient collections of the Bogoyavlensky monastery in Kostroma]. In: *Kostromskaya starina* [*Antiquities of the Kostroma*]. 4. Kostroma, 68–219.
- Belokurov, S.A. 1907: Razryadnye zapisi za Smutnoe vremya (7113–7123 gg.), [*Discharge Records for the Time of Troubles (7113–7123 years)*]. Moscow.
- Ber, M. 1859: Letopis' Moskovskaya [A Chronicle of Moscow]. In: N.G. Ustryalov (ed.), *Skazaniya sovremennikov o Dimitrii Samozvantse* [*Legends of contemporaries about Dimitri the Impostor*]. 1. Saint Petersburg, 11–143.
- Buturlin, D.P. 1846: *Istoriya Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka* [*The History of the Time of Troubles in Russia in the early XVII century*]. Saint Petersburg.
- Cheredeev, K., archpriest, 1859: *Biografii Tverskikh ierarkhov ot nachala sushchestvovaniya Arkhiereiskoy kafedry v g. Tveri i do nyne* [*Biographies of Tver hierarchs from the beginning of the Bishops' Department in Tver to the present day*]. Tver.
- Chertovskikh, E.V. 2010: *Kalyazin*. Without place of publication.
- [Dimitry (Sambikin), arhbish.] 1908: *Tverskoi paterik. Kratkie svedeniya o mestno chtimyh svyatykh* [*Pateric of Tver: Brief information on locally honored saints*]. Kazan.
- Dmitrievsky, A. 1899: Arseny, arkhiepiskop Elassonsky (Suzdal'sky tozh), i ego vnov' otkrytye istoricheskii memuary [Arseny, Archbishop of Elasson (Suzdal also), and his newly discovered historical memoirs]. In: *Trudy Kievskoy Dukhovnoy Akademii* [Proceedings of the Kiev Theological Academy] 1, 268–299.
- Dzieduszycki, M.Hr. 1843: *Krótki rys dziejów i spraw Lisowszyków*. I. Lvov.
- [Grigory, mitr.] 1891: *Tverskie episkopy. Materialy dlya istorii Russkoi Tserkvi* [*Bishops of Tver. Materials for the history of the Russian Church*]. Tver.
- Istoricheskie izvestiya o Kostromskom vtoroklassnom Bogoyavlenskom monastyre s 15 po 19 v.* [*Historical news about the second class Bogoyavlensky of the Kostroma monastery from the 15th to the 19th cent.*] (1837). Saint Petersburg.
- Karamzin, N.M. 1829: *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [*The History of the Russian state*]. 12. Saint Petersburg.
- “*Kormovaya kniga*” Kolyazina monastyrya [“*Forage Book*” of the Kolyazin monastery] (1892). Tver.

- Lebedev, A.N. 1867: *Opisanie Troitskogo Kalyazina muzhskogo pervoklassnogo monastyrya Tverskoy eparkhii* [Description of the Troitskiy Kalyazin male first-class monastery of the diocese of Tver]. Yaroslavl.
- Leontyev, Y.V. 2017: "Blizhney priyatel', boyarin i voevoda": M.V. Skopin-Shuiskii i ego armiya ["The Near-man, the boyar and voivode": M.V. Skopin-Shuysky and his army]. Moscow.
- Makary (Bulgakov), mitr. 1996: *Istoriya Russkoy Tserkvi* [The History of Russian Church]. VI.1. Moscow.
- Mashtafarov, A.V., Florya, B.N. 2001: Arseny Ellassonsky [Arseny of Ellasson]. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. III. Moscow, 442–443.
- Opisanie Troitskogo Kolyazina monastyrya* [Description of the Trinity Kolyazin monastery] (1853). Tver.
- Pavel (Krylov), hierom. 1897: *Troitsky Kolyazin pervoklassny muzhskoy monastyr'* [The Trinity Kolyazin first-class male monastery]. Kalyazin.
- Rodoslovnaya knyazei Sherbatovykh [Genealogy of the princes Shcherbatovy] (1789). In: *Drevnyaya rossiiskaya vivliofika* [Ancient Russian vivliothics]. IX. Moscow, 1–190.
- [Sheremetevsky, V.N.] 1914: *Russky provincial'ny nekropol'* [Russian provincial Necropolis]. 1. Moscow.
- Stroeve, P.M. 1877: *Spisok ierarkhov i nastoyateley monastyrey Rossiiskiya Tserkvi* [List of hierarchs and abbots of monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg.
- Ustinova, I.A. 2018: Arkhiereisky korpus Russkoy Tserkvi v 1598–1619 gg.: sostav i dinamika [Bishops' corpus of the Russian Church in 1598–1619: composition and dynamics]. In: K.A. Averyanov (ed.), *Deulinskoe peremirie 1618 g.: vzglyad cherez chetyre stoletiya. Materialy konferentsii, posvyashchennoy 400-letiyu Deulinskogo peremiriya* [Truce of Deulino in 1618 year: a view across four centuries. Materials of the conference dedicated to the 400th anniversary of the truce of Deulino]. Moscow, 92–98.
- Videkind, Yu. 2000: *Istoriya desyatiletnei shvedsko-moskovitskoy voyny* [The ten-year history of the Swedish-Muscovite war]. Moscow.
- Vishnevsky V.I. 2013: Ornament belokamennykh srednevekovykh nadgrobiy Troitse-Sergieva monastyrya: analiz i khronologiya [Ornament of white stone medieval tombstones of the Trinity Monastery of St. Sergius: analysis and chronology]. In: *Arkheologiya Podmoskov'ya. Materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of Moscow Region. Materials of the scientific seminar]. 9. Moscow, 125–139.
- Zimin, A.A. 1963: K izucheniyu vosstaniya Bolotnikova [Study of the Bolotnikov's revolt]. In: V.I. Shunkov (ed.), *Problemy obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii i slavyanskikh stran. Sbornik statey k 70-letiyu akad. M.N. Tikhomirova* [Problems of the social and political history of Russia and Slavic countries. Collection of articles in honor the 70th anniversary of academician M.N. Tikhomirov]. Moscow, 203–212.
- Zorin, A.V. 2017: *Lisovchiki. Aleksandr Juzef Lisovsky i ego polk v istorii Smutnogo vremeni* [Lisovczycy. Alexander Jozef Lisovsky and his regiment in the history of the Time of Troubles]. Moscow.

LEVKIY'S EPITAPH FROM THE KALYAZIN MONASTERY (CIR0695):
A LITTLE KNOWN SOURCE ON THE HISTORY OF THE TIME OF TROBLES

Alexander G. Avdeev

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia
avdey57@mail.ru

Abstract. The paper is the publication of the unique epigraphic source from the Trinity

Macarius Monastery in Kalyazin, a white-stone tomb with the epitaph of the monk Levkiy, who was killed during the destruction of monastery by the detachment of Alexander-Josef Lisowsky. Based on the Forage book from this monastery, the author dates the seizure and the death of Levkiy to May 6, 1610. Levkiy was the Father Superior of the monastery in 1586–1608, but he lived alone in the end of his life. The author reconstructs the events leading to the ruin of the monastery. For the first time he publishes an excerpt from the Synodikos of the Bogoyavlensky Convent (Theophany Convent, Kostroma), which listed the names of the defenders of the Kalyazin monastery, killed by the “lisovchiki”.

Keywords: epigraphy of Moscow Rus, Trinity Macarius Monastery, Kalyazin, the Time of Troubles, David Zhrebtsov, Ivan Shcherbaty, Alexander-Josef Lisovscky

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	–	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Санкт-Петербург
АИ	–	Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург
АМА	–	Античный мир и археология. Саратов
АТКМ	–	Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. М.–СПб., 2007
БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь – Керчь
БС	–	Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. 1–2. М., 1979
ВВ	–	Византийский временник. Москва
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ВИИАЭ	–	Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала
ГАКО	–	Государственный архив Костромской области
ГАРК	–	Государственный архив Республики Крым
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ДРВ	–	Древняя Российская Вивлиофика, издаваемая Н. Новиковым. Москва
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ККМ	–	Калязинский краеведческий музей им. И.Ф. Никольского.
КСИА	–	Краткие сообщения института археологии. Москва
МАИЭТ	–	Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь–Керчь
МБ(Н)ААЭ	–	Материалы Березанской (Нижебугской) античной археологической экспедиции. I–II. СПб
МЖЭО	–	Международный журнал экспериментального образования
МИАСК	–	Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
НАВ	–	Нижеволжский археологический вестник. Волгоград
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
ПЭ	–	Православная энциклопедия. Москва
РА	–	Российская археология. Москва
РГВИА	–	Российский государственный военно-исторический архив, Москва
САИ	–	Свод археологических источников. Москва
СА	–	Советская археология. Москва
СГМИИ	–	Сообщения Государственного музея изящных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
ТГЭ	–	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
УГ	–	Утверженная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906
AAASH	–	Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AJA	–	American Journal of Archaeology. Boston
BJb	–	Bonner Jahrbücher. Bonn
CB	–	Cahiers de Byrsa
CIR	–	Корпус русских надписей (Corpus inscriptionum Rossicorum)
DOC 2/2	–	Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. II. Phocas to Theodosius III. 602–717. Pt. 2. Heraclius Constantine to Theodosius III. (641–717). Washington, 1993

DOC 3/1	–	Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III. Leo III to Nicephorus III. 717–1081. Pt 1. Leo III to Michael III (717–867). Washington, 1993
DOC 3/2	–	Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III. Leo III to Nicephorus III. 717–1081. Pt 2. Basil I to Nicephorus III (867–1081). Washington, 1993
FiA	–	Forschungen in Augst
IOSPE	–	Inscriptiones Oris Septentrionalis Ponti Euxini
JGS	–	Journal of Glass Studies
KJb	–	Kölner Jahrbuch. Berlin
PAM	–	Polish Archaeology in the Mediterranean. Warsaw
RGZM	–	Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz. Mainz
ZASA	–	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig

СОДЕРЖАНИЕ

Алексею Андреевичу Завойкину – 60 лет	5
<i>Чистов Д.Е.</i> (Санкт-Петербург), <i>Монахов С.Ю.</i> , <i>Кузнецова Е.В.</i> (Саратов) – Амфоры первой половины – середины VI в. до н.э. из раскопок Березани	8
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Берлин) – Римские стеклянные сосуды середины I – середины III вв. н.э. из сарматских погребений Волго-Донского междуречья, Нижнего Поволжья и Южного Урала	25
<i>Дорошко В.В.</i> (Севастополь) – Римское военное снаряжение из раскопок на Гераклейском полуострове	69
<i>Нечипорук А.А.</i> , <i>Черненко В.Г.</i> (Ростов-на-Дону) – Железный перстень со вставкой из грунтового некрополя Ростовского городища	79
<i>Евдокимов П.А.</i> (Москва) – Святылище Ксенофонта и Олимпийский Совет: «Аттическая пчела» в тенетах пелопоннесской политики	91
<i>Ворошилов А.Н.</i> , <i>Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Особенности формирования некрополя Фанагории в свете открытий последних лет	101
<i>Ильяшенко С.М.</i> (хут. Недвиговка), <i>Преснова Н.Н.</i> (Владимир) – Постройка 13 пост-полемоновского времени на городище Танаис	106
<i>Быковская Н.В.</i> (Керчь), <i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – Следы ортогонального размежевания в Восточном и Северо-Западном Крыму. Античность или XIX век?	126
<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Этюд по нумизматике Северного Причерноморья III в. до н. э.	140
<i>Кузнецов В.Д.</i> , <i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Урбанистика и домостроительство средневековой Фанагории	153
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Солид Льва III Исавра из Фанагории	171
<i>Белявская О.С.</i> (Уфа) – Ременная гарнитура с раннесредневековых поселенческих памятников Республики Башкортостан	186
<i>Гаджиев М.С.</i> , <i>Таймазов А.И.</i> , <i>Будайчиев А.Л.</i> , <i>Абдулаев А.М.</i> , <i>Абиев А.К.</i> (Махачкала) – Раннемусульманский некрополь в Дербенде (Баб ал-абвабе)	202
<i>Сакания С.М.</i> (Сухум), <i>Требелева Г.В.</i> (Москва) – Храм в селе Пшоухуа	227

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

<i>Орехов Р.А.</i> (Москва) – Мемфис и проблема становления египетского государства ...	238
---	-----

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Авдеев А.Г.</i> (Москва) – Эпитафия Левкию из Калязина Монастыря (CIR0695): мало-известный источник по истории Смутного времени	258
--	-----

CONTENTS

In honour of A.A. Zavoykin	5
<i>D.E. Chistov</i> (Saint Petersburg), <i>S.Yu. Monakhov</i> (Saratov) – Amphoras of the First Half and Mid 6 th Century BC. from Berezan Island	8
<i>M.Yu. Treister</i> (Berlin) – Roman Glass Vessels of the mid-1 st – mid-3 rd Centuries AD from the Sarmatian Burials of the Volga-Don Interfluvium, Lower Volga Basin and South Urals	25
<i>V.V. Doroshko</i> (Sevastopol) – Roman Military Equipment from the Excavations on Heracleian Peninsula	69
<i>A.A. Nechiporuk</i> , <i>V.G. Chernenko</i> (Rostov-on-Don) – An Iron Ring with Intaglio from the Necropolis of the Rostov Settlement.....	79
<i>P.A. Evdokimov</i> (Moscow) – The Xenophon's Sanctuary and the Olympic Council: The "Attic Bee" in the Trap of the Peloponnesian Politics	91
<i>A.N. Voroshilov</i> , <i>O.M. Voroshilova</i> (Moscow) – Features of the Phanagorian Necropolis' Formation in the Light of Recent Discoveries	101
<i>S.M. Ilyashenko</i> (Nedvigovka), <i>N.N. Presnova</i> (Vladimir) – Building 13 in Tanais of the Post-Polemo Period.....	106
<i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol), <i>N.V. Bykovskaya</i> (Kerch) – Traces of Orthogonal Land Division in the Eastern and Northwestern Crimea: Ancient Times or the 19 th Century? ..	126
<i>A.E. Tereshchenko</i> (Saint Petersburg) – A Sketch of the 3 rd Century BC Northern Pontic Coinage	140
<i>V.D. Kuznetsov</i> , <i>S.N. Ostapenko</i> (Moscow) – Urbanistics and Domestic Building of Medieval Phanagoria	153
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>S.N. Ostapenko</i> (Moscow) – A Solidus of Leo III the Isaurian from Phanagoria	171
<i>O.S. Belyavskaya</i> (Ufa) – Belt Sets from Early Medieval Settlements in Bashkortostan	186
<i>M.S. Gadzhiev</i> , <i>A.I. Taymazov</i> , <i>A.L. Budaichiev</i> , <i>A.M. Abdulaev</i> , <i>A.K. Abiyev</i> (Makhachkala) – Early Muslim Cemetery in Derbende (Bab al-abwab).....	202
<i>S.M. Sakania</i> (Sukhum), <i>G.V. Trebeleva</i> (Moscow) – The Temple in the Village of Pshouhua	227

ANCIENT CIVILIZATIONS

<i>R.A. Orekhov</i> (Moscow) – Memphis and Formation of the Egyptian State	238
--	-----

FROM THE WORLD'S MUSEUM COLLECTIONS

<i>A.G. Avdeev</i> (Moscow) – Levky's Epitaph from the Kalyazin Monastery (CIR0695): a Little Known Source on the History of the Time of Troubles.....	258
--	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!!!!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980–1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960–1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'е* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Phaleristics] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosphorus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [Letters from the Front], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	a	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2019

Сдано в набор 26.02.2019. Подписано в печать 15.03.2019.

Дата выхода 31.03.2019.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.